

ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения

№ 5 | 2024

Гэсэр Зодбоев

| Водопой. Бронза, литьё, дерево, патина. 90х30х30.

Гэсэр Зодбоев

| Первая капель. Бронза, литьё, патина. 32х12х12. 2006 г.

ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения № 5 | 2024

В номере

- ДиН ПАМЯТЬ
- 3 Эдуард Русаков
Красноярск.
Под майским снегопадом
- 39 Николай Рябеченков
Пыль и соль на моих щеках...
- ДиН РЕВЮ
- 4 Дмитрий Косяков
Сказки про девочку Ульрику
- 68 Светлана Чураева
Шурале
- 112 Марина Саввиных
Завещание «Минотавра»
- Елена Галиаскарова
157 Сказочное
- ДиН ПУБЛИЦИСТИКА
- 5 Геннадий Малашин
(Не)забытые голоса Сибири
- ДиН ПОЭМА
- 36 Максим Лаврентьев
Хожение Богородицы
по мукам
- ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.
- 40 Владимир Набоков
Великан
- 49 Валерий Брюсов
Как листья в осень...
- 106 Владимир Луговской
Краски
- 108 Игорь Северянин
Моя Россия
- 161 Анна Ахматова
Там стану я блаженною навеки...
- 164 Сергей Есенин
Памяти Брюсова
- Илья Эренбург
178 Я так любил тебя...
- ДиН СТИХИ
- 41 Николай Алешков
Жил да был один поэт...
- 45 Александр Орлов
Когда сбываются небесные прогнозы...
- 47 Валерий Черкесов
На рубеже
- 50 Евгений Харитонов
На краю Третьей мировой
- Наталья Черных
128 Посмертная уборка
- Дмитрий Филиппенко
130 Снебапад
- Светлана Войтко
133 Исчезающие следы
- Евгения Симакова
135 Горы лечат
- Елена Галиаскарова
136 Песочный человек
- ДиН ПРОЗА
- 52 Игорь Герман
Семейный круг
- 69 Олег Лучин
Струны Этоира
- Николай Тимченко
93 Загадочное давным-давно
- ДиН ВСТРЕЧА
- 107 Татьяна Селезнёва
День Победы
- Анна Мамаенко
109 Волчьи ямы весны

Яна Цыганкова
110 И Слово было: вспомни!

Кристина Андрианова
111 Семь снов

Андрей Козырев
113 Бетонная роза

Глеб Белов
114 Солнечные блики на воде

Наталья Красюкова
115 Свобода выбирать дорогу

Юлия Скрылёва
116 Вы превратились в Солнце

Алёна Хрычёва
117 Течёт река, как голубая сталь

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ
Артавазд Сарецян
118 Неизбычно...

НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ
Ольга Никонова
120 Катились тёмные воды

БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Александр Ломтев
138 Простые люди

Александр Рязанцев
158 Корона в огне

Екатерина Дроздова
162 Защитницы искусства

Марина Курносина
165 Рыбный день

ДиН ДЕТАМ
Татьяна Романенко
170 Камешек с Ольхона

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ
Марина Саввиных
179 Междумирье Эльнары

Александр Евсюков
181 Книга пробуждений

Дарья Рычкова
183 Случайный звонок,
или Мечта девочки из «дождика»

Алексей Антонов
184 Время собирать смыслы

ДиН ДЕТИ
187 Таланты без границ

194 ДиН АВТОРЫ

ДиН ГАЛЕРЕЯ

Бронза Гэсэра Зодбоева

Гэсэр Баторович Зодбоев (1963–2008) родился в Улан-Удэ, в семье скульптора. В 1995 году он окончил Красноярский государственный художественный институт, отделение керамики, но, несмотря на это, видимо, пойдя по стопам отца, занялся бронзовым литьём.

С 1996 года Гэсэр начинает работать в Улан-Удэ в одной мастерской с Дмитрием Будажабэ. Вместе они возрождали почти утраченную древнюю бурятскую технику литья бронзы, создавали в соавторстве скульптурные композиции, помогали

Фотографии скульптур, опубликованных на обложке, любезно предоставлены «Арт-галереей Романовых» (Красноярск).

готовить первую выставку Даши Намдакову. Наиболее известными совместными проектами мастеров стали двухметровая скульптура Будды в Улан-Удэнском дацане (единственная в мире, сделанная в такой технике и такой величины) и фонтан с рыбками, тоже украшающий столицу Бурятии.

Его работы находятся в частных коллекциях России, Франции, Японии. Одна из скульптур — «Первая молитва» — находится в коллекции Его Святейшества Далай-ламы XIV.

Эдуард Русаков

Красноярск. Под майским снегопадом¹

12 сентября 2024 года ушёл из жизни выдающийся сибирский писатель, один из отцов-основателей журнала «День и ночь», Эдуард Иванович Русаков. Отдавая дань памяти незабвенному нашему другу, публикуем его статью 20-летней давности. Как это часто бывает с произведениями чутких к веяниям времени людей, статья эта и ныне звучит актуально, свежо и остро.

Редакция «ДиН»

Главным культурным событием года стало, конечно же, празднование 80-летия со дня рождения нашего земляка, замечательного русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Готовиться к этому юбилею красноярцы начали заранее. Особенно многое было сделано для создания мемориального комплекса в Овсянке, на родине писателя. Свои личные средства в строительные работы вложил губернатор края Александр Хлопонин.

И в итоге Овсянка преобразилась: обустроена набережная, открыт для посетителей дом-музей писателя, во дворе которого накануне юбилея появился первый бронзовый памятник Астафьеву, где он и Мария Семёновна (дай Бог ей здоровья) изображены сидящими на скамейке, совсем по-домашнему, босыми. Автор памятника — известный красноярский скульптор, заслуженный художник России Владимир Зеленев.

Реконструирована усадьба бабушки Катерины, воспетой в «Последнем поклоне». Восстановлен дом с прилегающими к нему надворными постройками. К сожалению, подлинных вещей с той поры практически не осталось, и вся обстановка, мебель, посуда были взяты преимущественно из краевого краеведческого музея. Тут следует особо отметить большую личную роль директора краеведческого музея Валентины Ярошевской. Некоторые старые вещи принесли местные жители.

Предъюбилейные дни были насыщены множеством разных мероприятий, связанных с именем Астафьева. Так, в красноярском Доме просвещения прошла церемония вручения премии .....

¹ Опубликовано в журнале «Вестник Европы» № 12/2004.

благотворительного фонда имени В.П. Астафьева молодым талантливым писателям Сибири. Лауреатами стали красноярский поэт Иван Клиновой (за книгу стихов «Античность»), прозаик из Кемерова Андрей Иванов (за повесть «Школа капитанов») и совсем юная писательница из Красноярска Настя Зубарева (за книгу рассказов «Так не бывает» — в номинации «Ранний дебют»). Эта престижная премия была учреждена десять лет назад по инициативе самого Астафьева, возглавляет фонд известный предприниматель Евгений Кузнецова. Среди прежних лауреатов были молодые журналисты, писатели, актёры. С этого года премия стала исключительно литературной. В эти же дни в Красноярском музейном центре состоялась презентация книги «Созвучие», изданной в Иркутске и посвящённой дружбе писателя Виктора Астафьева и музыканта Евгения Колобова. Имя Астафьева было присвоено старейшему сибирскому вузу — Красноярскому государственному педагогическому университету. Кстати, незадолго до смерти Виктор Петрович признавался ректору Николаю Дроздову: «Коля, если бы ты знал, как хотел я всегда учиться в университете...»

В драматическом театре имени А. С. Пушкина состоялась премьера спектакля «Весёлый солдат», поставленного петербургским режиссёром, лауреатом Государственной премии России Геннадием Тростянецким по мотивам произведений В. П. Астафьева. Автор пьесы, известный драматург Нина Садур, взяла за основу инсценировки повесть «Весёлый солдат» и два эпизода из романа «Прокляты и убиты». Сугубо реалистический стиль астафьевской прозы был ею круто модернизирован. Спектакль получился спорным, но выразительным и современным по форме.

Кульминацией праздника стали юбилейные торжества в Овсянке. Кстати, такого ненастного, «зимнего» Первомая местные жители не припомнят. Но ни снег, ни холодный ветер не смогли помешать красноярцам и гостям, приехавшим из разных городов России. Среди почётных гостей были знакомые в основном лица: народный артист СССР Кирилл Лавров, критик из Пскова и давний друг Астафьева Валентин Курбатов, прозаик из Санкт-Петербурга Михаил Кураев, иркутский поэт Анатолий Кобенков, кинорежиссёр-документалист Михаил Литвяков.

— Астафьев был человеком с обнажённой душой, который остро чувствовал народную боль, глубоко понимал все хорошие и ужасные черты нашего народа, — сказал на торжественном митинге Кирилл Лавров. — Когда я летел сюда в самолёте, то всю дорогу читал «Пролётного гуся», читал и плакал... Хорошо, что сегодня мы все тут собрались. Только надо, мне кажется, избегать помпезности, чтобы эти памятные места остались

такими, какими их любил Виктор Петрович. Думаю, что у вас, сибиряков, хватит такта и вкуса, чтобы эту грань не переступить...

— Виктор Петрович уходит от нас в вечность, и Овсянка становится в ряд великих русских усадеб, таких как Тарханы и Ясная Поляна, — сказал Валентин Курбатов. — Будь же благословенна эта земля, которая родила такого великого человека. Всё суетное рассыпалось и пропало, осталось одно только чистое и святое русское слово...

Потом были народные гулянья с песнями, плясками и хороводом. Тут же, на берегу Енисея, стихийно собрался хор жителей Овсянки, исполнивший старинные сибирские песни, которые любил петь Виктор Петрович.

...Много было, конечно же, в юбилейные дни и пустой болтовни, и тусовочной суеты. Мемуаристы соревновались между собой, кто больше имеет прав на звание «главного друга классика», недавние злопыхатели внезапно превращались в «духовных наследников», а некоторые газеты всю смаковали истории о бесчисленных «дочерях Астафьева», которых скоро, наверное, станет больше, чем «сыновей лейтенанта Шмидта».

Но ведь Астафьев — не из мира попсы, не Филипп Киркоров. И грешно устраивать вокруг его имени непотребный бульварный «базар». Лучше всем бы остановиться, задуматься, помолчать — и снять с полок его книги и перечитать. А то и прочесть впервые. Не секрет ведь, что даже многие из тех, кто в эти дни публично объяснялся в любви к писателю, книг его почти не читали...

ДиН РЕВЮ

Дмитрий Косяков

Сказки про девочку Ульрику

Красноярск: 2024

В книгу писателя Дмитрия Косякова вошли три повести: «Сказки про Ульрику и её волшебных родителей», «Ульрика против злых волшебников», «Ульрика в Пододеялии». Все истории, вошедшие

в книгу, объединены главной героиней — девочкой Ульрикой. Книга предназначена не только для детей, но и для взрослых, которые смогут разглядеть в ней особое послание, адресованное только им.

Геннадий Малашин

(Не)забытые голоса Сибири

Эссе двенадцатое

«Послушай, а что оставим?..»

*Красноярская поэзия конца 1950-х —
начала 1970-х годов, часть вторая*

«Мы теперь всегда будем вместе... Помянут
меня, — сейчас же помянут и тебя!..»

Конечно же, эта знаменитая булгаковская фраза
была сказана при совсем других обстоятельствах
и совсем о других литературных (да только ли
литературных?) персонажах.

Но то, что в сознании их современников и по-
следующих поколений читающих сибиряков два
этих имени, Зория Яхнина и Романа Солнцева,
оказались, в общем-то, довольно прочно сопря-
жёнными, связанными друг с другом — это несо-
мненно. Несомненно, несмотря на их безусловную
поэтическую (и человеческую) различность, не-
смотря на превратности их долгих и достаточно
непростых взаимоотношений...

Но история сложных отношений, дружбы-вра-
жды поэтов — история частная и частая. Разве
не было её у московских коллег (а может быть,
отчасти — и прототипов) наших местных ше-
стидесятников?..

Когда же читатель, слушающий рассказы оче-
видцев и размышления критиков о поэтических
«делах минувших лет» и о сохранившихся в лич-
ной и в коллективной памяти современников
«преданьях старины глубокой», запросит: «Огла-
сите же, наконец, весь список (красноярских ше-
стидесятников)!..» — тогда к этим двум именам
добавляется спикерами обычно третье имя, Аиды
Фёдоровой, а затем, после некоторой паузы, и ещё
два: Вячеслава Назарова и Владлена Белкина...

Так они, видимо, эти пять (2 + 1 + 2) имён,
и останутся рядом в пока ещё не существующей,
но наверняка написанной кем-то в будущем неко-
ей книге, которая и станет однажды источником
канонической истории сибирской (красноярской)
литературы.

Другие, не менее интересные, поэтические
имена и фамилии, прочно связанные с регионом,
здесь не называем, поскольку они возникли ли-
бо чуть раньше, либо чуть позже. Но — в иные

эпохи. В сборнике «Красноярск. День поэзии —
1967» — сорок два имени (в том числе тридцать
пять — начинающих). Это всё имена авторов, не
все из которых остались в красноярском «поэти-
ческом строю».

Как писал их современник и сотоварищ по поэ-
тическому цеху Евгений Евтушенко:

И голосом ломавшимся моим
ломавшееся время закрывало...

И ещё, он же:

И в давней, давней нерешённости,
Где столько скомкано и спутано,
Во всём — печаль незавершённости
И тяга к новому и смутному...

Один из «старших товарищей», Александр
Прокофьев, впрочем, попытается вразумить за-
равнившихся нью-шестидесятников. Чтобы выбить
почву у «птенчиков» из-под ног, он ударит по са-
мому очевидному — по «лесенке», на которой
зачастую «треугольными грушами» умещалось
их «ломавшееся время»:

Поразбивали строчки лесенкой
И удивляют белый свет,
А нет ни песни и ни песенки,
Простого даже ладу нет!
Какой там лад в стихе расхристанном
И у любой его строки —
Он, отойдя едва от пристани,
Даёт тревожные гудки.
Длинна ты, лестничка московская,
Не одолеешь до седин...
Ссылаются на Маяковского,
Но Маяковский есть один!
Ужель того не знают птенчики,
Что он планетой завладел?
Они к читателю с бубенчиком,
А он что колокол гремел.
Да и работал до усталости,
Не жил по милости судьбы,
А мы по малости, по малости,
Не пересилились кабы!

А я вот так смотрю, что смолоду
Побольше б надо пламенеть.
Ещё мы часто слово-золото
Спешим разменивать на медь.
Её, зелёную от древности,
Даём читателю на суд.
Но если к слову нету ревности,
То
десять
лестниц
не спасут!

Итак, «далеко от Москвы» (но отчасти и в Москве, как некоторые из них) все пятеро новоявленных красноярцев действительно оказались не на один год совсем рядом друг с другом, на одних газетных страницах, в одних альманахах, в одном временном, в одном молодёжно-комсомольском и идеологическо-литературном пространстве. Как сказал бы старший современник и «крёстный отец» одного из них:

...Дружили ещё с гражданской,
Ещё с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку...

Нет, конечно же, Гражданскую войну эти пятеро поэтов «хронологически» не застали, но у них у всех в жизни были не менее знаковые события. Одни и те же повороты рек и повороты истории: и целина, и Красноярская ГЭС, и «трасса мужества» Абакан — Тайшет. Да и какую-то дань каноническим советским представлениям о Гражданской войне они тоже в своей поэзии отдали, не могли не отдать, время было такое:

Они бессмертные. Я вижу их
в долинах дальних, нежилых.
Они прошли огни и выжили...
Я сквозь туманы вижу их!

И биографии у всех пятерых поначалу были до невозможного схожи — родились все в тридцатых, кто раньше (Яхнин — в 1930-м), кто позже (Солнцев — в 1939-м). Все (кроме уроженки села Назарово Аиды Фёдоровой) приехали в Красноярский край по распределению или по комсомольским путёвкам из других уголков России, все тут в итоге остались (кроме той же Аиды Фёдоровой, в конце жизни уехавшей в Подмоскowie), все начинали свой очень быстрый поэтический путь в период оттепели, все были тогда активно востребованы («мобилизованы») временем, комсомолом и читателем (хотя отношение к ним властей бывало порой неоднозначным и различным).

Да, их пятидесятые и шестидесятые, начало их семидесятых были удивительно созвучными.

Разной оказалась вторая часть их биографий — предперестроечные и перестроечные восьмидесятые, мутные девяностые и наступавший вслед за ними «другой век».

Мы памятник скорости
Поставим вскорости.
У постамента — черна черта,
На постаменте — ни черта!

И поэтическое наследие каждого из них тоже ждала разная, в общем-то, судьба. В мере ли таланта тут дело?... В краткости ли жизни кого-то из них (Вячеслав Назаров уйдёт из жизни всего в сорок два года, Солнцеву и Яхнину было отпущено по шестьдесят семь лет жизни, а дольше всех проживут Владлен Белкин и Аида Фёдорова, ушедшие от нас в 2020-м)?

Или причина — в нас самих, в читателях? В пристрастиях и капризах особой нашей, цифровой эпохи?..

Или мало оказалось у кого-то из этих авторов стихов, адресованных не советским современникам и не суетным заботам их времени, а — как положено у совсем настоящих поэтов — «вечности одной»?.. (У Пушкина в «фаустовских» набросках: «... Ведь мы играем не из денег, а только б вечность проводить!...»)

...Не зря же один из них, самый известный, самый успешный, самый именитый, спрашивал в начале своего творческого пути себя самого (ну и массового читателя, разумеется):

...Так ли живу, как надо?
Так ли верю, люблю?
Те ли упрёки, награды
Сердцем открытым ловлю?
Задумываюсь часами,
Держа в руке карандаш...
Ведь жизнь — такой экзамен,
Который не пересдашь.

...Пожалуй, именно он в составе этой пятёрки красноярских шестидесятников был наиболее непредсказуемым (или, наоборот, предсказуемым — как иронически замечали порой его собратья?), во всяком случае — был он, на первый взгляд, совсем разным в разные исторические периоды, которые на его жизнь пришлись. (В своей «Автобиографии» 2006 года, рассказывая о местах у слияния Волги и Камы, где родился, он заметит с ироническим, несколько горьковатым скепсисом: «... Но как река Кама звание великой уступила своей сестре, так и я всю жизнь привык быть на втором месте во всём, что касается вечных писательских споров: кто гений...»)

Когда мы узнали счастье в лицо,
луга задымились горячечной ягодой,
и даже истории колесо
увязло в тучах на часик радугой!
Но всё не вечно, как, скажем, перо,
которым пусть даже шедевры написаны!
Сказала: «Устала. И это старо,
и то. И вечные поиски истины...»

Да, он мог быть и был очень разным... Это под-
мечали и те многочисленные известные критики
и литераторы, что дарили ему предисловия к его
стихотворным и прозаическим сборникам или
просто писали о нём: писали много, как ни о ком
из его красноярских соплеменников.

Валентин Курбатов скажет о нём однажды,
скажет очень поэтически: «Он... разнообразен,
как бывает разнообразен обыкновенный русский
денёк с дождём и пылью, криком детей и жалобой
ветра, струнным прочерком пчелы и весёлым пры-
гом телеги по булыжнику, и со всеми простыми
чувствами этого незаметного дня, вмещающе-
го улыбку прохожего, утрату любви, нечаянное
свидание...»

Интересные слова, не правда ли?

И завершающая этот лирический монолог од-
ного из ведущих российских критиков реплика —
тоже важна: «... и так же незаметно подкравшееся
открытие, что вот прошла жизнь...»

Боже мой! Как быстро пролетела
ласточка над головой моей...
Вся полынь у дома стала белой,
стал чернее вара Енисей...
Боже мой! Как быстро прокричали
мы свои заветные слова...
Снег метёт, безлюдно на причале,
кот бездомный замер, как сова.
Боже мой! Как быстро повернулось
розовое солнце на закат.
Если б только этих милых улиц
я не покидал сто лет назад.
Больше не помогут, как бывало,
ни дела, ни с горьким зельем связь...
Боже мой, как быстро просияла...
Боже мой, как быстро пронеслась...

Да, поэт и человек Солнцев был в разные вре-
мена неуловимо разным, меняющимся, трансфор-
мирующимся, как Протей.

Ну действительно, возьмём хотя бы самое нача-
ло его биографии, тот самый исторический период,
в котором только и стоило бы, по его словам, лю-
бому поэту начинать входить в литературу. (Ин-
тервьюер спрашивает: «... Когда писать было
возможнее всего?») Солнцев отвечает: «В начале
1960-х. Стена уже начинала шататься, но зубы

у неё были ещё страшные. И была увлекательная
игра. Одна строка могла сделать вас знаменитым.
Но одна строка могла тебя и погубить...»)

«Что-то физики в почёте. Что-то лирики в за-
гоне. Дело не в сухом расчёте, дело в мировом
законе...» — вспоминали мы об этом времени
в прошлом нашем эссе. А тут — уникальный
случай: жизнь оказывается поэтичнее («парабо-
личнее», стоило бы сказать. Почему? Об этом
чуть позже...) поэзии. Физики оборачиваются
лириками. (Как тут яхнинскую царевну-лягушку
не вспомнить?..)

Поэту и психиатру Л. Тарану

Было раньше (мания величия?) —
глядя оспенно и озарённо,
вскинув длань и ничего не слыша,
заходили три Наполеона.
Глядя плечи, зарево щетины,
шли Рамзесы, Пушкины, Шекспир...
Толстенькие, жалко-невменяемые,
имена свои они меняли.

<...>

Пред тобой — иная панорама.
Или люди изменились, или?..
Но клиент назойливо, упрямо
повторяет собственное имя!
В сотый раз, хоть машешь ты рукою.
Смотрит недоверчиво на бланки.
Чтобы точно — адрес, всё такое.
И что дома, скажем, три собаки.
Повторяет имя с горьким вызовом,
словно хочет кто его отнять...
Ты угрюмо затянулся «Visant»ом.
Ничего не можешь ты понять!

В преддверии начала своей литературной био-
графии он оканчивает физмат Казанского уни-
верситета, вместе с любимой женой приезжает
по распределению в Красноярск, преподаёт в по-
литехническом институте, потом в школе, участ-
вует в геологических экспедициях, а уже позже
попробует силы как корреспондент-газетчик...

«Я ещё в школе решил, что физика и геология
для меня станут методом постижения мира, —
скажет в одном из интервью. И продолжит: — Нет,
великим самоощущением не страдал, вполне понимал,
что надежды могут не сбыться, но сочинял стихи
с безумным сладострастием...»

...Да, ещё этот физик сочинял стихи.

И — этот физик проснулся в один прекрасный
день всероссийски признанным лириком.

Это произошло в 1962-м, когда в «первомайской»
статье «Мы — май!» в «Литературной газете»
о нём и о его стихах (а ещё — о Пикассо, Неизвест-
ном, Гуттузо и о многом другом) напишет «сам»
кумир молодых российских поэтов и молодых рос-
сийских читателей Андрей Вознесенский. (Потом

современники будут вспоминать, как вместе с героем эту статью, по её выходе, то ли в Казани, то ли в Красноярске читали.)

Звериную шкуру я сбросил к чертям,
из дерева выдолбил ялики.
Я крикнул: — Быть на земле дворцам,
как каплям росы на яблоке!
Я строил. И сеял зерно. И ждал.
Я спал, укрываясь войлоком...
Я молнии, как собак, привязал
к земле железною проволокой!
Светает. За веком всё ярче век.
И ночь трясётся над смертью своею...
А я — смеюсь. Ведь я — человек.
Я — человек, умирать — не умею!

Это произошло в 1962-м, в том, когда стихи Солнцева появятся в «Смене», в ежегодном всероссийском «Дне поэзии», а в августе ещё целую подборку его стихов опубликует популярнейший в те годы журнал «Юность» (№ 8/1962), с предисловием — вдумаемся только! — маститого любимца читателей нескольких поколений, «самого» Константина Симонова.

Одно из стихотворений, напечатанных в «Юности», называлось в духе времени: «Стройка». (Оно и по содержанию было вполне созвучно эпохе, и по поэтической технике, в которой было выполнено. Оно всё один в один было в духе того поэтического времени...)

Ещё,
Ещё!
Закат красней латуни,
Кирка, того гляди, сорвётся, зля...
Мозоли, как кармашки, на ладони —
В них забивается, ржавея в кровь,
Земля.
Но ничего...
Но мы ещё посмотрим.
Минута отдыха, как ложь, горька.
Да, ничего!
Да, мы ещё поспорим!
Ночь.
Месяц в небе — гнутая кирка.
Дружней, ребята, веселее, что ли!
Что сопли распустил, эй ты,
Рабочий класс!
Нас много, тех, кому карманы, как
Мозоли,
И на руках мозоли, как карманы...
Много нас!
Греми, кирка!
Кроши слепую землю!
Сурово падай, гулко падай вниз!
Здесь будет дом.
А здесь вот будет зелень.

А вообще здесь будет
Коммунизм.

Ещё один знаменитый критик, Лев Аннинский, спустя десятилетия скажет про этот «стартовый выстрел»: «... Доброго пути юному стихотворцу желал Константин Симонов. А он мало кого напутствовал, так что с того момента все биографии поэта Солнцева обречены начинаться с этого события».

Напишет Аннинский это в предисловии к последнему солнцевскому прижизненному, итоговому поэтическому сборнику, «Серебряному шнуру» (2005), «... который стал попыткой художника взглянуть на собственное поэтическое наследие как на единую книгу, где серебряной нитью слов и образов соединились разные эпохи в историю души отдельного человека и целого поколения»:

Современник мой, нынче ты хмур,
но уверенно вымолвил снова:
не порвётся серебряный шнур,
мироздания живая основа!

Аннинский начинал своё предисловие к этому сборнику с размышления о трёх причинах «раннего взлёта» Солнцева.

«Раннему взлёту» «физика из Казани» способствовало, во-первых, «то, что за скобками — одарённость».

В-третьих — упомянутое выше, определившее «начало всех последующих биографий», симоновское благословение.

А вот «второе» сформулировано у Анненского так: «... имя. И фамилия. Подарок от родни: впрямь что-то романтическое, даже романическое. Что-то ослепительное: ярче огня, белей снега. Роман Солнцев».

Но ведь — это романтическое/романическое имя вовсе не было унаследовано его носителем от предков.

Был это всего лишь яркий, мощный, очень точно выбранный псевдоним.

Ал. Михайлов заметит мимоходом об этом псевдониме: «... мелькнуло имя, которое уже в самом себе, казалось, содержало громкую заявку. А за ним — стихи, угловатые, порою косноязычные, но полные молодой отваги, жизнелюбия, страсти...»

Псевдоним — как ярчайший («ярче огня, белей снега»), пусть и «косноязычный» порой, знак «протеизма» стихов, изначальной некоторой как бы мифологизированности и «метаморфичности» самой жизни поэта. (Не только в стихах, но и всё в той же «Автобиографии» рассыпаны приметы этой литературности биографических основ: «... мне посчастливилось увидеть белый свет в „шишкинских“ лесах: был такой замечательный русский

художник Шишкин, именно в том краю он создал многие свои знаменитые картины, например, „Утро в сосновом бору“ (помните?.. где резвятся медведжата). Поэтому, куда бы я позже ни попадал в скитаниях своих по России, в какую гостиницу или столовку ни зашёл, мне казалось — я снова на родине: везде на меня со стен смотрели родные „мишки“...»)

В той, где «шишкинские места», в первой своей (той, где родился в татарской семье в Прикамье, где отец был, как и у Яхнина, кстати, чекистом, где в Казани выучился на физика), — в той земной жизни «от родни» своей получил он, унаследовал иное имя: Ренат Суфеев.

Под этим именем и были опубликованы его самые первые, в газетах Татарстана (в 16 лет!), стихотворения, под этим именем был издан, как вспоминали его друзья, самый первый, в Казани ещё, поэтический сборник с предельно простым названием: «Я иду по земле», — от которого он потом отказывался как от неудачной пробы пера... Среди воспоминаний об этом раннем Солнцева есть и такое: «В Казани он опубликовал свой первый сборничек стихов под собственной фамилией и собственным именем — Ренат Суфеев. Смеясь, рассказывал: „Представляешь, мне, зелёному студенту, выдали солидный гонорар „трёшками“! Я напихал их за пазуху рубахи и пошёл к себе в общежитие. Представляешь? Денег же всегда нет ни у кого, а выпить-кушать хочется. Захожу в комнату, рубаху настежь, трёшки — на стол!“»

...Ах, скорость! Она в крови у людей...
зисы срезаются на поворотах,
ракеты сходят с орбиты своей,
сгорают в подсолнухах, на огородах.
Ну что же, шляпы снимите, мужчины...
Валерка, скорость!.. Кузов машины.
Мимо леса летим. И завеса
пятен солнца щекочет висок.
Выплывает, как линь, из-за леса
ещё более дальний лесок!
Арба — старуха.
Лодка — старая.
Жарь возле уха,
плазмы струя!..

Старый, ещё тоже по временам Казани, друг Солнцева, поэт Николай Беляев обозначает, когда и как появился этот «русифицированный псевдоним»: «... мы работали маршрутными рабочими или радиометристами. После одной из таких поездок „в геологию“ Ромка и стал Ромкой, а не Ренатом — его геологически-поэтическое русское имя впервые появилось с подборкой стихов в журнале „Сибирские огни“».

Вот она, эта подборка, в апрельских, 1962 года, «Сибирских огнях», снабжённых непривычной

для современного читателя фирменной обложкой начала шестидесятых — выцветшего ситцевого синеватого цвета, с карандашным на ней Ильичом, «рисующим» очередную статью — видимо, «в Шуше, у подножия Саян»... Открывает подборку стихотворение о студенческих странствиях лирического героя Солнцева.

Шефы

Мы — шефы. Мы в колхоз приехали.

Студенты мы. Не сухари.

Мы тоже щёлкаем орехами,

у речки зябнем до зари.

Колхозные смеются девушки,

глаза у них — глухая тьма:

— Ах вы, студентики, да где уж вам!

Чай, высохли, зубря тома!..

У нас ли силы не имеется?!

Глянь, в пляс выходит комсомол,

да так, что гвозди по инерции

из каблучков уходят в пол!

Хотите, прочитаем лекцию,

хотите, что-нибудь споём,

хотите, топорами взблескивая,

нарубим дров в двору любом!

А к ночи

снова где-то в сенцах

стрижёт чечётку комсомол,

да так, что гвозди по инерции

из каблучков уходят в пол!

(Тут, пожалуй, уже не ранний Вознесенский, а другой кумир, Евтушенко 1964-го года, приходит на ум: «Но на просьбы робкие — свист, свист, и танцуют родненькие твист...»)

Шесть с лишним десятилетий назад вышел тот давний номер главного сибирского журнала, открывший миру и городу родившегося в том месяце нового поэта со звонким именем — Солнцев Роман...

Это о нём будет им самим сказано:

Романтик был, простого норова.

Родня мне — русичи, татаре...

Сгорел, как верный пёс, которого

Не отцепили при пожаре...

Эти четыре, уже совсем поздние, строчки назовёт он (Роман Солнцев? Ренат Суфеев?) так: «Автобиография».

О ком они? Об успешном до перестройки коммунисте, публично в разгар перестройки, как осуждающе вспоминали современники, уничтожившем свой партбилет и потом вскоре ставшем народным депутатом? О поэте-прозаике-драматурге-киносценаристе, о видном общественном деятеле, о друге и соратнике В. П. Астафьева? О заслуженном работнике культуры, кавалере

ордена «Знак Почёта», лауреате комсомольских премий Красноярского края, руководителе государственных, депутатских и общественных комитетов, комиссий, региональных представительств ПЕН-центра, букеровском номинанте-финалисте?..

...Мне двадцать шесть. Рыжеет волос.
И сух мой голос в телефон.
Подходит лермонтовский возраст.
Торопит он. Торопит он
бродить лужком, шуршащей рошей
с обычною тетрадкой общей
и начинать слагать, писать
свою не общую тетрадь...
Журчит река, горит звезда,
летит светла вода с весла...
В реке времён валун янтарный —
моя наука и судьба —
смолистый домик, медный, старый,
моя сосновая изба.
Вокруг избы черны леса.
Ночами — волчьи в них глаза!
Смотрю я пристально, подробно,
живу я медленно и ровно
среди пахнущих сметаной муз...
А где-то ноют телефоны,
кричат печально эшелоны.
Мне некогда! Я тороплюсь.
Сломлю травинку — наклонюсь...

Или — всё это о том, оставшемся в прежней жизни вроде бы, о родившемся в глухой провинции на берегу Камы мальчишке, который — несмотря и вопреки громкому успеху и действительно огромному, колоссальному объёму дел, которые он себе и обществу нашёл сразу после крушения СССР и КПСС (вот какое время оказалось подлинно его временем, вот где он обрёл себя в полной мере), — вопреки всему этому смог сказать о себе, кокетливо немного, конечно, но — это было его поэтической правдой, наверное? — так смог сказать и сказал однажды его лирический герой устами своего создателя, успешного поэта:

«Я наивный деревенский стихотворец, кем был, тем и остался. Клянусь вам. Но граница между жанрами размыта...»

Нет, не случайно, наверное, когда-то, в середине семидесятых, студентам литфака пединститута тогдашняя завкафедрой русской и советской литературы, доцент Галина Шлёнская, впервые знакомя их с этим поэтом, читала его «Малиновую рубашку»...

Ложь на моих губах! Малиновых не сто
я износил рубаш — всего одну. И то —
не хвастался я ею, и вовсе не носил,
а лишь надеть, примерить однажды попросил.
<...>

Такую вот по праздникам носили мужики
и круглый год цыгане — стальные каблукки.
Вместо спецодежды она у них была...
Малиновая вылезла — как пламя из угла!
И я её примерил. И захватило дух...
Я словно загорелся весь. А мир вокруг потух.
И вышло — слов особенных ждут люди от меня...
И огляделся я. И устыдился я...

<...>

Лишь в праздники народные или в лютую беду
надену я малиновую, с соседями пойду.
(Иль слово вдруг великое росинойкой со лба...)
А просто так носить — нет, не моя судьба!
Я просто так не буду, не натяну зазря.
Шатры кочуют в мире. Качаются моря.
Сжимает рожь дорогу. Спит автоматов сталь...
А ну, кому померить? Нисколько не жаль.

Каким виделся он современникам — не тем, кто был рядом с ним в его многочисленных уникальных проектах и в размеренном быту, кому он, как рассказывают, много и бескорыстно помогал и кто много и бескорыстно помогал ему самому, а — читателям, критикам, литературоведам, редакторам, всем тем, кто читал, выпускал и рецензировал «громатьё» его лирических, прозаических и драматургических сборников?

Лев Аннинский свой страстный «параболический» монолог о поэзии Р. Солнцева назовёт неоднозначно и метафорично: «Пожарище», — адресуясь к стихотворным строчкам, которые приведёт в завершение этого своего монолога:

Молось неверными словами,
не зная истинных молитв.
Но, может, нам простится с вами,
коль всё-таки душа болит?
Вся сила страстного незнания,
любви, издевавшей излом,
взойдёт над домом, как сиянье,
пред тем как вспыхивает дом.

Перебирая тех, кто оказал влияние на раннего Солнцева, кому он подражал или от чьего влияния пытался избавиться, Лев Аннинский приходит к выводу, что это, в первую очередь, — «тот, кто сравнил чайку с плавками Бога», то есть «Вознесенский, раскрутивший мозаику в параболу» («Идут к своим правдам, по-разному храбро, червяк — через щель, человек — по параболе»). И Аннинский размышляет дальше: «У Солнцева всё опять распадётся в мозаику. Но не сразу. В начале — старт! По вагонам! „Красен мир, покуда красен флаг!“ Куба — остров свободы! (Господи, где Куба, а где Кама, но именно так и мыслили.) Планета — наша! Мещанству — позор! Бьёт по струнам комсомол. „Первые палатки... необходимые тетрадки... топоры, костры, снега, в скалах

голубые туннели, голубые в небе ели, в хвойных чащах жемчуга...“»

Краткая литературная энциклопедия, в седьмом своём томе, сообщив основные биографические данные о поэте Солнцева, замечает: «Стихи Солнцева» эмоциональны, ассоциации в них неожиданны, но не всегда внутренне мотивированы. Оpubл. сб-ки повестей и рассказов... в центре к-рых — морально-этич. проблемы».

«Писатель — постановщик морально-этических проблем, обличитель обывательщины и мещанства», — с этим, пожалуй, соглашаются все, писавшие о Солнцева. Второе, о чём почти все критики говорят, — отразившийся в его стихах разных десятилетий, назревавший в литературе «кризис слова».

Один из ведущих российских критиков семидесятых-восьмидесятых, Ал. Михайлов, в «Сибирских огнях» (№ 10/1974): «Из того, что было „запрограммировано“ в Солнцева как поэте... на магистральное направление вышла нравственная проблематика. Она выкристаллизовалась из сомнений и противоречий, из сомнений в себе, в своих возможностях, в силе слова, и из противоречий жизни, с которыми поэт сталкивался повседневно...»

...Ну а дальше? Что же дальше?

Чем помянем годы наши —
ведь не век же молодым?
Синий свет течёт в вагоне.
Спят игрушечные кони.
Дети спят. Я был любим...
И, наверно, чтоб напомнить,
где я жил, мотался где,
душу мне тоской наполнить,
поезд наш стоит везде:
возле каждой деревушки,
речки, столбика, куста,
возле старенькой старушки
и зелёного листа,
серенького воробья,
маленького муравья...

Критик Галина Шлёнская в посвящённой поэту статье «Нравственный поиск» (название, само за себя говорящее и самодостаточное): «Вся поэзия Солнцева воспринимается как напряжённая полемика с обывательскими представлениями о благополучной жизни».

Алексей Горшенин в «Беседах о русской литературе Сибири»: «Поэтическое творчество... как напряжённая полемика с обывательским строем мыслей, чувств, представлений. Поэт обеспокоен тем, как бы культ разума не подавил нравственные эмоции, не уничтожил бы тягу человеческой души к прекрасному. В лирическом герое Р.Солнцева привлекает прежде всего душевная щедрость и его потребность в добром поступке».

Андрей Кротков в рецензии на итоговую книгу Солнцева, опубликованной в «НГ-Exlibris», скажет: «... его собрание избранных стихотворений — книга времени и примет, шершавое и прямословное свидетельство сорокалетних поэтических исканий. В ней нет открытий и прорывов, зато есть ощущение кризиса слова, которым на протяжении полувека мучилась русская литература и которое пыталась преодолеть...»

Трудная речь... препинанье заики...
мысль тяжела, как в мозгу гематома.
Как же мне выдать, вымолвить крики,
те, что услышал я в поле и дома?
Мы не привыкли к речениям грозным.
Только лишь в книгах с испугом читали.
Щебетом птичьим и шумом берёзовым
ропот страны передашь ты едва ли.
Кровь пролилась... и от вопля земного
рвутся в ушах у меня перепонки...
Как же всё тихо теперь! Будто снова
мир и покой... только тени как волки...
только неслышные катятся толпы...
красные падают под ноги розы...
И уступают калённые строфы
место для белой и ласковой прозы.

Творчество Солнцева несколько раз становилось и предметом диссертационных статей и научных исследований. Но, пожалуй, один из главных парадоксов солнцевской лирики, постоянно и скрупулёзно сосредоточенной на проблемах нравственности/безнравственности (принципов, подходов, выбора и так далее) его современников, сумел разглядеть и сформулировать всё же именно критик, всё тот же Ал. Михайлов.

Критик пишет о методе поэта, разбирая конкретные тексты: «... он создаёт абстрактную схему, в которой роль добра и зла поручена двум условным персонажам: один воплощает в себе зло, он обижает малыша, топчет ростки деревьев, предаёт людей... другой же, естественно, противостоит ему и уже воплощает добро, делая всё наоборот — помогает разогнуться ростку дерева, даёт молока малышу, выводит людей „на солнечный гул площадей“, выносит из костров книги... Эти два условных и в высшей степени абстрактных образа, которые можно принимать за своеобразные знаки, символы, и противостоят друг другу... Как всякая отвлечённая схема, стихотворение даёт лишь условное, общее, чисто рационалистическое представление о человеческой морали».

Всю жизнь торопился на поезд и на самолёт.
Едва успевал с колотящимся сердцем... и снова
волнуешься — свет золотой за лесами зайдёт...
запомнить бы, власть насмотреться на чудо улова...
И в старой тетрадке оставить хоть букву, хоть слово,

в котором бы это сиянье застыло... но вот
уж небо стемнело — и звёздный поплыл ледоход,
звения и сияя над ветхими досками крова...

Что же в итоге остаётся в «старых тетрадках»?
В «необщих тетрадках»?..

Был спор. Буфет. Ночной вокзал.
Товарищ мой в оцепененье.
Блеснул он глазом и сказал:
— Как, у тебя есть убеждения?
И я подумал: чёрт возьми,
а убеждения ль, в самом деле,
те мысли, что я лет с восьми
ношу в своём весёлом теле?
За них взойду ли на костёр?
Под пули — за людское горе?
Решил, что да. Но с этих пор
тревожно мне. И сухо в горле...

...Когда-то, ещё в шестидесятых, Солнцев с Вячеславом Назаровым дружески «обменялись» посвящениями к выбранным каждым из них у другого стихам. «Р. С.» посвятил Назаров эти строки:

Р. С.

Мы вечно кого-то славим,
кого-то не признаём.
Послушай,
а что оставим,
когда навсегда уйдём?
Нас вечно по свету носит.
На красный огонь — гони!
Простенки вагона — ночи.
Вагонные окна — дни.
Растеряны где-то вещи,
и сорваны тормоза.
Навстречу Россия хлещет
в распахнутые глаза!..
...Нечаянной повиликой
засветится вдруг во ржи...
Но кто мы — земле великой?
Что сделали мы,
скажи?
Как часто,
шала, как дети,
в ритмической ворожбе
бросаем слова на ветер,
а слово — не воробей.
А слово —
мишень и пуля.
А слово —
огонь и дым.
Порою мы будим бурю,
не ведая, что творим.
И машем рукой:
успеем,
мы молоды — пронесёт...

А стрелки часов — пропеллер,
который уже ревёт!
Взлетающим вертолётom
прямо с черновика
уходит наша работа
в будущие века...
Что остаётся, что осталось?..
Проза?
Но ведь было же светлое что-то,
не сплошные и ересь, и блажь!
На лугах восхищала работа,
где закат — словом не передашь.
И ведь было же что-то святое,
не поганцев единственный смех!
И ведь было же что-то другое,
что совсем не похоже на грех.
И соседка в сиреновом платье,
в туфлях простеньких без каблука
отстранялась во тьме от объятий
и смотрела — горят облака...

Когда они выходили, эти предперестроечные и перестроечные, как из печи, с пылу с жару, кирпичики солнечской прозы, у красноярских студентов, у моих сокурсников по истфилу Красноярского пединститута была шуточная игра — угадать, кто прототип того или иного очередного, слегка карикатурного, жёстко и в общем-то недобро написанного персонажа, поселившегося в этой прозе в очередном «городе К. на реке Е.». Но прошли годы и десятилетия. Прототипы ушли из жизни, вместе с «нравственными проблемами», которые на их примере автором моделировались и предлагались к рассмотрению читателям.

...Душа не любит перемен,
ты смотришь в лес насторожённо —
там скоро листья станут — тлен,
склонясь под белые знамёна...
Но и весной, когда ветра
грохочут в пору ледохода,
вдруг на душе — тоска-гора
в преддверии тепла и мёда...

Пьесы?

Они почти все, если имели потенциальный социальный резонанс, уже, как он сам писал, «были поставлены в лучших театрах СССР, а позже — в России», а некоторые даже и — экранизированы... Но сейчас то же самое знаменитое «Торжество в небесах» читается (или смотрится) скорее как архивный документ своей эпохи, как свидетельство об уже невозвратно миновавшем историческом периоде и о странных для нас сегодня людях (о мирах и «антимирах») этого периода...

Нам ещё далеко до финала.
В старом бархате красных кулис,

что знамёнами были сначала,
мы столкнулись с тобой, обнялись.
Где-то рядом, внизу, в тёмном зале
в ожидании дышит толпа.
И двух слов мы с тобой не связали,
а уж сыплется снега крупа.
И шипит режиссёр наш великий:
— Больше темпа! Гореть, как огонь!..
А тебе я принёс земляники,
а ты медлишь, уткнувшись в ладонь.
И куда нас, куда нас торопят?
Скоро занавес рухнет, шурша...
— Этим кончится жизненный опыт? —
поражённо тоскует душа.
Час всего-то и был нам отрадней:
на заре, на заре незакатной
мы трудились, тащили свой крест...
и мы верили — не надоест...
Не включайте свой свет беспощадный.
Не вставайте же, ангелы, с мест.

Останется, безусловно, памятной страницей
в истории города и края — созданный в Крас-
ноярске при его, В. П. Астафьева и М. О. Савви-
ных участии Литературный лицей (как он там
живёт сейчас, пребывающий без всех своих
создателей?).

И тот самый журнал, в котором эти строчки
сейчас опубликованы, — уникальный толстый
альманах, «День и ночь», где он бессменно был
с 1993 по 2007 год главным редактором (спасибо
Марине Саввиных, смиренно и вдохновенно не-
сущей вслед за своим соратником уже семнадцать
лет эту ношу).

Да много ещё что останется!

К примеру, для читателей остался ещё, мне ка-
жется — хоть и поспешно-сыроватый, но в своём
роде уникальный, первый в этом роде (потому
и «комом?»), толстенный, насыщенный именами,
текстами и фотографиями «Красноярский мате-
рик» 1998 года издания, под своей обложкой объ-
единивший почти четыре на тот момент столетия
и немереное число писательских и исторических
имён красноярской земли за эти четыре века.

А стихи остаются?

Да.

Лучшее в них, настоящее.

Оно тоже может быть разыскано и прочитано
заново.

Как безупречным своим чутьём нашёл, отметил
и снабдил своим обессмертившим их коммента-
рием четыре солнцевских строчки Виктор Петрович
Астафьев, когда составлял предисловие к очеред-
ному поэтическому сборнику Солнцева («Скажи
сегодня», 1979):

Женщина плачет в вагонном окне
или смеётся — не видно в вагоне.

Поезд ушёл — и осталось во мне
это смешение счастья и горя...

«Чем увлекают меня, читателя, эти бесхит-
ростные и совсем „простые“ строки? Отчего так
защемило моё сердце при звуке их? И сам сделался
какой-то незащищённый, открытый сладкой пе-
чали. Почему повторяются и повторяются во мне
эти строки, хотя, может быть, я не запомнил их
наизусть? Кабы я знал! Но кабы я знал, то, стало
быть, и написал бы их сам...»

У этих строчек есть продолжение, Астафьевым
не процитированное...

Что там — цветущая белая ветка?
Или же ветка в налипшем снегу?
В жизни моей так бывает нередко —
я различить не могу...

***

Ещё одно имя, крепко связанное с шестидеся-
тыми годами Красноярья: Аида Фёдорова.

Как всё-таки слаженно и ритмично ложатся
рядом эти, все немного экзотические, имена —
Зорий Яхнин, Роман Солнцев, Аида Фёдорова...

Родившейся в 1934 году в селе в Назаровском
районе девочке дали это красивое, загадочное
имя, которое бытует в арабском, татарском, еги-
петском языках, а в жизнь европейцев навсегда
вошло благодаря знаменитой опере Дж. Верди.
По рассказу самой поэтессы (в письме к живу-
щему в Лондоне поэту Ю. Колкеру), её отец очень
любил «Аиду» Верди, оттого и имя ей было дано
такое необычное, и «аура имени» оставалась
с нею всегда...

Экзотические имена шестидесятников... Случай-
ность? Случайность, которая, по словам Эн-
гельса, есть непознанная необходимость (зако-
номерность)?

Из таких случайностей-закономерностей
и складывается, наверное, жизнь и наших героев,
и их читателей.

Звучащее слово вошло в жизнь будущей поэ-
тессы с детства. От рано ушедшего из жизни отца,
местного партийного и хозяйственного работника,
как вспоминала сестра Аиды, в доме остались
грампластинки с записями спектаклей и чтения
стихов актёрами МХАТа, классической музы-
ки, неплохая библиотека и — его собственные
стихотворные наброски. По линии отца многие
родственники писали стихи; родной дядя Аиды,
Василий, стал даже достаточно известным в СССР
поэтом. Поэтому всё детство — стихи...

Нарисуй мне, художник, портрет.
Я в саду. Мне четырнадцать лет.
Беззаботное славное время.
Ни ошибок, ни промахов нет...

Ещё из воспоминаний сестры: «... в детстве мы вместе с мамой устраивали соревнования — сочиняли стихи по заданным рифмам, по одному слову, по теме. Аида в этом занятии нас всех обгоняла... когда стала постарше, то школьные сочинения писала стихами, к удовольствию преподавателя...»

Первое стихотворение Аиды Фёдоровой было напечатано в «Красноярском комсомольце», когда она оканчивала школу, в 1952 году.

Мать, как и отец, любила стихи и благословила дочку на поступление в Литинститут. Несмотря на весьма положительный отзыв на творческом конкурсе, полученный от Владимира Солоухина («Единственный её недостаток — молодость...»), ей всё же посоветовали в этот серьёзный вуз пробовать поступать через несколько лет, когда соискантка наберётся стажа и жизненного опыта.

Обладая решительным характером, Аида стала сама выстраивать свою жизнь: учиться поступила на филфак в Красноярский пединститут, в год двадцатого съезда пошла было работать в школу, но через год резко сменила вид деятельности, работала корреспондентом в редакциях газет «Огни Енисея» (Дивногорск) и «Красноярский комсомолец».

И продолжала, само собой, писать стихи. В 1959 году в Красноярске выйдет её первый поэтический сборник — «Откровенность».

Я сегодня оттуда, где пахнет пшеницей,
Где колосья доверчиво жмутся к стерне,
Где рождается хлеб, где ночами не спится,
А уж если и спится, так с хлебом во сне.
Здесь не просят, как милости, доброй погодки,
Здесь любая погода у сильных в руках,
Здесь до дыр зачитают газетные сводки
И потянутся снова:
«Соседи-то как?»
Здесь попробуй представиться только, что лектор,
И единственно нужный созреет заказ:
«А у вас ничего не найдётся про хлеб там?
Нам такую бы лекцию впору как раз».
Здесь и тот, кто особым романтиком не был,
Вдруг начнёт, не смущаясь, порывисто, вслух,
Говорить, что недаром у свежего хлеба
Молодой,
Опьяняющий,
Радостный дух.
И, конечно, он прав: всё, что в сочные зёрна,
Как густая закваска, с рождения влилось:
Терпкий запах земли, маслянистой и чёрной,
И осеннего ветра азартная злость,
А потом ещё солнце, потом ещё небо,
А потом ещё шум в телеграфных столбах, —
Называется вместе обыденно: хлебом —
И запёкшейся коркой хрустит на зубах.

Это стихотворение Аиды напечатала в декабре 1958 года «Юность» (тут впору вновь вспомнить,

кого из уже знакомых нам начинающих москвичей и красноярцев той поры печатал неуёмный Валентин Катаев в своём журнале). Интересно, что стихи Фёдоровой оказались размещены на одной странице со стихами другого дебютанта, Владимира Войновича...

Будущий автор гимна советских космонавтов «Четырнадцать минут до старта» и крамольного «Чонкина» был тогда ещё в своих стихах, как и его красноярская коллега, искренен, правилен и абсолютно созвучен времени:

Всё было в райкоме и строго, и чисто.
Как все мы, я тоже у входа робел.
Анкетные данные: «Жил и учился,
В боях не бывал и наград не имел».
Никто из ребят не форсировал Буга,
Никто не вершил боевые дела,
И юность единственной нашей заслугой
В те трудные годы, пожалуй, была.
Мы тихо входили, стараясь без стука,
И всё-таки кто-нибудь стул задевал...
Нам сам секретарь неуклюжие руки
Своей секретарской рукой пожимал.
С тех пор отзвенело десятое лето.
Но давний тот день позабудешь не вдруг.
Наверно, нам верили, если билеты
Давали в счёт будущих наших заслуг.

...Времена журналистской деятельности Аиды Фёдоровой — и в только ещё готовящемся стать настоящим городом Дивногорске, и в старинной столице Красноярского края («края целинников, гидростроителей, мастеров, первооткрывателей») — позволили ей общаться с работавшими или печатавшимися там в это неповторимое время сибиряками: и с Вампиловым, и с Солнцевым, и с Яхнинным, и с Назаровым, и с Белкиным, и с Зябровым, и с московскими литераторами, вахтовым методом принимавшими время от времени участие во «всесоюзном» освещении строительства комсомольской стройки номер один — Красноярской ГЭС. (В предисловии к уникальному изданию — красноярскому «Дню поэзии — 1967», в котором будут, конечно же, и её стихи, составители (Р. Солнцев и В. Назаров) гордо скажут: «Наш край, пожалуй, самый удивительный в стране. Край подвига — он рождает поэтов».)

Эти журналистские годы позволили ей увидеть воочию все те уголки огромного края, которые мы уже вспоминали, рассказывая о её коллегах-шестидесятниках. «Времени всегда не хватало. Но именно газете я благодарна за то, что она могла узнать жизнь людей и в стремительном этом потоке посмотреть на себя со стороны: честно ли я живу? Не лицемерю?»

В шестидесятых её несколько раз печатают в «Сибирских огнях». Первая публикация,

1961 года, «Иду по улице Ленина», будет старательно-современной — и по содержанию, и по ритму, и по рифмам.

Здесь не верят народу праздному,
По-особому труд здесь властен.
Здравствуй,
улица будней и праздников.
Здравствуй!
От усталости исцелением
Мне твой воздух чистейший будет.
Я иду по улице Ленина,
Улыбаюсь людям...
Мы, гудком заводским разбужены,
Нынче из дому вместе вышли.
И среди этих рук натруженных
Разве
руки мои
лишние?
Будто море, бурна и вспенена,
Молкнет улица постепенно,
Прямо в цехи с улицы Ленина
Входит смена...

А это вот стихи из третьего номера «Сибирских огней» уже за 1964 год. За несколько лет стих Фёдоровой окрепнет, приобретёт упругость и свободу, строже станет отбор слов, стихи будут насыщены обрётённой в журналистской работе конкретикой быта и «свершений молодых строителей светлого будущего».

Город

Руки — в дело,
трубы — в небо...
Город мой в тайге растёт.
Знаменитой пастой «НЭДЗ»
Краны он до блеска трёт.
Величавые Джоконды
Вечерами полнят клуб.
— Как там Куба? —
— Как там Конго? —
Парни спрашивают вслух.
Ох, зазывно брезжут клипсы!
Ох, зовут глаза с собой!
Самый модный танец —
липси.
Самый видный парень —
мой...
А с утра —
на плечи робу.
Нам навстречу —
шар земной.
Он по форме только — глобус.
Он по сути — дом родной.
Целый день гудит бетонка,
Ветер
вертит облака.

Кто идёт?
— Идут
потомки
атамана Ермака!

Как заметил бы снова Л. Анненский, «Где Куба с Конго, а где Енисей?..»

«Портрет» Дивногорска, молодого города в тайге, и молодых его строителей нам встретится не в одном стихотворении А. Фёдоровой, да и не только у Фёдоровой. Тут всё тогда идеально совпало для того, шестидесятилетнего, периода сибирской поэзии — и уникальная ГЭС, и тема рождённого ею света, «на целую вечность вперёд» зажжённых огней над рекой, да и сама река, Енисей, — неповторимый, мощный, но всё же — «покорившийся» воле человека, воле «строителя коммунизма», на глазах у всего мира совершающего дерзкое насилие над природой во имя, опять же, светлого будущего. И потрясающая молодость и романтичность гидростроителей, и, наконец, уникальная природа, каким-то чудом до наших дней сохранившаяся в городе на месте бывшего монастырского скита у «дивных гор». Да и сам «Скит» — храмовое здание с алтарём, тоже чудом частично сохранившееся и в итоге ставшее творческими мастерскими, приютом для местных художников...

Аиду Фёдорову до сих пор добрым словом вспоминают в Дивногорске.

«Потомки атамана Ермака», упоминанием о которых заканчивается стихотворение о Дивногорске, — выражение для дивногорцев тех лет, да и их детей и внуков, знаковое. «Потомки Ермака. Быль о первых покорителях Енисея» — так была названа первая из четырёх вышедших в Красноярском книжном издательстве книг, сборников публицистики, стихов и прозы первостроителей Красноярской ГЭС и писателей, побывавших на стройке века. Первый сборник, вышедший в октябре 1961 года, был составлен сотрудниками редакции газеты «Огни Енисея» Аидой Фёдоровой и Геннадием Деменчуком. А материалы для него начались собираться после открытия в декабре 1959 года при редакции газеты литературного объединения, тоже получившего со временем название «Потомки Ермака».

... Жизнь поэтессы будет не очень просто складываться дальше, попытается она жить в других городах Союза («годы странствий»: из Красноярска — в Липецк, из Липецка — в Баку, потом — снова в Красноярск) и постепенно несколько отдалится от прежнего публичного общественного пространства. Завершая век, целых двадцать лет своей жизни она посвятит литературному объединению «Диалог», созданному ею в 1976 году при городском Дворце культуры как литературная студия «Дебют» («курсанты» будут всегда вспоминать своего наставника с благодарностью и любовью).

Но до этого, в шестидесятых, её ещё ждали встречи с переводами и с новыми песнями, которые красноярские композиторы-песенники будут создавать на её слова.

Гидростроителям на память о Фёдоровой останется песня «Огни Дивногорий», которая надолго даже станет позывными местного радио.

Нас пугали крутыми метелями,
Штормовой енисейской волной,
Но когда поезда вёрсты меряли,
Мы поверили в дружбу с тобой.
Как белые лебеди, лягут снега
На гордые головы кедров.
И ты нам откроешь богатства, тайга,
На трудных твоих километрах.
И когда над продрогшими краями
Заводили метели свой стон.
Мы не плакали, нет, мы не плакали,
Шёл потоком в плотину бетон.
Мы в руках своих держим историю.
Енисей, нам навстречу шагни!
Мы зажгли над страной Дивногорией
Гидростанции новой огни.

Шестидесятые-семидесятые без песен, особенно бардовских, авторских и самодельных, представить себе уже невозможно. Б. Окуджава, А. Галич, Ю. Визбор, Н. Матвеева, В. Высоцкий, В. Долина... список имён прославленных столетних бардов можно было бы длить и длить. В Красноярске главным комсомольским бардом становится Александр Шемряков, которого «благословил» на публичное исполнение песен на комсомольских стройках тогдашний секретарь крайкома комсомола О. Колесниченко: с ним певца познакомил работавший тогда в «Комсомольце» А. Вампилов. Позднее Шемряков будет вспоминать в интервью, данном минусинской газете во время его последних, постперестроечных, уже совсем не громких поездок по краю: «... Я всегда был романтиком! Романтики тех лет настоящими патриотами были, Родину беззаветно любили... Это они осваивали планету под названием Сибирь, преданно служили ей... Настоящей школой жизни стал комсомол для миллионов юношей и девушек. Те, кто прошёл испытания в комсомольских стройотрядах, побывал в гуще событий, в большинстве своём не потерялись в трудные годы перестройки, сохранили оптимизм, жизнелюбие...»

А главной — и для него, и для Аиды Фёдоровой — комсомольской песней в их судьбе станет, пожалуй, написанная ими на одном дыхании «Баллада об Абакан-Тайшете» («Шумите, Саяны, шумите...»):

...То ливни по скалам,
То жёсткого снега стена.

Но кто там про жалость?

Не жалость нам вовсе нужна.

Три имени, как будто три салюта,

Взметнулись у истоков городов.

Три имени в пути в одно сольются:

Кошурников, Стофато, Журавлёв...

В 1967 году за эту песню о «Трассе мужества» и за цикл песен для молодёжи автор слов и композитор-исполнитель становятся первыми лауреатами премии комсомола Красноярского края, о чём потом всю свою жизнь с гордостью вспоминали.

Потом песни на стихи Фёдоровой будут писать О. Проститов, Н. Голосов, А. Злобин, С. Трусов, И. Потехин...

Будем честны: песни эти (кажется...) незаметно навсегда ушли из жизни и молодёжи, и современников этих песен.

Что осталось? Пожалуй, всё же остались стихи. Те из них, что были плодом искреннего вдохновения и искренней веры поэтессы в светлое будущее...

Последние шпалы,
последние рельсы,
Последнее из последних звено.
На митинге нашем последние речи —
Так ли уж это было давно?
Но, думаю,
станет легендой когда-то
Для новых строителей древней земли,
Как мы,
комсомольцы шестидесятых,
Таёжную трудную трассу вели...

...Много времени и сил будут занимать у Аиды Фёдоровой переводы поэтов Востока и Заполярного Севера — Газим-бека Багандова, А. Немтушкина, О. Аксёновой, Н. Оёгира (вышло более десяти сборников с её переводами). Её собственные поэтические сборники будут всё так же выходить — и в семидесятых, и в восьмидесятых, и в девяностых. Будет много стихов о любви, о прожитой жизни и о загадочной философии этой жизни.

Всё напевала простенький мотив,
Отодвигала от детей тревоги.
Считала годы, чуть не пропустив
Тот год, когда подводятся итоги.
И только за последнею чертой,
Где схожи так младенчество и зрелость,
Коснулась сердцем истины простой,
Не претендуя на большую смелость:
Всё — суета. Всё — тлен и суета,
Слагаемые замкнутого круга.
Всё, кроме тайны белого листа
И в чернозём вонзившегося плуга.

Из вышедшего в конце двадцатого века и на рубеже веков запомнились почему-то стихи, вошедшие в сборник «Люблю и верую», составленный в 1990 году для Красноярского книжного издательства поэтом Зорием Яхниним.

«Попытка дискуссии с атеистом» — своего рода поэтический отзыв на громкую дискуссию в местных газетах с участием религиоведа Ильи Воеводина, писателя Олега Корабельникова, философа Анатолия Алёхина. Как раз в 1990 году воссоздавалась Красноярская епархия Русской Православной Церкви. К этому времени процесс возвращения религии в жизнь общества был уже практически необратим, но с тем большей силой вызывал горячие споры. В стихотворении читателю открывается немного другая Фёдорова — автор эпиграмм и пародий, владеющая острым, метким словом.

Атеист Воеводин Илья
Упрекнул меня в том, что-де много
И неправильно — главное — я
Поминаю в речах своих Бога.
Потеряла с тех пор я покой.
Может, смысл есть в упреке том здравый?
Ведь и правда, чуть что: «Боже мой!» —
Повторяю или: «Боже правый!»

Поистине комсомольские полемичность и задор уступают в последних строфах стихотворения место горечи и сожалению, не отпускающему чувству вины за ошибки и заблуждения эпохи, за позднее прозрение...

...Если стоны стоят по ночам,
Не святые ли это стенают
Над землёю, где высился храм
А сегодня обломки зияют?
Не сама ли стенает земля,
От жестоких законов больная?
Атеист Воеводин Илья,
Вероятно, ответ этот знает.
Мне же горькой достались ценой
Малость веры и ум мой корявый.
Потому и твержу: «Боже мой!» —
И сквозь слёзы опять: «Боже правый!»

...Долгая жизнь была действительно прожита «честно и нелицемерно». На вечные вопросы, те, что из века в век мучают мудрецов и поэтов и ответов на которые, может быть, и нет, ответ, как могла, пыталась найти...

Строчки, опубликованные ещё в шестидесятых:

Спят люди и кошки,
спят ревизоры и пьяницы.
Спят крокодилы.
И снятся им склады калош.
Тебе — не до сна.

Ты в ночном однозвучье идёшь.
И след за тобой,
как дворняжка на привязи,
тянется.
Вот это — не спето.
Вот это и спето — да как?
Вполгорла,
вполгорна
(от вас, что ли, больше останется?!).
И след за тобой,
как морзянка,
таинственно тянется:
Вот это — не спето.
Вот это и спето — да как?
Спят дети и деды,
спят трагики и повара.
Спят тихо министры.
И громко храпят лесорубы.
И так выразительно,
вытянув трубочкой губы,
Девчонки невнятно
красивые шепчут слова.
В ночном мирозданье,
где смыслом велик и чердак,
Как в фокусе, сходятся
наши дневные просветы.
И спим мы беспечно
затем, чтобы знали поэты:
Вот это — не спето.
Вот это и спето — да как?

Эссе тринадцатое

«... но останутся строчки улиц...»

Красноярская поэзия конца 1950-х — начала 1970-х годов, часть третья

Владлен Белкин.

Ещё одно необычное, «экзотическое» имя (данное родителями, представителями советской интеллигенции, при рождении Белкина в январе 1931 года, в честь Владимира Ленина, конечно).

Ещё одна обычная судьба красноярского поэта-шестидесятника.

Числимся ли в поэтах,
тянем ли свой совхоз,
кто же мы
в мире этом? —
не обойти вопрос.
Ни старикам, ни детям
не избежать его...
Кто ты на этом свете?
Кто ты?! И для чего?
И не тряс анкетою,
не городи вранья...
Веским будет ответом
трудная жизнь твоя.

Да, на такое заявление в стихах он имел полное право.

Как и у Зория Яхнина, его одноклассника, судьба поэта Белкина включила в себя трудное военное детство, которое прошло в Сибири, в Омской области, в селении Щербакуль (том самом, где поэт за десять лет до того родился и где в годы войны в доме деда жила его семья). Об этом времени как о времени рождения первых его стихов и первых поэтических образов, времени его постепенного становления как личности поэт будет спустя годы с болью и — с нежностью вспоминать:

Сочинение

Война. Сибирь. Зима. Наш класс холодный.
Сажу за партой, сторблен и угрюм,
И вывожу: «Дорогою свободной
Иди, куда влечёт... свободный ум...»
На пальчики замёрзшие дыша,
Изведавшая горяшка немало,
Учительница — светлая душа —
Нам Пушкина в ту зиму открывала...
И явленное ей издадека,
Звучащее то нежно, то сурово,
Отогревало пушкинское слово,
И распрямляла гордая строка.
И вечность раздвигала окоём.
Манили даль и небо грозное.
И шёл я в жизнь завещанным путём
За неизменно-памятной строкою.
Бывает тошно от постылых дум.
Дух омрачён бедою всенародной.
Но тою же дорогою свободной
Иду, куда влечёт свободный ум!
Не ведаю, к какому рубежу
Дойти дано с друзьями, в одиночку...
Но это сочиненье допишу!
А там — пускай Всевышний ставит точку.

Но эта же судьба вполне могла дальше сложиться как спокойная и благополучная. Однако он сам старательно делал её трудной (не столько в значении «нелёгкой», сколько такой, что неразрывно связана со словами «труды», «труженик»).

По большому счёту «выстроенная» им самим его жизнь один в один напоминала судьбы комсомольцев — книжных героев этого позднего сталинского и раннего хрущёвского времени, времени целины, ГЭС, великих строек, новых городов. Литературовед Галина Шлёнская подчеркнёт эту парадоксальную подлинность: «В стихах Белкина — невыдуманная человеческая судьба».

Живу, неистовствуя, мучаюсь,
причастный общему огню,
и рядовую эту участь
ни на какую не сменяю.
И ещё, из более позднего:

Призывным зовом горна
Я брошен в пекло дня.
Я жизнь беру за горло,
А жизнь — меня!
Она не уступала
Без боя ни копья.
Она хребты ломала
И не таким, как я.
Её не укрощали
Уставы и кресты...
Треском трещали
Рёбра и крестцы!
Она и нынче так же
Всегда на высоте,
Она и нынче та же,
Да мы — не те.
И если я не трушу,
В дугу не гнусь —
Значит, передую
Любую гнусь.
Потому что знаю
Крепость рук,
Потому что знаменем —
Честь и труд,
Потому что нынче
Кругом друзья...
Потому что иначе
И нельзя.

Окончил школу в Казани, учился в Ярославле — удивительном городе, который полюбил на всю жизнь. После окончания в 1952 году факультета русского языка Ярославского пединститута недолго поработал там же учителем, журналистом, даже клубным работником (тогда же появились его первые поэтические публикации в местной прессе), но в 1954 году он круто меняет складывавшуюся орбиту своей жизни.

Два города в судьбе моей...
Один среди полей России
пригрелся у озёрной сини
под шелест лип и тополей.
Другой у яростной реки
в краю сибирском срединном
стоит, как сказка, над стремниной
в живых объятиях тайги.
Один в дорогу провожал
позеленелыми крестами,
другой вот этими руками
я по кирпичику слагал.
И корни древние, и новь...
И я делю все эти годы
с одним — сыновнюю любовь,
с другим — отцовские заботы.

По комсомольской путёвке Белкин буквально «с первым эшелоном» уезжает из Ярославля

сначала в Казахстан на целину. Целина оказывается не совсем такой, какой её рисовали журналисты и партийно-комсомольские пропагандисты, но о ней он напишет свою первую восторженную повесть. Потом наступает переломный для советской страны и для всего общества 1956-й, который становится переломным и для двадцатипятилетнего комсомольца Владлена Белкина: с целины он едет на строительство Красноярской ГЭС, о котором начали вдохновенно рассказывать советской молодёжи газеты и Всесоюзное радио.

Уже во время работы Белкина на строительстве ГЭС на церемонию перекрытия Енисея приедут в рабочий посёлок «Дивногорск» легендарные советские поэты и прозаики — Константин Симонов, Борис Полевой, Александр Безыменский, Роберт Рождественский, Казимир Лисовский... Легендарное время, легендарные судьбы, легендарные личности — Бочкин, Гагарин... Встречу с Гагариным, которому Белкин даже успел пожать руку, он, конечно, запомнил на всю жизнь, как и все его товарищи по стройке:

А он уже среди бригады,
в ладонях весело сжимал
обыкновенную лопату
невозмутимо, как штурвал.
И ухнуло со всех сторон
тысячегласно и едино,
и в основание плотины
пошёл гагаринский бетон.

Собственно, как показало время, в перечень легендарных личностей, связанных с возведением Красноярской ГЭС, сейчас можно включить и имя бывшего молодого преподавателя Дивногорской вечерней школы Владлена Белкина. Учителем ведь он оставался недолго: берёт и уходит работать каменщиком в бригаду, где работали его недавние ученики. И «от звонка до звонка», десять лет, участвует в строительстве и Красноярской ГЭС, и будущего города Дивногорска.

Начало

Вначале было дело.
Мох. Сосны. «Гражданстрой».
И первый шаг несмелый
корёжистой тропой.
Мечтателей лобастых
встретили, звеня,
железные лопаты,
чугунная земля.
Начало как начало.
Как тысячи начал.
Отчаянье качало
палатку по ночам.
Но улицей вставала

таёжная тропа,
и резче проступала
моя судьба.
Калёная. Крутая.
Рисковая, как нож.
Не лестью побеждая,
а яростным:
«Даёшь!»
В какой грязнице ноги
тонули,
Бог ты мой!..
А нынче снится многим
мой город голубой,
как из туманов белых
и сосен-щеголих
восходит он —
и дело,
и жизнь моя,
и стих.

Зачем нужно это было талантливому человеку, который вполне мог легко здесь же, на стройке века, «хлеб зарабатывать пером»?.. Он ответил на этот вопрос, ответил в своих стихах, которые вскоре стали охотно печатать и местные, и краевые, и столичные журналисты и издатели.

Я обрел себя в бригаде.
И от артельного огня
Шли чередой в мои тетради
Тревоги прожитого дня.
Конечно, можно и на стройке
Хлеб зарабатывать пером,
А не таскать по трапу стойки,
Не рыть траншеи под дождём,
Но гнало что-то нас, однако,
Из-за столов на ветробой,
Судьбу выкатывая на кон,
Вело на трассы и в забой,
Как та мятущаяся сила,
Что, не стихая до седин,
Толстого к плугу уводила
И Чехова — на Сахалин...
Тут суть не в том,
Большой ли, малый
Тебе пожалован удел,
А чтоб душа на место стала
Да чтоб себя не проглядел.

В 1973 году в числе других строителей Владлен Николаевич Белкин удостоивается награждения орденом Трудового Красного Знамени. Имена пятисот гидростроителей вносятся на мемориальную доску на Красноярской ГЭС.

Мы лес валили,
крыши крыли
и воевали с мошкаррой,

а выходило,
вроде были
творцы истории самой...

Наверное, всё же главной наградой для поэта были сами рождавшиеся в эти годы строки его стихов. И дивный город, сложенный им и его друзьями как стихотворение, как поэма, как песня...

В этом городе он останется после окончания строительства ГЭС уже навсегда, проживёт здесь в общей сложности почти семь десятилетий. Здесь поработает депутатом городского совета, здесь в 1975-м будет принят в Красноярскую организацию Союза писателей (которой будет и руководить с 1979 по 1989 год), здесь возглавит городское литературное объединение. Здесь присвоят ему звание почётного жителя Дивногорска, здесь местную городскую библиотеку и городской фестиваль «Венчаёт время след» назовут после его смерти его именем.

И здесь будет он всю жизнь писать свои стихи.

Дивногорск («золотая секунда века», как он однажды его назвал) останется одним из главных героев его поэзии.

Любить Дивногорск со временем он меньше не станет. Но будет меняться время, будет меняться и образ любимого города в его стихах.

В самом начале — в том, где вырубались мастерами и подмастерьями первые просеки в тайге (будущие улицы будущего города), — это романтический образ ещё небывалого города, в котором «романтики всего мира» со временем проведут свой первый конгресс:

Дивногорск

Неотглаженный и горластый,
работящий и гулевой,
между сопок и скал клыкастых
дерзко втиснулся город мой.
Просмолённый, таёжный, бревенчатый,
молодёжный,
многоступенчатый...
Свой! Своими руками рубленый,
в дикий берег упрямо вросший.
Дивный! Грязный,
Хвалёный и руганный,
на все города не похожий.
Здесь снега на улицах белые,
а весна от жарков оранжева.
Здесь медведицы неробелые
по дворам на цепях расхаживают.
Здесь кострами ночи распуганы,
здесь дороги до звона укатаны,
и монашьи тропы распутаны,
и грядущего трассы угаданы,
Знаю — будут дома-громадины,
богатырская встанет ГЭС,
верю — здесь соберут романтики
свой Всемирный Конгресс!

...Когда город будет построен, когда ГЭС даст свой первый ток, настанет время оглянуться, взвесить, оценить сделанное, подвести какие-то первые итоги, увидеть свой вклад в построенное:

...И растает мой голос в гуле
нарастающих городов,
но останутся строчки улиц
посреди сибирских лесов,
но останется город строгий,
юный город у вечных скал...
Я не просто его построил —
я, как песню, его слагал!

...Но вот прошли те легендарные первые «десять лет неразменных», и ещё десять, и ещё десять лет... И страна на глазах становится иной, даже называться станет иначе. И люди — другими. И города...

Я не знаю,
какими снами
завораживал Дивногорск...
Горностаевыми снегами?
Хвойным ветром Саянских гор?
Только мне
навек незабвенны
каждый камень его и гвоздь.
Десять лет моих неразменных,
как песчинки,
собрал он в горсть.
Он в фаворе теперь.
Куда там!
Стихотворцев одних — не счесть.
Есть в нём каменные палаты
и свои бюрократы есть...
Полыхая огнями кичливо,
торжествующе знаменит,
как на пленника,
молчаливо
на меня он сейчас глядит.
И всё чаще,
ночами обугленными,
в предвесенних тревожных снах
вижу просеки непрорубленные
и костры на белых снегах.
А сегодня
в горячке страдной
я глаза поднял к облакам
и задумался как-то странно
вслед дюралевым журавлям.

Что за человек стоит за лирическим героем его стихов? Откуда в герое этом столько неподдельных нежности, любви, доброты по отношению к окружаемому миру? Поэт Сергей Кузнечихин, которому Белкин бескорыстно однажды помог своей рецензией и вниманием в начале его творческого

пути, вспоминал в статье, названной «Последний романтик»:

«Я знал, что в Дивногорске живёт такой поэт, но он был в тени наиболее активных и удачливых Зория Яхнина, Романа Солнцева и Аиды Фёдоровой. Может, оттого он и отнёсся к рукописи автора, который не напечатал ни строки, с вниманием и сочувствием. Не успел ещё почувствовать себя мэтром. Потом, когда познакомились ближе, я понял, что самомнения и чванства никогда не было в его характере.

К тому времени он издал три сборника и печатался в сверхпопулярной „Юности“. Правда, некоторые собраты по перу говорили с усмешкой, что издали не поэта, а строителя ГЭС. Но это неудивительно, это классика, исходящая из времён Хайяма. Насколько мне известно, кривых поэтических улыбок в его жизни было предостаточно.

Кто-то от них ожесточается и начинает отгрызаться на неокрепшей молодёжи, а Белкин внимательно прочитал рукопись и отнёс подборку в дивногорскую газету. Не поленился написать письмо и пригласил приехать в Дивногорск на литобъединение, которое он вёл...»

Как и собраты по перу, шестидесятник Белкин немало поездил по уголкам края. В апреле 1972 года районная газета «Дзержинец» сообщила читателям: «Недавно в гостях у тружеников нашего района побывали красноярские поэты Зорий Яхнин, Владлен Белкин и прозаик Александр Ероховец. Они встретились с рабочими и колхозниками, представителями интеллигенции, познакомили со своими произведениями, рассказывали о творческих планах».

«Вниманию читателей газеты» было предложено тогда одно любопытное стихотворение Владлена Белкина. Ему сегодня уже больше чем полвека, этому стихотворению. Но, опубликованное столетия назад на тех, как принято у газетчиков говорить, «пожелтевших от времени страницах», кажется оно написанным буквально вчера (а может быть — и сегодня?). Это к вопросу об искренности настоящих стихов и настоящих судеб... Наверное, у каждого поэта и у каждого века — свои судьбы, свои капитаны и свои вечные паруса...

Капитаны

О, барка в зиму вмёрзшего барака...
Там, где сейчас автобусы снуют,
Дощатая стояла раскоряка
В перегородках комнаток-кают.
Дремучий снег
Задраивал окошки.
В «зилках» нам привозили Енисей.
Мы топором
Толкли его на крошки,
Заваривали кашу и кисель.

Был адрес этот
Миру неизвестен.
Жил схимник-ветер
На вершинах гор.
И не было
Ни пахмутовских песен,
Ни сказочного слова — Дивногорск...
Ершистым спиртом глотки согревая,
О жизни подытоживая спор,

Мы пели:

«... Расступись, земля сырая...»
Потом ещё про Ванинский тот порт...
В каких напастях только не трепало.
В каких тревогах
Не мотало нас...
И утлое судёнышко трещало,
И ветер: «сос!!!» —
Подхватывал не раз.
В морозной мгле
Вставало миражами
То, что сегодня
Дивом все зовут,
И, головы клоня над чертежами,
Прокладывали штурманы маршрут.
Я тот барак
Припомнил не напрасно.
Он дерзко выплыл
Из забытых снов,
Когда глядел я,
Как стоят парадно
Вдоль набережной
Лайнеры домов.
А мимо них
Под парусом убогим
На утлом самодельном челноке
Суровые, как северные боги,
Мальчишки дрейфовали по реке.
Их на волнах отчаянно качало
Под вопли всполошившихся старух,
С малиновой заплаткой одеяло
Вздвухлось и трещало на ветру.
Под ними
Хлябь тяжёлая ходила,
Над ними
Громоздились этажи...
Не знаю я,
Что им вдали светило,
Какие их манили миражи.
Но если нас заякорит уют
И мы окоренимся капитально —
Спокоен я: лихие капитаны
В приморском нашем городе живут.

...Со временем поэт всё чаще и чаще говорил со своим читателем, глядя вместе с ним «вслед дюралевым журавлям» и вслед «парусам с малиновой заплаткой», о том, о чём не думалось, наверное,

ему и не говорилось в те первые романтические его «десять лет».

Как одна из главных тем в его лирику входит тема судьбы природы, к которой, по большому счёту, варварски и беспощадно относился советский человек.

И входят в его лирику — судьбы советского общества, которое доверчиво и открыто шло вслед за своими вождами к так и не состоявшемуся «светлому будущему», а потом — с упоением свергало прежних миров и смеялось над вчерашними идеалами.

Но если вчитаться в белкинские более ранние поэтические подборки и сборники, не самые первые, конечно, а чуть более поздние, — обнаруживаешь, что к этим «судьбам», к этим темам поэт давно и неизбежно шёл...

В потоке железного гула,
сквозь сизый бензиновый чад
вдруг холодом бездны дохнуло,
услышал я: травы кричат!
Увидел я: корчатся корни
в осаде отравленных вод,
и воздух свинцово-тлетворный
прохожих за горло берёт...
Но миг —
и исчезли виденья,
и голос тревожный пропал...
На улице, полной движенья,
я знака зелёного ждал.
А мимо победно летели
«ижи», «Москвичи», «Жигули»,
и люди красиво сидели,
картинно сжимая рули.
И тополи тихо шуршали,
сирень за оградой цвела,
и девочка розовый шарик
на тоненькой нитке вела.
Потом перешёл я дорогу
и дальше пошёл по весне...
Но странная эта тревога
жива и поныне во мне.

Может быть, оттого Белкин и сумел прожить и «не согнуться» в последние свои десятилетия, когда рушилось многое из того, что и он создавал (только ГЭС продолжала мерцать своими огнями, перегораживая великую реку, как неуместное в черновике тире, да не убитая до конца «гэсовцами» природа встречала его каждый день поутру):

...Иду опушкой леса не спеша,
Кивну цветку, послушаю осину...
Оттаивает скорбная душа —
И расправляю сгорбленную спину...

В маленьком, компактном Дивногорске, где все у всех на виду, проблемы кризисного «застойного

периода», а потом и перестройки, и лихих девяностых ощущались и чувствовались не менее, а, может быть, даже и более остро, чем в мегаполисах.

Создавая однажды свою поэтическую страницу на вольных просторах интернета, поэт снабдил её коротким предисловием: «Последние двадцать лет я пишу стихи, которые естественно сложились в поэтическую летопись „В дни великой смуты“. Смуты в умах и в обществе. В рамках этого цикла издано три сборника: „Во лжи над пропастью“, „Окаянные годы“, „И дух, и меч!“»

Каждое название каждого сборника — как звук револьверного выстрела, как отсылка сразу ко всему предшествующему гуманитарному литературному пространству — и Сэлинджеру, и Бунину, и Евангелию...

Собственно, и объяснять читателю, зачем, почему и о чём этот летописный свод был поэтом-шестидесятником на стыке таких разных веков, в преддверии «последней точки» в его жизни, создан, нет никакой необходимости... (Показательно, что к размышлениям о судьбах экс-советского общества и самой страны России обратятся тогда и некоторые из всероссийских шестидесятников, подобно и Белкину, и Яхнину, рыцарски вставшие на защиту заблуждений (заблуждений ли?) минувших времён, в которые жить им было не очень просто — см. об этом в интереснейшем повествовании И. Вирабова об Андрее Вознесенском, вышедшем в 2015 году в серии «ЖЗЛ».)

«Поэзия — это то, что мы не знали о себе», — написал однажды в инскрипте на подаренном автору этого эссе сборнике другой поэт, сербский театральный режиссёр Мирослав Белович. И ещё, наверное, поэзия — это напоминание: поэты говорят с нами о том, что мы знали когда-то, когда начинали путь в этот мир, когда начинали свою судьбу, — но однажды забыли или просто однажды промолчали...

Мне кажется, даже плечами
её ощущаю подчас,
ту крестную ношу молчанья,
что стала привычной для нас...
В ней чувствуется дыханье
сгущающейся грозы,
невывказанного признанья,
невывплаканной слезы...
Взорваться бы откровеньем!
Однако из века в век
о самом своём сокровенном
помалкивает человек
при встречах и расставаньях,
в собраниях и у костров...
и ширится грозно молчанье,
стекаясь со всех уголков.
О чём оно в уши нам дышит?
чего оно молит и ждёт?

Имеющий душу — услышит.
 Умеющий думать — поймёт.
 И ещё, как слово прощания:
 Ты камнем был... Ты человеком стал.
 Ты миллиарды лет в себя вобрал.
 И в теле клетка каждая твоя —
 живой итог былого бытия.
 Не потому ли в ныне сущем дне
 ты бредишь о безбрежной вышине?
 И каждый миг среди побед и бед
 ты ловишь зов небес и солнца свет...
 чтобы сказать за огненной чертой:
 «Я человеком был...
 Я стал звездой!»

Эссе четырнадцатое

«Эпилога не будет...»

*Красноярская поэзия конца 1950-х —
 начала 1970-х годов, часть четвёртая*

В качестве эпитафии давайте возьмём слова из стихотворения предшествующего нашего героя, Владлена Белкина. Если бы поэт, о котором мы дальше будем с вами размышлять, дожил до белкиных почти девяноста лет, он с не меньшим основанием мог бы сказать (сказать по-своему, конечно):

*Считите блажью старого поэта
 его сужденье дикое,
 что он —
 с другой
 планеты,
 из иных
 времён...*

Вячеслав Назаров.

Удивительное, уникальное явление в сибирской поэзии (и в фантастической прозе Сибири). Краткое, как падение заплутавшего (или сюда и летевшего), внезапно приблизившегося к Земле метеорита. Долгое, как тысячелетний, всё ещё доходящий до нас сквозь межгалактическое пространство свет — свет звёзд, среди которых он, кажется, и прожил все свои короткие сорок два года...

Я знаю,
 как ели в Сибири растут —
 как будто на финише ленточку рвут.
 Дорога железом
 пробита в тайге —
 глубоким порезом
 на синей щеке.
 Прошли по дороге
 сто тысяч катков,
 утюжа до камня

дороги покров.
 На ельник вчерашний,
 на бритый уклон
 могильной плитой
 улёгся бетон.
 Ни Богу, ни чёрту
 не скрыть полотна.
 Но снизу,
 как мины,
 гудят семена!..

Он как будто предчувствовал эту краткость времени — времени как эпохи, в которую деловилось ему жить, и времени отпущенной ему судьбы. А может быть, и знал об этой краткости, догадывался об этой недолговечности? И об эпохе, и о судьбе?

Потому и сказал однажды — как отрезал:
 Эпилога не будет.
 Наше время — пролог
 катаклизмов, открытий,
 тупиков и дорог.

Судьба начиналась, кажется, будучи похожей на судьбу всех его будущих сотоварищей по шестидесятичному поэтическому цеху.

Родился в предвоенном десятилетии, детство совпало с войной, окончание института и «выход в свет» пришлось на самое начало оттепели. Впрочем — о похожести если и говорить, то только о внешней. Другим каким-то был изначальный вектор этой судьбы. Как будто стрелка его персонального компаса всё время показывала не на географический полюс, а задиралась куда-то ввысь. К звёздам, что ли?..

Он родился в самой что ни на есть Центральной России, в городе Орле, в сентябре 1935 года. Когда началась война, ему было шесть лет.

Невольно вспоминается фильм «Иваново детство»...

В предисловии к его сборнику «Дороги надежд», который выйдет в 1982 году в серии «Библиотека советской фантастики», будут впервые, кажется, опубликованы строчки из автобиографии, написанной им при поступлении в Союз писателей (позднее текст автобиографии войдёт в российский автобиобиблиографический ежегодник «На пороге XXI века»).

Это было в деревне Желябуге на Орловщине: «Я до сих пор просыпаюсь по ночам от лая овчарок, которых натравливали на меня пьяные эсэсовцы. Иногда в сломанном дереве мне чудится виселица, которая стояла в центре села, а в стуже дождя — шальные пулемётные очереди, которыми ночью скучающие часовые прочёсывали деревенские сады. Никогда, никогда не забудется мне немец, который стрелял в меня, когда я копал в брошенном

поле прошлогодний гнилой картофель... Отец пришёл с первыми частями Советской армии. Немцы, отступая, сожгли нашу деревню, а мы с матерью две недели прятались в брошенном окопе. Над нами гудела, обжигая и калеча землю, Орловско-Курская дуга».

Война, муки, подвиги, страдания и все подлинные человеческие чувства, то есть всё, что способно войну на земле победить, останутся в его сердце навсегда, будут рефреном, пеплом Клааса звучать и в его поэзии, и в прозе: «Мне было шесть лет, и я учил взрослую науку ненависти и любви, не знающую ни полумер, ни полутонув...»

Вот (опередим хронологию) исполненные любви, страсти, истинной поэзии прозаические строчки из его не очень большой по объёму, но созданной на едином дыхании книги о войне «Добрая воля Сибири». На одной из страниц Назаров пишет об одном из самых легендарных героев минувшей войны — кто о нём, кажется, только не писал — об Александре Матросове!

Но так — точно не писал до Назарова никто:

«Он стал сыном России, этот беспокойный детдомовский паренёк, — сыном любимым и незабвенным... Есть слава быстротечная — она порождает соцветия буйные и неправдоподобно яркие, она отцветает разом и пропадает без следа. Но слава Матросова была и остаётся иной. Сотни людей — молодых и немолодых — за время Отечественной повторили этот небывалый подвиг. Значит, он не был ошибкой юнца, принятой за намерение, или жестом отчаяния, принятого за героизм. Налицо сознательный поступок человека, когда воля лишает смерть привычной власти над сознанием. И ещё — поступок человека, способного беззаветно любить. Ненависть может бросить в атаку, ненависть может смести преграды, ненависть может побеждать, но только любовь способна дать силы для защиты чего-то вне себя: зелёного дерева, беспомощного котёнка, случайного прохожего, женщины, семьи, дома, города, Родины... Поэтому страна одарила Александра Матросова не только золотом посмертной славы, но и горячим постоянством живой ответной любви...»

Кто создал мир —

Эйнштейн или Бетховен?

Что нужно миру —

разум или сердце?

А может быть,

без разума и сердца,

как мох на камне,

медленно расти?

Я вижу сны неистового мозга:

тиски констант,

сжимающих пространство,

решётки цифр,

остановивших время,

и на крутой рассчитанной орбите —

рождение солнца

по команде с пульта.

Я вижу кубы, плоскости, кривые,

невиданные ткани и металлы,

и вместо чувств,

неясных и неверных,

отточенную точность

чертежа...

О начальном периоде своей жизни (фактически — о первой, большей половине отпущенного ему земного срока) он расскажет в своей «Автобиографии». Немногочисленные, в общем-то, писавшие о Назарове авторы упоминают целый ряд знаковых деталей этой судьбы. Они — как вешки, обозначающие складывающийся путь, его собственный, неповторимый путь.

Учиться пошёл сразу после освобождения Орла, в 1943 году, «по наспех разминированному пустырю», его первая школа располагалась в подвалах взорванной немцами областной больницы. Рано начал писать стихи, в выпускном классе впервые опубликовался в газетах, хотя позднее об этих стихах вспоминал с улыбкой... В 1953-м окончил школу с золотой медалью, поэтому смог легко («без особых переживаний») поступить на журфак Московского госуниверситета.

Годы учёбы в МГУ — были прекрасными и драматичными. Из тех самых отмечаемых биографами деталей, помогающих представить себе эту часть его короткого пути: много читает и много сам пишет, прекрасно знает литературу, среди особых пристрастий (неожиданно!) — основатель «новой драмы» Генрик Ибсен, ставший предметом его дипломной работы, и поэты Серебряного века, среди них самый любимый (тоже, казалось бы, неожиданно!) — Александр Блок, которого студент Назаров «понял и навсегда полюбил». Потом придёт черед «раскалённого и мощного мира» Бориса Пастернака. А из ровесников больше всего будет благоговейно ценить Андрея Вознесенского.

Искусство, живопись — тоже предмет его увлечения, в частности — французские импрессионисты, которым будут посвящены некоторые его стихи. Сила искусства, делающего человека свободным, — станет одной из сквозных тем его творчества. О своей первой книге, «Сирень под солнцем», он скажет в автобиографии: «Наверно, было в ней много чуждого и наносного, но за главный тезис „Сирени“ — мотив творчества — я буду бороться всю жизнь. Я безмерно, безвозвратно убеждён в способности искусства преображать действительность, и в не меньших, чем у науки и техники, возможностях для этого».

Никколо Паганини

Когда оборвалась третья струна

Всё те же пятна
 лиц, злорадно строгих...
 Здесь все враги.
 Здесь все посвящены.
 ...Одна струна.
 Всего одна дорога.
 Всего одна
 секунда тишины.
 При свете свеч,
 как глухнувшее эхо,
 дрожит и тает
 нотная строка...
 Здесь все враги.
 Зал хочет только смеха.
 И так бессильна
 гибкая рука.
 Конеч.
 Конеч?
 Концерты и карьера —
 всё это прочь.
 Глаза ожгла,
 как свет,
 на площадях родившаяся вера,
 кровь карбонариев
 к лицу метнулась:
 «Нет!»
 Качнулся зал
 в стремительном наклоне.
 Свились спирали
 трёх ненужных струн.
 Смычок...
 И умер Паганини-клоун.
 И гением
 стал маленький горбун.
 И жизнь — как сон.
 И путь ещё не начат.
 И впереди — ещё не раз весна,
 пока поёт,
 пока, колдуя,
 плачет
 под пальцами
 последняя струна...

Эти стихи о «последней струне» под пальцами великого Паганини войдут в самую первую поэтическую книгу Назарова, которая выйдет в 1960 году уже в Красноярске. А во время учёбы в вузе свои стихи он читает на студенческих встречах, на заседаниях поэтического литобъединения МГУ, на знаменитых самостоятельных поэтических молодёжных чтениях у памятника Маяковскому...

...Я вижу сны неистового сердца:
 теплом дыхания стёртые границы,
 костры любви

на вдохновенных лицах,
 и под лучами музыки и солнца —
 земля,
 освобождённая от горя.
 Я вижу губы в соке земляники,
 я вижу пальцы в судороге счастья
 и на виске,
 под кожей,
 рядом с мозгом, —
 бессонное биенье
 мятежа...

«Университет давал много свободного времени, которое я делил между бессистемным, запойным чтением книг, живописью и стихами. Каюсь, львиная доля этого времени уделялась философам разного толка и французским импрессионистам, но, кажется, именно они открыли мне двери в поэзию... Вокруг была великодушная, горячая и непримиримая аудитория — студенты. Это были 1953–1955 годы, все мы были немного пророками и бунтарями...» — вспоминал он о времени учёбы в МГУ. Но это не было временем диссидентства. Как и у московских собратьев — у Вознесенского, у Евтушенко, — тема родины у всех этих «немного пророков и бунтарей» будет не проходной, а корневой, глубинной...

...Нас вечно по свету носит.
 На красный огонь — гони!
 Простенки вагона — ночи.
 Вагонные окна — дни.
 Растеряны где-то вещи,
 и сорваны тормоза.
 Навстречу Россия хлещет
 в распахнутые глаза!
 <...>
 Работа наша — Россия,
 мятеж её и покой,
 и чтобы от нашей силы
 была она чуть другой —
 хотя бы на самую малость,
 на дерево или дом...
 И чтобы это осталось,
 когда навсегда уйдём...

Но, естественно, свободомыслие и «декадентские» увлечения молодого стихотворца не могли не получить в годы учёбы в главном университете советской страны должную оценку «старших товарищей». «Эстетство» и «поэтерство», «отрыв от жизни», «пренебрежение основополагающим принципом советской литературы», принципом социалистического реализма, — что напоминают нам эти обвинения, брошенные однажды на заседании литобъединения в лицо студенту МГУ В. А. Назарову? Да, конечно же, об этом в те же годы с тревогой, партийной прямоотой и отеческой

заботой напоминали старшие коллеги молодым, ещё неоперившимся «птенчикам», товарищам Вознесенскому, Евтушенко, Ахмадулиной...

...Кто создал мир —
Эйнштейн или Бетховен?
Что нужно миру —
разум или сердце?
Я знаю только —
нужен спор их вечный
и, кроме спора,
вечное единство,
чтоб никогда
дорога в неизвестность —
нелёгкая дорога человечья —
не поросла
холодным ржавым мхом.

Таким образом, направленный в 1958 году по распределению в Красноярск выпускник МГУ Вячеслав Назаров уже имел за плечами репутацию человека небесталанного, но... Видимо, с этим было связано настойчивое предложение выпускнику поехать в глубинку, поработать для начала где-нибудь в районной газете... От этого предложения Назаров категорически отказывается, в итоге, после состоявшегося в секретариате Красноярского крайкома КПСС (где к тому времени сменилось руководство, первым секретарём стал самостоятельный в решениях А. А. Кокарев) собеседования, принимается соломоново решение: направить В. Назарова редактором на созданную — только что, в ноябре 1957 года, — Красноярскую студию телевидения...

Самая молодая на тот момент телевизионная студия страны переживала свой начальный, поистине легендарный период. Имена первых журналистов, дикторов, режиссёров, операторов десятилетиями (пока на рубеже двадцатого — двадцать первого веков все традиции красноярского краевого телевидения не будут в одночасье разрушены пришедшими к власти с улицы людьми) будут вспоминаться как легенда, как былина, как далёкое сказание о богатырях...

Вадим Николаевич Фёдоров, кинодокументалист, сам к этому легендарному времени причастный, однажды напишет, как будто на одном дыхании скажет за кадром в очередном своём фильме:

«Когда прохожу коридорами старой студии, то мне немного не по себе: там тихо и пустынно, там полумрак... Но если, закрыв на мгновение глаза, силой воли вернуть себя в прошлое — допустим, лет на сорок, — то светлым и солнечным вдруг станет мрачный коридор, от смеха и громких разговоров он снова станет шумным, а двери комнат распахнутся, и появятся в них те, с кого начиналось красноярское телевидение.

Первые операторы, журналисты, режиссёры. Нам было трудно — ведь по этой дороге ещё никто не ходил. Но как было интересно! Как было празднично! С каким восторгом встречали мы любую творческую находку коллеги! То был рассвет. Зелёное юное утро... Режиссёры Толя Ермолаев и Слава Назаров, операторы Юра Гвоздев и Саша Попильнюк... Не успевшие постареть, они такими в памяти и остались — молодыми.

Самым жизнерадостным среди нас был в ту пору всё же Назаров. Это, наверное, особая черта тех, кто пишет стихи, — быть жизнерадостным... А Слава писал хорошие стихи...»

Десять неполных лет работы Вячеслава Назарова на краевом телевидении пролетят как одно мгновение, но мгновение, вместившее в себя неимоверно много им совершённого: передач, фильмов, сценариев, командировочных перелётов и поездок («бродяжничества») по всему краю, плаваний по Енисею и Ледовитому океану, газетных и книжных публикаций, прозы и, разумеется, стихов.

...Я знаю,
как ели в Сибири растут —
как будто последнюю песню поют.
Беру твои руки,
как радость берут.
Вхожу в твои очи,
как в синий приют.
Ни снега, ни ливня —
литой потолок.
Ни вора, ни горя —
английский замок.
Живая жар-птица
в провале зрачка.
И старый будильник
считает века.
И слышно, как дышит
в углу тишина...
Но снизу,
как мины,
гудят семена!..

В первый же год из редакторов молодой выпускник «сбегает» (по выражению В. Фёдорова) в телевизионные режиссёры — больше времени и свободы для настоящего творчества, в том числе и для стихов: режиссёры на телевидении — тогда ещё каста особая, неприкасаемая и боевая.

Уходу в режиссуру кино, по словам самого В. Назарова, способствовала пробудившаяся в нём «забытая на время тяга к живописи». С 1961 по 1967 год Вячеслав Назаров работает сначала ассистентом режиссёра, затем уже режиссёром на ещё одном легендарном участке красноярского ТВ — в кинокомплексе, располагавшемся тогда в бывшем здании католического

костёла. «Киношники» снимали и сюжеты для телепередач, и серьёзные, основательные документальные фильмы, которые потом показывались не только в крае, но и в Москве, на телестудиях других городов Союза.

Новые города и новые заводы, Красноярская ГЭС и Норильский горно-металлургический комбинат, рыбацкие будни и будни красноярских корабелов, история и современность, память о Великой Отечественной и романтика революционных лет, энтузиазм молодёжи и любовь к родной земле — обо всём этом он будет говорить в своих передачах, а потом и в фильмах, будет говорить со своим, появившимся у него, зрителем, говорить взволнованно, мастерски и искренне... И фильмы Назарова оставались неотделимы от его поэзии...

«Сибирь по-новому прочитала мне Блока и открыла оглушительную простоту Пастернака. В таёжных кедрах пела скрипка Паганини, и сквозь кержацкие сёла сквозил неистовый штрих Гойи...» — скажет он об этом времени. Жизнь переплавлялась в искусство. Искусство помогало изменять жизнь...

...Пусть жизнь нам
только раз
дана.
Она
становится бессмертьем,
когда работе —
мало дня,
когда дыханью —
мало ветра,
когда тревожат
ширь и высь,
когда
твои дела и чувства
приобретают
чёткий смысл
горенья,
творчества,
искусства.

Его стихи органично войдут в его телевизионное и кинотворчество, иногда будут звучать в передачах и в фильмах. А в 1974 году («не было бы счастья, да несчастье помогло»), когда он уже уйдёт с телевидения и будет профессионально заниматься писательским ремеслом, Красноярская студия телевидения, не выполнявшая годовой план по производству фильмов (не успели отснять «уходящую натуру»), обратится к нему за помощью, попросит стать героем документального фильма — сказать слово к зрителям, почитать свои стихи. И фильм «Вячеслав Назаров» будет снят (за три года до его безвременного ухода из жизни), а у зрителей следующих поколений будет возможность увидеть и услышать оставшегося молодым поэта...

Но если будет день,
когда окаменевший пепел,
ещё хранящий радиоактивность,
покроет почву вымершей планеты,
как полотно смирительной рубашки,
стянувшей туго тело идиота, —
я не хочу
на торжестве маразма
быть одиноким обелиском мысли:
слитком бронзы —
оплавленным «Мыслителем» Родена,
или полусгоревшей партитурой
бетховенского «Эгмонта»,
или стихами Блока,
чудом уцелевшими
в остывшем месиве бетона и железа.
Но если, вопреки всему,
настанет день
неизгладимого позора,
то я хочу
быть спорой.
Серой спорой
с непоборимой способностью деления —
живую спорой!
Неизмеримо малой каплей бунта
в бесплодном мире вечного покоя —
всесильной спорой!
Началом новых миллионолетий
сурового и трудного отбора
в пути от протоплазмы к совершенству.

Постепенно, довольно ритмично, несмотря на цензурные строгости, внешне — вполне благополучно, внутренне — достаточно сложно, будет складываться его поэтическая и писательская судьба. Начиная с 1959 года, он начал печататься в краевых газетах, в альманахе «Енисей», в столичных журналах — «Юности», «Молодой гвардии», «Смене». В 1966 году, по рекомендации знаменитого Читинского совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (1965), позитивно сказавшегося и на судьбах его красноярских (и не только — Вампилов, Распутин) собратьев, будет принят в члены Союза писателей. В 1968 году он станет лауреатом премии Красноярского комсомола. Выйдут его поэтические сборники — «Сирень под солнцем» (1960), «Соната» (1964), «Формула радости» (1968), «Световод» (1973).

Умчались в прошлое тачанки.
Погасли всполохи-клинки.
И только шрамы как печати.
И только песни как штыки.
А в песнях — пули.
В песнях — сопки.
А в песнях — зарево зари.
И силуэтами по солнцу
проносятся

богатыри.
 Летит,
 летит по синим травам,
 несправедливый мир круша,
 сама романтика и слава
 на лезвии у палаша.
 А мы — в плену иных профессий.
 И, различные едва,
 в ладони вписаны, как фрески,
 сухие шифры мастерства.
 Покорны нам металл и камень,
 составы почв,
 глубины вод.
 Мы держим дерзкими руками
 покатым синим небосвод.
 Но и над ними, и над нами
 во всю земную широту
 одно простреленное знамя
 свистит
 на бешеном ветру.
 Мы связаны
 одним приказом,
 и потому на звездопад
 по орбитальным космоторсам
 шальные конники летят.

Путь к продолжившей искания поэта и его лирического героя прозе начнётся в конце шестидесятых, проза Назарова начнёт печататься в журналах и выходить отдельными изданиями. Пришёл черед публицистическим повестям о войне. В 1969 году издана в его литературной записи книга «Дорога памяти» о боевом пути 17-й гвардейской Красноярской стрелковой дивизии. А уникальная, основанная на воспоминаниях ветеранов и архивных материалах книга «Добрая воля Сибири» о воинах-сибиряках из 78-й добровольческой бригады выйдет в 1975 году и вызовет, по свидетельству коллег, «шквал читательских писем».

Памятник неизвестному солдату
 Пройдешь,
 увидишь и припомнишь:
 здесь был рубеж.
 Здесь шла война.
 Горящий город
 звал на помощь,
 не зная, в чём его вина.
 Метались взрывы, в лица тыча
 осколки стен,
 куски корней...
 Он к цели полз — один из тысяч
 огнём проверенных парней.
 Стена.
 Наклон пробитой крыши.
 Наверх — рассчитанным рывком.
 Ещё движенье.

Дальше.
 выше.
 И — в небо врезалось древко!
 И вот тогда случилось это:
 в упор ударил пулемёт.
 Солдат сквозь ад свинца и смерти,
 не падая, шагнул вперёд.
 Он только на мгновенье замер —
 и сжала автомат рука.
 Над ним, шурша, раскрылось знамя
 и так застыло —
 на века...
 С тех пор
 над городом спасённым,
 над шумной жизнью автотрасс
 он встал
 охраною бессонной,
 приняв бессмертье,
 как приказ.

А в 1972 году книгой «Вечные паруса» начался для читателей разных возрастов совсем новый Вячеслав Назаров — автор повестей и рассказов в жанре научной фантастики (первый его научно-фантастический рассказ, «Нарушитель», опубликует альманах «Енисей» ещё в 1968 году).

...Из «литмальчиков» выбыли.
 В корифеи не выбились.
 Как обозные лошади,
 на поэзии выдохлись.
 А когда-то горели,
 а когда-то лучились.
 Как же так получилось?
 Или недоучились?
 От «Гренады» и Грина,
 как от грома и горя,
 потянуло нас в море,
 необычное море.
 Был кораблик из ватмана,
 паруса из бумаги.
 В необычное плаванье
 уходили бродяги.
 Уходили бродяги —
 возвращаются бонны...
 Где железо кинжала,
 от которого больно?
 Где — хотя бы полслова,
 чтобы поле заплакало?
 Паруса на кораблике
 запестрели заплатами.
 Обещали — не сделали.
 Обманули кого-то...
 И почтовые ящики —
 амбраурами дотов...

О «Гренаде» и о Грине мы ещё вспомним, а сейчас о фантастике. Вероятно, для друзей и читателей,

знавших его стихи наизусть, обращение Назарова к фантастике не стало неожиданностью. Оно было естественным продолжением ряда тем и мотивов его стихов. Самые вдумчивые авторы рецензий на научно-фантастические книги Назарова (а их бывало довольно много, в том числе и не всегда положительных — как в журнале «Сибирские огни» 1973, 1978 годов), — только самые вдумчивые из авторов отмечали, как расширил Назаров обращение к этому жанру свой писательский и творческий потенциал и как расширилась его потенциальная читательская аудитория.

Путь его стихов к сердцу юношества теперь часто начинался с увлечения юного читателя его фантастикой...

Там, в неизмеренной дали,
за солнцем солнце открывая,
увидят люди край земли
и остановятся у края...
Перед стеною вечной тьмы
замрут лучи радиотоков...
И вот тогда проснёмся мы
в крови неведомых потомков.
Мы распрямимся в их телах
и сузим яростные веки.
И хрустнут в сомкнутых руках
предохранительные вехи.
И прозвучит сигналом к бою
неукротимость древних снов.
И снова вспыхнут за спиной
крутые крылья парусов...

«Вечные паруса»... Наверное, такими парусами на его «пласредствах» были его учителя, предшественники, родственные души в мире искусства. Среди «дорогих имён» учителей, которых он сам не раз с благодарностью упоминает в своих стихах и прозе, — писатели и поэты (Пастернак, Блок, Хемингуэй, Вознесенский, Есенин...), художники и скульпторы (Дионисий, Энгр, Чюрленис, Борис Пророков, Пикассо, Моне и Ренуар, Роден...), композиторы и музыканты (Бетховен, Вертинский и Паганини, Вагнер... А второй сборник лирики Назарова, «Соната», и вовсе был назван в честь «Лунной сонаты» Бетховена)...

Как в лучших фильмах Красноярской телестудии, в стихах Назарова мы встречаем удивительный синтез музыки и слова, кинокадра и живописного полотна, фотографии и шума сибирского ветра «за кадром»...

...Есть правда пахаря.
Она
подобна почве.
В неё бросают семена,
как в ящик — почту.
Пусть неизвестен адресат

и даже адрес,
но пахарь пашет наугад
и сеет радость.
И появляется поэт
потом — в ребёнке,
как проявляется портрет
на киноплёнке.
...Бывает разная она —
весна
и почва.
Но прорастают семена.
Доходит почта.

Миры искусства у него неделимы на жанры и виды, на форматы и школы.

Ну вот, действительно, о ком эти строки? Только ли о великом Энгре, художнике, который «больше всего на свете любил играть на скрипке; это забавляло друзей и служило поводом для бесчисленных анекдотов»? Или точно так же может однажды стать «беспомощной» «творческая палитра» поэта, кинорежиссёра, прозаика?... И тогда...

Душа молчит.
Беспомощна палитра.
Рассвет тяжёл,
как надоевший сон.
Земля лежит,
с краями неба слита
в туманный
и пустынный горизонт.
Опять —
до скрипа стиснутые зубы,
и под глазами —
синие круги,
и полотно,
зачёркнутое грубо
одним движением
яростной руки...

Но вот художник Энгр берёт в руки скрипку (или, как Зорий Яхнин, останавливается перед мольбертом; или, как Вячеслав Назаров, усаживается у монтажного стола)...

...Земля горит,
игрой зари залита,
и дальний лес
как пламени перо.
До горизонта
вытянулось нитью
реки
расплавленное серебро,
а выше — в небе,
нестерпимо ясном, —
летят и тают белые мазки...
Оставь смычок.
Смешай с лучами краски.

Возьми у ветра
 лёгкий взмах руки.
 Подслушай всё,
 что шепчет и смеётся,
 что рвётся ввысь
 грозой и тишиной...
 Палитра ждёт.
 В палитре бродит солнце.
 Перенеси его
 на полотно.
 Пиши —
 и завтра
 строгий зал разбудят
 шаги и радостная суета.
 Уставшие за день работы
 люди
 не отойдут
 от твоего холста.
 Тебе —
 их благодарность и улыбки.
 Тебе —
 глаза,
 в которых стоял лёд...

И последние строки этого стихотворения, без которых этот почти автобиографический набросок (или репортаж?) из мастерской художника был бы неполон:

...И только,
 вспомнив о старинной скрипке,
 друзья расскажут
 новый анекдот.

В главной, пожалуй (хоть и очень тоненькой), книге очерков о красноярских поэтах сороковых-семидесятых — «Дом и мир» Галины Шлёнской (Красноярск, 1984) — очерк, посвящённый Вячеславу Назарову, автор назвала строчкой из стихов: «Свести мельчайшее с огромным». Название, отсылающее читателя и к лирике, и к режиссёрской профессии Вячеслава Назарова. Шлёнская подчёркивает связь творчества Назарова с ещё одним его «формальным учителем» — Сергеем Эйзенштейном.

Связь эта — двойная. Как и многие его коллеги на телевидении и в документальном кино (здесь можно «с лёту», что называется, назвать целый ряд легендарных сотрудников Красноярского ТВ, режиссёров и операторов: Александра Попильнюка, Владимира Кириянова, Юрия Устюжанинова, Юрия Мячина...), Назаров учился режиссёрской профессии у великого мастера.

Г. М. Шлёнская отмечает, что поэт «привык к кинокадру, к монтажному столу, к изобразительным средствам кино». Но это «неизбежно накладывало свой отпечаток и на его поэтическое творчество».

И действительно, вдумчивый читатель находит в стихах Назарова эти особенности киноязыка

двадцатого века, отмеченные критиком: «интеллектуальное построение формы, предельная насыщенность кинофразы, экономия выразительного материала. Ему хотелось достигнуть в стихе подобного лаконизма конструкций, чёткости монтажного контрапункта... кадровость становится одним из главных принципов организации композиции стиха, через смену кадров часто и движется мысль поэта».

Побег

Я сладко ранен,
 как даль рекой,
 как почва плугом,
 как рожь рукой.
 Я — оленёнок.
 Во мне — тайга.
 Как жарко ломит
 мои рога!
 Я — красный камень.
 Во мхах бока.
 Как вены, вздулись
 на лбу
 века!
 Я — паутина.
 Из-за берёз
 ловлю радаром
 росинки звёзд.
 И вот я — небо,
 а был как ты...
 Я ранен в солнце
 иглой пихты!
 Я принял просинь.
 Я предал боль.
 Я был поэтом.
 Я стал собой.

1977 год стал его последним годом. Двадцатого июня того года, безмерно рано, он уйдёт от любимой семьи, от преданных ему читателей. Как скажет кто-то из его коллег: «Война всё же догнала его...»

...Я знаю,
 как ели в Сибири растут —
 как будто шальные,
 вслепую,
 враскрут,
 зелёное небо навывлет пробив,
 уходят
 в космический холод глубин —
 куда-то в пространство,
 куда-то...
 Куда?
 Не стройте на минах
 свои города.

На памятнике над могилой будут выгравированы в бронзе его строчки:

Удел человеческий светел.
И все мы — в том и секрет —
единственные на свете,
и всем нам повтора нет...

Но бронзовая табличка однажды с памятника
исчезнет: чьи-то руки не дрогнули, свинтили,
сдали память на цветной лом. Время такое пришло
тогда на нашу землю. Помните, как пророчески он
сказал: «Эпилога не будет. Наше время — пролог
катаклизмов, открытий, тупиков и дорог»?

...Холодно стало? — Пусть.
Голодно стало? — Пусть.
Что позади? — Грусть.
Что впереди? — Грусть.
В мире, как мор, немом
каждый в себе самом —
сам заключён в себе,
в белой своей судьбе.
Ветер рванул дверь.
Смотрит в глаза зверь...
Что позади?
Смерч...
Что впереди?
Смерть...

...И вот теперь мы, каждый в своём возрасте,
в свой час, открываем для себя поэта Вячеслава
Назарова заново, как впервые.

Что-то очень важное в поэте и писателе Вячеславе Назарове уловил журналист и историк Вадим Михановский, лично в своё время с Назаровым знакомый. В «Сибирских огнях» (№ 8/1986), в рецензии на научно-фантастический сборник «Время равных», переизданный в 1985 году Красноярским книжным издательством, критик так подводил итоги, с горечью говоря о безвременном уходе друга из литературы и из жизни: «Он был из той категории русских писателей, которых при жизни считают немного наивными, слишком доверчивыми простаками. И только после того, как их не станет, мы вдруг начинаем понимать, что с их уходом мы потеряли нечто большее: вакуум, созданный их отсутствием, почему-то не заполняется...»

Мы открываем для себя заново поэта, писателя, публициста, режиссёра... И пытаемся открыть для себя Назарова-человека. Главный источник такого возможного открытия — всё же не столько биографии и статьи, а стихи, так думается.

Критики не раз говорили о «солнечной» теме в лирике Назарова.

Это поистине кодовое для поэта слово — «солнце».

Тема света, образ далёкой и дающей нам жизнь звезды, нашего Солнца, призыв «Живи у солнца», — всё это часто можно встретить у Назарова, среди этих его, всё ещё, наверное, до конца не

собранных и не опубликованных, поэтических строчек (только в 2018 году крохотным тиражом в Красноярске вышел составленный Т. Горошкиной наиболее полный сборник, «Теория невероятности»).

...Как тяжко и сладко
носить в себе солнце,
когда ты из пряного пламени
соткан,
когда ты спрессован
из веского света
и взорван в комету
из мёртвой планеты!..

...Итак, свет, солнце.

Это и рукотворные огни Красноярской ГЭС (целый цикл «Живи у солнца» будет посвящён им её строителям), и согревающие путешественников костры Крайнего Севера, и та таинственная энергия, которая движет планетами и придуманными писателем Назаровым космическими кораблями. И невидимый миру (как те самые, гоголевские, невидимые миру слёзы) огонёк, который ночью освещает не дописанные до конца черновики поэта.

В сборнике «Формула радости» будут такие сокровенные и не оставляющие читателя равнодушным строки, объединяющие военное детство и «мир, летящий косо, сквозь дым, сквозь кровь, сквозь безнадёжность — к солнцу»:

У мышц есть память.
Долго-долго,
гораздо дольше, чем воспоминанья,
живут в нас отражения движений
смещениями
в молекуле белка.
Мы забываем всё —
слова и вещи,
чужую боль и собственную юность.
Но бывшее когда-то
остаётся
морщинкой или волосом седым.
Я был мальчишкой.
Я войны не помню.
Но от того седого поколения
осталось жить во мне
прикосновение —
рука отца. И мир,
летящий косо,
сквозь дым,
сквозь кровь,
сквозь безнадёжность —
к солнцу.

Солнце «зарифмуется» у поэта с самым что ни на есть романтическим писателем, которого

Назаров, кажется, так и не разлюбил, вопреки всем тем испытаниям и невзгодам, в которых он вырос и формировался как поэт, как режиссёр, как человек.

...Наверное, не было у «русских мальчиков», у романтиков минувшего двадцатого столетия книг, образов и мотивов более заветных, чем книги этого писателя, которого так любил Назаров (хотя в детстве рядом с ним, выше его, казалось бы — громады: Дюма, Жюль Верн, Уэллс, Стивенсон, Купер, Майн Рид...):

Ты в этом краю не бывал.
Ты этих дорог не истопчешь.
Там летнего утра опал
упал
на зелёные рощи.
Над пирсом
ревёт ураган.
Со штормами борются брига...
Ты помнишь —
Гель-Гью,
Зурбаган,
возникшие в маленькой книге?..

В стихотворениях, не случайно, конечно же, включённых им в третий, уже отчасти итоговый сборник, возникает образ этого любимого писателя, любимых его городов и героев — и образы нас самих, читателей, таких разных, забывших или не забывших первую встречу с ним:

...Не помнишь.
Ты сгорблен и чахл.
Твой опыт
ничтожен и скуден.
А эти —
в дорожных плащах —
высокие,
гордые люди
приходят на мокрый причал
с мечтой,
обгоняющей время...
Их жизнь —
без концов и начал
гудящая ветром
поэма!
Ты книгу прочтёшь.
Из перин
не выползешь в ночь
для полёта.
Забудешь короткое —
«Грин» —
на сером листе переплёта...

И вот она, развилка, у которой стоял однажды и лирический герой Вячеслава Назарова, а вернее, что и — он сам, орловский парнишка,

окончивший МГУ, ставший кинорежиссёром на одной из лучших телестудий России, в одном из самых необъятных краёв, с могучей ГЭС, возведённой буквально на глазах этого режиссёра:

...Останешься медленно жить
с душою,
как поздняя осень...
Но кто-то
не сможет забыть
гортанный призыв
альбатроса!
И сердце,
как солнце, взойдёт
с последней
затёртой страницы.
И парус упругий мелькнёт
крылом
улетающей птицы.

Красноярский литературовед и критик, любимый несколькими поколениями студенчества преподаватель пединститута Валерия Калистратовна Размахнина была автором целого ряда тонких, глубоких рецензий на лирику и прозу В. Назарова, предисловий и послесловий к его книгам. В статье к последнему прижизненному поэтическому сборнику В. Назарова «Световод» В. К. Размахнина не случайно подчёркивает, опираясь на чтение стихов поэта, которого она лично знала, любила и прекрасно чувствовала: «В поэзии обязательно есть романтический импульс — иначе она просто перестает быть поэзией». И критик отмечает далее удивительное свойство поэзии Назарова: даже в разговоре «о самом простом» у него всегда присутствует «особый ответ несхожести с привычным».

Другое «гриновское» стихотворение Назарова невольно заставляет вспомнить о его, ещё недавно — основной, «киношной» профессии, вспомнить о её влиянии на его стихи.

«Разговор с Грином» выстроен как увлекательнейший фильм, соединивший в себя, казалось бы, несоединимое.

Сначала — подчёркнуто полное «погружение» в образ гриновского (только ли гриновского?) героя, с его открытым, похожим сразу и на манифест, и на исповедь монологом — обращённым одновременно к читателю, к автору «Бегущей по волнам» и к своей судьбе.

В этой первой части стихотворения всё — образы, лексика, ритм стиха и персонажи, возникающие в подчёркнуто романтическом, в утрированно романтическом, может быть, даже, сюжете, смоделированном Назаровым, — всё призвано досконально передать романтическое обаяние гриновских книг и судьбы их автора, переводя это «всё» на язык поэзии:

Я груб и смел.
 Меня ласкал
 солёный ветер океана.
 Я видел
 скулы белых скал
 и знаю путь
 в другие страны.
 Я рос как все,
 как ты растёшь —
 играл в войну,
 читал Жюль Верна,
 а по ночам,
 припрятав нож,
 с друзьями убегал
 в таверны...

Действие (действие в реальной жизни? действие в мечтании и снах, навеянных книгой? не важно!) — действие нарастает, в него вдруг врывается какофония закадровых звуков, «шумов»: и рокот волн, и гром джаз-банда, и грохот драки в таверне...

Там дико пили
 грог и ром,
 дрались
 бесцельно и жестоко,
 и в стук костей,
 в джаз-банда гром
 влетался
 волн суровый рокот...

И вдруг, на секунду, мы растерянно слышим как будто бы ещё один голос, мы вдруг видим за плечами мальчишки, каждой ночью мечтавшего сбежать в романтический мир морских «джентльменов удачи», другого человека: его, этого мальчишку, — но постаревшего на целую жизнь, читающего уже не Жюль Верна, но Канта (где? на школьной, на студенческой скамье? не важно!).

Я рос как все.
 Но даже днём
 я видел,
 вчитываясь в Канта,
 шторм,
 обжигающий огнём,
 и море,
 лёгшее на ванты...

Так свершится или нет этот очередной отроческий «проект», произойдёт ли этот вечный для части человечества «побег» из мира обыденности в мир мечты?

Другой поэт, великий, как раз тогда, в шестидесятые, вернувшийся к своему читателю (и наверняка Назаровым прочитанный), ответил бы так в строчках своих переводов из ещё одного великого поэта:

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
 Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
 Мы всходим на корабль — и происходит встреча
 Безмерности мечты с предельностью морей...

Герой «Разговора с Грином» — до конца прохит мучительный, полный горя и грязи путь к мечте, который не сумел (в жизни) до конца пройти сам создатель «Гринландии», но который с честью проходят все его герои.

И лирический герой Назарова — он тоже пройдёт этот путь до конца!

И вот однажды,
 бросив дом,
 когда «Сюзетт»
 грузила уголь,
 я в грязный трюм
 прополз тайком
 и вышел в мир,
 забывшись в угол.

<...>

Я в детстве
 прочитал про ад,
 а здесь
 осмыслил будни ада:
 твоя постель —
 стальной канат,
 и ругань боцмана —
 награда.
 Экватор
 выжиг бледность щёк,
 и стал упругим
 каждый мускул.
 Я научился моря шёлк
 на вахте мерить
 взглядом узким.
 Я не сдавался.
 А вокруг,
 как друг,
 обыденно и странно,
 сиял,
 кипел зелёный круг
 тоскующего океана...

<...>

И нас накрыли.
 Дул зюйд-вест.
 У мыса Гарден
 утром рано
 вручил нам
 ордер на арест
 майор береговой охраны.
 Но мы
 недаром пили грог.
 Мы были
 яростны и быстры.
 Мы увлеклись слепой игрой,
 где первой картой —
 первый выстрел.

И, как и в книгах Александра Степановича Грина, лирический герой Назарова побеждает. Он не может не победить.

Была игра,
где ставкой —
жизнь,
где маклер —
честность урагана.
Я победил,
когда ножи
сошлись
у горла капитана.
Потом
в каюте
он сказал,
прикрыв усы
ребром стакана:
— Сдаюсь, моряк.
Тебя ласкал
солёный ветер океана...

...И вот сверхромантический сюжет уже доведён до кульминации, до развязки. Наступает финальное послесловие-эпилог, счастливый хеппи-энд, перерастающий в ожидание финальных титров. (Возможный «левый ряд» сценария: картинка плавно микшируется в соответствии с текстом, крупный портрет героя переходит в виды моря и чаек над ним...)

...С тех пор
я верю лишь игре
и моря честности неверной.
Меня зовут матросы —
Грэй,
и за меня
пьют ром
в тавернах.
Моя судьба —
бушприт иглой,
опасность,
выгодные фрахты
и лебединое крыло
накренившейся к волнам
яхты.

...Какая славная романтическая история...
Отроческая сказка.
Спасибо автору за неё.
Мы вспомнили своё детство, своего Грина,
свои побег...

Но что же дальше?..
Пойдём спать, пожалуй?
«И видеть сны, быть может?..»
Но куда ж направит стопы наш лирический герой?
Что там у него за горизонтом, «на полях» сценария этой романтической сказки?

Но «Алые паруса» и «Золотая цепь» вдруг сменяются самой загадочной гриновской повестью, «Бегущей по волнам». А образ лирического героя у Назарова вдруг вновь начинает раздваиваться.

И возникает вдруг блоковская тема, тема блоковских незнакомок, тех, где «роза в бокале золотого, как небо, аи...».

Какой неожиданный поворот сюжета... Лирический герой постарел? Он вернулся наконец-то в реальную жизнь?

У Блока: «И странной близостью закованный, смотрю за тёмную вуаль, и вижу берег очарованный и очарованную даль...»

У Грина: «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов...»

У Назарова: «Потом бродить — туда, в неон, где в суете мелькнёт, как вызов, улыбка. Профиль. Капюшон, откинутый вечерним бризом...»

И вечно вдаль.
Лишь иногда,
когда над морем
ветер марта, —
залива кроткая вода
и порт.
Таверна.
Ром и карты...
Потом бродить —
туда,
в неон,
где в суете мелькнёт,
как вызов,
улыбка. Профиль.
Капюшон,
откинутый
вечерним бризом...
Скрывая грусть,
идти за ним
и понимать,
что очень скоро...

...И — совершенно неожиданно (совершенно ожидаемо, как поймём мы потом, потом, уже выйдя из нашего условного кинотеатра, в который завлечёт нас киношник-кудесник) — сюжет вновь резко ломается...

Автор не даёт своему герою последовать за «улыбкой и профилем», открывшимися под откинутым вечерним бризом капюшоном...

Рвётся плёнка, как в жизни рвутся судьба и счастье...
Никаких микшерных переходов!
Лишь поцарапанный обрывок киноленты —
и громкий голос за кадром...
...Внимание!
Стоп!

Я кончил фильм
привычным жестом режиссёра.
Над Сочи — вечер.
Свет ушёл.
И распрямился оператор.
Актёры сняли грим и шёлк
и не похожи
на пиратов.
Но, очевидно, навсегда
нам чайка
бурю накричала...
Как уходящая звезда,
уходит
катер от причала.

И вот он наступает, момент истины, вот оно
сейчас будет сказано — то, во имя чего читал он,
так незаметно втянувший нас в свою жизнь (или
в фильм о ней?) автор, во имя чего читал он всю
эту жизнь и Грина, и Жюль Верна, и Марка Тве-
на... (Ну что там читают ещё сегодня внуки или
правнуки поэта Вячеслава Назарова? «Питера
Пэна»? «Гарри Поттера»? Пусть читают. Эти
книги и делают нас людьми. Они и делают нас
сильнее... И что бы там ни было, «за полями»
прочитанных нами книг, мы будем продолжать
жить у солнца...)

...Читаю книгу.
И боюсь
за то, что стало за полями.
Наш катер лёг на старый курс —
на санаторий «Заполярье».
Уходит катер
на восток,
чтоб за чертой
ночей бессонных
найти земной,
живой исток
большого будущего солнца.
От терракотовых вершин
меня позвали властно
сосны...
Сказал я:
— До свиданья, Грин!
И Грин сказал:
— Живи у солнца...

И снова вспоминается вопрос: «Что нас толкает
в путь?» — на который в переводе ею бодлеров-
ского «Плавания» Марина Цветаева отвечала:

Но истые пловцы — те, что плывут без цели:
Плывущие — чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час ещё твердят: вперёд!
«Вперёд! Только вперёд!»

...У одного из любимых его импрессионистов,
у Клода Моне, есть знаменитое полотно «Сирень
на солнце». Картина была создана в 1870-х годах.
Спустя восемь десятилетий, в 1955 году, студент
МГУ и будущий русский поэт, увидевший шедевр
в коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина, напишет
эти строки:

Сирень под солнцем (Клод Моне)

Из сада рванулась навстречу маю
фиолетовая сирень,
играя радугой и эмалью
росы, выпавшей на заре.
Но в сад,
потревоженный светом и гулом
весны,
проснувшейся вдалеке,
пришёл высокий,
немного сутулый
мужчина
с мольбертом и кистью в руке.
Испачкав лицо, рукава и колени,
работал.
И через час
с мольберта
беспечная ветка сирени
навстречу беспечному солнцу рвалась.
Живая сирень
удивлённо поникла.
Живая сирень
убежала за тень.
Живая сирень
тосковать не привыкла,
но вдруг загрустила
живая сирень.
Хотелось ей быть многоцветней и гуще,
и так же упруго под ветром лететь,
и стать —
на мгновенье —
такой же пахучей,
как та
неживая сирень на холсте.

Может быть, в этих ранних, но оказавших-
ся своего рода пророческим манифестом стихах
была нам и дана будущая разгадка этой корот-
кой, но ослепительно-яркой судьбы. Искусство
и литература в этом яростном и жестоком мире
сформировали его — как художника и как чело-
века. А теперь, спустя десятилетия и десятилетия
после той его встречи с сиренью Клода Моне, его
стихи и его книги незаметно меняют судьбы нас,
его читателей и зрителей.

А эпилога и финальных титров в этом, про-
должающем его жизнь на Земле, вечном сериале,
конечно же, — не будет...

Максим Лаврентьев

Хожделение Богородицы по мукам

Русский апокриф XII века

I.

Вдали от людской толчеи, суматохи столичной,
Марию, что, утром покинув Иерусалим,
взошла на вершину горы Елеонской, Масличной,
встречал Михаил — и небесное воинство с ним.

Хвалу воздала предводителю ратей Мария,
и архистратиг славословил пространно в ответ.
Сказала святая: «Спуститься желаю с горы я
в отверстую пропасть посмертных мучений и бед».

Приказ херувимам сейчас же отдал воевода —
раскрылась гора, из глубин замерцали огни.
Обоего пола тут корчилося много народа:
как дикие звери, истошно вопили они.

«Кто это?» — спросила Мария. «Забывшие Бога
язычники всякие смешаны в дикой гурьбе, —
ответил архангел. — Их вечно терзает изжога
за то, что кумиров они возводили себе».

«А дальше, во мраке?» — «Там кроется область
запрета,
в которой не может из грешников злых ни один
увидеть хотя бы ничтожную толику света,
пока им не явится твой, Богородица, Сын».

Взмолилась Мария, к Престолу поднявшая очи:
«Пусть кончится тьма!» — и ударили сверху лучи
такие, что ярость их выдержать не было мочи
у тех, кто страдал здесь, кто долго томился в ночи.

Ужасными криками ад огласился безмерный.
Вздыхалось и падало тёмное месиво тел.
Но замерли вдруг нечестивцы, покрытые скверной,
и голос Марии над бездной тогда загремел:

«Несчастные! Чем же вы так небеса прогневили?
Скажите, какая невзгода, какая беда
заставила маяться вас в этой жуткой могиле?
Какими путями вы, люди, попали сюда?»

И ад отвечал ей на множестве разных наречий:
«Христос не расспрашивал нас, не пытал Авраам.
Здесь не были и Моисей с Иоанном Предтечей.
Отвергнуты мы! Почему досаждаешь ты нам?»

К архангелу оборотилась Мария в печали:
«Они согрешили, но всё-таки в чём их вина?»
«Не верили в Троицу, славить тебя не желали».
И мрак водворился, и плакала горько она.

2.

Отправились далее воины света и Дева.
Вдруг молнией вспыхнуло между подземных
камней
текущее пламя, точь-в-точь из драконьего зева, —
река с бедолагами, скопом стоящими в ней.

Мужчины и женщины в столпотворенье великом
казнились огнём — те по пояс, другие по грудь,
по плечи и шею. И даже иным горемыкам
пришлось с головою в горящую жижу нырнуть.

«Кто это?» — спросила Мария. «Кто проклят
родными
за то, что устраивал распри, за козни и блуд, —
ответил архангел. — Грехи полыхают под ними,
их страсти палят, преступления замертво жгут».

А те, что в огонь погрузились до самой макушки, —
злодеи, при жизни влачившие дни в темноте.
Убийцы и тати! они и другим, и друг дружке
притворно, безумцы, клялись на Господнем
Кресте».

Поодаль, на древе железном с крюками-ветвями,
подвешенный за ноги, тучный болтался старик.
Толстяк голосил, пожираем слепыми червями.
С презреньем архангел о нём произнёс:
«Ростовщик».

Тут змеи терзали обвислое тело старухи.
Из ран вытекала и капала жёлтая слизь.
Сказал Михаил: «Это ведьма, плодившая слухи.
Теперь её дети мамашей обедать сползлись.

А видишь вон те на ветвях измождённые лица,
железом калёным поддетые за языки?
Они убеждали наивных людей не креститься —
и многих сгубили, безбожные клеветники!»

«А кто это рядом, что вьётся на крючьях как угорь,
страдалец, чей скручен язык, опалённый огнём?»
«Пройдоха-священник, продавший церковную
утварь.

Но ты, Божья Мать, не задерживай взгляда на нём.

Смотри, как их много — негодных попов
и монахов!
Хоть с виду не скажешь, ведь наголо каждый
обрит.

Грехи их различны, исход же для всех одинаков —
глаза вылезают от боли у них из орбит.

Обильно они нечистотами сверху облиты.
Здесь вся иерархия, гнить угодившая в ад.
Епископы ниже, над ними же митрополиты,
а выше ещё патриархи отдельно висят».

3.
Сгибалось железо ветвей под чудовищным грузом.
Повсюду бессчётные дёргались в корчах тела.
И всё же, увидев, что делает змей с толстопузом,
никак Богородица мимо пройти не могла.

Трёхглавый дракон взгромоздился на жирную
тушу,
вцепился когтями, все члены оплёл, как лоза,
и, словно пытаясь излить богомерзкую душу,
отраву несчастному впрыскивал в рот и в глаза.

«Кто это?» — спросила Мария. «Известный
учёный,
кичившийся тем, что священные книги прочёл, —
ответил архангел. — Но духом был
иссиня-чёрный,
блажил и бесчинствовал долго, надменен и зол.

К нему приходивших язвил он и волю душил их,
а ныне, как видишь, вот так же сдавил его гад;
кто был непреклонен, теперь уклониться
не в силах
от пастей драконовых, в него извергающих яд».

Чуть дальше свисали, как жалкие битые птицы,
какие-то женщины, множество тел молодых.
Спросила Мария сквозь слёзы: «Кто это?» —
«Черницы.
Они блудодейство устроили в кельях своих».

А вскоре идущим с крутого открылась обрыва
картина широкой, наполненной кровью реки.
В ней толпы тонули. Мария спросила тоскливо:
«Кто все эти люди, и в чём состоят их грехи?»

«Насильники, сводники, хулиганье, мародёры,
скупцы, сребролюбцы, зелёного змия друзья,
неправые судьи, лжецы, сквернословы, обжоры,
жестокие звери-цари и смутяны-князья.

Они, — продолжал Михаил, — где бы ни были,
всюду
безбожное дело вершили, над правдой глумясь,
интриги плели, предавались бестрепетно блуду,
в небесные души объедки бросали и грязь».

Здесь ад Богоматерь приветствовал рёвом и лаем,
что странно слились во всеобщий восторженный
глас:

«Мария! Мария! Мы славу тебе воссылаем!
Заступница наша! Молись, Пресвятая, за нас!»

На воинство ангелов бесы взглянули с испугом.
Притих в ожидании чуда неистовый вой.
Но скорбно Мария промолвила: «Казнь
по заслугам», —
и вал накатиł и покрыл мертвецов с головой.

4.
Сказал Михаил: «Нам осталось провести
немного.
Вот гиблое озеро — в нём обретает удел
любой, кто крестился, кто веровал в Господа Бога,
но кто согрешил, и покаяться в том не сумел».

Во мраке крошечном лишь стоны неслись
отовсюду,
как будто немало казнимым чинилось вреда.
Архангел добавил: «Беда христианскому люду!
О душах пропащих Господь позабыл навсегда».

«Довольно! — вскричала Мария. — Чем в горнем
Эдеме
блаженно парить, созерцая лазурную высь,
останусь я лучше во тьме, чтобы мучиться с теми,
кто чадами Сына, потомством Христа назвались.

Молись, Михаил! Херувимы и ангелы тоже!
За бедных страдальцев, за весь христианский
народ
просите усердно — пускай их помилует Боже,
пускай облегчит им грехов подавляющий гнёт».

Ответил архангел: «В молитвах мы неутомимы.
От ночи до ночи мы просим и день ото дня.
Не слышит Господь нас». — «Ну что же, тогда,
херувимы,
к престолу Его поскорей вознесите меня».

...Мария в чертоге земли и небес властелина.
И голос далёкий, как шум на морском берегу,
ей шепчет: «Я вижу ладони распятого Сына.
Убийц беспощадных помиловать я не могу».

Мария на то возражает: «Не этих злодеев,
которые гнали Тебя и плясали вокруг,
спасти я пытаюсь, не прочих неверных евреев,
а лишь христиан умоляю избавить от мук».

Но голос ей снова: «Я вижу повсюду распятя,
страданье невинных буквально на каждом шагу.
Напрасно жестоких молили их верные братья.
Мучителей, Дева, помиловать я не могу.

Они прегрешенья оставили без покаянья.
Не трогали их — и они совершали опять
всё более чёрные, более злые деянья,
не знали покоя, пока не пришлось их унять.

С крещением вместе закон мой они принимали,
в известное время благу услышали весть.
Что ждёт их за гробом, прекрасно они понимали.
Не будет иного. Пусть всё остаётся как есть».

5.

Увидела Дева — Господь ничего не поправил —
и крикнула грозно: «Ну где ты, пророк Моисей?
Чего вы молчите, оратор неистовый Павел
и ты, Гавриил, с иерархией ангельской всей?

Неужто вы стали в служенье ленивы и сонны?
Не слышите разве мой громкий о грешниках плач?
А вы что притихли, угодников праведных сонмы, —
в раю разомлели, и душу вам трудно напирать?»

Тогда небеса взволновались — и крестная сила
молитву Марии до звёздных высот вознесла,
и вниз устремилась, и тёмные своды пронзила
унылых твердынь самого прародителя зла.

Достигла она не до всех обитателей ада,
одних только лишь христиан между ними избрав.
С надеждой взмолились Христу непутёвые чада:
«Спаси нас! Помилуй! От пытки посмертной
избавь!»

И вот, повинувшись веленью и милости Отчей,
Сын Божий впервые оставил небесный престол.
На зов непритворный молитвы единой и общей
Господь всемогущий в бездонную пропасть сошёл.

Сказал Он: «Из праха создал я Адама и Еву,
в раю поселил их и сделал богами почти,
они же грешить устремились к запретному древу,
позор и погибель бессмертью они предпочли.

Не мог я на слабых, на не совладавших с искусом
смотреть безучастно, как дьявол их поедом ест,
и в плоть я облёкся, прошёл по земле Иисусом,
и, грех искупая причинный, вознёсся на крест.

Когда же сильней с приближением смертного часа
лучи принялись без вины виноватого жечь,
как жгут на костре бедуины кровавое мясо,
воды попросил он, а подали уксус и желчь.

Остались навек для живущих во зле и обмане
заветы мои только грудой незначущих фраз.
Безумные люди, какие же вы христиане?
Преступники вы! Никогда не помилую вас!

Но матери просьбой и жалостью к вам
стародавней
пророков и праведных душ, умолявших меня,
избавлены будете вы от безмерных страданий
в Великий четверг и до Троицы светлого дня».

Молитва богородице

Мария, мать Христа и наша,
прости меня и пожалей —
на мне да не иссякнет чаша
небесной милости Твоей!
Не дай душе умчаться с ветром,
и обними, и обнови
всю жизнь мою чудесным светом
Твоей немеркнувшей любви.

Николай Рябеченков

Пыль и соль на моих щеках...

Жизнь моя — это вечный поиск.
 Пыль и соль на моих щеках.
 Красноярское море — по поясу.
 Ширина Енисея — шаг.
 Но однажды,
 когда устану
 (не вменяйте, прошу, в вину...),
 припаду, задыхаясь, к стакану
 и в стакане воды утону...

Утро. Мороз и метель во дворе.
 Солнце не светит.
 Сколько ещё впереди январей,
 кто мне ответит?
 Сколько на землю снегов упадёт?
 Сколько растает?
 Утро. Позёмка вдоль улиц метёт,
 след заметает.
 Выйду на улицу — прямо в лицо
 с ходу, с разбега
 ветер бросается, словно свинцом,
 комями снега.
 Слышен короткий отрывистый стон
 голых деревьев.
 Ветер бросается с разных сторон
 одновременно.
 И не укрыться, не спрятаться, не
 отворотиться...
 Сколько ещё посчастливится мне
 жить, торопиться?
 Сколько я выдержу прямо в упор
 снега и ветра?
 Утро. Сквозь окон морозный узор —
 голая ветка...

Я мало в этой жизни сделал,
 но всё ж судьбой не обделён
 зелёным ветром, снегом белым,
 простором четырёх сторон.
 И, зная, в одном моё спасенье,
 за то судьбою я храню,
 что воду пил из Енисея,
 встав на колени перед ним.

Всё просто. Всё обыкновенно.
 Жизнь бьёт не только кулаком.
 Жизнь бьёт мелодией Шопена...
 Бьёт, не жалея ни о ком!

Всё просто. Всё обыкновенно.
 Мораль любого подлеца
 внеклассова и вневременна.
 Ей нет начала. Нет конца.

Меня воспитывали много.
 Учили жить. Учили пить
 и не пьянеть. В карман за словом
 не лезть. Обманывать. Любить.

Любить не так, чтоб в злую полночь
 срываться: «Без неё не жить!»
 А просто — знать. А просто — помнить.
 И забывать. И вновь любить.

Учили подличать. Сгибаться
 перед началом всех начал.
 В лицо учили улыбаться
 вышестоящим сволочам.

Я с детства был способен очень.
 Но в жизни встанет в горле ком,
 и до конца прожить захочешь
 бездарнейшим учеником!

Всё почему-то не доходит:
 простые истины — и те
 в своей нагой простоте
 для сердца сложных формул вроде.

Живой и вроде неживой.
 Свободен вроде, а стреножен.
 По пустякам из кожи вон
 готовый выскочить. И всё же
 живущий в ней. Дрожащий в ней
 с постылой маскою кретина...
 То ль бессловесная скотина,
 то ль просто тень среди теней...

Художникам Старого Скита

Бродяги, смертники, изгои...
 Весь мир нам кажется чужим.
 Живём, не дорожим собою
 и перед смертью не дрожим.
 Нам в этой жизни невозможной
 всего страшнее суета.
 И вот звучат тоской острожной
 все песни Старого Скита.
 Теряем кисть из рук умелых.
 Теряем смысл. Теряем цель.
 Летит вдоль стен заиндевевших
 горизонтальная метель.
 Банальна жизнь. И смерть банальна.
 Тоска банальна. И беда.
 И мы почти горизонтально
 летим, не ведая куда!
 Летим, летим над милым краем,
 где нам открыты все пути.
 Вот так над жизнью пролетаем.
 Так над судьбою пролетим...

Чего мы ищем, убегая?
 Какой нас хлещет в спины бич?
 Какого призрачного рая
 мы все стараемся достичь?
 Пора смирить свою натуру.
 Не то, споткнувшись как-нибудь,
 накроет сдуру амбразуру
 твоя единственная грудь.
 Решать проклятые вопросы?
 О стенку биться головой?
 Уж лучше Александр Матросов
 вернулся с фронта бы живой!
 Увы! Снарядов было мало.
 А дот всё бил и бил
 под дых!
 А дураков всегда хватало,
 нас, безымянных, рядовых.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Владимир Набоков

Великан

Я вылепил из снега великана,
 дал жизнь ему и в ночь на Рождество
 к тебе, в поля, через моря тумана,
 я, грозный мастер, выпустил его.

Над ним кружились вороны, как мухи
 над головою белого быка.
 Его не выюги создали, не духи,
 а только огрубевая тоска.

Слепой, как мрамор, близился он к цели,
 шагал, неотразимый, как зима.
 Охотники, плутавшие в метели,
 его видали и сошли с ума.

Но вот достиг он твоего предела
 и замер вдруг: цвела твоя страна,
 ты счастлива была, дышала, рдела,
 в твоей стране всем правила весна.

Легка, проста, с душою шелковистой,
 ты в солнечной скользила тишине
 и новому попутчику так чисто,
 так гордо говорила обо мне.

И перед этим солнцем отступая,
 поняв, что с ним соперничать нельзя,
 растаяла тоска моя слепая,
 вся синевой весеннею сквозя.

Николай Алешков

Жил да был один поэт...

Солдатам воевать, а пацифистам злиться —
Мы ко всему привыкли на Руси...
Воюют наши. Нам за них молиться.
И ждать. И верить. Господи, спаси!

Стихи, написанные
24 февраля 2023 года
Всем в годовщину февраля
Желаю долгих лет.
Но помни, русская земля,
И тех, кого уж нет!
Кто в честном праведном бою
Прошёл через Донбасс
И пал за Родину свою,
А значит, и за нас.

Отмщенье наше — «Солнцепёк» —
Направит в цель солдат.
Все, кто пожар войны разжёт,
Пусть в пламени сгорят!
Победа русская во мгле
Сметёт любой редут,
И вновь на киевской земле
Каштаны расцветут.

И вновь обнимет брата брат,
И кончится война,
И на Крещатике парад
Увидит вся страна.
Страна Иванов и Марусь —
Едины кровь и плоть.
Вернётся к нам святая Русь,
Храни её Господь!

Я родился и вырос
В деревенском раю.
Я из рая на вырост
Мерил долю свою.
Я и осени брагу
Пью на родине всласть.
Как единственный август,
Жизнь моя пронеслась!

Копая землю в огороде,
Дрова таскаю по двору.
В родном селе. В родном народе.
Я здесь родился. Здесь умру.

Семья со мною. Всяк при деле.
Жена — заправский агроном.
Скворцы давно уж прилетели.
И чисто вымыт к Пасхе дом.

Жизнь удалась. И право слово —
Охота лет до ста дожить.
Вот и поленица готова.
Пора и баньку затопить.

Не был я большевиком,
Не был коммунистом —
Оставался мужиком,
По-крестьянски чистым.

— Ты какой-то не такой,
Не такой идейный.
Прост, да вовсе не простой,
В общем — беспартийный...

Так считали — сам с усам —
Армия и школа.
Стукачу дал по зубам —
Вон из комсомола!

Жил-тужил немало лет —
А куда же деться?
Понял вдруг, что я поэт
С детства!

Диане Кан

Течёт река Волга
Под россыпью млечной.
Я буду жить долго,
Я буду жить вечно.

А Волга впадает
В небесное море,
Вдали пропадая
И вечному вторя.

И катится в вечность
Подобием Волги
Вся звёздная млечность,
А я — в самоволке

Стою, будто выпил
Вселенского зноя, —
Из вечности выпал
На время земное...

Зашевелился Ленин в Мавзолее.
Сенсация! Зюганов тут как тут.

— С тобой, учитель, станем мы смелее,
И к власти вновь большевики придут!

И был ответ сквозь дрогнувшее веко:
— Поставьте поминальную свечу!
Похороните, люди, человека,
Быть истуканом больше не хочу!

Господь свою милость опять показал.
Я радуюсь этому, словно мальчишка:
Стишок сочинил по дороге в Казань,
Ещё бы с десяток — и новая книжка.

А с книжкой поздравят друзья и жена —
Она же, как принято, муза поэта,
И верить приятно, что будет нужна
Кому-то ещё вся грамматика эта.

Иронический совет стихотворцу

Ведь говорил же прекрасной Елене,
Чей образ нетленен во все времена:
В поэзии нет никаких поколений —
Иногда встречаются имена!..

Когда и тебе наступают на пятки,
Изволь известить в назиданье иным,
Что ты пусть не в первой, но всё же в десятке
Между Гомером и Шукшиным...

Сны колхозно-советские
Взбудоражили вновь.
Память ясная, детская,
Возврати мне любовь —

Ту, всеобщую, чистую,
Где беда не беда!
Я улыбку лучистую
Мамы помню всегда...

Заберусь на полати ли —
Снитесь, память дразня...
Из Союза писателей
Исключите меня!

Я давно уж не балуюсь
Табакom и вином,
Не хваюсь и не жалуясь,
А молю об одном —

Сердце тянется в прошлое
Из сегодняшних дней.
Столько было хорошего
В прежней жизни моей!..

Хожу, куда зовут. По-разному встречают.
По-дружески не все, однако, привечают.
И я зову не всех на чай и на совет —
Былых друзей, увы, давно на свете нет.

Простят ли мне они, что многих пережил?
И вóрон надо мной уже не раз кружил...
От давних тех пиров остались только сны.
Дожить бы до весны!

Одни живут в низине,
Другие на холме.
Поэт меж них — разиня —
Бредёт в своём уме.

Он должен быть готовым —
Вдруг немота стеной:
«То ль я владею словом?
Оно ль владеет мной?!»

Признание актёра

Памяти Виктора Дмитриева

Захочу — и заплачу, захочу — хохочу...
Но за то и за это я судьбою плачú.

Жил да был один поэт —
Не из праведников, нет...

Куролесил, водку пил,
Морды бил да баб любил.

А потом сквозь стыд и срам
Приходил он в Божий храм.

Бог прощал ему грехи
За хорошие стихи.

Про любовь

1. Июльское

И жарко, и душно...
Всё — если... да кабы...
Самой-то не скушно?
Пришла бы...

Забыла полянку,
Где мы целовались,
В реке спозаранку
Нагими купались?

Мы спорить по этим
Вопросам не будем.
На Каму поедем
И всё позабудем.

Расстелем палатку
С утра до заката.
Ты вспомни, как сладко
Мирились когда-то...

2. Жар-птица

Над великой рекой, за дремучий лесок
Пролетела жар-птица. Полёт был высок.
На вечерней воде отражались огни.

Отогрей моё сердце, продли мои дни,
Появись в моей жизни в последний разок,
Чтобы новой зарёй загорелся восток!..

3.

Любовь, как известно, приходит сама.
И ты меня тоже за что-то любила.
Бывало, что страсть нас сводила с ума,
Но ревность слепая любовь погубила.

А мы научились лукавить и красть —
Судьба, насмехаясь, водила по кругу...
Любовь умерла. Но жива ещё страсть.
Мы изредка видимся. Тянет друг к другу...

4.

Я любил тебя другую.
Я по той другой тоскую —
Невозвратной, дорогой...
А тебя, когда ты рядом,
Молча спрашиваю взглядом:
А была ли ты другой?

Незабудка

Пролетело полвека.
На обрыве стою.
Заслоняю от ветра
Незабудку свою.
И тебя вспоминаю.
Знаю — помнишь и ты:
Поцелуями в мае
Жарко пахли цветы.
Между веток сирени
Я тебя целовал.
Рядом дёргались тени —
Третий лишний мешал.
В сердце юности пламя
Разожгу, не тая.
Незабудкою память
Расцветает моя...

На конкурсе красоты

Подфартило на днях Анатолию
Изучать наяву анатомию.
Он, историк — от Марфы-посадницы,
Поглядел на красивые задницы.
Что ему остаётся? Эстетика!
Уж такая в жюри арифметика...
Сокрушает похожесть на физика —
Недоступна по возрасту физика...
Тут и Марфа, и Анна, и Лиза есть!
И сидят пердуны, облизываясь...

Позднее признание

Так и живу, не спеша умирать.
Вроде всего хватало.
Я разучился женщинам врать —
Надобности не стало.
Смысла гордиться подвигом сим,
Впрочем, давно не надо.
Деда любого поди спроси:
Бабы обману рады.
Жёны — не менее, чем мужья.
Истину эту изведаль и я.

Сосед

- Кто воюет? Украина
И Россия? Горе — мне...
У меня убили сына
На гражданской сей войне.
- Мне слезами боль не вылить,
Рукавом не утереть.
Сколько надо водки выпить,
Чтобы сразу умереть?..
- К мужику придут соседи,
По пятёрке принесут.
Всем селом солдата Федю
В Божьем храме отпоют.
- Донесут и до погоста
Парня в цинковом гробу.
Всё обыденно и просто —
Не пенять же на судьбу...
- Не блажи, Андрюха, — скажут, —
На жену-то посмотри:
Ей тяжельше. Будь на страже!
Время лечит — в корень зри!
- Горе матери безмерно,
Ей двоих ещё растить...
Он вздохнёт:
— Вот это верно!
А отцу за сына мстить...
- Пусть ещё не пролетели
Сорок траурных деньков,
Но Андрей восстал с постели:
— Мать, я в бой идти готов!
- Он сказал в военкомате:
— Мне — полста, и — в самый раз,
Помолясь на Богоматерь,
Отправляться на Донбасс.
- Где твой фюрер, Украина?
С ним вступаю в смертный бой!
- Он воюет там за сына
И за нас, читатель мой...

Настроение

Улетели листья с тополей...

Николай Рубцов

На рябине листьев не осталось —
Только грозди красные на ней.
И всей жизни прожитой усталость
К ноябрю всё ближе и больней.

«Всё элементарно, доктор Ватсон!»
Только бы успеть, не прозевать —
В час, когда придётся расставаться,
Ближних и родных поцеловать...

Сбиваю сосульки с карниза
И радуюсь новой весне...
Синичка, такая подлиза,
С утра постучала ко мне.

Но вдруг улетела. В окошке —
Жена моя с внучкой вдвоём.
В кормушку насыпаны крошки.
Вертайся! Ещё поживём...

Настанет срок, когда завет — не лги! —
Вдруг явится в своей конечной сути.
Друзья мои, любовницы, враги,
Я уйду от вас — не обессудьте!

Вино любви, страданий горький яд
Испив до дна, я уйду далече...
Душа не умирает, говорят,
А если так, товарищи, — до встречи!

Александр Орлов

Когда сбываются небесные прогнозы...

М...

Что говорить, я дважды бывший муж,
И, ты права, бессчётный раз любовник,
И наших встреч нечаянный виновник
Тебя увидел в день осенних стуж.

И в этот миг, когда ты мимо шла,
Не поднимая глаз, уверенно и близко,
Я сердцем понял, что я в зоне риска:
Ты, словно солнце, светишь без тепла.

Твоя зима все десять долгих лет
В горячем сердце правит беспредельно.
Моя весна в движениях параллельна.
Пусть ты права — я прежний сердцеед.

В круженье дней мерцает снегопад.
Не скроешь ты, что ночи холодны,
Но дай мне шанс, и будут сочны
Десятки, сотни самых зябких дат.

Всё мне позволь — я растоплю торосы,
Навечно скованные льдами берега,
И ты узнаешь, что капель сладка,
Когда сбываются небесные прогнозы...

● ● ●

Убери со стола, и закончим на этом поминки,
Будем долго с тобой говорить обо всём на земле.
Я тебе расскажу, чем закончил свои поединки,
О синице в руках и присевшем ко мне журавле,

Годы быстро прошли, я считать разучился потери,
Обошёл я полмира, но всё же любви не нашёл,
И светло в моём сердце, как ночью в далёкой
пещере,
Над которой кружит навсегда одинокий орёл...

И о том, что я счастлив, хотя ты поверишь едва ли,
Не геройская жизнь, но ты видишь —
и трусости нет.

Я был резок порой, и, случалось, меня предавали,
Но с рожденья привычка не падать под скопищем бед.

Говорить можно долго, но главное в жизни —
не сбиться
С той дороги, что выбрана млечной звездой
для тебя.

«Что ты хочешь? Скажи, молодая в печали
тигрица.

Ты узнала о том, как живут, никого не любя...»

Бэла

Я увидел тебя, стал, как хищник, проворен.
Ты не смотришь в глаза, но грустишь обо мне.
Я спокоен, циничен, как брат мой Печорин:
Что сказать, если верность сейчас не в цене?

Я устал от всего, и затравлен свободой,
И в дорогах провёл двести семьдесят дней.
Всё вокруг, как и раньше, унижено модой,
Ты давно уж ничья, да и уж я ничей.

Посмотри же в глаза, о печальная Бэла,
В них беззвёздная ночь и Сулакский каньон.
Всё, что видишь ты в них, без любви опустело,
Словно шашкой мюрида я был рассечён.

В Карадахской теснине исхожены тропы,
И Самурского леса мне запах знаком.
Горы, реки, озёра, аулы, раскопы...
Мне шептали о том, что в тебя я влюблён.

И когда я услышал ветров перебранку,
И оставил твоих древних предков края,
И вернулся в столицу, и вижу горянку,
И с тобой говорю, ничего не тая.

Из духана под вечер выходим, болтаем,
Поджидает у входа таксист Азамат.
Замани же к себе абрикосовым чаем,
Ты живёшь далеко, и мы едем за МКАД.

Жестянщик

На чёрный снег во тьме у гаража
Разлочены машинные запчасти.
Он говорит, от холода дрожа,
О Путине, Москве, мигрантах, власти...

В сужденьях этих нет ничей вины,
Он отпустил домой чумные страхи —
В тот город, что рождён при ширваншахе,
Где осенью бушует джебаны¹,

Где запахи платана и айвы
Встречаются у старого фонтана
И где беседа с другом покаянна
Под шёпот опадающей листвы.

И при фонарном погрузневшем свете
Жестянщик отправляет перевод,
Который за мгновение дойдёт
В горячий край, где высятся мечети.

Первый солнечный взор золотист и змейн,
И горячий озноб след оставил на коже.
И вокруг никого из предгорных общин,
Словно вымерли все у великих подножий.

Впереди меня ждёт седовласый утёс,
Он похож на гигантское скальное ложе.
И о смерти и жизни я думал всерьёз,
Когда шёл до него, на себя непохожий,

Вверх по узкой тропе, где ещё никогда
Не ступала нога удалого абрека.
Я дошёл до него, только вдруг борода
На глазах у меня стала белой без снега.

Неужели прошло сорок лет, сорок зим?
Я в дороге наверх ничего не заметил.
А вокруг облака или прошлого дым.
И взор солнца, как прежде, отчётлив и светел.

И теперь меня ждёт неизвестный исход,
По ледовому спуску вернусь я в долину.
Сколько времени, сил в той дороге уйдёт?
Или в солнечном взоре я землю покину?

¹ Джебаны — холодный северный ветер, наблюдающийся в конце осени в Азербайджане.

Там, в бескрайней дали, где меня нет уже,
Сохранил для тебя всё, что было в душе.
Время быстро прошло. Изменилась ли ты?
Может, смотришь на мир, избежав суеты,
И не видишь меня на одной из чужбин.
Всё как прежде у нас: ты одна, я один.
Не простишь ты меня, но я предан ветрам,
Я кочую всю жизнь, ночью здесь, утром там.
И живу как всегда — за порывом порыв.
Был когда-то смазлив, стал с годами слезлив.
Да и это не в счёт, ты одно лишь пойми:
Мы для Бога с тобой остаёмся детьми,
Беспокойство в сердцах, беспорядок в умах.
Это всё видит Он и печально, в слезах,
Завершает урок наш с тобой на земле.
Я в долине один, ты одна на скале,
И я вижу во тьме две гремучих слезы.
Всё кружится вокруг, словно ядом гюрзы
Переполнилась кровь, и коварный укус
Вырвет сердце моё из пленительных уз.
На прощанье скажу: без меня существуй,
Только чувствую вновь неземной поцелуй.

Башмачник

Мне слышно, как печалится дудук,
И видно — свет рассеялся у койки.
В руках умелых крутятся набойки,
И грустное разносится «тук-тук»...

А сапоги, ботинки, угги, кеды —
Свидетели рабочей тишины —
К нему, как люди, вечно холодны,
Не разделяют радости и беды.

Его друзья — насадки, щётки, кисти,
Растяжки, лапа, шило, гвоздодёр, —
И с ними он ведёт свой разговор
О ненависти, счастье и корысти.

И так проходит двадцать первый век,
И снится по ночам ушедший папа,
Зовущий, как молитвы Хор Вирапа²,
Жену и сына на святой ночлег.

² Хор Вирап — армянский монастырь, находящийся у подножия горы Арарат.

Валерий Черкесов

На рубеже

Белгород

Приземистые дома из красного кирпича,
неведомо как уцелевшие в Великую Отечественную,
с заштукатуренными и покрашенными рамами,
от немецких бомб и снарядов,
разрушены украинскими ракетами.

А памятник русскому Слову
около библиотеки —
выстоял!..

Не в него ли целили
новоявленные фашисты?..

Вязаные носки

Тёплые носки
лишними не бывают,
когда война
и в тебя стреляют.
Да и ты стреляешь,
стараясь врага поразить,
хотя понимаешь:
нам всем предназначено жить.

А потом в землянке
носки шерстяные наденешь —
и на мгновение
война отступит,
и веришь, конечно, веришь:
для тебя смерти не будет.

Носки связаны
женщиной незнакомой,
а надел — и словно
оказался дома.

На рубеже

Створки небесных врат
настежь открыты...
Окопы затем вырыты,
Чтоб не взликовал враг.

Не дам ему повода радоваться —
Не устаёт мой АК.
Занемела рука...
Ворота не закрываются...

Боец

После ночной смены
он — боец территориального полка.
В руках автомат, в подсумке — гранаты.
Не то чтоб герой, но знает: пока
враги точат когти на Родину, надо
защитить — нет дороже страны.
Он любит её, и очень.
А ещё, чтобы видела только мирные сны
малая, вся в папу, дочка.

Письмо

Ничто так не поднимает боевой дух,
как письмо из дома.

«Папа, мы ждём тебя с победой!» —
старательно выведено детской рукой.

И боец понимает: по-другому не может
быть.

Осколок

Этот ещё тёплый кусочек металла,
упавший в песочницу,
мог бы стать игрушкой —
к примеру, серебристым самолётиком, —
и радовать детей,
а не быть осколком снаряда,
несущим смерть.

Когда увидишь из окна,
как разлетелась тишина
обломками ракеты вражьей,
услышишь, как она рычит
зловеще, то один есть щит —
Иисуса образок бумажный.

Жизнь, может быть, не сбережёт,
но от неверия спасёт.

15 февраля 2024 года в Белгороде
при ракетном обстреле
погибло семь человек, в их числе один младенец.
Из новостей

Валечка. Годик всего.
Маленький земляной холмик.
...И больше не будет у неё ничего,
а мы будем помнить.

Чувствую сердцем невольно
и свою вину.
Какое нужно ещё горе,
чтобы остановить войну?..

Белгород. Блокадница

Пережившая девчушкой блокаду в Ленинграде,
она, услышав вой воздушной тревоги,
истово крестится и говорит:
— Вот и детство моё вернулось...

Ульяша

Ульяша знает: её папа — герой, —
это всё, что она о нём знает.
Уснул навсегда под гранитной плитой,
и розы на ней полыхают,
которые положила Ульяша...
Вот правда горькая наша.

Весна 2024

Хлеборобы выходят в поле.
Наготове бронжилет —
ничего неестественней нет!
Неужели на то Божья воля?

Нынче самое мирное дело
вровень с ратным стоит.
Надо сберечь и душу, и тело —
ещё урожай убирать предстоит.

Пейзажная лирика

1.

Посечённые осколками снарядов
ветви весенних деревьев.
На рваных срезах
капельки сока — как слёзы.

2.

Воробы,
спугнутые с покачивающихся проводов
близким грохотом,
залетели на балкон —
тоже убежище ищут.

3.

От близких разрывов ракет
тюльпаны на газонах вздрагивают,
но цветут, цветут —
наперекор смерти.

Выкрикаться и выплакаться,
помолиться, послать проклятья врагу —
вот всё, что могу.
А черёмуха вновь в снегу
белопенном, красавицей видится.

И весенние птицы в небо взлетают,
что жизнь продолжается — подтверждают.

...И, встретив, ангел спросит: — Был
ты где, когда коварный ворог
по градам, весям «Градом» бил,
смерть сея на родных просторах?

Что я отвечу?

— Не держал
в руках оружие, но сердцем
был там и с теми, кто лежал
в окопах, за единоверцев
молился, стиснув крик зубами.

Зачти на небе это, ангел!...

Станиславу Минакову

Перекличка колоколов,
завыванья воздушной тревоги...
Нереальность материализовалась
и страшит, а не удивляет.

Но когда наступает затишье,
как святое помнится только
звон врачующий, а не разрывы
беспощадных вражьих ракет.

Избирательна память — дороже
ей всё то, что жизнь утверждает.
А война — она ляжет в граниты,
в обелиски, дай Бог, навсегда.

...И как один умрём
В борьбе за это.
Из революционной песни

Умирать не стоит
ни за это и ни за то:
никакие идеи
не стоят человеческой жизни.
Святое дело —
защитить Отчизну
на ратном поле,
чтобы остаться потом
в памяти тех,
кто придёт к обелискам
и, скорбя, поклонится низко.

Удача — честно получить
на поле боя в сердце пулю.
Из юношеского стихотворения

Пулю не получил. Может быть, пока?
Может быть, это временная отсрочка?..
Взрывы доносятся издалека
днём и ночью.
Вздрагивает израненная земля,
небо до боли прозрачное.
Наверно, зажился, неудачник, я,
но есть ещё шанс стать удачником.

ДиН СИММЕТРИЯ • 1924 г.

Валерий Брюсов

Как листья в осень...

«Как листья в осень...» — вновь слова Гомера:
Жить счёт ведя, как умирают вокруг..
Так что ж ты, жизнь? — чужой мечты химера!
И нет устоев, нет порук!

Как листья в осень! Лист весенний зелен;
Октябрьский жёлт; под рыхлым снегом — гниль..
Я — мысль, я — воля!.. С пульей или зельем
Встал враг. Труп и живой — враги ль?

Был секстильон; впредь будут секстильоны..
Мозг — миру центр; но срезан луч лучом.
В глазет — грудь швей, в свинец — Наполеоны!
Грусть обо всех — скорбь ни об чём!

Так сдаться? Нет! Ум не согнул ли выи
Стихий? узду не вбил ли молниям в рот?
Мы жаждем гнуть орбитные кривые,
Земле дав новый поворот.

Так что ж не встать бойцом, смерть, пред
тобой нам,
С природой власть по всем концам двоя?
Ты к нам идёшь, грозясь ножом разбойным;
Мы — судия, мы — казнь твоя!

Не листья в осень, праздный прах, который
Лишь перегной для свежих всходов, — нет!
Царям над жизнью, нам, селить просторы
Иных миров, иных планет!

Евгений Харитонов

На краю Третьей мировой

Ну разве ходят в парки на войне?

Мечтаю я сегодня о простом —
По парку прогуляться не спеша,
Почувствовать, как шепчется с листом
Моя немножко грустная душа.

Казалось бы, банальность и пустяк —
Сидеть, читая книгу, на скамье.
Но всё не так. Теперь уже не так.
Ну разве ходят в парки на войне?

А до него совсем рукой подать,
Минуты три по улице идти!
Но страшно мне в том парке умирать,
А может быть, вообще на полпути.

И я смотрю в разбитое окно
Из комнаты, где вечный полумрак,
На чёрное, горелое пятно
В том месте, где когда-то был наш парк.

Всю жизнь мы в поисках ответа:
Зачем привёл нас в мир Христос?
И только в мыслях у поэта
Такой отсутствует вопрос.

Он видит мир вокруг иначе,
Как будто жил здесь сотни лет.
А по ночам меж строчек прячет
Всех нас волнующий ответ.

Не всем дано понять в моей стране,
Что значит жить годами на войне,
Сдержав в себе волнение и страх,
Бежать в подвал с ребёнком на руках,

Прикрыв его, кричащего, спиной.
А вы детей видали с сединой?
Которых бы от шороха трясло?
Не видели? Ну что ж, вам повезло!

Мои стихи

Когда возьмёт печаль в заложники,
Тужить об этом не спешите.
Мои стихи, как подорожники,
К душе и сердцу приложите.

Как чашка чая со смородиной,
Они вернут покой и силы.
Мне их нащёптывала Родина
С прекрасным именем Россия.

Майское утро

Тайком рассвет приносит новый день.
Вот первый луч застыл на гладком тюле.
Смотрю в окно — там буйствует сирень,
Купаются воробушки-чистюли.

Блестит трава от шариков росы.
А может быть, всю ночь рыдала туча?
Ну разве май бывает без грозы —
Таинственной, пугающей, ползучей?

Сверкнёт она, а следом ухнет гром,
Спугнув собой и ангела, и чёрта.
Как будто небо безразмерным ртом
Кричит земле мучительно о чём-то.

Но эта ночь опять была тиха.
И солнца свет наполнен перламутром.
И слышится, как в пенье петуха
Звучит по всей округе: «С добрым утром!»

Друг на друга дни похожи.
Стены Родины трещат.
Знаем, что учил Ты, Боже,
Всех врагов своих прощать.

Всё бы так, да жалость в сердце
Нам отныне не слуга,
Раз уж русского младенца
Мир считает за врага.

Поэт и душа

Который день писать не хочется,
Лежу Емелей на печи.
И в этом сладком одиночестве
Душа таинственно молчит.

Её не тянет ночью к месяцу,
Хоть он прекрасней, чем вчера.
И странно, что она не бесится
За сухость мыслей и пера.

Но вдруг волнение нахлынуло,
И стало страшно оттого,
Что, может быть, душа покинула
Просторы тела моего.

И я вскочил, гонимый мыслями,
Но тут же замер, чуть дыша:
В углу, за стол усевшись письменный,
Ждала меня моя душа.

Поведай, Русь

Поведай, Русь моя святая,
Душа покоя не даёт:
Что жизнь настала непростая,
Народ наш скоро ли поймёт?

Гуляют жители столицы,
Спешат на море в отпусках...
А здесь, на западной границе,
Ведут сражение войска.

А здесь снарядами разбиты
Десятки русских деревень.
И местный житель от обиды
Клянёт Москву и ночь, и день

За то немое равнодушие,
С которым вешали Христа,
За то, что там считают глушью
Войною стёртые места.

Прозрение

Казалось, что не торопилась
Ко мне сойти Господня милость.
Всю жизнь её смиренно ждал.
А этим утром осознал...

И вспыхнул стыд огнём на коже:
Та милость — жизнь! Простишь ли, Боже,
Душе незрелой слепоту,
Принявшей свет за темноту?

Белгород, 16.03.2024

Люди с утра торопились на выборы...
С неба ракеты горящими глыбами
Падали кучно, неся разрушения,
Нас, белгородцев, считая мишенями.

Доля секунды — и есть попадание:
Сгорбились мирно стоявшие здания,
Вспыхнуло чьё-то авто у обочины.
Алою стала земля Белгородчины.

На краю Третьей мировой

Ярко светятся доспехи
На груди святой Руси.
Мы стоим у крайней вехи,
В мыслях: «Господи, спаси!»

Дикий свист бесовской плети
Носит эхо над страной...
Чем запомнится столетие?
Как и прошлые — войной.

СВО глазами белгородца

Два года не ведаем сна и покоя...
Уснёшь ли, когда рядом с домом бои?
Атаки на город по матушке края,
Сидим, притаившись, как те воробы.

Колотится сердце, вздуваются вены,
Заметив на небе белёсый надрез.
И стало привычным под звуки сирены
От смерти бежать в незнакомый подъезд.

За счастье увидеть от уха до уха
Улыбки на лицах друзей и родных.
Но мы, белгородцы, не падаем духом,
Хоть нет от обстрелов у нас выходных.

Какие б ещё ни обрушились беды,
Мы вынесем их, как бывало не раз!
И в день неизбежно грядущей Победы
Не скроем промокших от радости глаз.

Игорь Герман

Семейный круг

Послеобеденное летнее солнце особенно беспощадное.

К одному из городских микрорайонов прижался тенистый сквер с фонтанами и скамейками. Здесь гуляют с маленькими детьми мамы и папы: новорождённых возят в колясочках, дети постарше катаются сами на велосипедах — двух- и трёхколёсных. Здесь — отдушина, здесь другой мир, просто потому, что никто никуда не спешит. Даже если и совершает лёгкую пробежку следящая за своим здоровьем бабушка или у дерева активно делает зарядку спортивный дедушка. Но и на этом зелёном островке, окружённом бескрайним городским океаном, конечно же, слышны все звуки города — движение автомобилей, обрывки чьих-то разговоров, детский смех, музыка из открытого окна высотного дома.

В сквере, на одной из скамеек, — молодая мама, качающая детскую коляску. Ребёнок в ней ещё не уснул, и мама, заглянув и увидев открытые глазки своего дитя, продолжила размеренно укачивать его.

На эту же скамейку тяжело опустилась пожилая женщина, проходившая мимо. Молодая мама взглянула на неё, и ей показалось, что присевшей женщине стало нехорошо. И в самом деле, она, шумно выдохнув, качнулась и обеими руками плотно схватилась за край скамейки.

— Что с вами? Женщина? Вам плохо?..

Соседка по скамейке ничего не ответила, только прикрыла глаза...

Для неё вдруг куда-то исчезло солнце, затих привычный шум дневного города. И в этой наступившей темноте и тишине словно издалека донёсся повторившийся вопрос молодой мамы: «Что с вами? Женщина? Вам плохо?..»

Я живу в городе. В большом городе. В слишком большом городе.

Не люблю большие города. Вернее, разлюбила. С удовольствием бы уехала в какой-нибудь маленький городишко, как тот, в котором жил ты, когда я была ещё совсем-совсем маленькая, и куда ты привозил меня к себе в гости после развода с мамой.

С таким удовольствием я жила у тебя, ходила с тобой всюду: на работу, по магазинам. Ты всегда покупал мне что-нибудь вкусненькое, баловал меня. Но самое главное — я знала, что ты меня любишь и что я тебе нужна так же сильно, как ты был нужен мне. И вот это детское ощущение любви, счастья и покоя навсегда соединилось в моей памяти с тем маленьким городком, где мы жили. Вернее, где жил ты и куда ребёнком приезжала к тебе я.

А когда я сама стала взрослой, вышла замуж и у меня началась, как ты мне говорил, моя настоящая, главная жизнь, я переехала вместе с мужем сюда, в этот огромный муравейник.

Даже не верится, что уже прошло столько лет. Совсем ещё недавно я была маленькой девочкой, а ты был таким молодым, красивым и сильным папой, которым я всегда гордилась, а теперь... Теперь твоя дочь Вероника сама уже давным-давно бабушка. Да-а... Как быстро пролетела жизнь... Что остаётся человеку в старости? Воспоминания...

Вот и я хожу по улицам этого огромного, шумного города, сижу на скамеечках, думаю, вспоминаю. Когда закрываю глаза, вижу твоё лицо, уже такое далёкое, но всё такое же родное... лицо моего отца.

Знаешь, однажды, уже много лет назад, когда ты ещё был жив, я шла по улице и увидела человека, напоминающего тебя. Он шёл впереди. Со спины это был вылитый ты: тот же рост, затылок, походка. Я шла за ним следом, представляя, что иду за тобой. Глупо, правда?.. Я уже сама была мамой своих взрослых детей. И всё ещё тянулась к отцу... Нет, я так и не увидела лица того, кто тогда шёл впереди. Да и зачем? Чужой человек... Я, помню, вернулась домой в тот день, села на кухне... Нахлынули воспоминания... Воспоминания детства...

Ведь, правда, пока родители живы, ты всё ещё ребёнок. Потому что есть в этом мире те, кому ты нужнее всех и для кого ты всегда будешь маленьким-маленьким. Я хорошо помню твои слова, которые ты мне сказал однажды. Я тогда спросила у тебя: «Папа, а ты будешь меня любить, когда я вырасту и стану взрослой?» Ты погладил меня по голове, как это часто делал в моём детстве, улыбнулся и сказал: «Для меня ты всегда

останешься маленькой девочкой, даже когда тебе будет тридцать, сорок лет, и я буду всегда тебя любить».

В маленькой однокомнатной квартире одного маленького, мало кому известного городка молодой папа по имени Виктор и его девятилетняя дочь Вероника собирали дорожную сумку. Раскрытая сумка, уже наполненная детскими вещами, стояла на полу возле дивана, и отец с дочерью вопросительно смотрели на неё.

— Вот, кажется, уложили всё... — не очень уверенно произнёс отец и тут же поправил себя: — Ну, или почти всё. Сумочку закрывать не будем, если что забыли — вспомним, положим, — погладил ребёнка по голове. — Ну что, доченька, сегодня последняя ночь у меня, завтра утречком повезу тебя к маме. Соскучилась?

Девочка согласно шевельнула двумя светленькими хвостиками на голове:

— Да.

— Что-то ты как-то без энтузиазма, доча. Давай улыбнись, к маме ведь едем.

Вероника послушно, хоть и не очень весело, улыбнулась.

— Вот и молодец, — бодро сказал на это папа. — Целое лето у меня прожила, доченька. Я опять к тебе привык так, как будто мы живём по-прежнему вместе... — встретившись с понимающим, почти взрослым взглядом девятилетнего ребёнка, он на секунду смутился. — Да, доченька. Мне тоже с тобой очень трудно расставаться. Я не представляю, как буду целый год без тебя жить.

— Папа, я не хочу уезжать.

— Ничего не поделаешь...

— Не хочу.

Куда деваться отцу от таких детских глаз?... Он присел перед дочерью и нежно обнял её.

— Вероничка моя...

Девочка крепко обвила своими худенькими ручонками шею отца.

— Не хочу.

— Ну что же... Хорошо, что мы ещё можем так видаться, доченька. Есть такие мамы, которые не доверяют детей папам, если они не живут вместе. И есть папы, которым совершенно нельзя доверять детей. У нас с тобой ещё всё хорошо. Ведь мы были вместе целое лето. Представляешь? Целое лето!

— Ты приедешь за мной на следующий год? — трогательно, как только это умеют делать дети, спросила Вероника, не выпуская из своих детских объятий шею отца.

Искренность как женских, так и детских чувств заставляет мужчину давать обещания, и в этот момент мужчина так же искренне верит, что сможет выполнить всё, что пообещал, даже если придётся для этого свернуть горы.

— Обязательно, — взяв дочь за плечи и глядя в её глаза, твёрдо сказал Виктор. — Обязательно, Вероничка. Вот ты окончишь третий класс, и я приеду. И опять мы будем целое лето вместе. Ведь это очень хорошо, правда?

— Да, хорошо... Папа, а зачем вы с мамой разошлись?

Как ответить ребёнку на такой вопрос?

— Ты ведь уже спрашивала, доча.

— Я не поняла.

Конечно, иногда и самому себе не можешь внятно объяснить некоторые вещи. Виктор вздохнул, поднялся с корточек и присел на диван. Вероника устроилась рядом.

— Даже не знаю, что тебе ответить, — честно сознался отец. — Так, чтобы ты поняла. Не знаю.

— Папа, а ты меня не забудешь?

— Что ты! — Виктор даже испугался неожиданного вопроса дочери. — Почему ты так решила?

— Потому что Кристину, мою подружку, она в нашем доме живёт, папа забыл — так ей сказала мама. Он уехал и забыл её. И у Насти папы нет, это моя вторая подружка. А ещё у Маши, моей одноклассницы, папа другой, ну, не настоящий папа, он иногда обижает её и маму.

— А тебя дядя Серёжа не обижает?... — Виктор, скорее, спрятавшись за этот вопрос, пытаясь окончить разговор на деликатную тему.

— Нет.

— Вот видишь, Вероника, у некоторых твоих подружек нет ни одного папы, а у тебя целых два. Слушайся дядю Серёжу, доченька, хорошо?

— Хорошо. Только... — надула губки девочка.

— Что, Вероника?

Дочь обиженно помолчала, потом посмотрела на отца доверчивым взглядом, который успели уже затуманить набежавшие слёзы.

— Что?... — повторил отец.

— Почему они меня оставляют одну?..

— Одну?... — не понял Виктор. — Когда? Где?

— Дома. Вечером. Мама говорит, что они уходят к друзьям на день рождения или ещё куда-нибудь, и меня оставляют одну. Говорят — ложись спать. А мне страшно, и я не сплю, пока они не придут.

— И когда они приходят? Поздно?

— Да. Иногда сразу идут спать, а иногда приходят с друзьями, сидят на кухне, курят и громко разговаривают. Я опять не могу уснуть. Пахнет сигаретами. Меня тошнит от запаха.

— Ты маме говорила это?

— Да. Много раз.

— И что она?

— Мама говорит, что так она отдыхает от всего. Она устала.

Виктор помолчал и дёрнул желваками на скулах.

— Ладно, я сам поговорю с ней.

— Не надо, — попросила Вероника. — Мама будет меня ругать.

— Не будет, — строго сказал отец. — Я поговорю с ней так, что она вообще забудет, как ругаться.

— Папа, не надо. А то я тебе больше ничего не буду рассказывать. Не надо.

Девочка испугалась, и отец это почувствовал.

— Что ты, Вероника?.. Что ты, доченька?.. Ну хорошо, ничего не буду говорить, раз ты не хочешь. Обещаю, что ничего не скажу твоей маме.

Вероника глубоко заглянула в отцовские глаза, словно проверяя, не обманывает ли он её.

— Ладно, — тихо и доверчиво сказала она.

— И давно они стали так оставлять тебя ночью одну?

— Нет. Когда я во второй класс пошла. Мама сказала, что я уже большая, — Вероника подумала и добавила: — А раньше ухаживали, когда я усну.

— Откуда ты это знаешь?

— Я один раз ночью проснулась, пошла на кухню — там горел свет, а дома нет никого. Я сильно испугалась и плакала. А потом они пришли, мама меня успокоила, и я уснула.

Отец ненадолго задумался. Поёрзал на месте, поскрипел диваном. Но что придумать в такой ситуации? Что он может сделать — разведённый муж и воскресный папа?..

— Ничего, Вероничка, потерпи, — Виктор ласково поиграл светленькими хвостиками на голове своей дочери. — Потерпи, пожалуйста. Всё это пройдёт, обязательно пройдёт. Ты меня сейчас выслушай внимательно и хорошо запомни то, что я тебе скажу, — он ещё чуть помолчал и собрался с мыслями. — Знаешь, Вероника, каждый человек был когда-то маленьким ребёнком: и я был, и мама была, и дедушка с бабушкой тоже были маленькими детьми. Детство — счастливое время. Никаких забот, всему радуешься, всему удивляешься. Детство, конечно, очень важная, очень нужная, но всё-таки не самая главная часть твоей жизни. А главная твоя жизнь начнётся тогда, когда ты станешь взрослой. Вот когда ты вырастешь и станешь самостоятельным человеком, у тебя будет впереди вся жизнь. Такая долгая, взрослая жизнь. И ты уже сама будешь её устраивать так, как считаешь нужным. Ты не будешь делать того, что считаешь плохим, и будешь делать то, что считаешь хорошим... Конечно, очень жаль, что ты, такая маленькая девочка, ещё не видевшая ничего, уже знаешь, что такое расставания, потери и одиночество. Но это не вечно, поверь мне. Всё это пройдёт. Пройдёт. Когда вырастешь, ты будешь счастливой. Обязательно будешь. Только сейчас нужно немножечко потерпеть. Совсем немножечко... Хорошо?

Девочка сквозь слёзы улыбнулась.

— Хорошо.

— Вероничка моя...

Отец опять обнял дочь. Прижал к себе, и так, обнявшись, они сидели на стареньком диване.

Потом Вероника отстранилась от отца, и отец почувствовал, как она внутренне сжалась.

— Папа, я хочу сказать тебе по секрету, — доверительно шепнула девочка, не глядя на отца. — Можно?

— Конечно, говори.

— Только по секрету, — повторила дочь, и Виктор понял, что она хочет сообщить ему нечто важное.

— Ладно, ладно, я никому не скажу. Честное слово.

— Папа... я...

— Что ты?.. Ну, что?

Он склонился к ней, и она быстро шепнула ему в ухо:

— Папа... Я не люблю маму.

Дрогнувший голос дочери подсказал отцу, как непросто было ей выговорить эти слова и что она сама поняла, что призналась в чём-то очень серьёзном, почти стыдном. Виктор настолько растерялся, что ничего не смог сказать на это Веронике. Такое откровение ребёнка выбило его из привычного состояния уверенности, присутствующего взрослому человеку. На секунду ему стало трудно дышать.

— Почему ты плачешь? — взглянув на отца, спросила Вероника.

— Нет-нет... какая-то соринка... — он торопливым движением ладони вытер глаза, оправдавшись тем, что первым пришло на ум. — Колочая соринка.

— Нет, папа, я маму люблю... но только не очень. Ты не думай.

— Хорошо, я не буду думать. Но, доченька, ты больше так никогда не говори... Не говори, прошу тебя.

— Ладно. И ты маме тоже не говори.

— Нет-нет, что ты, я не скажу. Но, Вероника... — Виктор тяжело и бессильно выдохнул, почти застонал. — Маму надо любить, доченька. Как же жить тогда маленькому ребёнку, если не любить маму? Ай-ай-ай... мама, мама.

Вероника, понимая, что расстроила отца, стала гладить его плечо, пытаться успокоить.

— У нас всё время гости, дяденьки и тётеньки. Они курят, разговаривают, а на меня никто не обращает внимания. Я играю на улице с подружками до самого вечера. И не хочу идти домой.

Виктор взял себя в руки, повернулся к дочери, несколько раз поцеловал её в голову, в щёки, в лоб, в глаза.

— Давай сделаем так, моя девочка, — сказал он очень серьёзно, будто заключал с ребёнком договор. — Когда тебе будет плохо, тебя оставят одну, тебе будет страшно или просто вдруг плохое настроение, ты сядь, пожалуйста, и напиши мне письмо. Напиши всё, что тебя тревожит, поделись со мной своими мыслями, поговори со мной

через это письмо. Тебе станет легче, вот увидишь. А я тебе сразу же отвечу. Как придёт твоё письмо, я тебе в этот же день напишу ответ. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась Вероника.

— Ну вот и замечательно... А теперь — прочь все грустные мысли, давай я тебя сфотографирую. На память. А потом пришлю тебе фотографию. Давай-ка вставай сюда... — Виктор поставил девочку на середину комнаты. — Так. Где мой фотоаппарат?... Вот... — он извлёк из тумбочки свой «Зенит», снял с него чехол, открыл объектив. — Подожди секундочку... — настроил резкость. — Ага... Приготовились... Улыбочку... — выглянул из-за фотоаппарата. — Доченька, ты почему такая хмуренькая? Так не годится. Что это такое? Ну-ка улыбнись... Вот так, молодец. Внимание... снимаю!..

У меня до сих пор хранится эта фотография. Сколько лет промелькнуло, а я всё помню так, как будто это было вчера. Помню этот ковёр, на фоне которого я сфотографирована, этот угол стены, попавший в кадр. Мне кажется, я чувствую тот же запах твоего дома, такой знакомый и далёкий...

После того, как ты меня сфотографировал, я заплакала. Заплакала потому, что не хотела уезжать от тебя...

Ваш развод с мамой я переживала очень тяжело. Я много плакала и скучала по тебе. Конечно, в последнее время перед разводом вы с мамой были... совсем непримиримы. Совсем... Я боялась ваших ссор, убегала к себе в комнату, пряталась и затыкала уши. Так я протестовала. По-детски наивно и нелепо, конечно...

Нет, всё равно было гораздо лучше, несравнимо лучше, когда ты жил с нами. Я согласна была вытерпеть всё: ваши ссоры, твоё хмурое лицо, мамины слёзы — всё!.. Лишь бы ты был рядом. Я не понимала ваш развод и не принимала его. Как ребёнок, я, конечно, ничего не могла сделать. Я была бессильна что-то изменить в этих непонятных для меня взрослых играх, но я тогда, в детстве, твёрдо пообещала себе, что когда вырасту, когда у меня будет семья, в этой моей семье всегда будет мир. И мои дети никогда не будут знать, что такое развод, скандалы, и заплаканное лицо матери. Но жизнь намного сложнее и безжалостнее, чем её представляешь себе в детстве...

Мне ещё не исполнилось семи лет, когда ты уехал от нас. Это было летом, прямо перед школой, перед тем, как я пошла в первый класс. Следующим летом мама, по твоей просьбе, ненадолго отпустила меня к тебе, а ещё через год разрешила мне жить у тебя всё лето...

То лето было таким счастливым в моей жизни. Мы были вместе, ты всюду брал меня с собой, куда это было можно, у меня появились новые

подружки. Когда ты уходил на работу, я скучала и с нетерпением ждала тебя. Я знала, что ты врач и там, в своей больнице, ходишь в белом халате. Твоя поликлиника находилась недалеко от нашего дома, я однажды пришла к тебе и заглянула в твой кабинет. Я запомнила его, когда мы до этого заходили в поликлинику вместе и ты показал мне его. Когда я заглянула, ты принимал больного и попросил меня подождать в коридоре. Потом вышел и спросил, что случилось. Я ответила, что ничего не случилось, просто соскучилась по тебе. Ты поцеловал меня в голову, увёл в какой-то пустой кабинет, усадил там за белый стол, дал бумагу, карандаш, чтобы я развлекала сама себя, и наказал ждать тебя там. Потом время твоего врачебного приёма закончилось, и мы вместе пошли домой.

А когда в августе ты взял отпуск, мы не расставались уже целыми днями. Ты, как заботливая мама, готовил мне обеды, кормил меня... Мне тогда казалось, что ты готовишь очень вкусно. Твоё фирменное блюдо — какао на молоке и жареные картофельные оладушки — я помню до сих пор. Мне казалось безумно вкусным всё, что ты готовил.

Такие хорошие, тёплые воспоминания. И, конечно, когда настал последний день, день отъезда домой, я заплакала. Когда ты фотографировал меня, я ещё крепилась и хоть через силу, но улыбалась, а потом... потом мне стало очень-очень грустно...

Утром мы взяли вещи и отправились на вокзал. Ты пытался всю дорогу меня веселить, шутил, что-то рассказывал, всеми силами поднимал моё упавшее настроение, а я шла рядом, обеими руками уцепившись за твою руку, и старалась не разреветься...

В наш город, где я жила с мамой, мы приехали ранним утром тридцать первого августа.

Когда ты привёз меня домой, мама с дядей Серёжей ещё спали.

Ты сдал меня в целости и сохранности. Поблагодарил маму за то, что она отпустила меня к тебе на всё лето и, так как твой поезд шёл только вечером, остался у нас. Я помню, как ты неуютно чувствовал себя, да и мама, и дядя Серёжа тоже были не в своей тарелке, но я тебя не отпустила, когда ты попытался уйти. И ты остался. Остался ради меня.

Дядя Серёжа, сославшись на дела, ушёл куда-то.

Тогда мы втроём сели пить чай на кухне. Папа, мама и я. Потом я ушла играть к себе в комнату. Вы с мамой остались вдвоём на кухне.

А потом произошла та сцена, которую я помню до сих пор...

На крохотной кухоньке двухкомнатной квартиры, за небольшим столом, покрытым цветным квадратом клеёнки, потёртой и потрескавшейся на углах, сидели бывшие муж и жена — Виктор и Екатерина.

— Катя, мы опоздали на переключку, извини. Сегодня уже тридцать первое.

— Ничего. Я сама сходила, поговорила с учительницей. К школе у неё всё готово. Так что...

Иногда бывшим супругам не о чем говорить друг с другом. Как чужим людям. Будто и не было столько лет совместной жизни, и нет общего ребёнка.

— Ты-то в своей поликлинике как?.. Тебя отпустили?

— Я ещё в отпуске.

— А-а...

Екатерина взяла со стола распечатанную пачку сигарет, вынула одну. Чиркнула спичкой, прикурила.

— Ты так и не закурил?

— Нет.

— Молодец.

Она поднялась со своей табуретки и шире открыла форточку кухонного окна. Опять присела на место.

— Как живёте? — спросил Виктор.

— Живём.

— Сергей к Веронике как относится?

— Нормально.

— Вы расписаны?

Екатерина выдохнула тонкую струю табачного дыма и немного удивлённо посмотрела на бывшего мужа.

— Это ну совершенно тебя никак не касается.

— Конечно. Это дело твоё.

— А ты женился?

— Нет. Успею. Больше не хочу ошибиться.

— Ты считаешь, что наша жизнь была ошибкой?

— Конечно, раз мы расстались, — Виктор уверенно забарабанил пальцами по столу. — Расстались, имея уже большого ребёнка. Ты не представляешь, какая это для неё травма.

— Почему же не представляю? — Екатерина, сжав ненакрашенные губы, энергично направила струю дыма в открытую форточку. — Очень даже хорошо представляю. Очень хорошо.

— Если бы представляла, мы бы тогда не разошлись.

— Разошлись-то мы по твоей вине.

— Нет. Вина была твоя, и ты это прекрасно знаешь.

— Сейчас ты можешь, конечно, наговорить всё, что угодно...

— Ладно, не будем начинать этот дурацкий спор, — коротко и резко сказал он.

— Не начинай, — подчёркнуто-спокойно пожалла плечами она.

Нет, ничего не изменилось за прошедшие два года. Ничего. И ничего не изменится. Мужчина и женщина или могут жить вместе, или не могут. И время здесь им не помощник и не лекарь.

— Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос... — помолчав, попросил бывший муж. — Я вот хочу у тебя поинтересоваться кое-чем.

— Спрашивай, — с некоторым вызовом ответила бывшая жена.

— Скажи, пожалуйста, Катя, когда ты была маленькой, родители тебя оставляли дома одну, ночью?

— А что?

— Ты обещала ответить.

— Я не понимаю, почему такие вопросы?

— Не надо ничего понимать, просто ответь, и всё. Ты в детстве оставалась одна, на всю ночь, в пустой квартире, без родителей? А родители где-то ходили по гостям, развлекались...

Виктор увидел, что Екатерина поняла, о чём идёт речь. Она едва заметно изменилась в лице и глубже затянулась сигаретой.

— Ах, вот оно что... — помолчав, тихо и недовольно произнесла она, потом, коротко усмехнувшись, повторила: — Ах, вот оно что.

— Катя, ты просто представь себе, что чувствует ребёнок, твоя дочь, оставаясь ночью одна.

— С чего ты взял, что она остаётся одна?

— Это моя фантазия.

— У тебя слишком буйная фантазия.

— А что, это не так?

— Нет, конечно. Бывает, что мы с Серёгой уходим в гости, иногда задерживаемся, но на ночь одну Веронику никто не оставляет.

— И на сколько это вы там задерживаетесь?

— Какое твоё дело?.. — потемневшим от сдерживаемого гнева взглядом она посмотрела на Виктора. — Мы с тобой, слава Богу, в разводе, почему я должна перед тобой отчитываться?

— Мне ты ничего не должна, ты обязана своему ребёнку, — твёрдо и категорично заявил он.

— Что я ребёнку обязана, то я ему и даю, и прекрати раз и навсегда указывать, что мне делать, а чего мне не делать! Ты уже просто на это не имеешь никаких прав.

— Зато у тебя слишком много прав и никаких обязанностей.

— Значит, это она тебе нажаловалась. Так? Значит, я её обижаю, да?

— Подумай сама!

— Ах ты, маленькая негодница... — громче сказала Екатерина, понимая, что дочь услышит её через открытые двери комнат. — Ест материнский хлеб и ещё где-то там жалуется на мать: обижают, видите ли, её. Ах, бесстыжая! Бесстыжая!

Кровь бросилась Виктору в лицо, и ему показалось, что не было ни развода, ни двух лет жизни порознь с этой женщиной.

— Прекрати сейчас же так говорить о ребёнке! — предупреждающе произнёс он. — Это моя дочь!

— Не ори на меня, я тебя не боюсь! — прикрикнула в ответ Екатерина. — Это, между прочим,

и моя дочь, и я сама решаю, как мне с ней разговаривать... Что, Вероника, — опять обратилась она через пустоту коридора к испуганно молчавшей в своей комнате дочери, — тебе здесь плохо живётся? Что ты, разутая, раздетая, голодная? А? Чего тебе не хватает? Отвечай!

— Не трогай её! Пусть играет у себя!.. — попытался остановить её Виктор. — Она мне ничего не хотела говорить, я сам её расспросил.

— Скажите, пожалуйста, какой добрый папа! — громко и раздражённо продолжала Екатерина. — Как он заботится о ребёнке! Какой он хороший! А мать у Вероники — стерва! Она не любит свою дочь! Да? Так, по-твоему? Я была тебе, как ты считал, плохой женой, теперь ты считаешь, что я плохая мать. А ты знаешь, что мне трудно?!.. Может, у кого-то жизнь лёгкая, а у меня — нет. Каждая копейка достаётся с трудом. Серёга тоже не идеальный, знаешь. И у него есть свои недостатки. Все мужики сволочи, начиная с тебя! И всех я должна понимать. Все от меня что-то требуют, всем я что-то должна. А вот мне никто ничего не должен! Меня можно оплевать, растоптать, как угодно оскорбить! Я не человек! Я устала от всего! Я просто устала!.. Если мы берём бутылочку вина и идём к друзьям пообщаться, посидеть, поговорить, то что в этом плохого? Что, скажи?

У Екатерины в состоянии гнева начала знакомо подрагивать нижняя губа. Она теперь сама стала напоминать обиженного ребёнка и Виктор, глядя на неё, почувствовал, как ей плохо и даже больно от этого разговора. Да и сам разговор, перестав быть мирным, так легко и привычно перешёл в открытую войну. Но и Виктор уже не мог остановиться тоже.

— А можно как-нибудь к друзьям ходить днём, а не вечерами и тем более не за полночь?!

— Когда мне куда ходить, это моё дело!.. Днём у меня море забот. Всё приготовить, всех обстирай, всех обслужи. А у меня, наверное, ещё и работа! Я ведь не сижу дома! Если бы мужики получали нормальную зарплату, тогда другое дело, можно было и дома посидеть, и за ребёнком уследить. Но у вас же зарплата только на жареную фигу, а требуете себе каждый день хороший обед! И ты такой же был! Приносил домой копейку, а претензий было на миллион!

— При чём здесь это? Как связаны между собой зарплата и желание любого нормального родителя оградить своего ребёнка от ненужных, ранних стрессов? Что ты городишь? При чём здесь это?..

— При том!.. — гневно сверкнула глазами Екатерина. — Обсуждали там мать. Мать такая, мать сякая, нехорошая! Я устала, понимаете вы все? Я устаю! Я очень устаю! А так я хоть немного отдыхаю. Просто отдыхаю от всего. От домашних забот, от всех проблем, от всего! И от вас тоже!

— Зачем ты рожала ребёнка, если тебе нужно так от него отдыхать?

— Дура была! — выкрикнула она дрожащими губами. — Да, дура! Родила от тебя! И вот у неё твой, такой же поганый, характер! Она вся в тебя. Внешне только на меня похожа, а так вся в тебя! Такая же... — Екатерина тяжело, нервно задышала, забыв про сигарету, зажатую между пальцев правой руки. — Мать обсуждали... Ах, бедняги, как вам плохо со мной... Лучше бы тебя обсудили! Ты случайно не забыл рассказать своей дочери, как ты врал мне, изменял, бегал к этой стерве?! Не забыл?.. Дома: «Доченька, доченька... Катя, Катя...» — а за спиной предавал и свою доченьку, и свою Катю.

Теперь побледнел и сверкнул глазами Виктор.

— Перестань лить грязь при Веронике!

— Грязь лить первым начал ты! Сам испортил нам жизнь... После этого наша семья и распалась.

— Неправда. Она распалась ещё до этого.

— Оправдывайся, оправдывайся. Всё равно не оправдаешься.

— Я поэтому и стал тогда ходить к Марине.

— Даже не произноси здесь имени этой уродки!.. — она хлопнула по столу правой ладонью, и дымившаяся сигарета от удара переломилась. Красный комочек горячего табака вывалился и упал на клеёнку, выжигая чёрный ободок вокруг себя.

— Прекрати унижать меня перед ребёнком!

— Не нравится? Тогда ты тоже не смей унижать меня перед моей дочерью!.. — Екатерина сложила половинки сломанной сигареты в пепельницу. — Ребёнок воспитан, присмотрен — что тебе ещё надо? За что ты мучаешь меня? Неужели нельзя оставить меня в покое? Просто оставить? Не трогать и не обижать?..

На глазах Екатерины выступили слёзы. Она не выдержала напряжения внезапно вспыхнувшего конфликта и надломилась.

— Ну неужели же я такая плохая, какой ты меня представляешь? Неужели я не люблю свою дочь? А?.. Что же ты такое сам себе надумал?.. Доченька... — опять обратилась она к притихшей в дальней комнате Веронике. — И ты тоже считаешь, что я тебя не люблю? Да?..

— Пусть играет. Не надо, — тоже умерил тон Виктор.

— Моя маленькая... Девочка моя, прости меня, пожалуйста. Наверное, я не идеальная мама, но что поделаешь? Я живу как могу. По-другому я не умею.

— Катя, Катя...

— Это я так... — она вытерла слёзы. — Не обращай внимания.

Подрагивающими руками Екатерина вынула из пачки ещё одну сигарету и прикурила её пляшущим спичечным огоньком. Выдохнула дым

так, как облегчённо выдыхают после срочного приёма лекарственных капель. Она не смотрела на Виктора, но Виктор внимательно смотрел на неё.

— Катя... — сказал он после продолжительного молчания. — Отдай Веронику мне.

Она удивлённо повернула к нему голову, решив, что ослышалась или неправильно поняла.

— В смысле... жить?

— Да. В смысле — жить.

Она не сразу нашла, что ответить на это.

— Ты в своём уме?

— Да. В своём. Отдай. Прошу тебя. Я сам буду её растить и воспитывать.

Она растерянно усмехнулась.

— Ох, какой ты герой. Ты думаешь, это легко? Воспитать ребёнка? Думаешь, лето прожила у тебя — и ты уже всё знаешь, всё умеешь?.. Ошибаешься.

— Она моя дочь. Моя. Мы похожи с ней. Очень похожи. Ты ведь сама это видишь. Когда мы с тобой разошлись, кусочек моей души остался здесь. И кусочек этот — она. И вся моя душа болит за неё. Болит, Катя.

— А моя не болит?.. Какая же мать отдаст своего ребёнка? Пусть даже отцу. Неужели ты думал, что я когда-нибудь соглашусь на это?.. Никогда. Понимаешь? Ни-ко-гда. И не строй на этот счёт никаких иллюзий. Я очень люблю Веронику, она моя дочь, и я никому не позволю отнять её у меня.

— Всё же подумай хорошо.

— Я уже ответила... — она сделала последнюю глубокую затяжку и раздавила окурков в пепельнице. — Разговор окончен.

Виктору стало искренне жаль эту сидящую рядом женщину, его бывшую жену, наверное, не очень удачливую и не очень счастливую. Может, и не стоило начинать разговор, который окончился так, как и должен был закончиться, но уже что сделано, то и сделано.

— Ладно, Катя, извини. Извини... Я пойду к Веронике. Она мне хотела показать свои рисунки, — он поднялся с табурета. — Потом пойдём погуляем с ней... Хорошо?

— Идите куда хотите, — тихо ответила в сторону Екатерина.

Виктор ушёл в комнату Вероники, и Екатерина осталась на кухне одна...

Даже через прикрытую отцом комнатную дверь Вероника слышала тяжёлые, глухие рыдания матери.

Вечером ты уезжал. Мы с мамой тебя проводили до остановки, ты сел в автобус и уехал на вокзал. Мне было очень тяжело. Я плакала.

Мы с мамой пришли домой, она напоила меня чаем с конфетами и всячески пыталась успокоить. Говорила, что я поеду к тебе на Новый год, а потом опять на всё лето. Я хлюпала носом, жевала конфеты и кивала головой.

Но ни на Новый год, ни на следующее лето ты меня к себе не взял. И, несмотря на обиду, я своим детским умом понимала, что это случилось не просто так, а потому что в твоей жизни произошли какие-то важные события.

И они действительно произошли. Ты встретил тётю Лилию. Потом ты мне всё это написал в письме: о том, что у тебя появилась новая семья, чуть позже — что у вас родился сын, мой младший братик. И в каждом письме ты говорил, что по-прежнему меня любишь и скучаешь. И ещё пообещал, что уж следующим летом ты возьмёшь меня обязательно. Я верила и очень ждала этого следующего лета.

Только время до него тянулось очень долго. Для ребёнка вообще время течёт гораздо медленнее, чем для взрослого. Я вспоминаю, как после двадцати пяти с удивлением обнаружила, что год стал немного короче, потом — ещё короче, и после сорока просто перестала годы замечать. Жизнь как река, у которой впереди водопад. Задолго от него течение едва заметно, потом чуть ускоряется, потом ещё, ещё, и, наконец, обрыв... Я однажды видела такую реку с водопадом и подумала: как она похожа на человеческую жизнь. Медленные годы в детстве и стремительные в старости. Особенно перед самым падением...

Мама любила повторять: «Если не будет меня, то не будет и тебя. Пока я жива и здорова, ты тоже будешь жива и здорова. Поэтому мне нужно в первую очередь заботиться о себе». Первый раз мне мама сказала это, когда после твоего ухода она привела в наш дом дядю Серёжу. Когда дядя Серёжа ушёл и у нас поселился дядя Миша, мама опять повторила мне эту фразу. Сейчас я прекрасно понимаю маму: она устраивала свою жизнь и в этом, конечно, была права.

С дядей Мишей у меня сразу же сложились хорошие отношения. Он был весёлый, забавный и если не любил меня, то очень по-доброму ко мне относился. Он защищал меня от приступов раздражения уставшей мамы, покупал мне сладости, учил играть в шашки и шахматы. Да и вообще, если выбирать себе отчима, то лучшего, наверное, я бы придумать себе не смогла...

И вот, спустя два года после того памятного лета, ты опять приехал за мной. Только приехал не в начале июня, как обещал, а в начале августа. Ты сказал маме, что по семейным обстоятельствам можешь взять меня только на месяц. Но я и этому была — Боже мой! — безумно счастлива!..

Тётя Лилия оказалась красивой и доброй женщиной. Весь месяц она ко мне тепло относилась, и я ей платила тем же. Я помогала ухаживать за маленьким, голеньким, улыбающимся беззубым ртом Андрюшкой. Ты был рад тому, что у нас с тётей Лилей всё складывалось замечательно. И я была этому рада. И тётя Лилия, наверное, тоже.

В тот день я опять попросила тебя взять меня к себе навсегда. Ты спросил, не обижает ли меня дядя Миша. Я ответила, что он очень хороший и мама хорошая, но я всё равно хочу жить с тобой. Я сказала, что буду вас всегда слушаться и водиться с Андрюшкой, и ты погладил меня по голове. Но ничего не ответил. А почему ты не ответил, я поняла только вечером, вернее, ночью. Я тебе об этом никогда не говорила, но... но я слышала весь ваш разговор с тётей Лилей. В ту ночь я долго не могла заснуть, лежала и думала. Думала свои детские мысли. Тётя Лилия заканчивала свои бесконечные дела. Вы варили варенье весь вечер, чуть ли не до самой полночи, и она, разложив горячее варенье по банкам, отмывала на кухне таз. Ты заглянул ко мне в комнату, я закрыла глаза и притворилась спящей. Тогда ты вышел к ней и заговорил...

Виктор вышел на кухню, где, перехваченная фартуком в талии, склонилась над отмываемым от пригоревшего сахара тазом Лилия.

— Всё ещё возишься? — спросил он.

— Да, всё ещё вожусь, — не отрываясь от дела, ответила она.

Он присел на кухонный стул.

Лилия наконец закончила отмывать большой эмалированный таз, закрыла кран с водой и вытерла руки о полотенце.

— Ну, всё. На сегодня мой рабочий день окончен. Хватит.

Она ушла в спальню, где в детской кроватке сладко сопел их маленький сын, убедилась, что он хорошо укрыт, и вернулась на кухню.

— Да, лето уже закончилось... — заговорил Виктор, когда жена присела рядом. — Так время пролетело быстро. Особенно август.

— Почему особенно? — осторожно спросила Лилия.

— Потому что у нас Вероника... Послезавтра её отвожу.

Лилия молча кивнула головой.

— Она не хочет ехать домой. Я с ней говорил сегодня. Она не хочет.

— Не хочет? Почему?

— У неё отношения с матерью... не очень.

— В таком возрасте, думаю, у всех детей начинают проблемы с родителями.

— Нет, я не об том. У неё эти проблемы начались давно, когда она была ещё совсем маленькая. Я же рассказывал.

— Да, да, конечно. Я помню.

— Просто я хочу, чтобы ты поняла: у нас с Вероникой немного необыкновенные отношения. Как правило, у ребёнка более тесная связь с матерью... У нас по-другому. Вероника больше тянется ко мне, а я к ней. Нам трудно друг без друга.

— Ты просто любишь её, и всё.

— Да, люблю.

— Это хорошо. Не каждый отец так заботится о своём ребёнке, тем более после развода.

— Лилия, я люблю тебя.

— Правда?

— Правда. И Андрюшу нашего.

— Хорошо.

— И Веронике люблю.

Лилия немного встревожилась. Всего чуточку. Не потому что испугалась чего-то в его словах, нет. Просто муж за время их совместной жизни ещё никогда не говорил с ней с такой силой, убежденностью и искренностью. Сейчас это произошло впервые, и она интуитивно почувствовала, что произошло это не просто так.

— Лилия, как бы ты посмотрела на то, если бы Вероника жила у нас?

— Как — у нас?.. — она, конечно, поняла вопрос, но растерялась его неожиданности и прямоте.

— Так. Ну, если бы мы с тобой взяли её к себе, в нашу семью.

— Для чего?

— Тогда душа бы у меня успокоилась. Все мои близкие живут здесь, со мной. Под одной крышей. А так мне очень тревожно, Лилия, очень. Я всё время думаю: как она там, что с ней? Мне кажется, я даже чувствую, когда она обижена и плачет.

— Может быть, ты преувеличиваешь?

— Нет. Поверь мне, нет.

— Ты впечатлительный человек, Витя, — помолчав, сказала Лилия. — И даже сентиментальный. И Вероника похожа на тебя. Наверное, поэтому у вас и возникло такое взаимопонимание.

— Мы очень похожи с ней во всём, я это чувствую сам, — воодушевился Виктор. — Знаешь, я часто узнаю в ней себя. Веришь, я даже ощущаю её боль, когда она упадёт или ударится. Я не знаю, как тебе объяснить...

— Ну уж мне ты можешь ничего не объяснять. Любая мать знает, что это такое.

Он ещё раз — мягко, но настойчиво — попросил согласия супруги на то, чтобы взять Веронику в семью. Лилия задумалась. Виктор ждал её ответа. Он не торопил, потому что понимал всю серьёзность своего вопроса.

— А как же мать? — осторожно прервала она своё молчание. — Мать согласится?

— Добровольно — вряд ли.

— Вот видишь.

— Но Вероника уже подходит к возрасту, когда ребёнок имеет право решать сам, с кем ему дальше жить: с матерью или отцом, — уверенно объяснил Виктор.

— Хорошо. Даже если это так, как ты объяснишь её матери, что Вероника хочет жить с тобой? Так, чтобы мать это поняла и согласилась?

— Через суд. Там спрашивают ребёнка о его желании жить с одним из родителей. И если ребёнок

сможет объяснить и обосновать свой выбор, его оставляют с тем, с кем он захочет. Я уверен, что выиграю это дело.

— А разве в этом деле может кто-то выиграть?

Виктор, казалось, растерялся от такого вопроса.

— Что ты хочешь сказать?

Лилия внимательно посмотрела на мужа: в самом ли деле он не понимает таких простых вещей?.. Таких простых для каждой женщины вещей?

— Представь на секунду, какой удар ты нанесёшь матери. Просто одним этим процессом, который собираешься выиграть. Что будет твориться в душе женщины, у которой отнимают её ребёнка — хоть кто, пусть даже родной отец. Конечно, есть такие, которых лишают материнских прав. И что, твоя Катя такая? А? Ответ: она пьяница?.. Гулёна, которая на целые дни оставляет семью, где ребёнок не накормлен, брошен, никому не нужен?

— Нет, конечно, до таких крайностей не доходит.

— Вот видишь, до крайностей не доходит. А ты хочешь идти на крайность. Хочешь отнять дочь у матери, потому что тебе кажется, что с тобой ей будет лучше.

— Это не кажется. Это так и есть.

— С чего ты это взял? Со слов Вероники? Витя, ты пойми, что Вероника совсем ещё ребёнок, маленький, со слабенькой психикой. С тобой она может говорить одно, с матерью — другое. И как ты можешь гарантировать, что на вопросы суда она будет отвечать именно то, о чём говорили вы с ней, один на один, чего, кроме тебя, никто не слышал?.. Вся эта судебная обстановка, все эти серьёзные дяди и тёти, эта ответственная, давящая атмосфера, это растерянное и заплаканное лицо матери, жалость к ней, — откуда ты можешь знать, как повлияет всё это на решение Вероники? Маленькой девочки, которую поставят перед выбором: или нанести страшный удар матери, или же, не выдержав психологической нагрузки, сломаться? Я очень не уверена, Витя, что психика ребёнка безболезненно перенесёт такой стресс. Мать же тоже будет разговаривать с ней, уговаривать остаться, убеждать, что она её любит. И она её любит действительно, потому что она мать, а то, как она живёт, это её право. Лишать женщину материнства за какие-то её пропускки, которые лично тебе кажутся не совсем правильными, — я думаю, это жестокость, Витя. И жестокость неоправданная. И как вся эта затея отразится на здоровье ребёнка, надо ещё хорошо подумать.

Виктор увёл взгляд в сторону. Вероятно, он не предполагал самого наличия таких аргументов, потому что они смутили его.

— Я, конечно, думал об этом, но... Мне кажется, ты всё сильно как-то... стусила краски. Ведь по-разному бывает. Все когда-то принимают решения. И Веронике тоже когда-нибудь придётся

стоять перед выбором. К сожалению, конечно, но придётся. Это — жизнь.

— Но, согласись, решения должен принимать зрелый человек, человек с устоявшейся, крепкой психикой. Детей нужно оберегать от лишних стрессов, причём такой разрушительной силы. Оберегать, Витя, пока они дети. Станут взрослыми, уже ни от чего не убережешь, там у них своя дорога. Разве тебе не жаль свою дочь?

— Жаль. Очень жаль, — вновь воодушевился Виктор. — Вот поэтому я и затеял сегодня этот разговор, вот поэтому я всё и обдумал, и именно поэтому, Лилия, я всё же хочу взять её к нам, — он умоляюще посмотрел на неё. — Прошу тебя... Пожалуйста.

— Ах, Витя, Витя... — теперь отвела взгляд она. — Неужели ты не понимаешь такой простой истины?.. Даже если и случится это чудо, если всё пройдет так, как ты думаешь, и Вероника будет жить с нами, ты уверен, что у нас ей будет лучше, чем там, с матерью?

— Ты не хочешь, чтобы она жила с нами? — спросил Виктор.

— Нет, не в этом дело... Я тебе попробую объяснить, а ты меня постарайся понять.

— Хорошо. Я постараюсь.

Несколько секунд муж и жена молча смотрели друг другу в глаза.

— Ты говорил, что любишь нас, Витя. Меня и Андрюшу, — тихо сказала она.

— Да, — так же тихо и искренне подтвердил он.

— И мы тебя любим. Видишь, в нашем маленьком семейном кругу все мы любим друг друга. И пока мы будем крепко держать друг друга за руки, нам ничего не страшно, у нас будет мир и покой. А теперь представь, что в нашей семье появился ещё один человек, человек очень хороший, маленький и добрый. Но вот этот маленький человечек так и не смог полюбить чужую тётю, полюбить так же, как свою маму. Цепочка любви разомкнулась, и в этой семье гармонии уже нет. Что мы будем делать тогда?

— Ты думаешь, что Вероника не сможет тебя полюбить?

— И её нельзя будет за это осуждать.

— Сможет. Вот увидишь.

— Я не хотела бы этого объяснять, Витя. Мне трудно. Да, наверное, и не нужно.

— Скажи. Между нами не может быть ничего такого, чего бы я не понял.

По её лицу пробежала едва заметная тень — то ли беспокойства, то ли недовольства.

— Лилия... говори, — настаивал он.

— Боже мой... Ты понимаешь, Витя, я очень люблю нашего Андрюшу. Он мой сын... Я его люблю... Но я совсем не уверена, что я так же смогу относиться к твоей Веронике. Она хорошая девочка, замечательная, умная, добрая, но полюбить её настоящей материнской любовью я не смогу. Ты

извини меня, я могла бы это скрыть, смолчать, но я говорю тебе правду. Я чудесно к ней отношусь, но... у меня нет любви к твоей дочери. Для этого у Вероники есть её мать. Мне будет очень трудно любить своего сына и не любить твою дочь. Она не заслужила этого. Ты можешь взять Веронику, я не против, и я сделаю всё, чтобы ей у нас было хорошо. Я никогда не позволю себе ничего такого, что могло бы её обидеть или заставить почувствовать, что она мне чужая, но... но из нашей семьи может незаметно уйти то, что помогает нам жить. Я боюсь этого и не хочу. Это моя семья, и я должна её сберечь. Пойми меня правильно. Пойми и не обижайся.

Сказав это, Лилия замолчала. Она объяснила всё предельно честно и просто, и у него не возникло вопросов. Но он задумался.

В возникшей паузе она сделала короткий нервный жест рукой.

— Зачем ты меня заставил это сказать?..

— Всё в порядке, Лилия. Я просто думаю.

Он ответил обычным тоном, и Лилия не услышала в его голосе обиды. Она постаралась как можно тактичнее завершить деликатный разговор:

— У тебя второй брак, Витя, я тоже уже не молоденькая девочка, мы больше не имеем права на ошибку. Так трудно построить отношения, так много для этого требуется усилий, и так легко можно всё разрушить... Я тебе не могла этого не сказать. Это было бы нечестно. Мы с Андрюшей тебя очень любим и дорожим тобой. Ни за что на свете мы не хотим тебя потерять. И не хотим, чтобы наш семейный круг разомкнулся... Подумай и реши сам. И каким бы ни оказалось твоё решение, оно будет принято мною безоговорочно... — она подумала. — Да. Безоговорочно. Я обещаю тебе это.

Лилия поднялась со стула, развязала фартук, повесила его на спинку стула и ушла в спальню.

Теперь на кухне остался один Виктор.

И он даже не подозревал, что его дочь, его Вероника, слышала весь этот разговор. И что она сделала в ту ночь для себя одно важное открытие: во взрослой жизни существует некая сила, невидимая, но могучая, способная побороть и волю человека, и его характер, и его разум; что она сильнее всего на свете — даже его, отцовской, любви к ней. И страшная мощь эта скрыта за таким простым, таким обидно обыкновенным словом — обстоятельства.

И маленькая девочка Вероника в ту ночь впервые столкнулась с этой силой, поняла её и даже, казалось, почувствовала, как эта сила победила её отца.

Он погасил свет и ушёл спать...

Прошли годы.

Я выросла, окончила школу. Из безропотной, испуганной девочки я постепенно превращалась

в молодую девушку, у которой вырисовывался характер и появлялись принципы. Моё мнение всё чаще стало не совпадать с маминым. Особенно это касалось вопроса о дяде Саше, который сменил у нас дядю Мишу и за которого мама официально вышла замуж.

Я не знаю, подростковый ли мой максимализм тому виною или просто так сложилось, но с дядей Сашей у нас отношения сразу же не заладились. Ко мне он, можно сказать, не относился никак, потому что я уже была подростком, у меня был свой мир, свои друзья, какая-то своя жизнь, и мы с ним просто жили в одной квартире. Не любили, но и не обижали друг друга. Я в нём не принимала категорически только одного: то, что он часто домой приходил пьяным. Он не скандалил и не дрался, нет, но всё равно это было очень неприятно.

С ним мама стала чаще выпивать. И вот, когда мама третий раз в моей жизни произнесла фразу о том, что ей нужно в первую очередь заботиться о себе, чтобы я тоже жила хорошо, я не выдержала и сказала ей: «Мама, этими словами ты просто прикрываешь свой эгоизм». Мамино лицо сразу стало испуганным и растерянным, и я пожалела, что сказала это.

С годами я стала находить в маминых жизненных принципах много уязвимых мест и часто расчётливо била в них. От обиды и бессилия мама плакала...

А с дядей Сашей мы продолжали жить в квартире как два чужих человека, иногда проходя мимо и не замечая друг друга.

Так, не любя и не чувствуя любви в своей семье, я и провела годы юности. После того, как у тебя появилась другая семья, наши летние встречи становились всё реже и короче. Но всё равно я понимала, я знала, что нужна тебе, что ты меня не забыл.

После окончания школы я приехала в твой городок, ты снял мне квартиру, я поступила в университет. Каждый день ездила на занятия в республиканский центр — утром двадцать пять километров на автобусе туда и вечером — обратно. Я очень была рада тому, что живу с тобой в одном городе. По воскресеньям ты приходил ко мне в гости — воскресный папа своей взрослой дочери.

Да-да... я выросла, и меня ожидали первые взрослые испытания...

Помнишь?..

Несмотря на вечер — на улице будто светло: белая зима очистила город только что выпавшим пушистым снегом.

Вероника лежала на кровати в своей съёмной квартире, уткнувшись лицом в подушку. Она не двигалась, и плечи её не вздрагивали. Поэтому с первого взгляда было непонятно — плачет она или спит.

Когда послышался поворот ключа в замке входной двери, Вероника никак не отреагировала на этот звук.

Через несколько секунд в комнату стремительно вошёл растерянный Виктор. Он даже не разделся у порога, ворвался в чём был — в пальто и шапке. Увидев дочь, лежащую ничком на кровати, он облегчённо выдохнул, плечи его, приподнятые и зажатые родительским беспокойством, сразу же обмякли и опустились.

— Слава Богу, ты дома... — стоя на пороге комнаты, покачал головой отец. — Как ты меня напугала!.. Почему не отвечаешь на звонки?

Он ожидал ответа от Вероники, но Вероника промолчала и даже не подняла головы. Тогда Виктор продолжил:

— Я звонил, никак не мог дозвониться... И дверь тоже не открываешь. Почему?... Хорошо, что ключ взял с собой. Думал, тебя дома нет, хотел уже ждать здесь.

Вероника не откликнулась, что было странно и необычно. Тогда отец подошёл к кровати, взял дочь за плечи и попытался перевернуть её на спину. Вероника сделала резкое движение плечами, освобождаясь от его рук, тряхнула головой и опять спрятала лицо.

— Ты плачешь? Что случилось?... — настойчивее спросил отец, успевший заметить слёзы на её глазах. — Вероника!.. Что-то случилось, да?... Ответь, пожалуйста, не молчи.

Вероника сдержанно всхлипнула в подушку, но так ничего и не ответила. Тогда отец присел на краешек кровати, снял шапку с головы и положил её себе на колени.

— Ну, так не годится, — примирительно и чуть-чуть обиженно заговорил он. — Без того перепугала меня, ещё и плачешь, и разговаривать не хочешь. Я перенервничал, хоть валерьянку пей. Поздний вечер, тебя, наверное, нет дома, раз на звонки не отвечаешь, — что мне думать? Ты сегодня куда не собиралась, сама обещала позвонить. Я твоего звонка ждал, не дождался... — он, немного нервно теребя в руке шапку, посмотрел на дочь. — Ответь, Вероника: что произошло, в конце концов?

— Ничего, — наконец-то ответила она в подушку.

— Как ничего? А почему ты такая расстроенная?

— Нипочему.

Этот детский ответ заставил отца чуть улыбнуться.

— Тебя кто-то обидел?

— Нет. Я просто не хочу никого видеть. Никого!

И она глубже зарылась в подушку.

— Даже меня?

— Да, — через паузу и не очень уверенно ответила она.

— Значит, что-то серьёзное. Ну-ка! Давай рассказывай мне всё! — Виктор попытался погладить её по плечу.

— Не трогай меня... — вдруг дёрнулась она под его рукой, но тотчас же устыдилась своей вырвавшейся грубости: — Папа, оставь меня в покое!

— Нет, не оставляю, — по-отцовски серьёзно сказал Виктор. — Пока не расскажешь мне причину твоих слёз.

— Я ничего не хочу рассказывать. Ты всё равно не поймёшь.

— Спасибо. Дождался. Жизнь прожил и не пойму проблем своей дочери, — он поднялся с кровати. — Так, я иду на кухню, ставлю чайник, сейчас попьём горячий чай и немного пошепчемся. Договорились?..

Вероника не ответила, но её упрямое молчание совсем не раздражало отца. Он прошёл в коридор к входной двери, снял с себя пальто и повесил его на крючок вешалки. На другой крючок набросил шапку. Потом зашёл на кухню. Взял белый эмалированный чайник, который недавно купил дочери, наполнил его водой на треть из-под крана и поставил на электроплиту.

Вероника оторвалась от подушки, села на кровати, всхлипнула, успокаиваясь, и вытерла слёзы на мокром опухшем лице.

Вошёл Виктор. Он сделал вид, что не заметил выражения несчастья на заплаканном лице дочери.

— Ну вот. Сейчас чаёк согреется, веселее станет... — отец энергично потёр ладони, предвкушая горячее чаепитие, и опять присел на кровать, рядом с Вероникой. — Давай, давай рассказывай!.. — оптимистично подбодрил её.

— Что рассказывать? — всё ещё беспокойным, срывающимся голосом спросила она.

— Свою беду.

Вероника вновь упала на подушку и, уже не стесняясь, громко, от души, разрыдалась. Отец несколько секунд молча смотрел на плачущую дочь. Нежно погладил её по плечу, и она теперь не сопротивлялась отцовской ласке.

— Ну-ну-ну... Доченька моя маленькая... Не надо так расстраиваться... — он говорил то, что говорят все отцы своим детям в минуты их отчаяния. — Нет такого горя, которому нельзя было бы помочь. Давай-ка начинай, и по порядку. Всё обсудим, обдумаем и найдём правильное решение. Да и тебе самой станет легче.

— Не станет, — через судороги плача едва сумела выговорить Вероника.

— Станет. Вот увидишь, — спокойно убеждал Виктор. — Тем более, мне кажется, я уже начинаю понимать причину горячих слёз. Давай я буду угадывать, а ты говори: так это или не так. Хорошо?... Конечно, причина не в учёбе. Не в учёбе, да?... Так. И не в ссоре с подружкой. Из-за подруг таких слёз не проливают. Угадал?... Угадал, — отвечал он сам

себе, потому что Вероника плакала и молчала. — Пойдём дальше. Возможно, здесь дело в каких-то личных отношениях...

Дочь заплакала громче, и отец понял, что попал в точку.

— И, скорее всего, в этих слезах повинен молодой человек...

Вероника заплакала ещё громче.

Виктор грустно покачал головой.

— А я и позабыл, что ты у меня уже совсем-совсем взрослая...

— Я не хочу жить... — произнесла она такие лёгкие в несчастье, но такие страшные слова.

Отец задумался, потому что в подобной ситуации отцам всегда есть над чем подумать. Ведь чтобы тебя правильно поняли, надо правильно объяснить. И, самое главное, не сделать больнее. А как постучать так, чтобы достучаться?

— Видишь, Вероника, в каждом возрасте есть свои проблемы. В детстве ты зависишь от воли родителей, а когда становишься взрослой, начинаешь зависеть от воли судьбы. И если родителей ещё можно уговорить или понять, то судьбу ни уговорить, ни понять невозможно. Думаешь: где справедливость?... почему так?... почему со мной?... Каждый задавался этим вопросом, Вероника. Поверь мне, каждый. Думаю, что самое правильное — нужно просто мириться и принимать всё так, как есть.

Вероника вдруг перестала плакать и порывисто села на кровати. Решительно вытерла ладонями мокрое лицо.

— Ты мне обещал, что я буду счастливой... — с вызовом обратилась она к отцу. — Ты мне это говорил, говорил, помнишь?..

— Помню, — согласился Виктор.

— И что?

— Ничего. У тебя ещё всё впереди.

Заплаканная Вероника, казалось, задохнётся от возмущения.

— Мне уже двадцать лет! — потрясая руками, громко, едва не закричав, заявила она. — Двадцать!.. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну вот!.. — она ещё что-то хотела сказать, но не нашла нужных слов.

Эмоциональный запал иссяк, и она бессильно опустила руки.

Отец помолчал, дав возможность дочери немного успокоиться, и когда она отдышалась, просто, легко, по-дружески предложил:

— Если хочешь, можешь рассказать мне, что у вас произошло.

— Не хочу! — резко ответила Вероника. — Этот человек оказался предателем, и я не хочу о нём говорить... — потом подумала и добавила: — Даже думать о нём не хочу!

— Не всё так просто, Вероника... — как можно мягче заметил отец. — Не всё так просто в жизни,

доча... Предположим, один человек не любит другого, или, иначе говоря, может вполне без этого другого обойтись... прожить. И он в этом честно признался самому себе. Разве было бы лучше, если бы он продолжал отношения с нелюбимым человеком?... На мой взгляд, гораздо честнее уйти сразу, потому что чем дольше продолжаются отношения, тем болезненнее будет разрыв. А он неизбежен между людьми, которые друг друга не любят. Я, конечно, не знаю, что у вас там и как, но ты подумай хорошенько сама: может быть, это не так уж и плохо?... То, что произошло с тобой?... Как правило, уходит человек, который не сможет быть тебе другом. Удерживать его бессмысленно, а главное, глупо: зачем? Жди другого человека, того, который тебе предназначен. Он не пройдёт мимо. Только дождись его.

— Просто мне обидно. Чем я хуже её?... Почему она, а не я?..

— Ты знаешь, вечные вопросы — это и вопросы любви. Очень непростых отношений между мужчиной и женщиной. И этими вопросами, которыми ты мучаешься сейчас, мучились люди и до тебя, и будут мучиться после, и женщины, и мужчины. Все. И я тоже задавал себе такие вопросы, если тебе, конечно, это интересно.

Вероника с некоторым недоверием посмотрела на отца.

— Ты тоже в молодости влюблялся?... — в её интонации слышалось искреннее удивление.

— А кто в молодости не влюбляется, моя ты золотая?

— Я имею в виду — до мамы?

— И я имею в виду — до мамы.

— Ого, — живо заинтересовалась дочь. — Ну ты даёшь.

— А что тут такого?

— Не знаю. Но мне казалось... что ты... что вы... как-то сразу встретились, и никаких проблем.

— Вот смотри. Каждый человек проходит один и тот же путь. Его ждут влюблённость, предательство, боль, разочарование, отчаяние, ожидание, затем новая влюблённость... Редкий человек избежал в жизни всего этого. Может, потому, что всё это в целом и называется жизнью?..

— И что, тебя тоже кто-то бросал? — поразила Вероника.

— Конечно, а чем я хуже остальных?

— Мне кажется, ты такой хороший.

— Это потому что я твой отец. Это во-первых. А во-вторых, скажу тебе, и хорошим тоже достаётся. Хорошим, может быть, даже больше, чем не очень хорошим. Так почему-то устроена жизнь. И в этом я с ней не совсем согласен.

Вероника осмысливала то, что сказал ей отец. Она, казалось, даже ненадолго забыла собственную драму.

— Папа, а ты ревновал когда-нибудь?

— Да. И это был кошмар.

— Расскажи, — попросила дочь и удобнее устроилась на кровати.

— Ладно. Слушай... — Виктор чувствовал себя молодым отцом, рассказывающим на ночь маленькой дочери сказку. — Давным-давно, когда тебя ещё не было на свете, жил один молодой человек. Он был таким же студентом, как и ты теперь. Много времени посвящал занятиям и совсем мало — дискотекам и дружбе с девушками. Так, в трудах праведных, прошёл у него первый курс, затем второй. И вот в начале третьего курса он вдруг обратил внимание на девушку со своего потока, которую раньше не замечал. Просто обратил, и всё, — он сам не знал почему. И с той минуты он уже не мог ни о чём думать, кроме как о ней. Но так как он был несмелым, то не решался ей признаться. Он думал о ней днём, думал ночами, мечтал о ней, воображал себя героем, спасающим её из разных ситуаций, и упивался своими фантазиями. Он всё откладывал объяснение с этой девушкой, в мыслях давно уже считая её своей... И вот однажды, когда он возвращался с занятий в своё общежитие, он увидел, как рядом с этой девушкой шёл высокий спортивный парень. Они шли куда-то в город и держали друг друга за руки. Она — такая хрупкая и нежная, и он — такой уверенный и сильный... Молодой человек не помнил, как поднялся к себе в комнату. Сел на кровать, затем встал и начал ходить туда-сюда. Потом опять сел. Он не понимал, что делает, и не знал, что ему делать дальше. Всё вокруг было как во сне. Он сам себе казался чужим, и если бы не горячий огонь в груди, он бы решил, что всё это происходит не с ним. Он тогда не понимал, что в его организм проник страшный вирус. Редко кто из людей избежал заражения этим вирусом. Он настигал в разное время жизни ну, наверное, всех. И имя ему — ревность. Ревность — это такая острая форма болезни, при которой человек, в другое время даже очень умный и выдержанный, вдруг начинает совершать поступки глупые, нелепые, а иногда и страшные. И вот тот молодой человек, о котором я тебе рассказываю, сам будущий врач, только что подхвативший эту дикую лихорадку, решил действовать. Действовать немедленно. Подумав, что они пошли в кино, он сорвался с места и побежал. До кинотеатра было несколько остановок, но он не сел в автобус, он бежал по городу. Мысли его бурлили, как кипящая вода, и он не замечал никого и ничего вокруг. Он успел на ближайший сеанс, купил билет и стал ходить по фойе, заглядывая в лица зрителям. Поняв, что здесь их нет, он ушёл. А на улице была осень. Темнело. Под ногами лежал настоящий ковёр из опавших листьев: жёлтых и безжизненных. И он чувствовал себя таким же мёртвым и безжизненным, как эти листья.

Он не понимал, что надо просто пережить это состояние. Ему было плохо, и он ненавидел весь мир. И вот, на пути в свою общагу, безнадежно шагая по лужам и этим жёлтым листьям, он вдруг увидел её и его, всё так же державших друг друга за руки и идущих ему навстречу. Где они были и откуда шли — он так и не понял. Увидев их, он остановился как поражённый громом. Потом, совершенно не владея собой и не понимая, что делает, он подошёл к ним и стал говорить ей... зачем-то стал говорить ей... обидные вещи. Говорил и говорил, сердито и бессвязно, и не мог остановиться. Он был вежливый и воспитанный молодой человек и никогда бы не позволил себе ничего подобного, но, повторяю, он был болен. И болезнь эта закрыла от него весь мир чёрной пеленой. Он видел только её красивые, широко раскрытые, удивлённые глаза и говорил... говорил...

Виктор замолчал, и дочь вопросительно смотрела на него, ожидая продолжения.

— Мне тогда здорово досталось, Вероника, — почему-то засмеялся отец, взглянув во внимательные глаза дочери. — Парень вступился за неё, конечно, и правильно сделал. Но я не чувствовал боли. И боль, и стыд я почувствовал после. Позже я подошёл к ней и извинился. Объяснил, почему я так поступил. Она грустно улыбнулась моим неуклюжим извинениям, но ничего не ответила. Потом она вышла замуж...

Виктор опять замолчал. Сердце учащённо билось, ему стало жарко. Да-а, и далёкие воспоминания при их приближении вызывают знакомые эмоции и чувства. Казалось, давно забытые, они оживают благодаря свойствам нашей памяти и возвращают давние события во всей их силе и яркости.

— Однако чай уже вскипел, — спохватился Виктор. — Я сейчас.

Он опять ушёл на кухню, снял с плиты и в самом деле кипевший чайник.

Вероника по-прежнему сидела на кровати и думала. Она не сразу заметила отца, вошедшего в комнату.

— Идём чаёк пить, моя хорошая.

Вероника посмотрела на отца детским доверчивым взглядом. Она почти успокоилась.

— Идём, — повторил Виктор.

Они прошли на кухню и уселись за стол, где стояли дымящиеся ароматным паром две чашки свежесваренного чая.

— Пей, Вероника... Только смотри не обожгись, он горячий.

Она подула в чашку и отхлебнула маленький глоточек.

— Папа, а ты её любил?

— Да, я был влюблён.

— А ты бы хотел, чтобы она стала твоей женой?

Виктор, усмехнувшись, задумался над вопросом дочери.

— Не знаю... Наверное... Но тогда бы не было на свете тебя. А на это я не согласен. Точно — не согласен.

Недавно безутешно плакавшая Вероника искренне и радостно улыбнулась.

— Знаешь что?.. — Виктор решительно отставил свою чашку. — Собирайся, идём ночевать к нам. Лиля приготовила вкусный ужин, а Андрюха тебе будет очень рад. Он всегда спрашивает, почему ты так редко заходишь к нам. Всё. Пошли.

Уходит человек, который не сможет быть тебе другом... Да, я согласна, это так. Теперь-то я хорошо понимаю. Но попробуй-ка это объяснить молоденькой девочке. Неправда, что умный учится на чужих ошибках. Чужие ошибки не учат никого. Иногда даже тех, кто их и совершает. И умные, и глупые одинаково спотыкаются. Нет такого умного, который бы философски отнёсся к измене, предательству, обиде, несчастью. Все мы люди.

И как хорошо, что ты тогда пришёл. Как хорошо... Те таблетки лежали у меня в тумбочке. Не знаю, выпила бы я их или нет, сейчас сказать трудно, но я их купила, они лежали, и я знала, что они здесь. Перед твоим приходом у меня было такое же состояние, как у тебя тогда, когда ты увидел, что твою девушку держит за руку другой парень. Мне было совсем плохо. Минутная слабость... и я могла совершить непоправимую глупость. Даже подумать страшно. Потому что тогда бы не было всей моей жизни, с её счастливыми и грустными моментами. Не было бы моей встречи с человеком, который стал потом моим мужем. Не было бы наших детей, не было бы большого и долгого пути... Боже, как же всё-таки хорошо, что ты тогда пришёл!

И сейчас, имея за плечами свой жизненный опыт, я понимаю, что никогда не надо совершать из-за любви необдуманных поступков. Ни одна влюблённость не стоит этого. Нет, не стоит. И я теперь думаю, что с тем молодым человеком, из-за которого я так переживала, у нас бы вряд ли сложилась жизнь, если бы мы, конечно, остались вместе. Он прожил свою жизнь, я — свою и насколько не жалею о нашем расставании. А тогда я перестрадала, перемучилась, и всё...

А потом встретила своего Женю. Когда я тебя познакомила с ним, ты сказал: «Хороший парень. Береги его». И я его сберегла.

Когда мы заканчивали учёбу, нас пригласили на работу сюда, в этот город... Мне было грустно уезжать от тебя. Уезжать в свою большую жизнь. И вот я стояла на её пороге, молодая и счастливая. И в этом состоянии опьянения молодостью, надеждами и любовью я пришла к тебе прощаться.

Было лето. Ярко светило солнце. Небо было синее, очень-очень глубокое, всё было так, как сегодня. Только в другом городе и страшно много лет назад. Мы шли по улице, я держала тебя под руку...

В тот тёплый июньский день, когда на синем-синем небе светило яркое-яркое солнце, Вероника и Виктор прогуливались по городской аллее. Они никуда не спешили, потому что спешить было некуда и незачем. В поликлинике приём у Виктора закончился в четырнадцать часов. Дочь дождалась его, и они съели по мороженому, присев на скамеечку. Потом решили побродить по городу вдвоём. Она взяла отца под руку.

— Помнишь, мы ходили с тобой здесь, когда я была маленькая?

— Помню. Конечно же, помню.

— Как-то раз мы шли из гостей. Была осень, но вечер стоял такой тёплый. Уже начинало темнеть, мы шли по этой аллее совсем-совсем одни. Почему-то никого больше не было. Мы шли и пели с тобой песенку. Про кота. Ты помнишь это, папа?

— Я и песенку эту помню тоже.

— Ну-ка... — игриво посмотрела на отца дочь.

И Виктор старательно пропел несколько строчек из детской песенки про кота Мурлыку, не совсем попадая в ноты, вернее, совсем не попадая в них.

— Браво, браво! — радостно засмеялась Вероника. — Какой ты молодец, папа, всё-всё помнишь... — она чуточку грустно вздохнула. — Ах, как давно это было. Мне кажется, что очень давно.

— А мне кажется, что недавно. Для нас время течёт по-разному.

— Время — оно и есть время. Оно одинаково для всех людей.

— А вот и нет. В молодости годы кажутся длинными, а в старости — короткими.

— Ну ты же ещё не старый.

— Ещё нет, конечно. Но, скажем так, где-то со второй половины жизни ты вдруг начинаешь замечать, что не замечаешь, как она проходит. Так как мне уже хорошо за сорок, то это означает, что я вступил в эту замечательную пору.

— И я когда-нибудь это почувствую?

— Конечно. Но ещё не скоро. Ты молодая, и твоя жизнь только начинается.

Дочь теснее прижалась к плечу отца.

— Папа, и почему я тебя так люблю?

Некоторое время они шли молча по старому, разбитому временем асфальту тротуара, наслаждаясь щедрой теплотой июньского солнца, прохладной тенью старых чёрных вязов, стоявших рядком вдоль дороги, и, самое главное, близостью родного человека. И от этой близости на душе было светлее, чем от яркого летнего солнышка.

— Представляешь, я улетаю далеко-далеко... — мечтательно произнесла дочь, крепко удерживая отца под руку.

— Значит, выросли крылья, — согласился отец.
— Мне так тебя будет не хватать.

— И мне тебя.

— Я тебя правда люблю, папа... — голос у Вероники дрогнул. — Очень люблю. Я... — она не договорила того, что хотела сказать.

— Почему ты плачешь? — спросил отец, глядя куда-то в сторону.

— Нет, нет... какая-то соринка... колючая соринка... — и она торопливо вытерла влажные глаза.

— Всё будет хорошо... — Виктор погладил по руке свою взрослую дочь. — Где твой Евгений?

— Так. Улаживает какие-то последние дела. Папа...

— Что такое?

— Да, в общем-то, ничего особенного. Но...

Виктор вопросительно посмотрел на шагающую рядом дочь.

Она молчала, и по её нерешительности отец понял, что ей непросто сказать то, что она хотела сказать.

— Так. Говори.

— Короче, мы хотим заехать попрощаться с мамой.

— С чьей мамой?

— С моей. С мамой Катей.

— Ну и?... — не понял Виктор, ожидая продолжения или объяснения.

— Ты не обидишься? — осторожно заглянула в его глаза Вероника.

— На что?

— На то, что мы заедем к маме. Ты ведь с ней не очень... из-за меня.

Отец облегчённо выдохнул.

— Это всё?..

— Я просто подумала, что тебе не понравится. Или будет неприятно... А я меньше всего на свете хочу тебя обидеть.

— Ты меня и не обидишь. Мать есть мать. Мало ли какие у нас с ней отношения, это наше дело. Ты на нас не смотри, поступай так, как считаешь нужным, — он, стараясь казаться строгим, недовольно хмыкнул. — И с чего ты решила, что мне будет неприятно, если вы заедете к матери?... Странно.

— Ну и ладно... — немного напряжённый голос Вероники стал спокойнее и радостнее. — А то я переживала.

Они миновали автобусную остановку и по «зебре» перешли на другую сторону дороги.

— Маме привет передавать? — спросила Вероника.

— От кого?

— От тебя.

— Нужны ей мои приветы?

— А может, нужны.

— Не надо.

— Почему, папа? Ты ещё сердишься на маму?... Из-за меня? Или... нет?

— Уже не из-за кого, доча. Мы давно в разводе, ты уже взрослая — нам что делить? И самое главное — ты выросла добрым, замечательным человеком. И у тебя сейчас всё хорошо.

— Да. Хорошо, — радостно улыбнулась Вероника.

— И я надеюсь, что и в дальнейшем у тебя будет всё так же хорошо. И я за тебя буду молиться.

— Папа, ты верующий? — сделала удивлённые глаза Вероника.

— Ты знаешь... — помолчав, заговорил отец, — в последнее время замечаю за собой... в общем, не могу сказать, что верующий... — он ещё раз посмотрел в счастливые глаза дочери. — Но вот вынужден верить, потому что сбывается то, о чём просишь.

Она поняла и засмеялась.

— Пойдём в магазин, папа. Хочу купить чего-нибудь вкусенького к чаю. А потом — к мам.

— Хорошо. В магазин так в магазин, — согласился Виктор. — Честно говоря, давно уже пора обедать. Мороженым может наестся только такая девочка, как ты.

— Понимаешь, — вернулась к своей теме Вероника, — у мамы не совсем удачно складывается личная жизнь, и она очень из-за этого переживает.

— Понимаю, — ответил отец.

— А для женщины личная жизнь — это очень важная вещь.

— Личная жизнь — это для всех важная вещь, и для мужчин тоже.

— Ну так я передам?... — чуть помолчав, спросила Вероника.

— Что?

— Привет?... маме?... от тебя?..

Отец не выдержал и улыбнулся.

— Ох, лиса. Ну лиса!

— Папа...

— Хорошо. Передай. Передай маме от меня привет.

Довольная Вероника чмокнула отца в щёку.

Они решили сократить путь и свернули во двор четырёхэтажного дома. Старого кирпичного дома. Здесь на детской площадке играли ребяташки.

— Погоди, папа, — остановилась Вероника. — Смотри — качели! Ты их не знаешь?

— А что в них такого особенного?

— Ну как же?... Разве не помнишь? На этих качелях я качалась, когда была маленькая.

— Когда ты была маленькая, ты качалась на всех качелях, — заметил отец.

— Но это были мои любимые... Они всё ещё целые. Только на них теперь уже качаются другие дети.

Вероника увлекла отца, и они подошли к стареньким качелям, которые соорудили здесь давным-давно, наверное, ещё со времён постройки этих четырёхэтажных домов. Качели были

прочные, их время от времени красили, следили за ними, и они ещё честно служили девочкам и мальчикам.

— И всё-таки как быстро летит время, — чуточку печально сказала взрослая девушка, маленьким ребёнком качавшаяся на этих качелях, и, уже веселее взглянув на отца, добавила: — Только не говори, что я глупенькая.

Отец уверенно развёл руками и так же уверенно догадался:

— Ты опять хочешь покачаться на этих качелях.

— Да! — воскликнула Вероника. — И не просто покачаться, а чтобы ты меня покачал. Как в детстве.

— Ну ладно, — согласился отец. — Садись.

Вероника осмотрелась по сторонам.

— Неудобно как-то, — вдруг смутилась она. — Что подумают люди?

— Они подумают, что отец качает свою дочь на качелях.

— Ведь я уже взрослая.

— Посмотри на себя: ты ещё ребёнок.

— Действительно, что тут такого? Ты мне однажды сказал, что для тебя я всегда останусь маленькой девочкой, даже когда мне будет сорок лет. А ведь мне не сорок, а всего лишь двадцать два.

Вероника, всё ещё смущаясь, подошла к качелям, взялась за синюю подвижную металлическую раму, державшую крашенное в такой же цвет деревянное сиденье. Нерешительно оглянулась на отца:

— Я боюсь.

— Не бойся.

Она подобрала юбку и аккуратно устроилась на сиденье.

— А они не развалятся?

— Не развалятся.

Старые качели ожили и чуть двинулись с места.

— Ну... папа! — настойчивее попросила Вероника.

И тогда Виктор, подойдя к качелям, начал раскачивать дочь. Старый прочный металл размеренно закрипел в ключинах.

— Выше, папа, выше!

Отец приложил усилие, и качели послушно стали увеличивать амплитуду движения. Вероника взлетала на сиденье, как птица, — вперёд и назад. Движение воздуха развевало её волосы, глаза горели знакомой детской радостью, и действительно сейчас эта взрослая девушка напоминала ребёнка, маленькую девочку Веронику, уговорившую-таки отца покачать её на качелях своего детства.

— Не страшно?

— Уже нет... — засмеялась довольная дочь. — Ещё выше, папа!

— Держись крепче.

— Раскачивай сильнее. Сильнее!.. Ух ты, ветер свистит в ушах! Я опять маленькая девчонка!

Её звонкий счастливый голос был слышен во всех уголках двора, но она уже не смущалась и не обращала на это внимания, так же как и раскачивающий её отец, увлечённый минутной игрой в детство, забыл обо всём на свете...

Так моя жизнь поделилась на две половины. Детство и юность, до замужества, и потом уже самостоятельная взрослая жизнь. Мы приехали с Женей сюда, в этот город, и прожили здесь много лет. Вырастили детей, помогли вырастить внуков. И теперь уже ты приезжал к нам в гости. Не часто, но всё же приезжал. И я тебе была очень рада, как тогда, в детстве. И ты любил и баловал своих внуков так же, как когда-то любил и баловал меня. Всё повторяется в жизни. Всё... На этой лавочке... молодая мама с коляской... а в коляске только начинается чья-то жизнь... такая долгая и такая короткая... Такая короткая!..

В темноте и тишине словно издалека до сознания Вероники пробился голос той самой молодой мамы, сидевшей рядом на скамейке: «... Вызовите скорую! Человеку плохо!»

— Кому плохо?.. Мне плохо?.. — удивлённо спросила себя Вероника. — Это неправда. Я сейчас открою глаза...

И Вероника очень легко, не прилагая никаких усилий, открыла глаза.

Когда она сделала это, то увидела, что перед ней стоит её отец. Такой же молодой и красивый, как в далёком-далёком детстве. Вероника почему-то даже не удивилась этому.

— Я знала... — очень просто сказала она ему. — Я это знала.

— Что с тобой, Вероника? — таким знакомым голосом спросил отец, и дочь услышала и узнала в его голосе отцовскую нотку беспокойства.

— Пустяки... Это иногда бывает... Возраст.

— Тебе плохо?

— Нет, что ты. Мне очень хорошо. Как я счастлива, что вижу тебя. Я думала о тебе, о маме, обо всех нас. Я сейчас вспоминала всю свою жизнь.

— Я знаю. И пришёл сказать тебе, что я тебя по-прежнему люблю. Как тогда, в детстве.

— И я люблю тебя, Вероника...

Это сказала Екатерина, вдруг оказавшаяся рядом с Виктором. Её спокойное доброе лицо очень обрадовало Веронику, она ждала маму, и вот мама появилась.

— Мама, я хочу сказать тебе одну очень важную вещь.

— Какую?

— Однажды в детстве, в разговоре с папой, я сказала, что не люблю тебя...

— Я это знаю.

— Так вот, это неправда. Я тебя очень люблю, мама. И прости мне эти слова.

— Конечно. Прощаю.

После этих слов мамы подошла молодая тётя Лиля, такая, какой Вероника помнила её, когда первый раз гостила летом в новой семье отца. И её появлению Вероника ничуть не была удивлена.

— Ты очень хорошо сделала, Вероника, что попросила прощения у мамы, — сказала ей тётя Лиля. — Я надеюсь, что и меня ты простишь тоже.

— Прощу? За что?

— За то, что я когда-то не разрешила твоему папе взять тебя к нам. Ты ведь тогда слышала весь наш разговор. Правда?.. И ты помнишь это до сих пор. Прости.

— Нет, нет, не надо просить прощения. Когда я стала старше, многое узнала и пережила, я поняла, что всё это было правильным.

— У тебя доброе сердце, Вероника, — ответила ей на это когда-то такая чужая женщина.

— И очень хорошо, что с самого детства ты сохранила его таким, — добавил отец.

— Тебя не интересует, куда пропал огромный город?.. — спросила Веронику мама. — Куда пропали тысячи идущих по улицам людей?.. И та скамейка, на которую ты присела?..

— Нет. Не интересует. Мне с вами так хорошо, и больше мне ничего не надо.

— Ну что же... Тогда смотри...

И вот появилась девочка, очень-очень похожая на другую маленькую девочку, из далёкого детства. В таком же платьице, как тогда у неё, и с такими же светлыми хвостиками на голове. Эта девочка подошла к Веронике.

— Здравствуй, Вероника! — звонко произнесла она.

— Здравствуй.

— Ты меня узнаёшь?

— Конечно.

— Я пришла, чтобы исполнить твою детскую мечту.

— Мою мечту?

— Да. Неужели ты забыла?

— Нет, нет, я её помню. Я её очень хорошо помню.

— Когда ты была маленькая, ты хотела, чтобы все-все — и папа, и мама, и тётя Лиля, и я — чтобы мы взяли друг друга за руки, как самые лучшие друзья.

И вот папа, мама, тётя Лиля и маленькая девочка подали друг другу руки, как самые лучшие друзья. Именно так, как об этом Вероника мечтала в детстве. Они взялись за руки, и получился круг. И круг этот теперь уже разомкнуть не мог бы никто. И никто даже не пытался бы этого сделать. Потому что самое прочное, что есть в мире, — это не железо и не камень, это что-то другое, очень простое и о чём знают все. И оно невообразимо прочнее всего остального, и возникает оно тогда, когда люди просто берутся за руки.

«Как хорошо! Как я счастлива!» — подумала Вероника, и её мысли услышали все. Все, кому полагалось их услышать.

— Пойдёмте, пойдёмте, — сказала маленькая девочка.

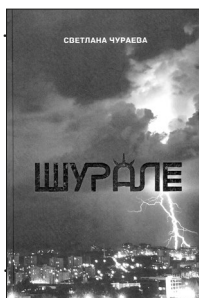
И все взрослые пошли вслед за ней, не спрашивая — куда...

А у скамейки в городском сквере, где сидела молодая мама с детской коляской, собрались прохожие, желающие помочь пожилой женщине, которой внезапно стало плохо.

Где-то далеко на улице города слышалась приближающаяся сирена скорой помощи...

ДиН РЕВЮ

Светлана Чураева

Шурале

Шурале: роман, рассказы/ Светлана Чураева. — Уфа: Китап, 2020. — 209 стр.

Отдельные части романа Светланы Чураевой «Шурале» уже выходили в разных печатных изданиях, в том числе в журналах «Октябрь», «Бельские просторы» и других. Были отмечены Южно-Уральской премией, дипломом Волошинского международного конкурса. Об этих текстах есть

отзывы, статьи, дипломные работы студентов. Но целиком роман читатель увидит впервые.

Его дополняют короткие рассказы, перекликающиеся с романом «Шурале» по тематике, также повествующие об Уфе, о Южном Урале, о простом человеке на фоне исторических глобальных событий.

Олег Лучин

Струны Этоира

Лоция для сторожей

«Когда вспоминаешь событие из жизни, увиденный фильм или прочитанную книгу — это естественно, а когда вспоминаешь события, которых никогда не было, это приводит в замешательство...»

Арсений ещё раз повертел в руках свою находку. Это была большая чёрная тетрадь, которую он случайно увидел в грудe досок. «Лоция для сторожей», — так было написано на первой странице большими печатными буквами. И ещё, чуть ниже, красивым почерком: «Плывите смело, перед вами карта моей Мечты».

У Арсения появилось странное чувство уверенности, что эту «Лоцию» он нашёл не случайно. Ему показалось, что её спрятали здесь специально для него, чтобы открыть что-то важное.

Произошло это событие во дворе детского сада, в который сегодня Арсений устроился сторожем. Работа непыльная. Можно успевать учиться днём и выкраивать какое-то время для занятий ночью. Первый рабочий день начался с задания заведующей — убрать доски, которые остались после ремонта и кучей лежали на детской площадке. Ему было нетрудно, да и хотелось чем-то себя занять.

В этой самой куче досок он и увидел чёрную тетрадь, рабочие её выкинули вместе с мусором. Ломали старую деревянную лестницу. Скорее всего, тетрадь была спрятана там.

«Лоция для сторожей». «Карта моей мечты». Арсений тоже был сторож. Возможно, поэтому он и подумал, что «Лоция» предназначалась именно ему и что он должен открыть чью-то тайну. В том, что там была тайна, Арсений не сомневался.

«Сегодня Король и Королева, выберут себе одного ребёнка из тысячи стоящих сейчас на Дороге. Он станет их сыном и наследником престола».

Король и Королева. Дорога. Арсений почувствовал что-то тёплое в этой фразе, связанное с самыми лучшими, но давно забытыми моментами из детства. Он решил прочитать тетрадь сначала и до конца, чтобы понять этого сторожа, а может, и самого себя.

«27 января. 2 часа ночи

Не знаю, что со мной происходит... Откуда взялась такая тоска в душе? Вроде Бог ничем не обидел. Отчего же тогда так грустно?

Другие с детства движутся к цели: хотят стать знаменитыми, зарабатывать много денег, а у меня таких желаний нет. Может, поэтому я стал учителем истории и пошёл работать в школу? Думал, педагогика станет моим призванием. Оказалось, что и это не моё. Я не люблю совершать насилие — учить тех, кто не любит учиться, а таких детей большинство...

Может, в этом причина грусти?..

...Сейчас со мной случилось что-то странное. Писал, услышал шум машины за окном, встал посмотреть. Пустая ночная дорога. Обычный городской пейзаж. Но вдруг... вместо асфальта я увидел булыжники... длинную каменистую дорогу. Она была бесконечной: начиналась где-то далеко и уходила за горизонт.

Был яркий солнечный день. По краям этой дороги стояли дети. Тысячи мальчишек и девочек, каждому лет пять-шесть! Не было пустого места. Они все чего-то ждали. Я был одним из них и тоже ждал.

Никто из нас не осознавал, как оказался на этой дороге. Мы смотрели на горизонт в ожидании, когда из-за него появится карета. Сегодня Король и Королева выберут себе одного ребёнка из тысячи стоящих сейчас на Дороге. Он станет их сыном и наследником престола.

И вот она! Роскошная! Красивая! А главное, в ней те, кто может тебя осчастливить на всю оставшуюся жизнь. Или вечность. С надеждой смотрели на неё те, к кому она ещё не подъехала, и с болью и грустью — те, мимо кого уже простучали колёса.

Я стою во втором ряду, от волнения прикрыв глаза. Слышу стук своего сердца и стук колёс — всё в одном биении. Карета медленно приближается ко мне. Приоткрыв шторку, Король и Королева разглядывают ребят. Неужели проедут мимо?! Вот уже заднее колесо поравнялось со мной. И вдруг карета останавливается. Кого они выберут? Королева медленно выходит из кареты, улыбается и приближается ко мне. Она берёт меня за руку. Я смотрю на неё, потом на карету

и вижу, что Король тоже улыбается. Я выбран! В знак признания дети становятся предо мной на одно колено. Радость переполняет моё сердце! — Пусть они тоже будут счастливы, — прошу я Королеву и получаю её согласие... Пусть они тоже будут счастливы...»

Арсений закрыл тетрадь и подошёл к окну детского сада. Вдалеке по дороге бесшумно скользили машины, а так хотелось бы... Он прикрыл глаза и представил каменистую дорогу, детей, карету... Тяжело вздохнув, решил читать дальше.

«Мираж? Галлюцинация? Сон? Что это было? Когда вспоминаешь событие из жизни, увиденный фильм или прочитанную книгу — это естественно, а когда вспоминаешь события, которых никогда не было, — это приводит в замешательство...»

Я помню отчётливо Дорогу, идущее тепло от камней, замирание детских сердец и тишину... А ведь я был там дважды!!!

И за день до меня Король и Королева выбрали девочку! Не могу вспомнить её лица и имени, но точно знаю, что она была. И благодаря этому выбору девочка стала моей Сестрой, которой у меня никогда не было в реальной жизни.

Сестра!!!

3 февраля. Обед

Уволился из школы. Слава Богу, конец моим мучениям! На работе не удивились, не уговаривали и не удерживали — значит, ждали этого и есть кем меня заменить.

И вот событие! Не успел уволиться с одной работы, как нашёл новую. Зашёл в отдел кадров за трудовой книжкой, а наша „кадровичка“ упростила меня временно поработать ночным сторожем в детском саду за её племянника.

— Понимаешь, Игорь, — сказала она, — он опять начал пить. Провалился на снегу пьяный и обморозился. Теперь его точно уволят, если ты не выручишь.

„А мне что? — подумал я. — Жить-то на что-то надо“. И согласился. Тем более сторож в детском саду. Не работа, а праздник!»

«Сторож Игорь, — подумал Арсений, — „Люция для сторожей“». Всё происходящее не случайно.

«4 февраля. 4 часа утра

Вечер начался обычно. Как и договорились, был на работе ровно в семь. Заведующая детским садом встретила неприветливо. Подозрительно осмотрела меня с ног до головы. Расспросила, кто и откуда, а когда узнала, спросила:

— Тот же пьёшь?

— Нет, — серьёзно ответил я.

Было видно, что вся эта история с заменой ей не очень нравится. Заведующая неодобрительно покачала головой и, тихо прикрыв за собой дверь, ушла.

Я решил сделать обход.

Вся атмосфера детского сада дышала теплом и заботой о детях. Стены были украшены рисунками из известных сказок народов мира, на полах лежали мягкие ковры. Большие окна давали достаточно света и создавали ощущение покоя и тепла за окном.

На первом этаже находились столовая и несколько комнат для детских групп. Я заглянул туда. Маленькие кроватки детей были аккуратно заправлены. Одиноко стояли игрушки в углу. Было ощущение застывшего времени. Как будто детский сад задремал.

Тишина была непривычной, давящей. Захотелось спрятаться. Я подошёл к детской кроватке и попытался прилечь на неё. Мои ноги, обогнув спинку кровати, достали до пола. Нахлынула грусть, я почувствовал себя одиноким. Вспомнилось детство: меня везут на санках, большими хлопьями падает снег, весёлые лица родителей...

Я поднялся на второй этаж. В небольшом актовом зале на тумбе стоял старый проигрыватель с виниловыми пластинками. К моему удивлению, он был в рабочем состоянии. Я поставил музыку восьмидесятых. Сначала просто слушал, потом стал подпевать и подражать выступлению певцов. Всё это помогло избавиться от тишины и одиночества, но через некоторое время громкие звуки стали раздражать. Шум в это время здесь был явно чужим. Я выключил проигрыватель и спустился вниз.

Захотелось повыть на Луну, но вместо этого я просто заорал. Крик потонул в тишине, но на душе стало легче. Я укрылся пледом, расслабился, согрелся и уснул.

Мне снилось, что я маленький, меня привели в детский сад. Все дети играют, а одна девочка тихо плачет, прислонившись лбом к окну. Я попытался увидеть её лицо, но она отвернулась от меня, и стало так грустно, что тоже захотелось плакать...

Вдруг я почувствовал, что кто-то трясёт меня за плечо.

Предо мной стояла высокая женщина в длинном чёрном платье и смотрела на меня!

„Забыл закрыть входную дверь? Уже утро? Кто эта женщина? Кем здесь работает?“ — пронеслись мысли в голове.

— Вы кто? — попытался спросить я, но губы мои не разжались, и звук моего вопроса походил на мычание или стон.

Я почувствовал, что не могу пошевелиться и отвести свой взгляд от женщины. Она смотрела на меня, не мигая, молчала и улыбалась. Стало

невыносимо страшно, мои мышцы сковал паралич, я почувствовал, что даже не могу закричать. Я начал задыхаться, стонать и валиться на пол. Ещё мгновение — и я бы умер от страха, но женищина захохотала и, хлопнув в ладоши, исчезла. Моё тело обмякло. Я услышал приглушённый стук и лишь спустя мгновение понял, что это я ударился лбом об пол.

Открыв глаза, я увидел, что никого рядом не было. Поднялся и осторожно пробрался к входной двери. Подёргал. Закрыто! Включил в коридоре свет. Пусто! Тишина! Посмотрел на часы. Начало четвёртого. Жуть!!!

Что это было?! Мне может кто-нибудь объяснить?

Неужели просто не проснулся и привиделось? Но такое чёткое было ощущение, что кто-то тряс меня за плечо! Я до сих пор чувствую это прикосновение.

До конца смены просидел, как ребёнок, поджав ноги, на кресле и озирался по сторонам, стараясь все ненужные мысли гнать от себя прочь.

Вот тебе и работа в детском саду! Отдохнул, называется!»

Арсений отложил тетрадь и огляделся по сторонам. За окном смеркалось. Ему стало не по себе. Он подошёл к входной двери и запер её. Потом обошёл все группы, проверил все помещения и, успокоившись, продолжил читать.

«7 февраля. Вечер

Несмотря на то, что через несколько дней события недавней ночи мне стали казаться бредом, в начале следующей смены я тщательно проверил, заперта ли входная дверь и закрыты ли все окна. Сегодня я чувствовал себя лучше. Тишина, которая всегда была в детском саду без детей, не давила, а успокаивала. Я вскипятил себе воду для чая и вспомнил...

Однажды, на самом деле будучи ещё ребёнком, я увидел незнакомую девочку, плачущую у окна. Она плакала беззвучно, не привлекая к себе внимания, её длинные русые волосы намокли около щёк. Я спросил у воспитателей:

— Почему она плачет?

— Не хочет оставаться в детском саду, — ответили они. — Поиграйте с ней, она и успокоится.

Я подошёл к ней и попытался заговорить, но девочка не обратила на меня внимания и продолжала плакать.

Дети играли и с интересом поглядывали на новенькую.

Оказалось, семья девочки недавно переехала из другого города. Там у неё была собака. Родители не захотели её брать с собой, а девочке сказали, что собака потерялась. И та стала её повсюду искать. Девочке казалось, что она видит свою собаку, но каждый раз та убегает от неё.

— Он провожал меня до садика и потерялся, — сказала девочка воспитательнице.

— Не плачь. Мы сейчас покушаем и пойдём искать вместе с детьми твою собачку на улицу. Девочка успокоилась, и воспитатели были рады.

На улице мы очень быстро нашли собаку новенькой. Как сейчас помню в мельчайших подробностях — огромная мохнатая белая псина, с большим чёрным носом и грустными глазами, по кличке Чёп. Вся наша детсадовская группа играла с этой собакой. Мы были безумно счастливы новому другу. И даже вечером, уходя из детского сада, наперебой просили у новенькой разрешения взять пса к себе домой.

Всё бы было хорошо, но взрослые не видели никакой собаки!

Простому говоря, на самом деле пса не было, мы его придумали. Воспитатели и родители поначалу снисходительно отнеслись к новой игре, подумали: через день-два надоест, и Чёп исчезнет из наших голов, — но не тут-то было, он не исчезал. Наоборот, задержался надолго. Если перефразировать известную фразу, то Чёп был «живее всех живых»!

Тщетно взрослые советовались с докторами, ничего не помогало. Врачи сказали, что надо набраться терпения и подождать, со временем всё пройдёт само собой, и они оказались правы.

Не знаю, сколько бы это продолжалось, но помог случай. Через некоторое время отец новенькой получил работу в другом городе, и они всей семьёй переехали туда жить. Соответственно, и Чёпа девочка забрала с собой. Больше из нас этой собаки никто не видел, и все взрослые облегчённо вздохнули.

Помню, я тогда даже плакал и тосковал, успев привыкнуть к новенькой и её необычному Чёпу...

Арсений улыбнулся: «Чёп. Надо же, какое имя! И как такое можно придумать?» Дальше пришлось тетрадь придвинуть поближе к глазам и включить лампу, поскольку продолжение было написано очень мелким почерком. Автор был в явном волнении.

«... По-моему, я схожу с ума...

Когда закончил писать последнюю фразу, то ясно и отчётливо услышал детский голос:

— Чёп, Чёп, ко мне!

И в ответ собачий лай!

А потом я увидел, как в проёме дверей, ведущих в общий коридор, пробежал большой белый лохматый пёс. Он лишь на секунду взглянул в мою сторону, но я узнал его!..

Не может быть!

Чёп!

Я вновь не сплю до самого утра, смотрю в одну точку, как сумасшедший!

Что-то в моей голове или в этом детском саду творится неладное...

Отчего запил предыдущий сторож???

«Резонный вопрос», — подумал Арсений...

«9 февраля. День

Вчера проспал весь день.

Вечером ко мне пришёл мой старинный приятель Эдуард. Как-то обещал ему дать книгу почитать, и вот он заскочил за обещанным. Я рассказал ему о событиях в детском саду. Эдуард выслушал очень серьёзно, и между нами состоялся примерно следующий диалог:

— Интересная у тебя жизнь, — сказал Эдуард. — Хоть что-то происходит с тобой. У меня вот, кроме книг, никаких больше развлечений нет.

— От этих развлечений мне как-то не по себе. А с тобой когда-нибудь случалось нечто подобное? — спросил я.

— Обычно мы забываем такие случаи, но один я хорошо помню. Произошёл он в моём далёком детстве. Я и мой брат играли дома с игрушечными пистолетами. Мы представляли, что за новогодней ёлкой притаилась вражеская армия, и яростно отстреливались от воображаемых врагов из своих пластмассовых револьверов. И вдруг я увидел, как из игрушечного пистолета брата несколько раз вырвалась струя пламени, и вата под ёлкой загорелась. Пожар начался на самом деле! Хорошо дома были взрослые и всё потушили быстро. Отец сказал, что произошло замыкание в электрической гирлянде, но я-то видел, от чего загорелась ёлка! Помню, я спрятал тогда этот детский пистолет в кладовке и долгое время боялся играть с ним. Как воспринимать этот случай: разыгравшееся воображение ребёнка или совпадение? Причём воображаемый огонь предшествовал возгоранию, то есть сначала я увидел огонь из пистолета, а потом начался пожар.

— А что говорил твой брат? Он видел, как вылетал огонь из игрушечного пистолета?

— Почему-то я никогда не спрашивал его об этом...

— А со мной сейчас тогда что происходит? Может, у меня поехала крыша?

— Ты способен задавать себе вопрос: «Не сошёл ли я с ума?» — а это признак того, что ты здоров.

— Можно как-то обезопасить себя от нежелательного вторжения чудес?

— Ну, если хочешь, могу дать тебе советы из книги. От нечего делать читал как-то одну по экстрасенсорике. Там описаны простые способы. Если человек видит существо из параллельного мира и не сможет в этот момент двигаться, надо начать молиться про себя. Молитва подойдёт любая, в зависимости от веры. В дополнение к этому можно представить энергетический

кокон вокруг места, где находишься, и оцепенение должно пройти, а существо исчезнуть, — так утверждает книга. А от себя добавлю. Эффективнее всего ни во что не верить. Неверие накрепко запечатывает двери к чудесам!

10 февраля. Ночь

История продолжается...

На смену пришёл в приподнятом настроении. Излишне бодрился и улыбался. „Я ничему не верю, я ничему не верю“, — напевал себе под нос. С наступлением сумерек моё настроение изменилось. Опять стало не по себе.

Отвлекая себя от невесёлых мыслей, убрал со стола, заварил чай и, усевшись с кружкой в кресле, то ли слегка задремал, то ли на самом деле увидел...

Детский сад стал старинным замком где-то далеко в горах. Вокруг пустынно, природа скудна, в облаках летают одиноко орлы. Я старый, умудрённый опытом смотритель, ожидающий своих странных хозяев, и только иногда ко мне приходит женищина в чёрном...

Я открыл глаза и от неожиданности вскрикнул. Предо мной действительно стояла она! Женищина в чёрном длинном платье! Я инстинктивно вжался в кресло. Всё было как в прошлый раз: жуткий страх до тошноты, паралич. Все рекомендации Эдуарда я, конечно, в тот момент не вспомнил. Непонятно, чем бы всё это закончилось, если бы детский голос, возникший из-за моей спины, не приказал строго:

— Айфа, прекрати сейчас же!

От неожиданности я вздрогнул, и оцепенение спало.

— Ты не бойся её, — продолжал детский голос из-за спины. — Она нас охраняет.

Я обернулся и увидел маленькую девочку. Она была в красном в белый горошек платьице, на босу ногу обуты сандалии, её длинные русые волосы развевались, словно от лёгкого ветерка. Рядом с девочкой лежал огромный мохнатый белый пёс.

— О Боже, Чёп, как ты вырос... — только и смог вымолвить я и отключился.

Не знаю, насколько это всё было реально, но наутро меня не могли разбудить. Заведующая рассказывала:

— Мы и кричали, и били тебя по щекам, обливали водой — ничего не помогало, ты не реагировал. Хотели уже вызывать скорую помощь, но помогла одна девушка, которая привела своего ребёнка в детский сад. Как только она коснулась твоего лба и начала проверять пульс на руке, ты заулыбался и очнулся.

Мне было неудобно за то, что сплю на работе. Всё-таки сторож не должен спать. Я извинился перед заведующей и, надев пуховик, вышел на улицу. Там, сидя на лавочке, попытался осознать, что

со мной происходит. Я не заметил, как ко мне тихо подошла незнакомка.

— Вам стало лучше? — спросила она. — Это я помогла вам проснуться.

Девушка улыбнулась.

— Спасибо, всё хорошо, — ответил я. — Мне очень неудобно.

— Ничего страшного, такое бывает, когда слабое сердце.

Мы познакомились. Я предложил проводить Александру до дома. Она согласилась. Девушка очень понравилась мне. Она выглядела романтично. Розовый берет, короткое с широкими рукавами пальто, светлые волосы... Девушка была одета очень легко, не по погоде, и мне хотелось обнять её и согреть своим теплом. Я с трудом себя сдерживал от этого безумного поступка. Договорились встретиться сегодня вечером.

11 февраля. Вечер

Почему-то мне представилось, что Александра и есть та „новенькая“ из моего детства, только теперь уже ставшая взрослой, и наше свидание я начал с глупых вопросов об якобы общем детстве. Оказалось, что она вообще не ходила в детский сад, а сидела с бабушкой до школы.

— Вы не расстраивайтесь, что обознались, — успокаивала она. — Это хороший знак. Значит, раньше мы встречались где-то в прошлой жизни.

Она засмеялась.

Какой чудесный у неё был смех!

— А я думал, что действительно видел вас сегодня во сне, только маленькой девочкой...

И тут, неожиданно для себя, я выложил ей всё.

Александра была искренне удивлена моим рассказом. Она поверила всему и сказала, что я на неё могу рассчитывать.

Мне не хватило смелости поцеловать её на первом свидании. И я с трудом поборол гигантский магнит, тянувший моё тело к ней.

Впервые за много лет я перестал чувствовать себя одиноким.

12 февраля. Обед

Встречался со сторожем, который меня смеял, и племянником нашей „кадровички“ в больнице. Мне необходимо было узнать, видят ли они что-то необычное во время ночной смены в детском саду.

Моим сменщиком оказался добрый дедушка-пенсионер с избыточным весом. Он был рад, что я заглянул к нему. Было видно, что человеку не хватает общения. От него просто исходил свет оптимизма. Он всё пытался напоить меня чаем с вареньем собственного приготовления и рассказать о своих внуках. Когда я попытался заговорить с ним о „ночных видениях“, он меня просто не понял.

— Странного? А что здесь может быть странного? Я, честно говоря, ночью всегда засыпаю. Может, и происходит чего, да я не вижу.

Дедушка засмеялся собственной шутке.

Для приличия посидел ещё немного и ушёл.

В больнице я получил то, что искал!

Сергей (так зовут племянника) выглядел неважно. Он смотрел в белый потолок и совсем не был настроен на разговор. Я представился ему и спросил напрямую:

— Происходит ли что-то необычное в детском саду?

И неожиданно получил ответ:

— Как ты считаешь, это нормально — забирать своих детей из детского сада? Родители, называется! Только не пойму: почему я должен сидеть с их детьми по ночам? Они постоянно шумят, просят, чтобы я рассказывал им сказки. Я что, нанялся, что ли?! Ты скажи заведующей, пусть доплачивает.

— И много детей оставляют в детском саду???

— Да по-разному. Бывало, человек по десять забывали.

— А ты говорил об этом кому-нибудь?

— Говорил заведующей. Она сказала, что пить меньше надо и никто никаких детей не забывает. Не хочет доплачивать, стерва!

„Интересное кино меня ожидает, — подумал я. — Или действительно пьяный бред алкоголика?“

13 февраля. Утро

Вышел на смену. Позвонил Александре. Она пришла очень быстро. Мы пили чай, разговаривали, и неожиданно я признался ей в своих чувствах.

Мы целовались!

Потом я лежал у неё на коленях, она гладила меня по волосам. Было тихо и спокойно. Счастье стало основой моего бытия.

Я задремал, а когда проснулся, её не было рядом. На столе лежала записка: „Я та, которую ты искал“...

Я набирал номер её телефона, наверное, раз сто или больше. На том конце трубки мне слышались только короткие гудки...

Закончилась смена, и я пошёл к её дому. По моим описаниям никто не помнил таких жильцов в подезде. Я стучал во все двери. Требовал, чтобы мне открыли. Поиски не принесли результата.

Неужели она в прошлый раз попрощалась со мной нарочно не перед своим домом? Зачем? Почему её телефон не отвечает? Как теперь найти Александру? Я даже не знаю её фамилии.

Заведующая детским садом тоже не могла вспомнить Александру и тем более — в какую группу ходит её ребёнок.

Она просто пропала, исчезла как мираж...

Я перечитываю вновь и вновь её записку! Всего лишь одно предложение: „Я та, которую ты

искал“. И всё! Словно растворилась в воздухе, словно я выдумал её и не было никогда никакой Александры. А может, я невменяем и написал это послание сам??? А что если предположить, что Александра — мой шизофренический бред? Я рассмотрел эту записку вновь. Почерк был явно не мой.

Интересно, а шизофреники могут анализировать то, что с ними произошло?

„Я та, которую ты искал“. А кого я искал? Как и любой мужчина — женщину, с которой был бы счастлив. Но я чувствовал, что её сообщение говорило мне о другом, о нечто большем, чем взаимоотношения женщины и мужчины.

Где найти тебя, Александра?! Где найти тебя?... По какой дороге бежать?

Дорога! Точно! Воспоминание из другого моего детства! Король и Королева выбрали меня, а за день до этого — девочку, которая стала моей названной сестрой!..

Сестра! Вот кого я искал всю свою жизнь!!!

Это открытие поразило меня. Неужели это Александра?! Моя жизнь словно перевернулась!

16 февраля. Ночь

Я принял решение больше не противиться обстоятельствам, воспринимать всё как есть и плыть до конца по морю своего безумия! Я полон решимости!

Когда я увидел ночью детей, то больше не боялся. Их было много! Целый детский сад! Они вели себя как хозяева: ходили куда хотели, играли, смеялись, разговаривали друг с другом и со мной. Я понял, что это не совсем были дети. Скорее всего, это были существа, застывшие в вечности, пленённые детскими телами. Уж очень умны были их глаза и необычны разговоры.

Дети попросил рассказать меня им о Дороге и том мире, где она находилась. Неожиданно для себя я стал вспоминать и рассказывать...

Взрослые забывают детство, считая его чем-то несерьёзным. Так произошло и со мной. Я забыл Дорогу Судьбы.

Дорога Судьбы — это широкая каменистая тропа, выложенная из булыжников. Берёт она начало из Пустого города, а заканчивается около Белого Замка. Обычно на этом пути редко кого можно встретить, разве что одиноких странников-мальчишек, потерявшихся в мечтах. Но иногда на Дороге Судьбы становится очень оживлённо. Незнакомцы из каких пространств, практически в одно мгновение, на Дороге появляются тысячи детей. По несколько дней они стоят по обеим сторонам Великой Тропы и ждут, когда их выберут или отправят домой. Это ожидание становится самым важным моментом в судьбе ребёнка, потому что только раз в вечность из Белого Замка на Дорогу Судьбы выезжает карета. В ней едут

великий Король и Королева. Они создатели этого бесконечного мира. Их цель — выбор наследников своего королевства. По сложившейся традиции, Король и Королева в первый день выбирают девочку, а во второй — мальчика. Мальчик и девочка становятся великим Принцем и Принцессой, братом и сестрой.

После того как наследники будут выбраны, их отправят учиться в Школу Королей. Школа Королей — это огромный Замок. Он изогнут дугой и стоит на краю обрыва скалы. В этом Замке обучаются дети всех Знатных семей Многомирья, но Титулы в Школе значения не имеют. Более того, все скрывают свой Истинный Титул. Это называется „Носить Маску“. Главная задача учеников в Школе Королей — разгадать Титул другого и скрыть свой.

В Школе Королей очень любят рассказывать истории. Там каждый историей становится сам. История — это главный предмет в Школе.

Школа Королей — это то место, где завязываются отношения: дружба, вражда, любовь, — на всю оставшуюся вечность.

Когда приходит время завершения обучения юных королей и королев, наступает Прощальный Бал Открытия Масок. Это самый запоминающийся, самый волнующий и грустный праздник. Величие этого события трудно описать. На этом празднике каждый год выпускники, уходящие в свой бесконечный мир, устраивают Концерт Прощальных Песен. На этом Концерте каждый поёт свою песню любви и расставания. Слова и музыка льются из сердца, и даже тот, кто петь не умеет, на Концерте Прощальных Песен поёт словно бог. Песня каждого короля — это жизнь и сущность его души. После Концерта наступает Бал. Бал — это точка, где выпускники открывают свои Истинные Титулы и становятся теми, кем являются на самом деле.

К великому сожалению, выпускникам Школы Королей придётся расстаться друг с другом и, возможно, больше никогда не встретиться. У каждого из них своя судьба и свой мир, которым им предстоит править. Впереди у них только вечность, а это очень долго. С каждым тысячелетием память слабеет, жизнь теряет остроту и вкус.

Многие из выпускников со временем забывают о Великой Школе, а некоторые — и самих себя. Они ищут новых ощущений и порой для этого становятся смертными. Мне кажется, что именно это и произошло с наследниками Многомирья — великим Принцем и Принцессой. Они не выдержали испытания вечностью, начали искать новые пути, пока не заблудились в бесконечных пространствах Многомирья. С тех пор души Наследников Белого Замка, разрывая миры, стремятся к друг другу, чтобы найти дорогу Домой. Великая Тропа тоже

их ищет. Она зовёт Принца и Принцессу. На этот зов их душа откликается неосознанной грустью.

Если наследники найдут Дорогу в Многомирье, они познают, что такое Счастье.

Счастье — это Дом. Ты счастлив, пока ты Дома...

Я не понимал, откуда знаю о Многомирии, слова лились сами собой. Дети слушали меня, затаив дыхание, они перестали играть и шуметь, у некоторых по щекам текли слёзы...

Я не помню, как наступило утро».

На следующих страницах в чёрной тетради были нарисованы портреты детей, сделанные шариковой ручкой. На заднем плане каждого рисунка были изображены часы, пылающие в огне. Арсений присмотрелся внимательно к портретам детей. Его поразили их глаза! Глубина и пронзительность взгляда, но самое главное — зрачки детей были изображены суженными вертикально, как у кошек или рептилий. Арсению сделалось не по себе от этих портретов. Он поджал ноги в кресле и стал читать дальше.

«19 февраля. Ночь

Я знал, что эта ночь будет решающей в моей жизни.

Теперь я боялся, что больше не увижу детей.

Время тянулось, а их всё не было...

Уже скоро рассвет. Неужели никто не придёт???

Ну слава Богу!

Первым в комнату вбежал Чёп. Он радостно залаял, вскочил передними лапами мне на плечи и начал меня облизывать. Потом зашла его хозяйка.

— Единственная, кто смог сегодня прийти, — сказала она. — Это последняя наша встреча.

Мне стало невыносимо грустно. Девочка заметила это и сказала:

— Ты можешь пойти с нами.

— Если я сейчас уйду с тобой, то уже никогда не смогу вернуться назад?

— Я не знаю, но если ты не уйдёшь — ты разделишься надвое.

— Я стану безумным?

— Нет. Просто одна половина навсегда останется с нами и будет безмерно тосковать об Александре, Дороге Судьбы, Школе Королей, а вторая... будет работать, делать карьеру, стремиться... и лишь в завершение земного пути эти половины смогут объединиться и ты вновь увидишь Дорогу, на которой тебя будет ждать девочка с огромной белой собакой...»

Арсений закрыл тетрадь. Ему хотелось поверить. Дорога. Дом. Счастье. Дети, ждущие своих Короля и Королеву. Он и сам почувствовал это

ожидание и это предвкушение счастья. И, кажется, услышал стук колёс королевской кареты...

И в этот момент в закрытую дверь детского сада действительно постучали. Арсений встал, открыл. Никого не было. На только что выпавшем снегу он увидел следы детских башмачков и следы собачьих лап, поднял глаза и взглядом поймал убегающую за угол большую белую собаку.

— Чёп?!..

Дорога Судьбы

Ты мой бессмертный брат, а я твоя сестра,

И ветер свеж, и ночь темна,

И нами выбран путь — Дорога Сна...

Фолк-рок-группа «Мельница»

Родители отправили Клима отдыхать в пионерский лагерь. В то время все ребята, достигшие возраста десяти лет, были пионерами, поэтому и загородные лагеря отдыха назывались «пионерскими». Дети надевали красные галстуки на торжественные мероприятия.

Клим в лагерь не хотел.

— Чего я там забыл? — бубнил он сердито.

Клим боялся ехать в неизвестное место к незнакомым детям. Оставаться долго без родителей он тоже не хотел. Но мама и папа Клима от своего предприятия направлялись в командировку на комсомольскую стройку, и в связи с этим у мальчика не оставалось выбора.

В лагере Климу понравилось. Было весело. Весь день всегда чем-то занят: спортивные мероприятия, концерты, а вечером дискотека. В пионерских лагерях дискотека называлась причудливым словом «массовка». Ребята в отряде попались компанейские. Мальчишки и девчонки не стеснялись дружить друг с другом и танцевать на массовках медленные композиции.

Единственной неприятной вещью для Клима в лагере оказался тихий час. Обеденный сон, начиная с детского сада, всегда являлся для него чем-то сродни пытке. Он никогда не мог уснуть на тихом часе и невыносимо скучал. Всегда хотелось играть и бегать, а нужно было лежать. Но сегодня Клим чувствовал необычную усталость и поэтому нестерпимо хотел спать. У него появилось ощущение, что он весь день таскал мешки с песком, хотя ничего подобного не делал. Наоборот, прятался от всех и до обеда сидел в одиночестве, размышляя о постигшей его внезапно любви.

Дело в том, что Клим тоже танцевал на массовках с одной девочкой, а потом неожиданно для себя осознал, что влюбился в неё. Почувствовал, что постоянно хочет находиться рядом с ней. Каждый раз сердце Клима замирало, когда он видел её тёмно-карие, как угольки, глаза и каштановые волосы, выходящие до самого пояса.

Клим вспоминал, как впервые понял, что влюблён. Это случилось, когда Таня пела на одном из мероприятий. Её голос показался Климу самым красивым на свете.

Перед тем как уснуть, Клим подумал: «Влюбиться — это когда не можешь представить, что будешь жить без неё».

Размышления о расставании с Таней вызывали страх. Он не мог смириться с тем, что скоро закончится смена в пионерском лагере и они разъедутся по разным городам.

С этими мыслями Клим впервые за свою жизнь уснул на тихом часе, точнее сказать — провалился в сон, а когда проснулся, никакого пионерского лагеря уже не было.

Клим стоял на Дороге Судьбы...

Ярко светило Солнце, дул прохладный ветер. Клим огляделся и поёжился от холода, потирая голыми ступнями ноги. Из всей одежды на нём были только плавки. Вокруг ни одного человека. Пустынно и тихо. Захотелось укрыться одеялом и снова уснуть, но кровати рядом не оказалось. «Странный сон», — подумал Клим и тут же понял, что не спит.

Климу стало не по себе. Вдобавок он испытывал смущение оттого, что раздет.

«Сейчас закрою глаза и проснусь в лагере», — подумал он.

Клим сильно зажмурился, но выложенная большими булыжниками дорога никуда не исчезла. Плакать было бесполезно.

По краю обочины с двух сторон находились каменные двухэтажные дома. Клим постучал в несколько закрытых дверей, но никто не открыл. Он прислушался. Ни единого шума. Лишь бесконечная пустота отзывалась на его стук, словно за дверью находился портал в неизведанный мир. Появилось ощущение, что дома — это просто декорации к спектаклю. Клим снова вышел на дорогу и начал думать, в какую сторону двигаться, чтобы встретить хоть каких-нибудь людей и спросить, где он находится.

Клим решил, что пойдёт вверх по широкой тропе, подальше от Пустого города. Путь лежал через холм, из-за которого ярко пробивались лучи Солнца. От этого идти становилось радостнее.

Клим быстро поднялся на возвышенность и замер от удивления. На большой жёлтой поляне, окружённой густым плотным лесом, находился белый, ослепляющей красоты Дворец, чем-то напоминавший космический корабль далёкого будущего. Клим видел такие на обложках фантастических книг. Дворец был огромен и высок. Он состоял из нескольких различных по размерам башен и колонн. Самая высокая, в центре, тянулась своим флашштоком высоко в небо, а маленькие плотно, как бочонки, прижимались к ней. «Словно

ракета с топливными баками», — сравнил Клим и улыбнулся. Рва с водой и неприступных каменных стен у Дворца не было.

«Белый Замок — никто не посмеет напасть на него», — вспомнил неожиданно Клим.

Он медленно направился в сторону Дворца. Когда Клим подходил к лесу, навстречу ему вышел белый конь. Животное радостно фыркнуло и затрясло головой, приветствуя человека. Клим не испугался. Конь медленно подошёл к нему и положил свою голову на плечо. Клим обнял за шею скакуна и радостно потрепал его гриву. В этот момент он вспомнил, что находится около Белого Замка уже не в первый раз и белый конь принадлежит ему! Именно здесь, в лесу, он оставил его шесть земных лет назад.

— Ты дождался меня, Роднок, — обратился он к коню по имени.

На глазах у Климана навернулись слёзы. Он понял, где находится, вспомнил, что любит этот мир больше всего на свете.

«Как я мог забыть прекраснейшее из мест Многомирия?» — подумал Клим с обидой на себя.

— Роднок, где я спрятал свою одежду? — спросил он у коня.

Белый конь медленно двинулся в глубь леса к огромному дереву. Клим шёл рядом, не убирая руку с шеи животного и не переставая гладить его гриву.

Он вспоминал...

Местные жители называли это место Этоир, но в других пространствах его знали больше как Многомирие. Здесь тысячи вселенных соединялись в одну огромную точку. Многие хотели попасть в Этоир, но никто не помнил сюда Дорогу. Путь к Белому Замку мог найти только Странник.

Странник — вот кем был Клим в этом мире!

В голове всплывали отдельные образы: лица детей, стоящих с ним на Дороге Судьбы, Белый Замок и игры с друзьями в его чертогах, образы Великого Короля и Королевы. Потом он увидел себя, путешествующего по бесконечной дороге, людей и истории, связанные с ними. Вот только Свою Историю у Климана вспомнить не получалось, словно кто-то неведомый и всемогущий наложил на его память заклятие.

В странствиях мальчика поджидало множество испытаний, но самым страшным оказалось Забытьё. Чем дальше Клим отходил в своём путешествии от Белого Замка, тем всё больше и больше он забывал об Этоире. Настало время, когда память о сказочном месте исчезла совсем, и он застрял в одном из миров.

И вот Клим снова здесь...

Странник и его верный конь подошли к огромному дубу. На дне дупла Клим нашёл свои вещи. Он надел широкие штаны и белую рубаху с рюшами на воротнике, камзол с прорезями

на рукавах, натянул высокие сапоги с бахромой на подворотах, застегнул широкий кожаный ремень, украшенный красивой пряжкой из драгоценных камней, на кольцо в поясе повесил шпагу с серебряным эфесом. Длинный зелёный плащ, широкополая шляпа и золотой перстень с тёмно-бордовым рубином на безымянном пальце завершили образ.

Клим оглядел себя.

«Наверное, я похож на мушкетёра короля! Жаль, нет зеркала», — подумал он с сожалением.

И тут ещё одна мысль поразила его: «Одежда пролежала в дереве несколько лет и сейчас оказалась мне в пору. Как такое может быть? Неужели мои вещи росли вместе со мной?»

Ответов на эти вопросы у Клим не было.

В дупле он нашёл седло и уздечку для своего коня. Со знанием дела Клим оседлал Роднока и отправился в путь через лес.

В лесу было спокойно и тихо. Сквозь заросли деревьев пробивались солнечные лучи. Тут и там кружили огромные бабочки и пели птицы. Клим ехал медленно, не спеша, наслаждаясь пребыванием в Этоире всеми клеточками своего тела. С каждым шагом Странник забывал земной мир и оказывался в сладком плену Многомирия. Впервые он испытывал состояние абсолютного Счастья. Клим чувствовал, как с дыханием энергия вливается в его тело.

«Счастье — это воздух Многомирия», — вспомнил он.

Когда Клим подъезжал к Белому Дворцу, он увидел людей. Это были крестьяне, они собирали в большие корзины жёлтую траву перед Замок. Люди с удивлением посмотрели на Клим. Он снял шляпу и лёгким поклоном головы поприветствовал их. Крестьяне тоже кивнули в ответ и проводили его настороженным взглядом.

«Видимо, здесь редко бывают гости», — подумал Клим.

Парадная широкая лестница перед Дворцом, плавно изгибаясь, вела высоко наверх. Вход охраняли привратники. Они преградили дорогу Страннику. Вели себя стражники уверенно и с благородством, всем видом показывая, что являются особами высокого рода и имеют Титул.

«Титул, — вспомнил Клим, — это число от одного до тысячи в каждом сословии. Чем меньше число, тем ближе ты к Великому Королю, основателю Этоира, который имеет Титул „Первый“. Титул — это сущность высокородного, его судьба, его власть над законами Многомирия».

К Климу вышел один из стражников и поприветствовал его, сняв шляпу и приложив её к груди:

— Граф Триста Пятьдесят Восьмой (так в Этоире обозначали Титул, имя называть было не принято) приветствует тебя, Странник. Назови свой Титул, если пожелаешь!

«Так велит протокол, — вспомнил Клим. — Я имею право скрывать своё Истинное Сословие и Титул. Эта традиция началась с Великого Короля. Он делал так для того, чтобы люди при встрече с ним смело говорили, спорили и даже дрались, если не было другого выбора. Так Король Первый приобретал знания о своём мире, которые ложились в основу законов Этоира. Многие дворяне, а иногда и простолюдины пользовались традицией Носить Маску. Некоторые, как и Великий Король, — чтобы лучше узнать население своего мира, другие — чтобы побыть в роли более высокого Титула, насладиться властью. Поэтому в Этоире не знаешь, кого видишь на самом деле, и приходится быть подчеркнuto вежливым со всеми.

Клим не помнил ни своего Истинного Сословия, ни Титула, ни даже имени, которым следовало называться здесь. Странник — это всё, что он сохранил в памяти.

Клим ловко соскочил с коня, снял шляпу и, приложив её к груди, представился:

— Странствующий Князь.

Клим назвал себя самым низким дворянским Титулом в Этоире. Странствующие Князья были сродни в Многомирии понятию «благородный бродяга».

— Цель вашего приезда в Белый Замок? — вновь спросил Граф.

— Я недавно в Этоире. Дорога сама привела меня к Белому Замку. Я ищу ответы и хочу встретить Великого Короля.

— Никто не может по собственной воле увидеть Владыку Многомирия, но вы здесь, а это значит, что Великий Король сам желает встречи с вами. Поэтому Белый Замок рад приветствовать Странствующего Князя.

Клим поблагодарил кивком головы графа и начал подниматься по широкой белокаменной лестнице вверх.

Король Первый и Королева находились на просторной платформе перед входом в Белый Замок. Они были величественны и красивы, но смотрели на Клим по-доброму, от них исходили любовь и забота. Их одежды, украшенные драгоценными камнями, сверкали на Солнце. Клим в почтении встал перед царственной четой на одно колено и склонил голову. Он заметил, как Королева подалась к нему всем телом и даже успела сделать шаг навстречу, но Король остановил её.

— Приветствую тебя, Странствующий Князь, — сказал Король Первый. — Можешь подняться и подойти ближе.

— Ты не узнаёшь нас? — спросила Великая Королева.

— Простите меня, — сказал Клим и неожиданно для себя заплакал. — Мою память словно стёрли ластиком.

— Будь осторожен в странствиях. Любой мир захочет заполучить такого, как ты, но твоё сердце навечно принадлежит лишь Этоиру, — сказала Королева.

— Как я оказался здесь? — спросил Клим.

— Благодарю Сестру, — сказал, улыбаясь, Король. — Это она нашла тебя и привела сюда.

— Сестра? — удивился Клим.

Великий Король отступил чуть в сторону и показал рукой на девочку, стоящую за его спиной.

Клим посмотрел на «Сестру». Её тёмно-каштановые волосы украшала лёгкая бриллиантово-жемчужная диадема, а глаза-угольки, словно пылая огнём, искрились и радостно смотрели в сторону Клима.

Лицо девочки казалось Климу до боли знакомым, но он не мог вспомнить её.

«Сестра? У меня никогда не было сестры», — подумал Клим.

— И меня забыл... — сказала она с грустью.

Из глаз Клима вновь брызнули слёзы.

— Простите меня, — сказал он.

Великий Король и Королева о чём-то тихо заговорили между собой. Потом Король Первый, обратившись к Климу, торжественно сказал:

— Нами принято решение отправить тебя в Школу!

— В школу? — опешил Клим.

— Да, в самую лучшую и самую великую Школу Многомирия. Школу Королей!

«Школа Королей, — вспомнил Клим, — это таинственное место, где проходят обучение дворяне разных сословий. Никто не может найти туда дорогу сам».

— А для чего мне там учиться? — спросил Клим.

— Для того чтобы понять, кто ты есть на самом деле, и никогда не забывать этого.

Заржали громко кони. Внизу огромного крыльца остановилась Королевская карета, запряжённая четырьмя пегими скакунами.

— Твоя Сестра будет навещать тебя в Школе Королей, — сказал Основатель Многомирия. — Я надеюсь, мы ещё увидимся с тобой...

Школа Королей представляла собой огромный Замок, изогнутый дугой по краю высокого обрыва. В низине протекала огромная, как море, река. Её противоположный берег всегда был скрыт непроницаемым туманом.

С другой стороны Школу окружал густой тёмный лес. Чаща кишела Безликими. Короли прозвали их Стыры. Это слуги бога Забвения. Стыры практически ежедневно нападали на Школу Королей. Их цель — завладеть человеческой памятью и обрести через неё форму. Поэтому ученикам Школы приходилось нести ежедневный караул и отражать эти атаки. Многие из королей пали жертвами Стыров.

Безликие делали человека Потерянным. Они брали себе его воспоминания и превращались в личность того, у кого крали память. Стыры приходили в семьи и жили судьбой Потерявшегося. Самой же жертве внушали ложную жизнь. Вернуть истинные воспоминания практически невозможно, ведь человек не помнил, что их нужно возвращать...

Карета подвезла Клима к высоким массивным воротам Замка Школы Королей. Он постучал, ему долго не открывали. Стало не по себе.

«А что, если не впускают? — подумал Странник. — Куда я пойду?»

Но в тот же миг ворота заскрежетали, и Клим увидел двух ребят примерно одного с ним возраста или чуть старше. Одеты они были в дорогие красивые костюмы кремового цвета. Их воротники и манжеты украшала белая кружевная вышивка, на груди у каждого сверкала огромная брошь из драгоценных камней. Клим мог бы подумать, что мальчики собрались на бал, если бы не тяжёлые арбалеты за их спиной, боевые шпаги и набор метательных ножей на поясе. Весь их вид изображал угрозу и великопение.

— Ну что, салага, испугался, что не откроем? — спросил невежливо один из королей, и оба мальчика громко засмеялись.

Клим с трудом сдержал ярость.

— Назови себя!

— Вначале принято представляться самим, — ответил дерзко им Клим.

— Гляди-ка, языкастый попался, — мальчики вновь засмеялись.

Клим не выдержал и выхватил шпагу. К своему изумлению и немалому удивлению охранников, Странник легко справился с обидчиками. Через мгновение они оба потеряли свои шпаги и лежали, сбитые с ног, на земле.

— А теперь извольте, судари, встать и представиться, как требует этикет, — сказал с достоинством короля Клим.

— Дольгерт, просто Дольгерт — король, без Титула, — сказал один из мальчиков, поднимаясь с земли и отряхиваясь.

— Кому нужны здесь Титулы? Тут все короли. Никто не скажет тебе настоящего имени и Словесия до Бала Открытия Масок. Называй меня просто — Константин, — сказал второй.

— Странствующий Князь, или можете звать меня Клим, — представился в свою очередь гость.

Во время разговора к ребятам подошёл взрослый.

— Это Наставник, — шепнул Климу Дольгерт, — не болтай лишнего.

— Познакомились? — спросил взрослый.

Мальчики кивнули головами.

— Он будет жить с вами. Объясните ему наши правила, — сказал Наставник и удалился.

Законы оказались очень просты.

Ложиться спать после появления Луны на ночном небе, не бродить ночью по Замку, не пересекать границы башни, где живут девочки (девочек это правило тоже касалось), не драться и не ссориться друг с другом. Выполнять все ритуалы и традиции. За нарушение правил можно было попасть в темницу или быть исключённым из Школы.

Обучались в Школе Королей дети разного возраста. Были здесь и очень маленькие, лет шести-семи, были и взрослые, лет пятнадцати-шестнадцати. Знатные персоны разных возрастов редко общались друг с другом, проживая в отдельных башнях. Мальчики и девочки встречались лишь на вечерних балах.

Комнаты, где жили короли, выглядели слишком простыми для особ их Сословия. Узкие кровати, тумбы для одежды, общий шкаф и стол один на всех. Стены в комнатах мальчиков украшались лишь их личным оружием. Комнаты девочек выглядели наряднее за счёт больших красивых зеркал с золотой оправой.

Процесс обучения в Школе не имел временных рамок. Жизнь в Замке тянулась для каждого по-разному. Кто-то пребывал здесь уже целую вечность, а кто-то появился совсем недавно.

Основными предметами в Школе Королей являлись занятия по вокалу, танцам, фехтованию и истории. Уроки можно было посещать по желанию. Никто за этим не следил. В обязанность мальчиков также входило нести караул на стенах Школы и отражать атаки Безликих.

Все эти правила Клим узнал от своих новых друзей, с которыми стал жить в одной комнате. С другими королями он практически не общался, хотя и был всегда в гуще происходивших в Школе событий.

Климу нравились занятия по вокалу. Он всегда хотел научиться петь, но природа обделила его музыкальным слухом.

— Каждый Король должен знать песню своего народа и уметь её исполнять! Будь усердней в занятиях, и всё получится! — говорил Климу Наставник по вокалу, но это не помогало мальчику в занятиях.

Он совершенно не слышал музыки, его дыхание было неровным, а голос неуверенным.

Зато на занятиях по фехтованию он был лучшим. Здесь равных ему не нашлось во всей Школе. Даже Наставник склонял перед ним в почтении голову. Клим не мог вспомнить, откуда у него появилась способность так лихо управляться со шпагой.

Танцы разучивались Королями на балах. Климу нравилось танцевать с принцессами, но ни одна из партнёрш не трогала его сердце. Мальчик с нетерпением ждал возвращения Сестры.

Но всё же самым интересным предметом в Школе Королей была История. По вечерам,

после того как появлялась Луна на небе, ребята рассказывали о себе, о своих друзьях и мало-знакомых людях. Это были предания о подвигах и трусости, о скитаниях и заточении, о любви и расставании. Истории, в которых и сам повествующий мог оказаться главным героем событий. Когда король или королева рассказывают историю о себе, а когда о других, никто точно не мог определить, потому что каждый скрывал свой Истинный Титул и Сословие. Именно эти истории-ребусы, истории-маски и создавали непреодолимый аромат тайны и интриги в Школе Королей.

Через неделю Климу выпало идти в караул. Вместе с ним несли вахту его друзья по комнате.

До вечера всё было спокойно. Весь день ребята, скрывая лёгкую скуку, состязались в настольной игре «Стратегия», но Клим вспомнил и другое название этой забаве.

— В мире, откуда я пришёл сюда, «Стратегию» называли «Шахматы», — сказал он друзьям.

Мальчики с интересом посмотрели на него.

— «Шахматы» — я никогда не слышал такого слова. Где ты его откопал? — спросил Дольгерт.

— Уже и не помню, — ответил Клим. — В мире, который остался в тени моих воспоминаний.

— Чудной ты какой-то. Одним словом, Странник, — сказал Константин.

— Я пришёл в Школу Королей, чтобы вспомнить себя, но вместо этого играю с вами в «Стратегию», провожу праздное время на занятиях и балах, — сказал удручённо мальчик.

— Как знать, что поможет вновь обрести память.

— Ты действительно не помнишь, кто ты и откуда? — спросил недоверчиво Дольгерт.

Клим молча кивнул головой.

— Ты похож на укушенного Стыром. Может, они забрали твою память? И ты — вовсе не ты? — спросил Константин.

Климу стало страшно.

— А кто же я тогда? — спросил он.

— В Многомирии каждый обладающий Титулом знает ответ на этот вопрос, — сказал Константин. — Если бы не твоё умение фехтовать, я подумал бы, что ты простолюдин, которого ради забавы Титулованный господин направил учиться в Школу Королей.

— Возможно, ты и прав, друг. Меня действительно сюда направил высокородный дворянин, — сказал печально Клим.

— Не копайся в чужой душе, — оборвал Дольгерт расспросы Константина. — Он Странник и, в отличие от нас, повидал множество миров. Кто знает, может, на его пути повстречался бог Забвения и Титул, данный ему от рождения, — это всё, что сейчас есть у него.

— Но я не помню и Титула, — сказал Клим.

На его глаза навернулись слёзы.

— А что ты помнишь? — не отставал Константин.

— Что был уже в Этоире. Помню имя своего коня. А ещё я знаю, что у меня есть здесь Сестра, и скоро она придет навестить меня в Школе Королей.

— Ну, слава Богу, хоть что-то! — Константин подмигнул Климу. — Я бы тоже хотел многое забыть.

Клим понял, что друзья не поверили тому, что он не помнит своего Титула. Они сочли всё это игрой короля.

«Ну и пусть будет так», — подумал Клим.

— Друзья, у нас гости, — с тревогой в голосе сказал Дольгерт.

Из леса показались Безликие. Их было несколько десятков. Ровным строем они двинулись к воротам Школы Королей.

— Ну наконец-то! — сказал Константин. — А то я думал — умру со скуки!

День начал клониться к вечеру, Солнце не мешало прицеливаться из арбалета и метко попадать по Стырам. Климу это напомнило стрельбу в тире по бездушным мишеням. Он совершенно не испытывал сожаления к Безликим. Мальчик не считал их живыми существами. Да и как Стыров можно считать за таковых, если у них нет даже лица? На том месте, где у нормального человека есть глаза, нос и рот, у Безликих не было ничего. Только ровная, без углублений, сероватого цвета кожа, которая переливалась от солнечных лучей на закате, как мазутное пятно на поверхности лужи. Но, несмотря на это, Стыры видели и слышали. Каким образом это происходило, оставалось загадкой.

— Бог Забвения — их глаза и уши, — говорил Константин.

Стыры падали как подкошенные один за другим, не издавая ни звука, не проливая ни капли крови. До ворот сумело дойти не более десятка Безликих. Стрелять по ним из арбалетов стало неудобно.

— Ну что ж, дадим волю нашим клинкам! — прокричал Дольгерт и, не дожидаясь друзей, кинулся вниз со стены по канатам.

— Чего ты ждёшь? — обратился к Климу Константин. — Хочешь, чтобы вся слава досталась ему?!

Мальчики спустились вниз. Завязался бой на шпагах. Безликие фехтовали плохо, но у них не было чести, и это уравнивало шансы с королями. Один из Безликих притаился за балками у ворот, и когда мальчики подумали, что бой окончен, Стыр напал на Константина со спины. Всё бы кончилось плохо, если бы не реакция Клим. Он, увидев опасность, предотвратил её броском кинжала.

— Спасибо, — сказал Константин, — теперь я твой должник.

— Забудь, — ответил Клим. — Спасать в бою друга — долг короля.

Мальчики пожали друг другу руки.

Клим подошёл к Безликому, чтобы забрать из его тела свой кинжал. Он склонился над ним и выдернул нож. Стыр издал что-то похожее на стон. Клим вздрогнул и посмотрел на Безликого. Вместо серой кожи он увидел лицо! Лицо человека! Это был мальчик. Клим взгляделся и замер от ужаса. В Безликом он увидел себя!

— О Боже! — вырвалось у него.

— Что с тобой? — спросил Константин.

Клим не заметил, как подошли его друзья.

— Посмотрите на его лицо! — сказал взволнованно Клим.

— Лицо? — удивился Дольгерт. — У Безликого?

Клим вновь взглянул на Стыра, из которого вытащил кинжал. Пред ним лежал обыкновенный Безликий.

— Я только что увидел в нём себя, — сказал он друзьям.

— Это игры бога Забвения, — сказал Константин. — Не придавай этому значения.

— Или знак, который нужно правильно истолковать, — сказал Дольгерт.

Разговор друзей прервал топот копыт. Из леса выехала Белая карета Школы Королей.

— Прибыл новенький, — сказал, улыбаясь, Константин.

Карета открылась, и из неё вышла девочка. Она была одета в мужское платье, за её спиной висел боевой арбалет. Длинные тёмно-каштановые волосы принцессы скрывала широкополая шляпа.

— Добрый вечер, короли, — сказала гостя, в приветствии снимая шляпу.

— Сестра! — радуясь, выкрикнул Клим. — Почему ты так одета?

Девочка внимательно посмотрела на Брата.

— Решила поохотиться на Стыров, — ответила она. — Я смотрю, у вас тут было весело. Представь меня своим друзьям, Клим.

— Знакомьтесь, короли, это моя Сестра, которая обещала навестить меня в Школе.

— Как нам обращаться к ней? — спросили мальчики.

— Резонный вопрос, — сказала с сарказмом девочка.

Клим в обиде сжал кулаки и стиснул зубы.

— Вы же знаете, что я ничего не помню, и имени тоже...

Возникла неловкая пауза.

— В таком случае, короли, я сестра Безликого. Прошу любить и жаловать, — сказала девочка и, гордо задрав носик, пошла к воротам Школы Королей.

Наступила ночь. Друзья почти сразу уснули. Они не мучили Клим ненужными расспросами о

гостье. Странник долго не мог заснуть от событий сегодняшнего дня и от оскорбления, нанесённого Сестрой. Он лежал и тихо плакал в подушку. Неожиданно Клим почувствовал чью-то нежную руку на своём плече. Он вытер слёзы рукавом и медленно повернулся. Это была Сестра.

— Веста? — удивился Клим. — Что ты здесь делаешь? Наставники могут наказать нас.

Сестра улыбнулась.

— Ты не заметил, что назвал меня по имени?

Веста наклонилась и чмокнула Клима в губы. В голове Странника словно прогремел взрыв, а тело как будто упало в бездну. Это был первый поцелуй в его жизни.

— А ты почему меня назвала чужим именем? — спросил он.

— Потому что ты не помнишь своего, — ответила она, — но должен вспомнить сам.

Веста заботливо расправила слипшиеся от слёз волосы на лице Клима. В этот момент мальчик почувствовал, что Сестра немногим старше его.

«Всего лишь на один день её выбрали раньше на Дороге Судьбы, — вспомнил он. — Поэтому она всегда будет мудрее меня».

Сестра начала гладить Клима по его волосам, нежно перебирая тёмные пряди. Это действие начало успокаивать и убаюкивать Странника. Его потянуло в сон.

— Я обязательно вспомню, — шептал Клим, засыпая.

Наутро Странник не мог понять, был ли ночной визит Сестры иллюзией или реальностью.

— Веста, — прошептал мечтательно он. — Вот как зовут мою Сестру. Если бы ты знала, как я люблю тебя.

На глаза Клима навернулись слёзы.

Веста навестила Брата в Школе Королей ещё лишь однажды. В этот день ему выпало ночное дежурство на сторожевой башне. К изумлению Клима, Наставники разрешили Сестре нести эту вахту вместе с ним. Он не знал, как себя вести с Вестой. Казалось, сердце выпрыгнет из груди, так бешено оно билось, когда Клим находился рядом с ней.

Они сидели на широкой тёплой лавочке сторожевой башни и наблюдали за тёмной чертой леса, перебрасываясь короткими фразами. Ночь была спокойной, ярко светили Луна и звёзды. Ничего не предвещало нашествие Стыров.

Клим расслабился и опёрся спиной о колонну башни. Его потянуло в сон, и он сладко зевнул. Веста, словно заразившись от Брата дремотой, тоже зевнула и, ничуть не смущаясь, легла на лавочку спиной, положив свою голову ему на колени.

— Спать будем по очереди, — сказала она. — Я первая!

Клим замер от волнения. Ему захотелось, чтобы эта ночь длилась вечно.

Веста лежала с закрытыми глазами и, казалось, спала. Лёгкий тёплый ветерок нежно развеивал её длинные волосы. Клим погладил их рукой. Веста открыла глаза.

— Ты моя Сестра? — спросил Клим.

Веста посмотрела на него, ничего не ответив.

— Почему тогда мне так хочется тебя поцеловать? — продолжил говорить Клим.

Веста улыбнулась.

— Из Сестры ты превратишься когда-нибудь в мою Невесту. Почему-то в этом я на сто процентов уверен, — сказал Клим.

Веста поднялась и очень близко придвинулась к Брату.

— Твоя уверенность говорит о том, что ты вспомнил. В нашей семье Невест называют Сёстрами. Мы с тобой не родные, нас выбрали, и судьбы наши связаны вечностью.

После этих слов они поцеловались, и держали за руки друг друга всю ночь, и совсем не думали об опасности. Благо в ту ночь не было Стыров.

День шёл за днём. Клим настолько привык к Школе Королей, будто находился там вечно. Его друзья, знакомые, Наставники стали самыми близкими людьми во всём мире. Комната, где жил Клим, дышала уютом и была словно родным домом. Странник смотрел, как светит в окно Солнце, прикасался руками к шершавым камням стен, пытаясь запомнить жар, идущий от них, и сохранить его в своём сердце.

Клим грустил, он не хотел расставаться с друзьями. Странник чувствовал, что с окончанием Школы близится разлука, но он надеялся, что память о дружбе останется с ним навсегда.

Веста обещала приехать на Концерт Прощальных Песен и Бал Открытия Масок. До этого великого события остался всего лишь один день. Сегодня никто не захочет спать ночью. Все будут ходить друг к другу в гости, клясться в вечной дружбе, верности и любви, понимая, что Дороги Судьбы после окончания Школы у многих разойдутся. С каждым днём память о событиях в Школе будет слабеть, пока не превратится в маленькое лёгкое облачко детских воспоминаний. От этого чувства становилось ещё грустнее.

Впереди ещё Ночь Откровений! Время, когда будут приоткрыты Маски для любимых и друзей. Наставники уже сложили дрова для Костра Воспоминаний. Он будет зажжён с появлением Луны и погаснет с первыми лучами Солнца. Каждый сможет подойти к Костру и запечатлеть перед ним самые лучшие моменты, проведённые в Школе Королей. Эти воспоминания останутся в памяти Костра и будут всегда приходить к человеку, когда он будет смотреть на огонь.

Дольгерт, Константин и Клим практически весь день не разговаривали. Они не хотели усиливать

грусть. Когда взошла Луна и загорелся Костёр Воспоминаний, Дольгерт сказал:

— Пора и нам, друзья, приоткрыть Маски перед Костром и запечатлеть там свою дружбу.

Мальчики приблизились к Костру Воспоминаний. Никого рядом не было.

— Странно, — сказал Клим. — Неужели никто не подойдёт к пламени?

— Они придут позже, когда Костёр позовёт их, — ответил Дольгерт. — Сейчас наше время.

— Кто хочет говорить первым? — спросил Клим.

— Друзья, — начал Константин, — я до конца не знаю своей Дороги Судьбы, но благодарен ей, что она свела меня с вами. Мне хочется, чтобы наши пути после окончания Школы находились рядом. Я благодарен Климу за то, что он спас меня от Забвения из лап Стыра, и я искренне желаю ему обрести себя. Пусть разница в наших Титулах и Сословиях не помешает дружбе! Со своей стороны, я заверяю вас в этом. Мой Титул идёт от древних королей, мы очень близко стоим к Великому. Впереди у меня много серьёзных дел в моём мире, но это никогда не помешает мне прийти к вам на помощь, если того потребует ситуация. О моём Истинном Титуле вы узнаете на Концерте Прощальных Песен.

Константин с уважением поклонился друзьям.

— Я, со своей стороны, также заверяю вас, друзья, в своей преданности, — начал Дольгерт. — Во мне течёт королевская кровь, но у меня нет Титула. Здесь я тот, кто я есть, и мои чувства к вам настоящие. Зовите, и я сверну на время со своей Дороги и приду к вам, если понадобится помощь!

Друзья посмотрели на Клима.

— Я не вспомнил себя, — начал Клим, — но это не мешает мне любить вас всем сердцем. Я не знаю своего Титула и Сословия, не помню, откуда пришёл в Многомирие, но чувствую, что оказался здесь по велению судьбы. Не случайно мой конь Роднок привёз меня к Белому Замку, а Великий Король отправил учиться в лучшую Школу Этоира.

— Тебя направил сюда учиться основатель Многомирия?! — Константин был ошарашен услышанным.

— Я был раздет и стоял одиноко на Дороге, а потом увидел Белый Замок, нашёл своего коня и одежду. Стражники меня пропустили к Великому Королю. Там он меня познакомил с моей Сестрой и направил учиться в Школу Королей.

— Не каждому жителю Этоира дано увидеть Первородного, — сказал Дольгерт.

Он замолчал и стал смотреть в огонь, о чём-то задумавшись.

— Интересно, а что делала Веста в Белом Замке и кем она приходится Владыке Многомирия? — продолжал расспрашивать любопытный Константин.

— Король сказал, что Сестра привела меня из Мира Забвения в Этоир. Я понял, что Веста ждала меня в Замке и находилась там по воле Великого Основателя. Кем приходится она Королю — я не знаю.

— Дай, пожалуйста, мне свою шпагу, — сказал неожиданно Константин.

Клим протянул ему клинок. Константин вытащил свою шпагу из ножен и отдал её Страннику.

— Защищайся, — сказал он и напал на Клима.

Странник по привычке с улыбкой начал отражать атаки, передвигаясь и отклоняя удары противника. Однако он заметил, что обычная лёгкость в его движениях отсутствовала. Они были скованны, и рука со шпагой чувствовалась словно чужая. Константин не смог одержать победы в этом дружеском поединке, но и Клим не взял верх.

— Ты научился неплохо фехтовать, — сказал Клим Константину.

— Дело не в этом, — ответил друг. — Дерусь я так же. Дело в клинке. Твоя шпага особая, и мне кажется, я узнал её.

— Это Моир? — спросил Дольгерт у Константина, наконец-то оторвавшись от созерцания огня.

— Я до конца не уверен в этом.

— А если так, то как это универсальное оружие могло оказаться у нашего друга?

— Давай оставим ответы до Бала Открытия Масок. Я думаю, нас ждёт там самое незабываемое событие в нашей жизни.

— О чём это вы, друзья? — вмешался в разговор Клим. — Вы считаете, моя шпага особенная, а фехтовальщик я так себе?

Друзья засмеялись и, обнявшись, встали в круг, положив друг другу руки на плечи.

Костёр Воспоминаний запечатлел их дружбу навсегда.

И вот пришло время завершения обучения в самой прекрасной школе Многомирия — Школе Королей.

Клим весь день ходил в напряжении.

Во-первых, он с нетерпением ждал, когда придет Веста. Практически каждый час Клим забегал на сторожевую башню и вглядывался вдаль со стены Замка в ожидании приближающейся Белой кареты.

Во-вторых, сегодня утром Странник узнал, что он будет петь на Концерте Прощальных Песен. Оказывается, каждый король исполняет гимн своего народа на этом празднике. Прощальные Песни начинаются с вечера и длятся, пока не выступят все короли.

— Как я буду петь, Наставник? Ведь меня Стыр укусил за ухо! Я не слышу музыки и не помню слов, — сокрушался Клим.

— Выйдешь на сцену, попадешь под магию Концерта Прощальных Песен и вспомнишь всё.

Просто пой без музыки, что подскажет сердце. Оркестр услышит Песню и начнёт играть, и тогда голос зазвучит сам и откроется мелодия, — утешал его Наставник.

Наступил вечер. Раздался гонг, приглашающий всех на Концерт Прощальных Песен.

Веста так и не приехала до начала праздника.

Клим с друзьями спустились в огромный центральный холл Замка Школы Королей, где был зажжён большой камин и накрыт стол с различными угощениями. Свечи горели лишь на большой сцене, находящейся в конце просторного зала. Везде царил полумрак. Сцена была украшена яркими ленточками и живыми цветами. В оркестровой яме расположились музыканты. Складывалось впечатление, что сцена — это источник света, вход в иной, божественный мир, несущий человеку бесконечное счастье.

Вот на подмостки вышла девушка, оркестр приветствовал её стоя, потом раздался аплодисменты из зала, затем наступила тишина и заиграла музыка. Королева запела. Её голос завораживал и уносил в поднебесье. Клим не понимал текста. Королева пела на языке своего народа, но это не мешало уловить смысл. Звуки музыки и слова говорили о божественной грусти, о силе любви, о радости возвращения домой. Клим не смог уловить момента начала и конца Прощальной Песни. Мелодия возникла задолго до первых слов и не закончилась после того, как музыка стихла.

Голос Наставника вывел всех из транса:

— Для вас пела свою Прощальную Песню Ивика — Королева Семьсот Тридцать Третья!

После исполнения королём или королевой Песни главному Наставнику открывались Титул и Сословие вокалиста, и он громко на весь зал сообщал эту радостную весть. Независимо от Титула и Сословия (если даже и не было таковых), все приветствовали выступавшего, начиная со слов: «Да здравствует его (или её) Величество!» — и далее выкрикивали, ликуя, регалии выступавшего. Так происходило Открытие Масок.

— Да здравствует её Величество! Да, здравствует Королева Ивика Семьсот Тридцать Третья! — кричали хором короли и королев.

У Концерта не было ведущего. Каждый интуитивно чувствовал, когда ему необходимо подняться на сцену и спеть свою Прощальную Песню. Никто не торопился, но и не медлил. Всё происходило так, как и должно было быть. Сама атмосфера Школы руководила этим Концертом.

Во время исполнения Песен короли не только слушали молча, но и танцевали, пили напитки, тихо вели беседы, грустили, вспоминая о днях, проведённых в Школе.

Песни уносили, растворяли и объединяли с вселенной радостью и грустью, лишь на миг прерываясь возгласами главного Наставника и вторившими ему ликованиями королей и королев:

— Вас приветствует Граф Восемьсот Пятый! Для вас пела Маркиза Шестая! Князь Триста Шестьдесят Восьмой!

— Да здравствует! Да здравствует! Да здравствует!..

Клим находился в состоянии транса. Он стоял с друзьями и медленно пил пьянящий гранатовый сок, слушал музыку и кричал вместе со всеми.

На небе появились звёзды. Концерт продолжался и не собирался заканчиваться. Вот на сцене появился Дольгерт и исполнил свою Прощальную Песню. Он пел тихо, неумело, но душа его была открыта. Слова, смешавшись с мелодией, лились тепло и спокойно.

— Поприветствуем Короля Дольгерта, прожившего в Школе Королей без Маски!

— Ура Дольгерту!!!

Когда отзвучали аплодисменты, на сцену вышел Константин. Его Песня была настолько пронзительна и тосклива, что у всех навернулись слёзы на глазах.

— Вы слушали Прощальную Песню Констансиуса, наследника Короля Шестого, — голос Наставника от волнения дрогнул, он не смог прозвонить это торжественно.

В зале повисла тишина. Все короли и королев в почтении опустили на одно колено перед Принцем Шестым, входившим в первую десятку основателей Этоира, и только Клим, находясь словно во сне, остался стоять на ногах.

Константин улыбнулся:

— Друзья, я прошу вас подняться на ноги. В Школе Королей я не нуждаюсь в подобных почестях, ведь здесь мы все просто ученики.

— Да, здравствует Король Шестой Констансиус!!! — взревела толпа, аплодируя уже стоя.

На улице светало. Концерт Прощальных Песен продолжался.

Клим сам не понял, как оказался на сцене, какая неведомая сила его вывела туда. Зал поприветствовал его аплодисментами и стих. Клим стоял в тишине. Он не знал, как начать петь. Молчание длилось долго и стало неестественным. Клим решил, что пора уходить со сцены, а точнее, убежать с позором, но вдруг он увидел Весту. Она, улыбаясь, поднялась на сцену. Веста подошла к Климу, обняла его и поцеловала в щёку. Странник почувствовал радость и желание петь. В зале вновь раздался аплодисменты. Один из музыкантов принёс Весте гитару. Она села на стул и начала играть мелодию. Затем вступил оркестр. Клим не заметил, как песня полилась из его уст. Сначала тихо и неуверенно, потом всё громче и выше. Странник не ожидал, что обладает такими звуковыми диапазонами голоса. Клим спел куплет, потом замолчал, пела Веста. Припев они исполнили вместе. В зале стояла полная тишина, все слушали, затаив дыхание. Потом, как снежная лавина, с нарастающей силой короли

и королевы запели хором Прощальную Песню, которую исполняли Клим и Веста. Мальчик почувствовал, как время остановилось, а потом взорвалось. Осколки пространств, разлетаясь с бешеной силой, застыли в одной точке. Клим смог увидеть себя сразу во всех мирах одновременно. Он вспомнил Песню, которую пел. Это был Гимн Многомирия. Вспомнил, кем была его Сестра, и самое главное — Клим вспомнил себя!

Прощальная Песня закончилась. Зал в молчании ждал голоса главного Наставника, хотя все уже знали, кто стоит перед ними на сцене.

— Короли и королевы, — начал торжественно Наставник. — Этот момент останется навсегда одним из самых ярких в нашей памяти! Не каждому в жизни дано их увидеть отдельно, а тем более вместе! Склонитесь! Перед нами наследники Этоира! Великая Принцесса Веста и Великий Принц Эйлик, имеющие Титул Первый!

Короли и королевы встали в почтении на одно колено. Клим, а теперь уже Великий Принц Эйлик, взял нежно за руки свою Сестру и Невесту. Он тихо сказал ей (но слышали все):

— Я полюбил тебя гораздо раньше, чем вспомнил.

— Любовь и память не зависят друг от друга, — ответила Веста.

Эйлик обратился в зал:

— Встаньте с колена, прекрасные короли и королевы. Я безмерно счастлив, что учился в Школе вместе с вами. Позвольте мне, пользуясь своей властью, сделать одному из вас подарок.

Зал зашумел аплодисментами.

— Дольгерт, друг мой, поднимись на сцену, — сказал Эйлик.

Дольгерт встал рядом с Великим Принцем.

— Это несправедливо, что у такого честного, скромного и хорошего короля нет Титула. Вы согласны со мной?

— Согласны! — взревел зал.

— Король Дольгерт, я, наследник Этоира, Принц Первый, жалую тебе Титул Девятьсот Тридцать Седьмой. Отныне из множества простых королев ты вступаешь в первую тысячу Перворождённых и становишься правителем своего мира!

— Ура!!! — закричали все. — Свершилось чудо Перерождения!

— За это предлагаю поднять бокалы! Утро уже близко, и нас ждёт новая Дорога Судьбы! — сказала торжественно Веста.

Оркестр начал играть музыку. Очередной Король вышел на сцену, чтобы спеть Прощальную Песню. Короли и королевы веселились и танцевали друг с другом. Бал Открытия Масок продолжался, но он уже не был так ярким.

Эйлик и Веста веселились вместе со всеми.

— Помнишь ли ты, как звали тебя в Мире Забвения? — спросил Эйлик.

— Помню, — ответила Веста.

— Как глупо, что я боялся там тебя потерять.

— Не глупо, Эйлик, это совсем не глупо.

— Неужели ты можешь исчезнуть навсегда?

— Лишь на время, чтобы снова найти тебя.

Веста засмеялась, и весь зал словно ожил и тоже начал смеяться.

Эйлик всё быстрее и быстрее стал кружиться в вальсе с Сестрой. Вот их ноги перестали касаться пола. Они взлетали и опускались вниз. Скорость вращения постепенно росла. Она стала такой, что трудно было различать предметы.

Эйлик увидел себя парящим в вышине. Он летел над Этоиром, держа крепко за руку Весту. Они медленно пролетали над Школой Королей, каменистой Дорогой Судьбы, Белым Замком. Около Дворца стояли Великий Король и Королева. Они радостно махали руками и улыбались, глядя своим названным детям вслед. Сердце Эйлика переполняло Счастье! Ветер нёс их навстречу восходящему Солнцу...

Клим проснулся. Вокруг сустились дети, заправляя свои кровати после тихого часа. Осознание того, где он находится и кто он есть, не сразу вернулось к Климу. Он был оглушён своим сном и потерял ощущение реальности.

— Кто я теперь? — задал Клим шёпотом вопрос самому себе. — Великий Принц Эйлик, наследник бескрайнего Этоира, или простой мальчишка, пятиклассник Клим? У кого я могу узнать эти ответы?

Мальчик беспомощно заплакал, укрывшись одеялом.

«Как теперь мне найти Дорогу в Многомирие?» — думал он.

Вожатые не дали ему долго валяться в постели. Заставили встать и заправить её. Потом полдник, состязания по прыжкам в длину между отрядами, вечернее мероприятие. События в пионерском лагере следовали одно за другим. Клим закружили эти дела, и он немного успокоился.

Клим поклялся себе: ни в коем случае больше никогда не забывать Этоир. Он понял, что увидел во сне Дорогу своей Судьбы.

Перед самым отъездом из лагеря Клим отважился на разговор с Таней.

— Ты помнишь, что ты королева? — спросил он девочку.

— Я ещё принцесса, я маленькая, — захихикала она, — но всё равно спасибо!

— Вспомнить — это как выдумать заново, — сказал Клим Тане. — Ты обязательно всё вспомнишь, а я найду дорогу в Этоир и вернусь к тебе.

— Станный ты какой-то, — уже серьёзно сказала девочка, не поняв и половины того, о чём говорил Клим.

— Я не могу быть другим, — ответил он. — Ведь я — Странник.

Клим отважился и быстро чмокнул Таню в щёку.
— Дурак, что ли? — сказала девочка и оттолкнула Клима, но было видно: она не обиделась.

Этот детский первый поцелуй запечатлелся на её щеке навсегда.

— Твой адрес у меня есть! Я напишу тебе! — радостно сказал Клим и пошёл собирать сумку, зная, что его Принцесса останется с ним навсегда.

Она будет лишь слегка изменять облик и имя в разных мирах, но никуда не исчезнет и будет единственной на все времена.

Дедушка

Мне дали задание написать цикл статей о местных экстрасенсах. Список «героев» я получил у главного редактора.

— Для начала в церковь съезди. Отец Вячеслав хочет на тебя посмотреть, — сказал устало главный редактор.

— С какой стати? — не понял я.

— Голову включи, и ответ найдёшь! — произнёс главный излюбленную фразу.

В храме было сумеречно и тихо.

— Крещёный? — спросил отец Вячеслав и пристально поглядел мне в глаза.

Я утвердительно кивнул головой.

— Молитвы знаешь?

— Одну только, — ответил я смущённо.

— Ох, дела наши тяжкие, — вздохнул удручённо святой отец. — В колдунов, в экстрасенсов там всяких веришь?

— Не очень.

— «Не очень»! — перековеркал меня отец Вячеслав. — Душу они людскую совращают. Ты видел их? Курят, пьют, ругаются матом. Кого они могут вылечить?! Нет чистоты в них, одна только грязь. Запомни: лишь те, кто в святости живёт, способны исцелять людей.

В знак согласия я вновь кивнул головой.

— Давай помолимся вместе, — предложил святой отец.

Я получил благословение и приступил к исполнению своего задания.

Первый цикл статей получился разгромным. Их даже активно обсуждали в обществе: писали положительные отзывы и гневные жалобы в газету. Потом интерес поутих, и я уже было подумал, что смогу взять другую тему, но редактор дал мне ещё одно задание: написать о Константине Ивановиче Бруцком, которого многие пациенты любя называли Дедушкой.

Дедушка весело смотрел на меня со старых, хорошо отсканированных фотографий. Внешним видом он не походил на «коммерческих» экстрасенсов. Константин Иванович скорее напоминал бригадира завода с гаечным ключом, которого

неожиданно заставили сфотографироваться на Доску почёта, чем на колдуна. От образа Бруцкого веяло чем-то тёплым и родным, словно из далёкого, забытого детства.

Свою деятельность экстрасенса Константин Иванович начал в молодые годы. Заговаривал воду и лечил ею людей. Денег за сеансы не брал. Рассчитывались с ним продуктами, которые оставляли на столе в прихожей. Если расплачивались сладостями, Константин Иванович отдавал их детям. Бруцкий исчез с поля зрения более года назад. По непроверенным данным, он отправился странствовать по бесконечным просторам России, помогать нуждающимся. В связи с чем встретиться с ним лично на данный момент не представлялось возможным.

По своим каналам я нашёл тех, кто был знаком с ним близко. Бруцкого люди любили. Зная мою репутацию «информационного киллера экстрасенсов», мне никто не соглашался дать интервью. Я уже совсем было отчаялся, как вдруг в редакцию позвонили. Она представилась Александрой Беловой.

— Назначьте время и место, и я подойду туда, — сказала она по-деловому.

Мы встретились в небольшом кафе, стилизованном под сельскую пастораль.

— Добрый день! — бодро сказала девушка, подсаживаясь ко мне за столик. — Вы тот журналист, с которым у меня назначена встреча?

Её насыщенные ярко-карие глаза при дневном свете отражались чуть желтоватыми красками. Пронзительный взгляд изучал меня, словно выслеживал добычу. Складывалось впечатление, что на меня смотрит хищная птица, а не человек. В голове само возникло прозвище — Сова.

— Да, — ответил я.

Девушка улыбнулась. На секунду мне показалось, что в кафе стало светлее. Как будто включили чуть приглушённый тёплый свет. Красивая улыбка — это дар. На такую улыбку нельзя не ответить.

Сова неожиданно стала серьёзной.

— У меня условие.

— Какое?

— Передать мой рассказ о Дедушке слово в слово, иначе я отказываюсь от интервью.

— Договорились, — сказал я и включил диктофон.

— С чего начнём?

— Почему вы его называете Дедушкой?

— Для меня и ещё четырнадцати моих братьев и сестёр он — Дедушка. Мы воспитанники детского дома и своих родственников никогда не видели. Мамой и папой называли воспитателей. Дедушка часто приходил к нам, приносил сладости, давал пить воду — вот и стал как родной.

— Странно, что директор детского дома разрешала экстрасенсу лечить детей.

— А что её могло испугать? Лихие девяностые! Колдунов в каждом городе пруд пруди. Целые институты нетрадиционной медицины открывались. Народным целителям верили больше, чем докторам. А Дедушка добрый был.

— Вы знаете, откуда у Константина Ивановича появилась способность лечить людей водой?

— Знаю. Дедушка любил рассказывать истории о себе. Я записала несколько. Хотите, почитаю?

— Хочу, — ответил я.

— Истории будут идти от его лица, как будто Дедушка сам рассказывает. Я, честно говоря, сама их хотела опубликовать в журнале, но не приняла. Мой писательский дар их не устраивает.

— И поэтому понадобились я и моя газета...

Девушка опять улыбнулась своей завораживающей улыбкой, не спеша достала планшет из сумки, открыла нужный документ и начала читать красивым голосом, правильно интонируя в нужных местах.

— «Снисхождение Марии», — озвучила Сова название своего рассказа и, ещё раз таинственно взглянув на меня, продолжила...

«Способность освящать воду появились у меня в восемнадцать лет. Я тогда служил ещё в армии. Накануне мне приснился странный сон.

Видится, будто бы лето на дворе. Лёгкий тёплый ветер шелестит зелёными листьями. Небо чистое, с едва заметными пушистыми облаками. Солнце играет лучами и отражается в медленной широкой реке. Вдалеке слышится переливистый колокольный церковный звон.

Я медленно иду, разглядываю всё, стараюсь запомнить незнакомую местность. Подхожу к храму. Он возвышается на холме — красивый, белокаменный, голубыми куполами под синее небо. Двери — большие, резные, двухстворчатые — распахнуты. Изнутри слышится поющий хор и голос священника. Пахнет ладаном.

Я стою перед широкой деревянной лестницей, ведущей в церковь, и боюсь подняться. Размышляю: а что, если кто из знакомых заметит, как я в храм захожу? Подумают, что верующий. Потом политрук замучает со своими лекциями. Будет доказывать, что Бога нет. Я и так знаю, что нет. Космонавты же в космос летали и никакого мужика с бородой на облаках не видели. (Вот дурень я тогда был!)

Стою и не решаюсь подняться в церковь. Выходят оттуда люди. Идут, разговаривают между собой, улыбаются. Проходят мимо меня, будто бы не замечая. А я стою как вкопанный и ни назад, ни вперёд не двигаюсь.

Последней из церкви вышла женщина. Гляжу на неё и возраст определить не могу. Не молодая и не старая. Красивая вся такая, свежая, румяная. Одета просто — в длинную юбку, блузку,

застёгнутую на все пуговицы, на голове то ли платок, то ли ткань, свисающая с плеч. Разобрать не смог. Солнце выглянуло из-за церкви и начало слепить глаза.

Подходит она ко мне и спрашивает:

— Отчего же, Константин, в церковь не заходишь?

— Да так, — мямлю я. — Потом зайду.

— Как зайдёшь, водички церковной испей. Прямо из купели зачерпни ладошкой и глотай, а мокрыми руками лицо оботри.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Завтра скажу, — отвечает женщина.

Я осторожно захожу в церковь. Никого нет. Полумрак, тишина, свечи тихонько потрескивают. Мне становится страшно. Чувствую, сейчас произойдёт что-то важное. Подхожу к купели. Она до краёв наполнена чистой водой. Вода плещется, точно слабый ветер дует, и солнечные лучи преломляются в ней. Я двумя ладошками зачерпываю и жадно пью. Тело наполняется силой, и я блаженно улыбаюсь.

Потом, помню, проснувшись, всё утро скалился, будто дурачок деревенский. Сослуживцы думали, что умом тронулся. А я всё странный сон вспоминал и не мог понять смысл приснившегося. В моей семье никто в Бога не верил, и я тоже. Даже в церковь никогда не ходил, а тут сон такой. Полдня я размышлял о сновидении, а потом забыл. В армии думать много времени нет: то одно, то другое. Сил в тот день у меня было за троих. Сколько ни работал — всё не уставал. Еле под ночь уснуть смог, а как уснул, так сразу продолжение сна увидел.

Будто опять шагаю по тому же самому посёлку вдоль берега реки. Ко мне навстречу знакомая женщина идёт и улыбается, глядя на меня.

— Как водичка церковная? — спрашивает, когда мы поравнялись.

— Сила в ней, — отвечаю я.

— Теперь эта сила в тебе, — говорит женщина. — Над любой водой молитву прошепчешь, и станет она святою.

— Так я же и молитв не знаю, — отвечаю ей, робея.

— Дух Святой за тебя читать их будет, только рот открывай, — сказала она и звонко засмеялась.

И тут я понимаю, что женщина эта непростая. Смотрю на неё, пытаюсь лучше черты лица разглядеть, а мне солнце мешает, глаза слепит. Я перемещаюсь то в одно, то в другое место, а солнце словно за мной следует и всё в глаза мне светит, чтобы лицо женщины хорошо не видел. Она заметила моё желание и ещё веселее рассмеялась.

— Кто ты? — спрашиваю я испуганно.

— А ты не узнал меня, Константин?

— Не узнал, — говорю я.

— Я — Мария, — сказала она, перекрестила меня и ушла, весело смеясь на всю округу.

На том сон и оборвался.

Я проснулся рано утром. Спать уже не хотелось. „Мария — хорошее русское имя“, — подумал я и улыбнулся. Лишь спустя много дней я понял, кто приходил ко мне во сне и кто наделил меня даром изменять воду...

— Ну как вам рассказ? — спросила заинтересованно у меня Александра.

— Для меня в этой истории нет ничего необычного. Я встречался с немалым количеством экстрасенсов, и с теми, кто был их учениками, и с людьми, которых они лечили. Как правило, все «белые колдуны» верили в Бога, ходили в церковь и лечили с именем Христа на устах, но это ещё не говорило об их святости. Многие указывали, что экстрасенсорные силы появились у них после того как им снились ангелы небесные, или Дева Мария, или даже сам Спаситель во плоти. В быту же целители чаще всего вели обычный образ жизни: скандалили, чревоугодничали, посещали сайты сомнительного содержания. Простите меня за прозу жизни, но подчас от них дурно пахло. К общей гигиене относились прохладно: грязная одежда, нечищенные зубы, мусор в квартире. Но гонорар за свои волшебные деяния никогда не забывали брать.

— Дедушка был не такой! — громко выкрикнула Сова.

В её голосе сквозила неподдельная обида.

На нас оглянулось несколько посетителей кафе.

— Одевался он бедно, но всегда в чистое. И пахло от него луговыми цветами, ветром и солнцем. Телевизора и компьютера у него в доме не было. Только книги и иконы. Супруга ушла от него — не выдержала постоянного потока больных людей, которых лечил Дедушка, да к тому же ещё и бесплатно.

— Безвозмездная помощь сильно отличает Константина Ивановича от его коллег по «волшебному цеху».

— Поверьте мне, если бы Дедушка с плохими мыслями и желанием обогатиться лечил людей, то они бы не выздоравливали, а наоборот. Вода намагничивается от состояния души человека, который освящает её. Дедушка всегда с молитвой на устах жил. Он не являлся праведником, но грязи в нём не было.

— Почему же православная церковь его не признала?

— Дедушка говорил, что они завидовали.

— Чему?!

— Тому, что воду освящал он лучше, чем их священники. Вода сильнее у него была.

Я иронично улыбнулся.

— Хотите послушать продолжение истории о Дедушке? — словно не заметив моей лукавой улыбки, спросила Сова.

— Охотно.

— «Проявление волшебства»...

«После второго сна о встрече с Марией я не мог найти себе места. Сила переполняла меня. Она стекала по моему телу, словно пот с пахаря в летний зной. Казалось, что гимнастёрка всегда была мокрая. Я трогал майку рукой — сухая и даже горячая, как из-под утюга. Мне постоянно хотелось помогать людям. Я чувствовал, что если не вылечу кого-нибудь, то сам заболею и умру. И вот в один из дней решился!

Наш командир роты, майор, был солидный человек, в возрасте мужчина. Любил к нам в часть со своей женой Галиной Павловной приезжать. Его супруга была дамой обаятельной, улыбчивой, с цепким хозяйским взглядом. В один из дней она, как обычно, приехала с мужем. Вижу, Галина Павловна смеётся как-то сквозь силу и за бок постоянно рукою держится. Набрался смелости, уловил момент, когда мужа рядом нет, подхожу к ней и говорю:

— Хотите, помогу вам?

Она не поняла сначала, что мне надо, а потом, когда я, мямля и заикаясь, объяснил, что вылечить хочу её, спросила:

— Медицинское училище закончил до армии?

— Нет, — говорю, — я водою лечу.

Галина Павловна только бровью повела, улыбнулась и сказала:

— Колдун, значит? Из деревенских?

В подтверждение её слов я кивнул головой и поблелел от стыда. Ведь соврал тогда. Какой я колдун? Просто вода меня стала слушаться.

— Я от любой помощи не откажусь сейчас. Мне терять нечего. Знаешь, что врачи говорят? — спросила Галина Павловна.

— Нет, — ответил я.

— Что жить мне несколько месяцев осталось, что вроде как цирроз у меня намечается. Только мужу не говори, он не знает.

Я пообещал, что молчать буду.

Она отпросила меня у старшины — якобы в кабинете мужа кое-какую мебель передвинуть, а сами мы уединились с ней в рубке красного уголка. Я нашёл медную проволоку — сделал из неё произвольной формы крест, в чистую литровую банку набрал воды. Галина Павловна села предо мной на пыльный складской стул, нисколько не заботясь о чистоте своей одежды. Я стоял перед ней и не знал, с чего начинать. Молчание длилось долго и становилось неловким, жена командира спокойно и терпеливо ждала. Я закрыл глаза и неожиданно для себя начал молиться. Это даже не молитва была, не знал я тогда молитв, а

так, поток слов, обращённый к Богу. Глаза у меня хоть и закрыты были, но видел я всё — и женщину, и банку с водой, и пыльный склад. Чем больше я молился, тем ровнее моё дыхание становилось и увереннее слова лились из уст. А потом мне привиделось, как толстый жёлтый солнечный луч, пробив все предметы на своём пути, прошёл через банку с водой и ударил в живот жене нашего командира, высветив её больную печень.

Я открыл глаза. Галина Павловна испуганно смотрела на меня. В комнате что-то произошло. Я взглянул на банку с водой. В ней, словно в газированной, шипели пузырьки. „Вот это да!“ — пронеслось у меня в голове. Я окрестил воду своим импровизированным медным крестом и отдал банку женщине.

— Придёте ко мне, когда вода закончится, — сказал я ей. — Принимайте три раза в день по треть стаканчика, а остатками протирайте место, где орган больной находится.

Она послушно кивнула головой и ушла.

Я опустил на колени и перекрестился.

Наши встречи с женой командира продолжались больше трёх месяцев. На последнем свидании Галина Павловна протянула мне дрожащей рукой какие-то листы бумаги.

— Вот, посмотрите на мои анализы. Здесь и кровь, и УЗИ, и зондирование, — говорила она взволнованным голосом.

Я повертел в руках документы, не понимая, что в них написано.

— Всё, нет болезни! — говорила взахлёб она. — Вылечил! Понимаешь, здорова я! Проси чего хочешь!

А что я мог у неё попросить? Ничего не посмел. Она сама у мужа для меня двухнедельную увольнительную выпросила. Съездил я домой, отдохнул, родителям помог.

Возвращаясь в часть, на вокзале увидел женщину, торговавшую с лотка пирожками. Подошёл к ней и в лоб говорю:

— Давно сердце болит?

— Давно, — отвечает испуганно она. — А ты почём знаешь?

— Чувствую боль, — сказал я ей. — Приходи ко мне — помогу.

Объяснил лотошнице, как найти меня. Ушёл не прощаясь. Краем глаза заметил, как она крепится мне вслед.

После много человек ко мне приходило. Командир части узнал, что жене я его помог, поэтому препятствий не чинил, но попросил свою необычную способность в тайне держать. Я и сам хорошо понимал, что могли возникнуть проблемы не только у меня. Никому ничего не сказал, даже армейским друзьям по роте. В связи с чем дослужил положенный срок, окутанный командирской заботой и благодарностью...

— Нельзя выздоровление женщины приписывать только Константину Ивановичу. Не он один лечил. Здесь и врачам с их лекарствами и диетами отдать должное надо. Неизвестно, отчего она выздоровела, — прокомментировал я рассказ Александры.

— Врачи на ней крест поставили. Умерла бы она. Вас, смотрю, ничем не убедить. Были и другие пациенты. И всех их Дедушка исцелил!

— Каждый случай надо рассматривать отдельно.

— Давайте рассматривать! — решительно заявила Сова, как будто впереди на это у нас была целая вечность.

— Давайте лучше вы мне расскажите подробнее, как познакомились с Константином Ивановичем.

Девушка о чём-то глубоко задумалась, словно размышляя, стоит мне рассказывать или нет.

— Слушайте, — сказала она, — но это будет последняя история. «Застывшие в вечности»...

«Впервые мы увидели Дедушку, когда были ещё совсем малышами, лет пяти-шести, но воспоминание сохранилось ярко.

Помню, как-то днём в нашу группу вошла директор и прервала занятие. Позади неё, словно прячась, выглядывал смущённо мужчина. Роста он был невысокого, поэтому его седая макушка чуть торчала из-за плеча директрисы. Дедушка застенчиво смотрел на воспитателя и ласково улыбался нам, сидящим на полу в полукруге.

— Вот, посмотрите на них, — сказала директор, — все худые, синие, одни кости торчат, точно цыплята бройлерные в привокзальном буфете. Кормим-кормим их, витаминны даём, а всё не в коня корм. Если поможете — благодарны будем.

— Я помогу, — ответил уверенно Дедушка.

Сейчас вспоминаю, питание у нас плохое было. Каши невкусные, на воде, супы без мяса, вторые блюда — либо картошка отваренная, либо слипшиеся макароны и к ним маленький кусочек рыбки или котлетка из рыхлого фарша. Из витаминов одни овощи — морковь, свёкла и капуста. О фруктах и говорить нечего. Мы постоянно крали из столовой хлеб, сушили его и по ночам украдкой грызли под одеялом.

Дедушка часто приходил в детский дом. Всегда со сладостями и фруктами. Он играл с нами, рассказывал сказки, кормил и, конечно же, поил. В нашей группе всегда стояла огромная кастрюля, наполненная до краёв проточной водой. Нам полагалось пить жидкость только из неё. Почти каждое утро Дедушка заговаривал воду. Он подолгу молился, шептал, водил крестом по питью, подносил иконы к кастрюле. Мы с интересом наблюдали за этими действиями. Так продолжалось довольно долгое время. Может, полгода, а может,

и больше. Здоровье наше улучшилось. Со слов воспитательницы, мы набрали в весе, порозовели. Но произошло и кое-что странное, чего взрослые не видели.

Первое: нам всем стал каждую ночь сниться один и тот же необычный сон...

Мы видели пустой город (в нём не жили люди), через который пролегла широкая дорога, вымощенная булыжниками. По мостовой шёл мальчик. Он был без одежды, в одних только плавках. Его босые ноги твёрдо и уверенно ступали по холодным камням. Каменная дорога пролегла через весь город. Она, плавно изгибаясь, поднималась на холм и скрывалась за горизонтом. Мальчик не спеша взбирался наверх. На вершине холма он останавливался, оглядывался и, словно видя нас, улыбался и махал рукой, а потом исчезал за горизонтом.

Мы прозвали его Странником.

Каждый день втайне от воспитателей мы обсуждали сон. Описывали его во всех деталях и даже рисовали. Для нас всё было важным: дома в Пустом городе, сколько их и какого они цвета, размеры камней на Дороге, как выглядел мальчик. Но самое главное — мы пытались понять: что скрыто за горизонтом? куда он уходит? Сон стал нашей навязчивой идеей. Мы всеми силами стремились разгадать тайну.

Нам пришла мысль, что Странником был Дедушка, только видели мы его маленьким, каким он был в детстве, но это оказалось не так. Наши рассказы о мальчике из сна он не понимал, а только гладил нас по голове, поил водой и ласково приговаривал: — Фантазёры мои, хорошие.

Поиски Странника среди окружающих не приносили результата. Мы многих людей допрашивали расспросами на протяжении нескольких лет, пока не поняли, что об одиноком мальчике, бредущем по каменистой дороге, известно только нам.

Тогда у нас возникла теория о спящем Страннике. Будто Странник может не помнить о том, кем он является. Ведь, проснувшись, мы часто не помним, где были во сне и кем там являлись. Так и Странник, проснувшись в этом мире, забывал, откуда он пришёл сюда. Поэтому главной нашей задачей стало не найти Странника, а разбудить его. „Найдёт он нас сам“, — так мы думали.

Потом мы обнаружили ещё одну странную вещь — мы перестали расти и изменяться во времени, навсегда оставшись в телах детей. Было нам тогда кому одиннадцать, а кому двенадцать лет. Наш вес, рост, внешность оставались постоянными. Мы приобретали лишь знания и жизненный опыт. В нас проявились странные способности: находить потерянные вещи, гипнотизировать, читать мысли, чувствовать опасность и многое другое. Я научилась создавать места, которых нигде нет, жить там и приглашать друзей в гости.

Как такое произошло, у меня есть только одно объяснение. Всему виной Дедушкина вода! Слишком много и часто он поил ею наши не сформированные ещё детские организмы. Вода была волшебная, она и нас сделала такими же. Ведь человеческий организм состоит практически на девяносто процентов из жидкости. Меняя структуру воды, меняешь и молекулы крови. (Я, конечно, могу ошибаться, не учёная.) Во всех людях, которых лечил Дедушка, изменения были минимальными и временными, а у нас мутации оказались постоянными. Дедушкина вода поменяла не только нашу кровь, но и наше сознание.

Для окружающих всё оставалось в порядке вещей. Мы внушали другим наше взросление. У этого были свои достоинства и недостатки. Из плюсов — можно выбирать любую внешность, строение тела, вес, возраст. Здесь главное — не переусердствовать. Из минусов — сохранять постоянно иллюзию в глазах людей, особенно когда спишь, невозможно. Пару раз мы испугали до потери пульса ночных воспитателей. Им открывалась правда, кем мы были на самом деле. Люди теряли контроль, и мы боялись за их психическое состояние. Поэтому решили выставить дежурных, которые поддерживали иллюзию во время нашего сна.

Прошло несколько лет. Для людей мы стали взрослыми. Остаться в детском доме нам больше не представлялось возможным. Поэтому было принято решение создать собственный Дом и поместить его в Волшебный кокон, скрытый от чужих глаз. Сначала мы придумали дом, в котором жили все вместе, затем целую улицу, а потом построили город, в котором уже жили не только мы, но и простые, нужные нам люди. Они ходили на работу, получали зарплату, заводили семьи, но не догадывались, что находятся в месте, которого нет. При желании любой мог уйти в реальный мир. Мы никого не держали. Правда, обратно принимали не всех...»

— Ну хватит сказок, прекрасная незнакомка! — не выдержал я. — Про Дедушку и его способности ещё можно разговаривать и подвергать их сомнению, но про вас и ваших друзей из детского дома, про детей, заставших в вечности, — вы уж простите меня, фантастику я закончил читать лет двадцать назад. Неинтересно!

— Я понимаю, что в сказанное тяжело поверить, — спокойно ответила Сова.

— Вы что, хотите заверить меня, что передо мной сейчас сидит не взрослая девушка, а ребёнок?

— Не совсем так: взрослый в теле ребёнка, — спокойно сказала она.

Я бесцеремонно схватил её за кисти рук и крепко сдвинул их. Она скривилась от боли и попыталась вырваться.

— Больно? — спросил я.

— Конечно, больно! Вы, здоровый мужик, сдавливаете руки двенадцатилетней девочке!

— Я вижу перед собой женщину! Более того, я чувствую её своим мужским инстинктом. За кого вы меня принимаете?

— За человека — хозяина своего слова, профессионала, который передаст наш разговор людям через газету, ничего в нём не меняя.

— Зачем вам это? Хотите стать известной? Нужен пиар? — спросил я, отпуская её руки.

— Во-первых, о Дедушке узнают правду, а не ваши домыслы. Во-вторых, вы очень популярны, и, возможно, эту статью прочтает Странник. Тогда у него будет шанс проснуться, он найдёт нас и проведёт по Дороге Судьбы. Ну и в-третьих, да, вы правы, хочу стать известным писателем!

— Вы не в своём уме. Мне жаль вас.

Выпятив нижнюю губу, я бесцеремонно разглядывал собеседницу.

— Не надо жалеть. Одни фантазии признаны обществом и подчиняют основную массу людей, а другие нет. Реалистов, собственно, и не существует.

— Если я сделаю как вы просите, статью не напечатают. В формат репортажа она не войдёт. Меня направят в отдел прозы фантастических рассказов. Я должен критически освещать события, подкрепляя их доказательствами.

— Я разрешаю, чтобы напечатали, вам приписать мой рассказ своими чернушными комментариями. Какие ещё доказательства вам нужны?

— Превратитесь в ребёнка!

Сова громко рассмеялась.

— И всё? Так мало надо, чтобы вы поверили? — спросила она.

— Этого будет достаточно!

— Не смешите меня. Даже в этом случае вы не поверите. Давайте на секундочку допустим, что я сейчас, здесь — в общественном месте, среди посторонних людей, выполню вашу просьбу: какова будет их реакция?

— Не знаю! Увидим!

— Если сейчас я стану ребёнком, вы испугаетесь и спишете всё на гипноз, или собственную усталость, или на любую удобную для вашего мозга вещь, чтобы не сойти с ума. Спасительная логика повседневности не пустит вас в волшебный мир.

— Хватит шелухи! Просто сделайте то, о чём вас просят, и я стану вашим поклонником!

— Театральных чудес сегодня не будет!

— Ну хорошо. Приношу извинения за настойчивость и излишний скептицизм, — я решил убрать напряжение из нашей беседы и пойти на хитрость. — Вы позволите мне вас сфотографировать для статьи?

— Пожалуйста, фотографируйте, — не задумываясь, согласилась Александра.

Я сделал фото на свой телефон и стал его разглядывать. Девушка улыбалась.

— Провели научный эксперимент? — спросила она с иронией.

— Вы о чём? — удивился я.

— Захотели узнать, какой образ вам предстанет на фотографии: ребёнка или девушки, сидящей перед вами? Ведь фотоаппарат не поддаётся внушению. Так?

— Так.

— И?

— На фото вы — человек, которого я вижу сейчас.

— А кто сейчас смотрит на фотографию? Вы смотрите на снимок и видите то, что я хочу, — Сова рассмеялась. — Без сомнения, — продолжила она, — фотоаппарат не поддаётся внушению, но смотрящие на снимок внушаемы. В детском доме мы проделывали подобные штуки не раз. Не вы первый, не вы последний.

— Ну и зря, — выдохнул я разочарованно.

— Мне пора, — сказала девушка и встала из-за стола.

Неожиданно меня отвлёк звон бьющейся посуды. Официант столкнулся с ухажившим из кафе посетителем. С разноса упало несколько приборов. Эта сцена завладела моим вниманием на несколько секунд, но когда я повернулся, Александры уже не было рядом.

Я рассчитался с официантом и вышел на просторное, украшенное в деревенском стиле крыльцо кафетерия. Меня окружили мешки с сеном, котелки, колья, цветы подсолнечника, вязаные прутья-перила. Молодцы дизайнеры. Выдержали стиль до мельчайших подробностей.

Я включил диктофон. Послышался красивый женский голос Александры. Вновь всплыли образы недавней беседы. Интересно, а сама она верит в то, что рассказывает? Наверное, верит. Порой даёшься диву, насколько человек может жить в мире, который совершенно непохож на твой. Другие планеты близко, искать их нужно не в космосе, а в людях, живущих рядом с тобой. Главное, чтобы эти планеты были добрыми и не делали вреда другим. Надо бы найти детский дом, где воспитывалась Александра, поговорить с директором и педагогами.

Во время своих размышлений я спонтанно продолжал разглядывать декор крыльца. Моё внимание привлекло чучело птицы, прикрепленное к жёрдочке, под навесом крыльца. Это было маленькое чучело совы. В детстве мой отец ловил таких в лесу голыми руками, показывал мне их и отпускал. Он называл их «сóвками» (с ударением на первый слог). Я подошёл к чучелу и потрогал его рукой. Птица открыла глаза и непонимающе уставилась на меня. Я ошарашенно посмотрел на неё.

— Так ты живая! — прошептал я удивлённо. — Перепутала прутья с настоящими деревьями.

Ресторанчик находился в центре города. Мимо него проходили люди, по оживлённой магистрали проезжали машины, а птица мирно спала, ничего не опасалась и будто находилась в лесу. Я медленно вытащил телефон из кармана и сделал снимок совы. Птица встрепелась, огляделась уже осмысленным взглядом и, словно поняв абсурдность ситуации, гневно ухнула, взмахнула крыльями и улетела.

— Пораительно! — сказал я вслух, разглядывая фото совки.

Я пролистнул фотографию птицы, чтобы ещё раз посмотреть на фото Александры, которую я про себя называл Совой. Захотелось их в шутку сравнить. Но на следующем слайде была та же птица — совка с декоративного крыльца кафетерия. Я посмотрел следующее фото, затем нервно пролистал всю галерею — снимка девушки нигде не было!

— Как же так?! Неужели не сохранился?

Запахло мистикой, а в моём деле чудо было нежеланным гостем.

Я ещё раз просмотрел свои фотографии. Жаль фото. Оно бы украсило статью, сделало бы её более реалистичной. Может, съездить в детский дом, где воспитывалась Александра? В нашем городе он один. Имя и фамилию знаю. Возраст примерно тоже.

Решил поехать.

В детском доме меня встретил директор. К моему сожалению, это был новый руководитель, а не тот, который работал во времена проживания здесь Александры. За два десятка лет сменился практически весь персонал. Новый директор меня встретил прохладно. Мало кто в наше время любит журналистов. В моей просьбе найти фотографии Александры Беловой не отказала и вопросов лишних не задавала, словно хотела побыстрее избавиться от меня.

Нам пришлось спуститься в подвал, открыть пыльные складские помещения, достать огромные архивные фотоальбомы. Я стал листать страницы с большими общими чёрно-белыми фотографиями, на которых были изображены дети разных возрастов. Каждая группа под фото имела своё название, также внизу были записаны имена и фамилии детей, снятых на фотографии. Поэтому найти Александру не представило труда.

Восемь девочек и семь мальчиков дошкольного возраста застыли на старой глянцевой фотографии. Группа называлась «Динозаврики». Отсчитывая лица детей справа налево, сверяя с нумерацией списка, я нашёл Александру. Если верить, что порядок записи соответствует построению ребят, то передо мной была именно она. С фотографии боязливо взирала беловолосая

курносая девочка в смешных огромных очках, с трудом удерживающихся на оттопыренных ушках. Малышка совершенно была не похожа на мою знакомую из кафе. Это ровным счётом ничего не доказывало и не опровергало. С возрастом некоторые из людей, а особенно девочки, меняются до неузнаваемости.

— Это точно Александра Белова? — спросил я у директора.

— С вероятностью девяносто девять и девять процентов. Мы детей до сих пор так фотографируем и записываем, традиция, что ли, такая сохранилась. Знаете, сбегают иногда, полиции фотографии нужны. Сейчас, конечно, фото не проблема, у нас на каждого целое портфолио, тогда же делали чаще всего общие.

С позволения директора я сделал снимок фотографии и взял альбом за следующий год. К моему разочарованию, в нём была та же самая чёрно-белая фотография детей из группы «Динозаврики». В последующих альбомах за другие года фотография детей не изменилась, как будто наклеили одно и то же фото в разные альбомы.

— И как это понимать? — спросил я нервно у директора.

Эта история с Александрой перестала мне нравиться. Я чувствовал подвох, только не мог осознать, в чём он.

— Ни малейшего представления, — призналась она. — Может, денег не было на фотографа, и вклеивали старые фотографии.

Вежливо попрощавшись, я удалился.

Ситуация с Александрой порядком меня разозлила. Я чувствовал себя в ней дураком. Поэтому и сделал статью на редкость разгромной.

Я «проехался танком» по Бруцкому и его чудесам. Как мы и договаривались, рассказы Александры я напечатал целиком, ничего не меняя, а вот над комментариями мы вместе трудились с главным редактором. Наш «творческий дуэт» подверг сомнению и высмеял почти каждую строку истории о Дедушке и Страннике. Вопреки ожиданиям, отклики читателей на публикацию были немногочисленны. Такое ощущение, что труды наши остались незамеченными. Так мы поняли, что тема исчерпана, и закрыли цикл о народном целительстве.

Через полгода газета, в которой я работал, разорилась, и журналистов отпустили на вольные хлеба. Я не остался без дела. Имидж безжалостного обличителя экстрасенсов сыграл мне на руку. Меня пригласили трудиться в районный патриархат — писать критические статьи о сектах и их гуру, о колдунах и целителях. Я публиковал свои тексты в разных газетах, журналах и интернет-блогах. Мне удалось издать несколько книг по исследованию тоталитарных сект. Люди мне дали в шутку прозвище Инквизитор, что было

недалеко от истины. Я беспощадно жёг словом любое мракобесие и никогда не сожалел об этом.

С Константином Ивановичем Бруцким мне удалось встретиться. Примерно года через полтора после интервью с Александрой. Константин Иванович вернулся в родной город и вновь занялся лечением людей с помощью заряженной воды. Я пришёл к нему под видом пациента.

— Порча у тебя, — сказал мне Дедушка после диагностики с помощью кольца, привязанного к нитке.

Затем он начал заговаривать воду в бутылке, специально набранную для меня из-под крана. Я терпеливо дождался окончания сеанса, чтобы задать свои вопросы.

— Константин Иванович, а вы помните детей, которых лечили в детском доме? — спросил я.

— Не всех, конечно, но некоторых помню — ответил он. — Вы вроде не один из них. Откуда про детей знаете?

— Встречался с Александрой Беловой. Мы беседовали долго про вас. Она рассказала, как вы начали лечить людей, про видения ваши и про себя.

— Сашенька? Раньше маленькая была такая, смешная, а сейчас красавица выросла. Сказки в детстве очень любила слушать. Сядет напротив меня с ручкой и блокнотиком и делает вид, что записывает, когда я истории разные рассказываю. Писать-то ещё не умела, так, каракули выводила. Но зато потом всем читала вслух, словно действительно буквы настоящие были. На ходу сочиняла.

— Вот оно как! — вырвалось у меня. — Ребёнок с богатой фантазией.

— Помню, придумала, будто нашлись её родители, к ней в детдом приходили и собаку большую белую подарили. Так все дети тогда начали видеть эту псину и играть с ней. Да и не только дети. Пару раз и я даже её видел. А собаки-то и не было никакой!

Дедушка засмеялся хриплым голосом.

— Скажите, — я решил сменить тему разговора. — Вы давно встречались с Александрой?

— Ещё до странствий, — ответил, не задумываясь Бруцкий.

— Не знаете, как можно её найти?

— Привычки брать номера телефонов или адресов у меня нет. Бог приводит и уводит сам от меня людей. Захочет — сама объявится.

— Спасибо, Константин Иванович, — поблагодарил я целителя.

— Воду не забудь. Пей три раза в день, а остатками ноги и руки протирай. Порча и уйдёт, — сказал он заботливо на прощание.

Я пришёл домой уставшим и разбитым. История о Дедушке и Страннике никак не выходила у меня из головы. Я поставил бутылку с заговорённой водой на стол и долго изучающе смотрел на неё. Потом улыбнулся в пустоту, налил стакан воды и выпил. На душе стало немного легче, словно прощения попросил у Дедушки и Александры за то, что со злости написал разгромную статью. Я разделся, лёг спать и увидел странный сон.

Будто я ребёнок. Иду рядом с маленькой Александрой по незнакомому мне городу. Людей рядом никаких нет. Мы одни. Широкая дорога под нашими ногами уложена крупными булыжниками. Мы о чём-то разговариваем и громко смеёмся. Огромное Солнце медленно выплывает из-за холма, освещая дорогу. Александра показывает рукой мне на горизонт, резко дёргает меня и громко кричит в ухо:

— Мальчик, проснись!

Я резко открываю глаза. Трогаю себя по щекам. Они мокрые от слёз. Зачем ты разбудила меня, Александра?

Николай Тимченко

Загадочное давным-давно¹

Бурная встреча

И снова продолжительный нелёгкий переход по каменистому берегу притока. Нередко на пути вставали валуны. Макушки таких же огромных глыб торчали из воды, а она, набрасываясь на препятствия, с шумом и пеной стекала с боков каменных великанов. Для путников не имело значения, порог это или шивера. Они даже не предполагали о существовании этих понятий применительно к реке. Хотелось единственного — чтобы этот неудобный для ходьбы участок закончился поскорее. Было бы намного удобнее не протискиваться между глыбами, не перелезать через них, встающих на пути вплотную друг к другу. Порог сменялся участком с устилающими дно и берега окатышами. Но в этом случае к самой воде подступал кустарник. И всё чередовалось на пути.

Перед заходом солнца и ужином подошли к такому участку, где к воде подступила скала. Никаких тропинок вблизи не оказалось. Жилой пещеры не могло быть ещё и потому, что, по словам пливс, ближайшее жильё они смогут увидеть завтра или ещё на день позже. Пройти скалу у воды не получалось из-за глубины под отвесной каменной громадой. Решили ночевать здесь, а время использовать для того, чтобы тренироваться в плавании.

Сонх сохранила свой мох сухим. В этот раз все купались раздетыми. Решение проблемы плавания пришло к Булуту. Он, чтобы не погрузиться в воду раньше набора воздуха, обеими руками с силой опёрся на слой воды. Потом мальчишка нырнул, а когда вынырнул, с радостью сообщил об удачно набранном воздухе, о том, что набран он был не вставая. Все так увлеклись тренировками, что сооружали лабаз и рыбачили в сгущающихся сумерках, а ужинали — при свете костра, полной луны и в мерцающем сиянии звёзд. Зато были очень довольны полученными умениями, дающими надежду на воссоединение с себе подобными из другого племени.

Чередуя продвижение с тренировками, добычей пищи, едой и ночёвками, группа подошла к стоянке людей снипс. Увидеть пещеру удалось, только поравнявшись с ней. Когда путники были чуть ниже по течению, вход прикрывал выступ

скалы. Как потом выяснилось, вход не был замечен и на другом берегу, если путник стоял под скалой у самой воды. Там неширокий скальный выступ, служащий площадкой у выхода, нависая, прикрывал часть скалы с жилищем. Место необычайно неудобное для обнаружения завоевателями и бездомным племенем, ищущим для себя жильё.

Пока путешественники оценивали преимущества этого жилища, их заметили женщины, идущие по противоположному берегу. Неширокая река позволяла рассмотреть даже незначительные подробности. Взрослые поняли, что на противоположном берегу стоят дети другого, но родственного им племени. Они уже собрались помочь переправиться, когда пришельцы поступили безрассудно. Так показалось взрослым. Ребятя, один за другим, бросились в воду.

Местные сбегали за приставленными к стволам сколам деревьев, образовавшимся во время гроз. Женщины торопились спасти детей, потерявших здравый смысл. Но каково же было удивление, когда, вернувшись с плавсредствами, «спасатели» обнаружили детей на середине реки. Не сразу к хозевам пещеры пришла уверенность, что помощь, тем более спасение, не потребуется.

Несколькими мгновениями раньше жители пещеры не могли вообразить подобного. Глубокая вода для них всегда была смертельно опасна. Поэтому-то и хранили люди древесные сколы, чтобы, распластавшись на одном из них, можно было преодолевать водное препятствие. А путешественники, не поняв назначения плоских деревянных предметов, терялись в догадках о причине суеты взрослых и прибежавшей из жилища малышни.

Быстрое течение сносило плывущих, а толпа волнующихся встречающих шла и шла по берегу, будто стремилась притягивать пловцов своей близостью. Трудность преодоления реки заключалась в том, что одна рука была занята копьём, а на поясе тянул ко дну топорик — тренировались в плавании без оружия. Уставшие, но счастливые дети выходили из воды, где глубина им по пояс. Все встречающие, не дожидаясь выхода гостей на берег, бросились обнимать подростков, переплывших реку. Они не могли знать, что их собратья в ту пору, люди снипс, где-то далеко-далеко умели

.....
1 Окончание. Начало в «ДиН» № 4/2024.

преодолевать огромные проливы и заселяли острова, затерянные в океанских просторах.

Эти пещерники пользовались древесными сколами, чтобы переплыть на другой берег их реки, не зная плотов, способных держаться на плаву и держать курс среди океанских волн и течений. Мальчишки и девочка, оказавшиеся здесь, и вовсе не имели представления даже о таких плавсредствах, какие увидели только что. В окрестностях их пещеры были только ручьи с разливами в долинах. Ручьи можно было перебрести, а разливы — обойти.

Когда эйфория от встречи прошла, дети осматривали приспособления для ловли рыбы, с которыми пришли женщины. На согнутый в форме яйца прут, стянутый ивовой корой, привязана хитроумная, слегка провисающая сетка из конского волоса. Похожую конструкцию при встрече опускали в воду люди пливс. Гости узнали от местных мальчишек, что это суот. Женщины тоже несли корзины с трепещущей рыбой. Не задерживаясь, они отнесли улов в вырытую в гравийном берегу яму, отделённую от течения высокой стенкой из речных окатышей, извлечённых при копке искусственного водоёма.

Там уже теснилось множество рыбин. Гостям стоянки стало ясно, что, несмотря на тесноту, рыба в отделённой от струи лужице может долго оставаться живой. Можно было спросить, почему её не съедают сразу, но не хотелось показаться несмышлёнышами. Сонх предположила, что ответ будет очень простым. Решили присмотреться к быту этих людей снис без лишних вопросов.

Рядом с тропинкой, ведущей к входу в жилище, ждали своего применения ещё три замысловатых плетения из конского волоса. Сначала показалось, что просто волос из гривы и хвоста одной лошади не хватило. Но тут же Зоуло отметил закономерность: края плетения были тёмными, а середина — светлая. Он размышлял: «У ласх, что на нашем языке означает „лошадь“, хвосты и гривы в плетениях были разных мастей — от гнедых, каурых и чалых до соловых, серых и горностаевых».

Каждый из этих предметов почти точно повторял два других. Плетения высотой в рост средней женщины начинались и оканчивались палками. Нижний и верхний края плетений, длиной в три-четыре роста мужчины, крепились, каждый к своему волосяному шпагату. На нижний шпагат прикреплены небольшие камни-грузила. Наш современник без труда назвал бы такое приспособление бреднем. Но и не зная названия, путешественники поняли, что все хитроумные конструкции предназначены для ловли рыбы. Оказалось, что и эти снасти называются суот.

В сопровождении говорливых сверстников гости вошли в пещеру. Она оказалась менее просторная, чем их собственное жилище. Не оказалось

и продолжения, которое вело бы куда-то. В племенном костре тлели полусырые валежины — до готовки пищи было ещё далеко, а жечь дрова без дела люди не привыкли. Всё так, как и у них на постоянной стоянке. Но, в отличие от старика Колса, здесь оказался древний дедушка Кайк.

— Почему дедушка зовётся птицей? — спросила Сонх.

Местная детвора привыкла к этому имени и не интересовалась его происхождением. Кто-то предложил узнать об этом у бабушки Бул. Имя бабушки тоже показалось необычным, но выяснять его происхождение не стали. Луна так луна, было общее мнение гостей о необычном имени.

Приученные к тому, чтобы уважать старших, гости, толпясь, подошли к деду. Он почувствовал их нерешительность и заговорил первым:

— Вы из другого племени, не наши. Но и не пливс. Нюха я ещё не лишился. А вот вижу я не вас, а ваши силуэты на свету. И слышу едва-едва, когда кричат мне в ухо. Эх, старость моя, — с горечью прошамкал дед беззубым ртом.

Бабушка Бул оказалась словоохотливой. От неё узнали, что Кайк получил своё имя зим в семь или даже в шесть. Он забирался по почти отвесным скалам туда, куда не могли залезть ни взрослые, ни другие мальчишки.

— Даже козлам и баранам были недоступны места, где птицы откладывают яйца для высиживания. Однажды, собирая яйца, он сорвался с высоты, которая больше любого дерева. Всем на удивление, он отделался ссадинами и ушибами. Ни одного перелома! Тогда и получил имя «летающий», или «птица». Сейчас дедушке столько зим, сколько пальцев на его и моих руках и ногах с двумя кого-то из вас. Из-за боли в суставах он еле передвигается. И на рыбалке от него нет пользы. Но и лысый, беззубый, еле слышащий и чуть видящий, дед и сейчас дорог всем потому, что даёт дельные советы. В летних переходах за кочующими стадами он уже не участвует. Со мной и ещё парой старух живёт здесь и зимой, и летом. Рыбы, съедобных корней и почек, а позже ещё и ягод, которые мы собираем без него, нам хватает. Лето он переживёт, но зимой займёт своё место в мире тьмы, — сообщила Бул.

Выяснять происхождение имени рассказчицы не стали — было ясно, лишь взглянув на эту пожилую женщину. Несмотря на старость, её морщинистое лицо оставалось светлым. Оказалось, что она моложе Кайка на семь зим.

— У бабушки лицо как у людей пливс, которые встретились недавно, — подметила Сонх.

— Бул — это и «луна», и «светлоликая». Имя мне дал вождь в первый же день моей жизни. О людях пливс ты верно подметила. Моя бабушка была одной из женщин тех племён. Люди снис и пливс нередко встречались, охотясь во время

миграции стад. Там моей бабушке приглянулся высокий стройный парень из этого племени, а она ему. Осенью, когда возвращались по домам, бабуля оказалась в этой пещере. Дети у неё рождались тёмненькие и стройные, как истинные снипс. Такой была и мама, а вот я уродилась цветом кожи в бабулю, — поделилась родословной Бул.

Зоуло знал, что его бабушка тоже была из пливс, но её дети и внуки не отличаются от снипс. Интересными показались глаза бабушки Бул. Похожие на чёрную смородину, они горели жизнью, выделяясь на фоне светлого лица. Сверстники путешественников не отставали от гостей ни на шаг, а женщины сразу после рыбалки принялись за просушку шкур, чтобы в предстоящей кочевой жизни их было легче переносить. Но всё это было позже. А сразу после знакомства с жилищем собратьев и старейшими представителями племени Зоуло сказал:

— До ужина ещё далеко. Но не будем ждать его здесь. Можно было взять суот и наловить саот, но и наш трофей запустят в яму. Надо идти добывать мясо. Тогда-то точно мы не останемся голодными и не станем обузой для хозяев пещеры.

Только перед заходом солнца с добычей вышли на берег. Чтобы сориентироваться, куда идти, Булут, Тавк и Зоуло забрели в воду. Обзор оказался не столь широким, как с противоположного берега, но, оглянувшись, все трое признали местность, которую видели на подходе к пещере. Оставалось пройти самую малость — два поворота извивающегося водного потока. Взрослые, для того чтобы сократить время, помогли подросткам разделить козла, которого юным добытчикам с лихвой хватило бы и на ужин, и на завтрак. Но их трофей ушёл на ужин для всех жителей пещеры вместе с бараном, добытым охотниками племени. Взрослые добыли ещё барана и ярочку, которых оставили на завтрак.

Никто не удивился охотничьей удаче гостей. Чему восхищаться, если ребятя умела прокормить себя во время многодневного перехода? Удивлялись сами юные охотники. В горах они впервые увидели стадо животных, напоминающих небольших лошадей. Во все времена года в их местности такие животные не водились. Невиданные травоядные, кроме роста, отличались от лошадей большими ушами. На стоянке узнали от взрослых, что для этих копытных ещё не придумано название. Люди называли их просто — «иах», означающее «кричащие „иа“». Они появились здесь несколько лет назад. Но все отмечали, что мясо этого низкорослого подобия лошади не менее вкусное, чем и его большого собрата.

То, что в те далёкие времена в горах Алтая водились ослы, подсказывает, что климат той древней Сибири был мягче современного. При том климате на Алтае вызревали дикие яблоки, отсюда и сравнение Тавком солнца со спелым

яблоком на ладони. Однако более удивительно то, что около речных заливов тогда водились питоны, самых северных сородичей которых нынешний климат не пускает севернее границ Индии.

Что делают с рыбой из вырытого водоёма, стало понятно на следующий день после появления путешественников на стоянке. Тогда они вернулись с охоты с глухарём и зайцем. И у старожилов пещеры охота не заладилась — пришли с единственным козлом.

Отужинали все мясом козла и выловленной про запас рыбой. Утром к мясу мальчишеских трофеев пришлось кстати добавка из рыбы. Никто из гостей пещеры не припоминал, чтобы их соплеменники делали припасы на случай неудачной охоты. Не надеясь на трофеи охотников, их женщины уходили собирать съедобную растительную пищу. Но всё это делалось для насыщения в день сегодняшний, а не грядущий.

Друзья удивились, когда Зоуло попросил бабушку Бул научить его изготовлению суот.

— Зачем тебе это? — спросил Туно.

— Пора и нам учиться думать о будущем. Жизнь кончится не сегодня и не завтра. Умения могут пригодиться. Вот только где взять конский волос? У длинноухих карликов, которых мы видели в горах, и гривы короткие, и на хвостах пучки коротких волос, — задумчиво сокрушался Зоуло.

— Чтобы научиться вязать, не обязательно искать длинные волосы. Принесите длинную таёжную траву, слуф. Когда она завянет, станет не такой ломкой, можно и из неё связать суот для рыбалки. Только пришлось бы хранить его в воде. После высыхания трава стала бы ломкой, — предложила выход из положения бабушка Бул.

Работать приходилось вдвоём: один придерживал и вязал продольные стебли, а второй — поперечные. Ячейка за ячейкой, не спеша, в свободное от охоты время дети связали сетку на кольце с палкой — получился сачок. Мальчишки даже попробовали рыбачить и выловили несколько рыб. Выяснили, что вязать бредень так же непросто, как и сачок. Но и там технология оказалась очень похожей — кропотливой и утомительной. Долго не получался узел, хотя Бул с усмешкой говорила, что это самое лёгкое в плетении суот. Радовало то, что они получили умение, которое когда-нибудь непременно пригодится.

Сами они не пробовали, но внимательно наблюдали за тем, как два мастера высверливали отверстие в заготовке каменного топора. Отщепом прочного камня сверлили более мягкий камень. Иногда они подсыпали песок, освободив заготовку от прежнего, превратившегося в мелкий порошок. Только тогда, увидев мастеров за работой, заметили, что у вождя племени топориче вставлено в отверстие утолщение в камне. У остальных охотников топоры почти не отличались от тех, которыми

орудовали жители их родной пещеры — каменное лезвие крепко зажималось в щель деревянной палки. Такой топор мог углубиться до топорща, а изготавливаемым можно было бы нанести зверю более глубокую рану. Хватило бы только силушки.

— За все дни наблюдений, а их на два больше, чем пальцев на руке, углубление от сверления если и увеличилось, то совсем незаметно, — сочувственно произнёс Тавк, когда дети покинули стоянку.

— И скалывать края затупившегося камня-сверла им придётся ещё много раз, пока отверстие будет готово, — с заботой о трудах произнёс Туно.

Дети пробывли у собратьев недолго. Луна из полной превратилась в половинку круга. Все эти дни, когда позволяла погода, женщины просушивали шкуры. За всё время пребывания жилище дважды посетил необычный житель — представитель племени пливс. Говорили, что он прибил к снипс, прожил с ними зиму и продолжает жить этим летом. Сказал тогда, что не хочет жить с трусливыми соплеменниками пливс, которые ушли от всех людей и живут одни далеко за горами и реками. Пояснили, что Кочей неразговорчив, к нему не пристают с расспросами. Зимой этот пливс охотится со всеми, а летом, до и после кочевий, добывает мясо в одиночку. Но всегда приносит трофеи и делится ими со всем племенем.

Необычность Кочей удивляла не только жителей пещеры, но и путешественников. Его-то они и обсуждали, удаляясь в неизведанное. Не проронил ни слова только Вынх. Этому никто не удивлялся, ведь его имя в переводе на наш язык означает «молчун». Над ним друзья подшучивали: «Нашёл — молчит, и потерял — молчит». Но и тогда мальчишка лишь потирал кулаком нос, не проронив ни слова. Он увязался в поход с новыми друзьями, а не с уходящим кочевать племенем. Ему нравилась эта компания сверстников, и он безропотно выполнял неписанные правила коллектива.

Прощание с соплеменниками, уходящими на летние кочевые стоянки, прошло без трогательных сцен. Взрослые успели убедиться, что с этими друзьями, не по возрасту предусмотрительными, их Вынх не пропадёт, а только станет более самостоятельным. Лишь некоторые мин и мон напоследок прижались к мальчишке, более старшему, чем они сами.

Племя уходило туда, откуда пришли путешественники. И в самом начале пути им предстояло переплыть реку. Древесных сколов для всех взрослых не хватало. На них легли самые сильные. Течение било слева, а правее, держась за спасительную древесину и подгребая свободной рукой, плыли подростки или дети, имеющие имена. Мин и мон по одному восседали на взрослых, распластавшихся на сколах и усиленно загребавших воду. Переправив соплеменников, гребцы, как только

что малышей, перевезли на себе утварь и шкуры, плотно скрученные в тюки.

Лишь у Молчуна и Травницы не было топориков. Но копьё, под стать тем, с какими шли остальные, имел и новый участник компании путешественников. Отчасти Вынху в изготовлении копья помог взрослый молчун. Так повелось и в этой пещере, и в родной мальчишкам, что при совпадении имён взрослый опекал ребёнка, словно это его родное дитя.

К тому же не все дети пещерников знали своих отцов. Только в тех молодых парах, которые оставались вместе достаточно долго, мать знала отца своего ребёнка. Не было редкостью, что мужчина вскоре прельщался другой женщиной или девушкой, а оставленная им особа находила другого мужчину для жизни. Попробуй выясни отцовство, когда люди не могли вести счёт дням вынашивания будущего ребёнка, не предполагали даже о начале развития будущего плода любви. Люди не исключали, что в каждом подрастающем малыше возрождались характер и привычки отца — молчун мог родиться от молчуна.

Мечта, зовущая всё дальше

Ещё на стоянке юные путешественники выяснили у местных, что в двух днях пути к восходу солнца есть река, которая даже чуть шире, чем протекающая под их пещерой. За ней — другая, до которой идти ещё столько дней, сколько пальцев на одной руке. Об этом люди снипс знали из рассказа Кочей. Там, на другом берегу стремительного потока второй реки, начинались владения людей пливс. Необщительные, они никогда не появлялись на этом берегу даже зимой, когда реку можно пересечь по льду. Где стоянка тех пливс, никто из местных не знал. Всех — и снипс, и пливс — устраивало, что охотничьи владения разделены рекой, недоступны для соседей.

К реке вышли на третий день. Дойдя до неё, сообразили, что Вынх не умеет плавать. Соорудив лабаз, чтобы обезопасить себя во время сна, приступили к обучению друга. Только на третий день ученику удалось набирать воздух, не вставая на дно. Ещё три дня ушло на тренировки для продолжительного заплыва, достаточного для преодоления широкого препятствия.

Преодолев водную преграду, пошли к следующей реке. Поняли, что Кочей шагал быстрее них. За время этого перехода луна из узкого серпика превратилась почти в круглую. Получалось, что им пришлось идти на два дня дольше, чем шагал коротконогий пливс. «Кочей» — это «сохатый», отсюда и скорость перехода, и сравнение:

— Не зря он носит это имя, если шёл, уподобившись лесному кочю, — рассуждали путники.

За время этого перехода каких-то особенных событий не произошло. Горные перевалы

со скалистыми вершинами и покрывающими склоны лугами сменялись глубокими лесистыми долинами. С чистого неба на мир смотрело беззаботное солнце, безразличное ко всему, что ютится и движется под ним. Хищные птицы зорко высматривали добычу на корм для прожорливых и быстро подрастающих птенцов. Суслики, полёвки и прочая живность, промышляющая корм для себя и своего потомства, невидимая для прохожих, копошилась среди буйных трав, скрываясь от зорких и молниеносных пернатых охотников.

Но один эпизод оказался запоминающимся. Тогда дети, идущие от небольшой речки к перевалу, поднялись на верх выпуклого склона, разделяющего две широкие долины. Окинули взглядом представшие взорам окрестности.

— Смотрите, смотрите, там, в низу лощины, почти у кромки леса, пасутся иах! — приглушённым голосом воскликнула Сонх. — Вместе с большими ходят и совсем маленькие. Наверное, малыши ростом чуть выше взрослого козла, — тут же сообщила она.

Можно было подойти и полюбоваться ослятами, но для этого надо было спуститься, а потом снова совершать подъём. Никуда не торопясь, присели отдохнуть и понаблюдать за повадками животных, почти экзотических в этих местах. Вдруг стадо встрепенулось и понеслось вдоль кромки леса к холму с отдыхающими. Один ослёнок отстал от стада. Недоумевать о причине внезапного побега долго не пришлось. Рядом с малышом как из-под земли появилась пара волков. Раньше их не заметили потому, что всё внимание было приковано к пасущимся рядышком ослатам. Ребятя ватагой пустилась вниз по склону, забыв о нежелании вновь идти на подъём.

Тогда же один из клыкастых хищников сбил с ног отставшего ослика и прекратил погоню. Малыш даже не успел издать крик испуга — хищник разрывал ещё не окрепшую шкуру, чтобы поскорее добраться до нежного мяса. Второй волк погнался за стадом. Последней бежала ослица. Несмотря на отставание от стада, она сохраняла тот темп бега, который мог выдержать её малыши, бегущий перед её передними ногами. Со стороны казалось, что она даже чуточку подталкивает малыша своей грудью.

Волк настиг ослицу, но не стал нападать, наверное, пытаясь выхватить ослёнка или вцепиться в горло ослицы. Он уже поравнялся с крупом взрослого животного, когда, подбросив зад, убегающая мать чуть повернула тело и так лягнула хищника, что тот отлетел на несколько шагов в сторону. Стало видно, что он катается в траве, не продолжает погоню. Мать детёныша издала призывное «иа», и стадо замедлило бег.

Всем бегущим путешественникам хотелось, если это возможно, успеть помочь тому ослёнку, с которым остался первый хищник. Подбежав,

встретили сопротивление. Волк показал подбежавшим злобный оскал. Ослик, с разорванным горлом лежащий перед грозным животным, уже не дышал. Когда Булут поднял копыё, чтобы поразить им агрессивного зверя, тот совершил прыжок к угрожающему.

Мальчишки, стоящие по обе стороны от Булута, успели только выставить свои копыя, преградив путь нападающему. Замах оказался не бесполезным — копыё Булута вонзилось в грудь животного. Зверь метнулся в сторону, но там оказался Туно. Взмах. Топорик бесшабашного рассёк череп, разрубив ухо. По инерции оружие отвело в сторону разверзнутую пасть, несущуюся к мальчишеской груди. Подоспевшие копыя Зоуло и Вынха прижали зверя к земле.

Оказалось, что это волчица. Сонх отметила, что она недавно прекратила кормление волчат своим молоком. Отметила, что волк сможет один прокормить своё потомство. Перешли к месту, где ослица лягнула нападавшего на неё клыкастого. Хищник был мёртв. Из разбитого копытом переносы стекала кровь. Вторым копытом травоядное животное сломало хищнику три ребра. Наверное, катающийся и корчащийся от боли волк осколком ребра проколол себе сердце. Это подтвердилось, когда из любопытства труп вскрыли. Волков братья не стали — для насыщения, и не на один раз, было достаточно ослёнка.

Сонх поведала о причине появившейся грусти: — Волчата остались без кормильцев. Там мать, а здесь отец. Сдохнут они от голода.

— Нашла о чём грустить. Часть выживет. Голод заставит научиться промышлять. Кто-то сам станет пищей хищных зверей или птиц, а некоторым светит выжить и стать взрослыми, — уверенно сказал Саво.

Его поддержал Туно:

— Чем меньше хищников, тем больше травоядных. Не стоит жалеть волчат, даже если они все сдохнут.

Продвигаясь к седловине перевала, Сонх выразила своё восхищение ослицей:

— Вот это мать так мать. Себя не дала в обиду и детёныша спасла! Не то что та, которая бросила малыша, спасая собственную шкуру.

— Можно долго гадать о причинах поведения тех матерей. Скорее всего, мать, бросившая детёныша, сама ещё молода, а спасающая — более опытная, — вслух предположил Зоуло. — А вот волки ещё не приучены держаться подальше от копыт этих маленьких лошадок. Эта привычка вырабатывается многими поколениями, а иах появились здесь недавно. Зато сами иах знают если не волков, то шакалов или гиен, умеют постоять за себя, даже убегая от клыкастых.

Преодолев подъём и пройдя седловину, поняли, что в широкой долине должна быть река. И верно.

Наконец-то река в виде отдельных водоёмов стала видна на дне поросшей лесом долины. Охотой и рыбалкой занимались в перерывах между тренировок по плаванию. Эта река оказалась самой широкой из всех встречавшихся ранее. Тренировались на выносливость все. Определились, что продолжают поход завтра утром. Пламя костра ласкало куски глухариного мяса, а вялый ветрок разносил аромат будущего кушанья вдоль реки. Наверное, этот аромат уловили охотники, оказавшиеся ниже по течению. Ещё не догадываясь о причине появления огня, охотники были уверены, что выше по течению реки есть люди, а у них имеется костёр, там готовят мясо. Было понятно, что погода не располагала к возникновению стихийного пожара.

Пливс приблизились, соблюдая предосторожности, чтобы оставаться незамеченными. Увидев людей на другом берегу, успокоились, пошли не скрываясь. Полная уверенность, что неизвестные не представляют опасности, пришла тогда, когда в прищельцах увидели детей из племени снипс. До сей поры и взрослые снипс не были опасны. Они и зимой не переходили через реку, условную границу охотничьих угодий.

Увидели охотников и дети. Они замахали руками, запрыгали, закричали приветствия, выражая неподдельную радость от встречи с людьми. Хотя путешественники не дошли до жилища пливс, не познакомились со всеми его обитателями, но встреча дала надежду на скорое воплощение мечты об изучении быта людей пливс. Шум речного переката заглушал голоса детей, кричащих одновременно каждый своё.

При той же ширине реки, но при спокойном течении проблем с общением могло не возникнуть. В голосе Тавка уже прорезались басовитые нотки, и неандертальцам удалось разобрать только его слова:

— Люди пливс, мы рады видеть вас!

Взрослые не прыгали, но было видно, что встреча приятна и им. Они пообещали, что завтра снова придут сюда. После этих слов они гурьбой направились туда, откуда пришли.

— Уже вечер. Наверное, их жильё где-то недалеко, — предположила Сонх.

Никто не поддержал её догадку. Зоуло молча отметил, что число уходящих охотников равно пальцам одной руки с двумя пальцами на другой. Не ускользнуло от его внимания и то, что последний из них уходил прихрамывая.

— Не стали ждать нас, а то можно было уйти с ними уже сегодня, до наступления нового дня, — посетовал Саво.

— Чего теперь жалеть? Тем более что переправу мы сами наметили на завтра, — произнёс Туно тоже с нотками сожаления.

Сооружать лабаз не стали, надеясь провести ночь у огня. Насобирав валежника, чтобы его

хватило до утра, решили наловить рыбы на завтрак. Все помнили, какими косяками шла рыба во время предыдущей рыбалки. Но, к всеобщему удивлению, ни стаек, ни одиночных крупных рыб в поле зрения не попадало. Мелочь, чуть больше и толще мальчишеского указательного пальца, безбоязненно щекотала ноги. Именно такая мелюзга водилась в ручье около их пещеры. Заметили и серёньких рыбок покрупнее, с раствор указательного и большого пальцев.

Наш современник узнал бы в рыбёшках гольянов и пескарей, а для всех снипс и пливс это были просто саот. Рыбёшки подплывали и к опущенным в воду рукам, но мгновенно ускользали в разные стороны, когда кто-нибудь пытался схватить хоть одну из малявок.

— Такую мелюзгу и в суот не поймает, — произнёс Зоуло с нотками сожаления в голосе. — Надо придумать что-то другое.

Вынх подозвал Туно. Снятую молчуном душегрейку они опустили на каменистое дно. Вскоре, осмелев, рыбёшки заплывали над орудием лова, находя там что-то съедобное для себя. Изловчившись, мальчишки подняли душегрейку с тремя гольянами. Это подстегнуло на рыбную ловлю новым способом не только Зоуло и Саво, но и Тавка с Сонх. Булут, оставшийся без напарника, бродил невдалеке, подгоняя стайки рыбёшек к месту ловли. Вскоре, кроме гольянов, стали попадаться и пескари, более крупные, но не менее доверчивые рыбёшки.

Ночью разразился дождь. Мокрые душегрейки не грели. Сухими они остались у Туно, Зоуло, Булута и Сонх. Девочка, как и мальчишки, укрывала напарника по рыбалке, прижалась к нему. Она ощутила прилив неведомых ранее и пока необъяснимых чувств. Сонх не сомневалась, что непонятные ощущения вызваны близостью друга, но не поделилась догадкой даже с Тавком, который, согревшись, преспокойно спал.

Утром подкрепились. Семи растущим организмам улова едва хватило, чтобы избавиться от острого ощущения голода. Желудки требовали чего-нибудь ещё. Дождь прекратился во время перекуса. Противоположный берег, где вчера были люди пливс, притягивал надеждой на скорую встречу с ними в их жилище.

Вчера всем показалось, что Вынх переплывёт реку без проблем. На деле оказалось иначе. Мешало плыть копьё. Работая одной рукой, он стал отставать. Течение бескомпромиссно несло всех вдоль переката. Тавк и Зоуло поплыли рядом с отстающим, сменяя друг друга в оказании помощи новичку на воде. Так они доплыли до прибрежной мели, где можно было встать.

Последовав примеру тех, кто доплыл до берега раньше, мальчишки разделись и развешали одежду для просушки. Солнце припекало, словно умытое

хорошим ранним утренним дождём. Зоуло переживал о том, что промокший при переправе мох будет долго сохнуть. «И в лесу после продолжительного дождя сухого мха не найти», — с досадой подумал он.

Разложив растопку тонким слоем на галечнике, Зоуло предложил погреться, а потом подкрепиться лепестками цветущей черёмухи. Не идти же на охоту голодными и голыми или в мокрой одежде. На добычу рыбы надежд ни у кого не возникло. Туно, Саво и Сонх стояли на галечнике, подставив солнцу спины, нежились в ласковых лучах. Булут лежал на прогревом солнцем галечнике.

Тавк непроизвольно задержал взгляд на единственной среди них девчонке. На её груди выделялись выпуклости. Это были не просто бугорки, как у него самого, а более заметные, девичьи. И бёдра подружки становились другими, округлыми, подчёркивающими девичью талию. Другие места, отличающие девочку от мальчишек, Тавк видел и раньше, не удостоил их внимания.

Девочка, купающаяся в ласковых лучах, увидев остановившийся на ней взгляд, засмушалась. В следующую мгновение она отвернулась, встала к солнцу лицом. Не давали покоя мысли: «Наверное, он спал не очень крепко и чувствовал, как я прижималась к нему. А вдруг он считает, что я возмнила себя взрослой? Исправить бы нелепую ситуацию. Но как? Что ещё он теперь может подумать обо мне?»

Тавк, как и другие мальчишки, подставил солнечным лучам спину. Он размышлял об увиденном: «Взрослеет девочка. И она приятна мне уже сейчас. Скоро её привлекательность заметят другие, более взрослые. Я старше её на две зимы. Но успею ли стать взрослым ко времени её повзреления? Не получится ли так, что она понравится другому, а он понравится ей? Будет жаль, но изменить что-то станет уже невозможно. Хотя — чего гадать? Время покажет. Да и не безнадежно всё. К моменту моей взрослости „поспеют“ те девочки, на которых сейчас никто не смотрит всерьёз — потому что пока у них не на что обращать внимание. Нет, будет очень жаль, если Сонх достанется другому. Такая знающая и уважаемая соплеменниками, она будет желанна для многих».

Все, забыв о желании подкрепиться, наслаждались теплом. После холодной дождливой ночи и переправы в студёной воде горной реки тепло было особенно приятно.

Случайно ли это, но около черёмухового куста Тавк и Сонх оказались рядом. Сонх и сама могла залезть по стволу и нагнуть для себя ветку, но друг пригнул для неё самые цветущие. Догадываясь, что это ухаживания, девочка молча принимала их. Другие мальчишки ещё не доросли до симпатий к девочкам, не замечали меняющихся отношений между давними и неразлучными друзьями.

Охота долго оставалась безрезультатной, а желудки требовали более существенной пищи, чем лепестки. Очередной заяц заметил их и стремглав помчался прочь раньше, чем юные охотники обнаружили его. В поисках добычи незаметно забрели в дремучий лес. И не зря. Глухарь, перелетая с деревца на деревце, питался хвоей молоденьких низкорослых лиственниц. Подобравшись, чтобы не спугнуть, застали птицу врасплох. От брошенных почти одновременно копий было ни улететь, ни вернуться. Вернувшись на берег, развели костёр и отобедали.

Решили не ждать вчерашних знакомых, а попытаться разыскать их. Надежд воспользоваться обонянием не было — дождь смыл все запахи с кустов, камней и почвы. Единственным, подающим надежды на успех, было направление, куда ушли люди. Вскоре пришли к небольшой речке, впадающей в ту, по которой шли.

Продолжили поиски, идя против течения притока. Скалы, подступающие к берегам сразу от устья, могли иметь пещеру, обжитую людьми плывс. Не ошиблись. Она оказалась на другом берегу речки недалеко от устья. Перебрести её можно было там же, по перекагу. Чтобы не оказаться в роли объедателей, надо было добыть себе кого-нибудь хотя бы на ужин. Пройдя немного вверх по течению, углубились в междуречье. Глухаря и зайца могло хватить на ужин и на завтрак. На обратном пути к трофеям охоты добавилась капалуха — самка глухаря.

Побег

Пещерные жители встретили путешественников радостно. Вчера охотники рассказали о детях снипс на другом берегу большой реки. Бабушка Хлут, присматривающая за детьми, оказалась единственной из взрослых. Мужчины и молодые сильные женщины ещё не возвратились с охоты, а другие жители пещеры были заняты сбором съедобных корней где-то вдоль побережий обеих рек.

Сверстники наших путешественников помогали матерям в сборе сырья для готовки пищи и приправ к ней. Малыши, как и в их родном жилище, играли в подвижные игры, иногда переходящие в стычки между играющими. Бабушка разнимала публику, возбуждённую какой-то очередной несправедливостью. Гости осмотрелись.

Пещера была достаточно просторной, но не имела продолжений, как в их родном доме. На закопчённых стенах виднелись рисунки, изображающие промысловых животных. Здесь нашлось изображение и маленького ушастого подобия лошади, и полосатого красавца, родственного тигру, загнавшему их самих на деревья, напавшему на их защитника и ставшему потом жертвой своей самонадеянности. Был здесь рисунок и самого уважаемого людьми снипс зверя — матёрого рыра. Везде из тел зверей

торчали копья для метания, а нападали охотники с копьями для ближнего боя или с топорами.

Охотники пришли первыми. Как и вчера, их было семеро. Вождя называли Куро. Мальчишкой он звался Куво — «организатор». Хромого, в соответствии с недугом, звали Чуф. Леко и в детстве был толстячком, и теперь оставался упитаннее других, продолжал оправдывать своё имя. Лишь Хлут, в детстве и молодости игривая, теперь не оправдывала своё имя. А было время, когда она подшучивала то над одним, то над другим соплеменником. Из-за её шуточек приходилось то искать припрятанное ею, то оправдываться за что-нибудь, так как люди были уверены, что нелепость допущена именно тем, над кем подшутила игривая Хлут.

Вечерами бабушка рассказывала о проблемах поселения племени здесь, в этой глухомани, отдалённой от жилищ других людей — не только чужих, но и родственных племён:

— Всё началось осенью. Как и другие племена, в начале лета мы уходили кочевать за мигрирующими стадами. Осенью, возвратившись, обнаружили, что наша пещера занята людьми черс. Пытаться отвоевать жилище не представлялось возможным — в племени черс воинов было вдвое больше. Эти люди надолго не задерживались на одном месте. Они уже тогда постоянно продвигались дальше и дальше к восходу солнца. Что им там было надо, наверное, они сами не представляли. Просто они, в отличие от нас и вас, снипс, какие-то непоседливые.

— Значит, вы жили где-то там, где и мы? Между нами и этой пещерой стада не мигрируют и вряд ли мигрировали, — поинтересовался Булут.

— Да. Если смотреть отсюда, мы жили даже дальше, чем вы. Потому и пострадали за восемь зим до этой поры. До того люди, бежавшие от грязных злодеев, оповестили нас, что те не просто опасны. Они охотятся на непохожих на них людей, как мы на зверей. Мы не съедем побеждённого противника, а они охотятся для съедения, предпочитая мясо людей звериному мясу.

— Какая жуть! — вырвалось у Сонх.

— Увидев нас, черс устроили погоню. Наша беда была в том, что их маленькие подобия копий, тоже с каменными наконечниками, летели в три или более раз дальше, чем наши копья для метания. Они не бросали свои убийственные орудия, а отправляли их с помощью какого-то приспособления. Расстреливали нас, не приближаясь на расстояние броска копья.

Другие люди пливс уже poznали на себе действие этих снарядов. Однако как выглядело орудие стрельбы, они могли бы узнать, лишь пленив воина из племени черс. О пленении же не могло быть речи — черс были более успешны в поединках с другими людьми.

«Не исключено, что именно лук и стрелы, более прогрессивное оружие, позволили кроманьонцам завоевать „место под солнцем“ на всей планете», — считают некоторые из наших современников.

— Убегать от преследователей с мин и мон на руках и со шкурами за плечами было тяжело. Черс, не обременённые ношами, истребили бы нас всех или оставили бы в живых только детей и женщин. А может быть, и не оставили бы. На наше счастье, мы добежали до леса. Пожилые соплеменники решили задержать черс, спрятавшись за деревьями. Они прихватили у отступающих несколько копий для метания. Убегая, мы видели, что черс стали осторожно перебегать от дерева к дереву. Подпустив на расстояние броска, наши сумели поразить или ранить нескольких охотников на людей.

— Как здорово придумали ваши старики! — восторженно воскликнул Булут.

— Ещё как здорово. Черс, полагая, что копья брошены, вышли из укрытий. Бросив по второму копьё, наши лишили жизни ещё нескольких преследователей. А мы, зная, что останков охотников на людей будет недолгой, избавились от нош. Бежать стало легче. Только очень сильный Кочей, как настоящий сохатый, продолжал нести тюк со шкурами. Как лесной кочей, он ломился напролом сквозь любую чащу. Через какое-то время нас снова стали догонять.

— Нет, эти черс не люди, а звери, — задумчиво произнёс Тавк.

— Три воина и воительница остались, чтобы защитить остальных. Их, как и стариков, больше никто не видел. Но они дали нам оторваться. Только вот незадача. Наш путь преградила река. Долго не думая, мужчины насадили на себя всю ребятню и подхватили на руки по женщине. Утяжелённые, они перебрали стремительный поток. Уставшие, мы едва успели скрыться в кустах на другом берегу. Черс побрели налегке, их сбивало с ног. Барахтаясь, они едва выбирались на противоположный от нас берег. Преследование захлебнулось. Враги разбились на две группы, вынюхивая, где мы вышли из воды. То, что мы на другом берегу, до них не доходило.

Сонх молча захлопала в ладоши, радуясь благополучному исходу побега.

— Не всё так хорошо, как хотелось бы. Мы остались без наших стариков и пожилых женщин. Не стало с нами части опытных охотников. Что особенно непростительно, где-то в лесу от нас отстали три мин и один мон. Всем им было зим меньше, чем пальцев на руке. Младших несли, а этим приходилось бежать самостоятельно. Искать потерянных малышей было бесполезно. Наверное, их нашли наши враги. Из детей там, среди черс, вырастут тоже изверги.

— Как страшно даже сейчас. А тогда я бы, наверное, умерла от страха, — призналась Сонх.

— На этом страдания не кончились. Оставшимся надо было выживать. Чтобы снова не столкнуться с людоедами, решили уйти подальше от них, туда, где их нет или появятся они нескоро. Тогда солнце уже висело над макушками деревьев за рекой. Мы, женщины, отыскивали небольшую поляну, невидимую с другого берега, и принялись готовить место для ночлега. Ночами земля и воздух остывали, самые маленькие дети могли простудиться. Наломали и разложили для них лапника, а поверх него — травы, успевшей высохнуть на корню.

— Предполагаю, как непросто ночевать под открытым небом, да ещё и с малышами, — посочувствовала девочка.

— Мужчины охотились до темноты, но принесли самую малость, которой хватило только на перекус перед сном. Шкурами, которые принёс Кочей, едва удалось укрыть малышей. Остальные спали сидя. Утром поход к восходу продолжился. Через пару дней упёрлись в реку. Поиски брода оказались безрезультатными. Зато на другом берегу увидели охотников из снипс. Чтобы избежать проблем, зашли на день пути вверх по реке. Но и там брода не нашлось.

— Снипс не доставили бы вам проблем, — уверенно заявил Зоуло.

Хлут не обратила внимание на реплику, продолжала рассказ о наболевшем давно и ставшем памятным:

— Не нашли мы там и пещеру, в которой можно было бы скоротать время. Для перехода через реку по льду надо было ждать до зимы. Жить под открытым небом дождливой осенью, а зимой тем более, означало бы потерять в болезнях почти всех детей и ещё какую-то часть взрослых. Мужчины, а с ними более молодые и выносливые женщины полностью ушли в охоту. Надо было добывать мясо и шкуры. Остальные жители, включая малышей, стали палками копать вместительную нору в крутом песчаном берегу. Чтобы не произошло обвала, подставляли гибкие дуги из веток, связывая их. От входной норы, уходящей в берег на три роста мужчины, сделали два ответвления по два роста в длину и на рост в ширину. Такой была ширина и входной норы.

— Это же такой тяжёлый и долгий труд, — отметил Саво.

— Да, но другого выхода у нас не было. Нужно было любое жилище. Под подобием чумов из веток зимой мы бы точно замёрзли. Не только дети, но и взрослые. А в норах береговой слой земли над нами мог удерживать тепло, не промерзать, задерживать где-то выше осеннюю влагу. Она действительно не просочилась в жилище. Но и в норе нужны были шкуры. Много шкур! Из них шили зимнюю одежду и обувь для всех оставшихся

соплеменников. Ведь что-то весной, уходя кочевать, оставили в пещере, которую захватили черс, а что-то побросали, чтобы облегчить побег.

— Но даже для оставшихся в живых надо было всё равно много одежды и обуви, значит, и шкур тоже много. Это если для всех, — выразил сомнение Тавк.

— Много. Но шили не всем сразу. Первыми одели и обули охотников, потом детей, и только после них тех женщин, которые работали дома, в норе. С наступлением холодов нетерпеливо смотрели, как подрастают забереги, сушая полосу открытой воды. Потом, когда ещё кое-где оставались полыньи, вождь и трое мужчин ушли на поиски пещеры. Без тех охотников стало ещё труднее обеспечить едой всех оставшихся. На охоту стали ходить и женщины, которые давно отошли от этого непростого дела, а недавно занимались шитьём. Охота зимой — очень непростое дело. Чтобы не увязнуть в снегу, приходилось ходить в стифах — снегоступах. В них и идти медленнее, и неудобно отскакивать от нападающего раненого зверя. В разные, но одинаково неудачные дни трёх женщин принесли с охоты еле живыми. Две из них не выжили. Не уберегли от болезней и четырёх малышей. Всех упокоили в конце одного из ответвлений норы.

— И без того малочисленное племя теряло не просто людей, а надежду на возрождение, которое возможно только при нормальном взрослении детей, — подметил Зоуло.

— И это всё случилось без вожды. Он ушёл, когда появилась новая луна, а вернулся к полному исчезновению следующей. Хорошо, что пришли все из ушедших. Поиск оказался удачным. Нашли свободное жилище вдали от обжитых мест, где люди черс не появились до сих пор и вряд ли появятся при моей жизни. Нашли вот эту пещеру.

— Хорошая пещера! Для вас даже просторная, — вставил реплику Туно.

— А что было дальше? — поинтересовался молчун Вынх.

— Сразу на новое место не пошли. Зимой жить в кочевых чумах и без огня — это только терять людей от болезней. Зиму скоротали в норах. Весной двинулись с таким расчётом, чтобы успеть пройти реки по льду.

Продолжение рассказа бабушки Хлут

— Настывшая за зиму пещера не становилась теплее от дыхания людей. Тогда я вспомнила, что ещё маленькой видела, как добывается огонь. Мне было зим меньше, чем пальцев на двух руках. Но я не просто видела. После добычи огня взрослыми мы, дети, пытались повторить их успех. Наш мох не воспламенился, но попытка получить огонь мне запомнилась. Старше, чем я, в племени никого не осталось, уточнить что-то

стало не у кого. Я рассказала и показала, каким должен быть сухой, немного согнутый сук. Нашли и относительно сухой древесный гриб.

— Неужели огонь можно получить при помощи кривого сучка и какого-то древесного гриба? — изумился Зоуло.

— Не какого-то, а сухого. И не просто сучок, а длинный, согнутый в дугу сук. Уперев его в гриб, при вращении, — бабушка показала, как это делалось, — можно дожидаться возникновения огня. Но тогда сук ушёл в гриб на две косточки указательного пальца, а из ямки с дымком выходил пар. Сменяя друг друга, пещерники за пару вечеров навёртели углублений в грибе столько, сколько пальцев на руке, а огонь не появлялся. Каждый день после охоты мужчины сверлили ямки в грибах. Луна успела вырасти из половинки до полной, а огонь не появлялся.

Бабушка Хлут остановила повествование, будто вспоминая что-то, чтобы не пропустить важное. Слушатели, а это и местная детвора, сидели, затаив дыхание. Потом она продолжила.

— Мужчины отступились от добычи источника тепла. В злобе они пинками разбросали не только использованные грибы и траву, но и все сухие ветки, приготовленные для растопки. Остался нетронутым только мох. Племя стало жить надеждой как-нибудь дотянуть до лета, а там огонь можно взять в пожарище после грозы. Мне перестали верить, стали презирать меня. Есть стали позволять только тогда, когда насытятся другие соплеменники. Голод и стремление доказать, что я не выдумщица, подтолкнули меня к добыче огня самостоятельно.

— Неужели ты думала, что сможешь сделать то, чего не смогли мужчины? — изумилась Сонх.

— Представь себе такое, девочка. Я знала, что у мужчин из ямок выходил пар. Смекнула, что гриб всегда только казался сухим. Но что делать? Идти и разыскать сухой? Наверное, после осенних дождей они все такие же, напитавшие воду. А вдруг какой-то из тех, что разбросаны по пещере, успел подсохнуть? Разыскала тот, который сверлили первым, а в нём нашла местечко между насверленными ямками. Придерживая гриб ногами, приступила к добыче огня. Детвора с удовольствием стала помогать мне, поддерживая штурковину с отверстиями. Без отдыха я вертела и вертела сук. Казалось, что скорее воспламенится кусок шкуры в руке, которой сук прижимался сверху. Нагрелась и шкура в руке, которой я вращала своё орудие.

— Так, пожалуй, недолго и руки обжечь? — поинтересовался Булут.

— Да, и руки жгло, и сама я вся вспотела, хотя в пещере теплее не стало. Меняла уставшие руки, но не останавливалась. Сук углубился больше чем на косточку пальца, когда появился дымок.

Но до этого доходило и у мужчин, поэтому обе женщины, находящиеся в пещере, не сразу обратили на него внимание. Других взрослых дома не было. Ранней весной охота особенно неудачна. За добычей ушли и женщины. Дымок густел, вынось из ямки запах гари. Я крикнула детворе, чтобы ближе поднесли мох и собирали все сухие веточки и травинки, которые распинали разочаровавшиеся и озлобленные прежние добытчики огня. Увидев суету детей, на меня обратили внимание и две женщины, которые шили новую обувь.

Бабушка умолкла. Даже воспоминания заставили её вспотеть, словно она не рассказывала, а снова добывала огонь. Видя нетерпение слушателей, продолжила:

— Но я изнемогала. Пот заливал глаза уже тогда, когда из ямки появился слабенький дымок. Одна из женщин воодушевилась невиданным ранее успехом, приблизилась к ямке. Не ощутив лицом влагу в дымке, она сменила меня. С новыми силами она вращала сук быстрее, чем я. Когда вращать устала и она, снова подключилась я. Мой дым, а не дымок, как когда-то у мужчин, наполнял пещеру едким запахом тлеющего гриба. Я вынула сук и увидела на дне ямки красноватое свечение. Казалось, что туда завалился уголёк. Опустив щепоть мха, мы вдвоём стали дуть в ямку. И растопка вспыхнула. Я добавила мха ещё и ещё. Пламя вышло из ямки. В ход пошла трава. Теперь уже троём мы аккуратно, чтобы огонёк не умер, стали подкладывать стебельки травы и мелкие сухие веточки. Огонь набирал силу, но он родился в глубине пещеры. Надо было перенести его на полагающееся для племенного очага место — ближе к выходу из пещеры. Оставив меня у огня, соплеменницы сделали приготовления из травы и мелких веток там, около стены у выхода. Потом они же бесстрашно подхватили палочками нагоревшие ветки и поднесли к своей заготовке.

— Получилось, получилось! Ты молодец, бабушка Хлут! — не дождавшись продолжения рассказа, загорланили местные ребяташки.

— А тогда детвора приплясывала то около догорающих веток, оставшихся от моего детища, то перебегала к набирающему силу очагу племени и плясала там. Когда пришли охотники, мы со старшими детьми заготавливали дрова для возрождённого огня племени. В жилище ещё оставалось по-прежнему холодно, но у костра можно было греться. Стало возможным не только обжаривать свежее, но оттаивать и жарить то мясо, которое сразу не съели, а оно замёрзло. Все радовались, что больше не придётся есть мёрзлую строганину.

— С трудом верится, что и так можно добывать огонь! — выразил изумление Зоуло.

Хоть было и так понятно, что огонь горит в пещере благодаря ей, от похвал и приятных

воспоминаний вошедшая в кураж Хлут продолжала рассказывать:

— Через два дня стены и свод нашего жилища покрылись снегом. Холод не хотел уходить из пещеры, но постепенно снег стал таять, а на его месте появилась сырость. Прошло немало времени, пока всё просохло, а жилище стало таким, каким ему полагается быть, если в нём живут люди. Сейчас, кажется, все уже забыли, что именно я спасла племя от вымирания в холоде. Только Куро, наверное, из уважения, прислушивается к сказанному мной. А тогда, обнаружив полыхающий костёр, охотники побросали трофеи и прибежали к месту сбора дров. Выяснив, что основная заслуга в добыче огня принадлежит мне, мужчины и женщины качали меня своими руками, уставшими на охоте и от переноски добычи.

— Тогда тебя перестали презирать? — спросил кто-то из местной детворы. — А что было потом?

— Потом было всякое. Из мальчишек, дошедших с нами до этого жилища, остались только Слос и Чуф. Хромоногим Чуф стал позже, где-то в нашем возрасте. Он упал с дерева, когда на него, пытающегося достать из дупла медовые соты, набросились пчёлы. Ещё двое мальчишек примерно его возраста погибли в их первую охотничью зиму. На охоте погибла и красавица Сия. С ней ещё раньше приключилось несчастье. Причастен к нему здоровяк Кочей. Когда-нибудь я расскажу вам и об этом. Несчастья не покидают наше племя до сей поры. Многие дети либо вообще не рождаются, покидая чрево матери ещё до видимого увеличения её живота, либо умирают младенцами. До пяти зим доживает один из пяти родившихся. Случается, что рождаются уродцы, которые стали бы обузой для племени. От них избавляются.

Зоуло сразу вспомнил Пнихо. От него тоже могли избавиться, если бы не запрет вождя. И он никакая не обуза племени. Не представлял тогда мальчишка, какими могут быть врождённые увечья. Потому-то мысленно осудил жителей этой пещеры. А пещерники тогда не могли знать, что причиной бед, преследующих их потомство, могут быть близкородственные браки. Если, конечно, интимные отношения между мужчинами и женщинами можно было назвать браками.

Путешественники успели заметить, что у этих пливс нет длительных отношений между разнополыми существами. Смена партнёров и партнёрш была обычным явлением. Это никем не осуждалось и не пресекалось. Только в начале пребывания на этой стоянке гостям было непонятно, почему здешние дети не знают своих отцов. Отношения взрослых, не скрываемые от своих и чужих детей, вскоре дали разгадку непонятного. Тех детей, которые рождались, здесь считали родственниками только бабушка, тётки и дяди по материнской линии, то есть мать, сёстры и братья мамы конкретного

ребёнка. Все они считали кровной сестру, рождённую их матерью. Кровными им были и дети сестры. Сонх поинтересовалась:

— Если здесь родство признаётся только по материнской линии, то почему, как и у нас, здесь главное мужчины?

С задумчивым видом пожилая женщина пояснила:

— Как знать, может быть, что когда-то женщина и была вождём племени. Была, наверное, пора матриархата. Но мужчина сильнее. Он и взял управление соплеменниками на себя. Нам, женщинам, осталась роль продолжательниц рода-племени. Да не всё теперь гладко с продолжением. Не в том ли причина, что мы отгородились от мира людей? Кажется мне, что одна женщина из чужого племени, а один мужчина тем более, могли бы оздоровить ситуацию с рождающимися детьми. Но здесь кражи девушек из других племён стали невозможны из-за нашей скрытности и удалённости. Совсем невероятным стало и пленение раненого воина другого племени. Эх! Вымрем мы от своей самоизоляции.

— Неужто вымрете? — сочувственно переспросил Выхн.

— Этого знать никто не может. Всё в нашем мире подвластно времени. Только оно решает, быть или не быть, жить или не жить, — ответила Хлут.

— Ты сказала — матриархат. Может, тогда женщин ценили даже больше, чем в нашем племени? — предположила Сонх.

Пожилая женщина оживилась. В её глазах появилось что-то лучистое, обнадеживающее. Она продолжила свой монолог, изредка прерываемый кем-нибудь из слушателей:

— И не потому ли стены нашего прежнего жилища были украшены изображениями женщин? Одно из них — момент кормления материнской грудью малыша. Получилось ли у художника изобразить ребёнка таким, каким он был, или это оказалось результатом искажения действительности, но малыш на руках матери выглядел возрастом в две зимы или даже чуть старше. Кто-то из нас, девочек, поинтересовался, почему так. Нам с охотой пояснили, что такие большие малыши прикладываются к материнской груди лишь тогда, когда мать покормила младенца, а молоко осталось.

— А я помню, как сосал материну грудь, когда младшего братишку хвороба забрала в мир тьмы, — не скрыв факт от окружающих один из местных слушателей.

— Как и тогда, до достижения двух зим сосунков отнимают от груди и сейчас, — сообщила Хлут тонкости, которые в будущем могли оказаться полезными девочке из другого племени. — На другом рисунке женщина что-то помешивала лопаткой или размельчала пестом зёрна. В роли ступы можно было представить поверхность изображённого камня.

И на это нам тогда дали разъяснения: «Женщина толчёт зёрна ячменя, который растёт на горных лугах». И здесь осенью мы заготавливаем ячменные снопы. Потом их просушиваем и вышелушиваем из колосьев зёрна. Зимой зёрнышки можно просто грызть или из растолчённых печь лепёшки. И наши рисунки здесь, в этой пещере, все имеют ритуальный характер. При всеобщем обращении к ним они приносят удачу: одни на охоте, а другие — при сборе растительной пищи.

Отличием, не ускользнувшим от внимания подростков, было отсутствие животного-покровителя, которому бы местные жители поклонялись. У них дома таковым был рыр. У него просили удачу, ему приносили в жертву тела достойных. Охотники их пещеры, люди снипс, убили рыра лишь однажды. Той весной он напал на людей.

Не зная слова «религия», путешествующие дети ощущали необычность отношения к объекту поклонения. Здесь не увидели для поклонений не только священного животного, но и какого-нибудь каменного, глиняного или деревянного идола.

Изумлял своей необычностью факт захоронения соплеменников. Эти пливс всех, малышей и воинов-охотников, предавали земле в одном из углов пещеры. Во время стоянки у реки ушедшим в мир тьмы выделили место в конце одной из нор. Узнали дети-путешественники и то, как это происходит. Оказалось, что покойного клали на бок с подогнутыми к подбородку коленями. Люди пещеры путешественников, принося в жертву своих достойных, усаживали их с подогнутыми к лицу коленями. Наш современник назвал бы это положение позой эмбриона в утробе матери. При этом люди пливс труп просто прикрывали слоем земли, чтобы он, разлагаясь, не смердел. Никаких обрядов над трупом или поклонений в местах захоронений пещерниками-отшельниками не проводилось. Но погибших в бою или на охоте непременно приносили домой. Там в ямке они, достойные из достойных, обретали вечный дом.

Вместе с покойным земля принимала охотничьи и воинские амулеты. Считалось, что, не спасшие своего хозяина, они неспособны спасти и того другого, кому стали бы принадлежать. Охотничьим амулетом этих пливс могли быть: коготь медведя, тигра, гепарда или рыси, клюв или коготь беркута, умело обработанная пластинка из рога сохатого, роговица пальца с копыта горного барана. Воинским амулетом часто становился хрящ ушной раковины противника. Если племя нападало, то все углём наносили на тела ритуальный раскрас. Если нападали на них самих, то времени для раскраски тел не было. Но и тогда воины-защитники успевали нанести на тела по несколько угрожающих полос углём из костра или сажей со стены.

Был у бабушки Хлут повод для особой радости и гордости.

— Отсутствие войн с другими племенами прекратило людоедство. Съесть тело убитого врага и тем отметить победу было в порядке вещей у всех: у пливс, снипс и черс. Если эту традицию я, все мы и вы с трудом можем терпеть, то охоту на людей ради их съедения объяснить и оправдать не может никто. Наши люди уже восемь зим не людоеды! — гордо заявила пожилая женщина.

«Выродок гиены»

В тот вечер юные охотники пришли в пещеру довольные. В скалистых горах, куда они ушли ещё вчера утром, удалось зажать между скал горного барана. Животное, как казалось мальчишкам, оказалось в безвыходном для него месте. Но вольнолюбивый рогатый красавец, уже получивший несколько ранений, нашёл выход. Чтобы прорваться из окружения, он понёсся прямо на Булута. Мальчишка не только сумел увернуться от удара мощными рогами, но и успел вонзить копьё под лопатку мчащегося прочь животного. После всех ранений баран не мог уйти далеко.

В пещере к дружной компании подсела бабушка Хлут. Она поведала о разговоре мужчин во время завтрака, пересказав его почти дословно...

— Как думаете, останутся дети с нами или уйдут к своим? Не от хорошей же жизни они покинули племя, — предположил Чонх.

При этом ни один мускул на лице не выдал его настроения. Хмурость, в честь которой он получил своё имя, оставалась неизменной и непроницаемой.

— Ну, Чонх, и задал же ты вопросик. Хотя зачем их оставлять здесь? Настоящими охотниками мальчишки станут через две зимы, а пока они только лишние рты. Это летом непоседы обеспечивают себя едой, а зимой носа не высунут из пещеры, — поделился мнением Чакт.

Всегда весёлый, он и в этот раз говорил без налёка на грусть или серьёзность. Слос, что означает «малыш», поддержал соплеменника:

— Ты прав, Чакт. Зачем нам лишние рты этих долговязых? А вот девчонку можно и оставить. Она продолжила бы наш род.

Зикс, всегда тихий, возразил:

— Не останется она, Слос, если прогнать мальчишек.

Слос тут же парировал:

— Если сделать её женщиной, то ей понравится ощущать себя взрослой. Тогда-то точно останется.

Пережёвывая, все молча обдумывали эту мысль. Потом Чонх произнёс:

— Она ещё ребёнок. Рано делать её женщиной. Или ты забыл, что стало с Кочеем? А как потом болела Сия! Кочей тогда до поры польстился на красавицу.

— Помню. Изгнали его из племени, хоть и был отменным охотником, — не возражая, ответил мужчина-малыш.

— Вот то-то. Не под стать тебе, хлюпику, — сильный, как лесной кочей. Остаток зимы он в одиночестве пережил. Неизвестно только, замёрз он второй зимой или погиб в лапах зверя. Ты и зиму не протянул бы, — улыбаясь, разглагольствовал Чакт.

— Нашли что сравнивать. Сия — это наша девочка, а Сонх — чужачка, пришлая. За неё и ответ другой, если что, — уверенно заявил Слос.

— Если уверен, что тебе ничего не будет, так испытай, — вставил реплику Зикс.

Всегда тихий, он сказал это так, что невозможно было понять, осуждает он или подталкивает проверить, что будет потом.

— Я же не такой бугай, как Кочей. Это он покалечил девочку так, что она потом не смогла стать матерью, не родила ни одного ребёнка. А я-то что? Малыш, одним словом...

— Завтрак закончился, и все разошлись по делам. Если бы был у костра Куро, он бы не дал разглагольствовать на эту тему. Но он, как и вы, вчера ушёл с Чуфом и Леко на летние охотничьи угодья. Сегодня они должны вернуться. Слово вождя — закон для всех. Без него — каждый сам себе хозяин, хоть и оставил он Чонха за старшего, — поведала пожилая женщина и тут же с тревогой в голосе добавила: — Уходить вам надо. Как бы беды не случилось.

— Уйдём, бабушка Хлут. Утром и уйдём. Не идти же в ночь неведомо куда, — заверил Зоуло.

Ночью спящая на боку Сонх ощутила, что кто-то небрежно повернул её на спину. Проснувшись, почувствовала бесцеремонные действия сильных мужских рук. Пещеру огласил пронзительный визг девочки. В отблесках тлеющих головешек она увидела мужчину плыв и от страха завизжала ещё пронзительнее. Она свернулась в комочек, стала кусать и царапать ночного «охотника» до приключений.

Мужчина над ней взревел от боли, но не от той, которую успела причинить Сонх. Тавк первым из мальчишек вскочил от крика подружки. Копьём, словно длинной палкой, он приложился вдоль спины домогавшегося. Пять мальчишеских копий упёрлись в бок обидчика Сонх так, что при чуть большем нажатии вошли бы между рёбер негодая. А тот явно не ожидал такой реакции от детей. От боли и опасения получить ранения он придвинулся к стене пещеры с рёвом:

— Убивают! Спасите от пришлых.

Не получив достойного осуждения во время завтрака, он был уверен, что за него заступятся. А девочка, поджав колени к подбородку, ревела навзрыд. Не так оперативно, как мальчишки, покинули свои лежаки хозяева пещеры. Схватив копья, они метнулись в глубь жилища, откуда продолжался двойной рёв: их соплеменника и девочки. Увидев такую реакцию хозяев, Зоуло приказал:

— Держи его, Булут. Остальные — со мной.

Бабушка Хлут, подкидывая в костёр дров, чтобы стало светлее, выкрикивала:

— Совсем уже одичали! Она же ещё совсем ребёнок, а не просто новенькая. Мало ему, па-костнику, досталось!

В свете костра вождь увидел сжавшуюся в комочек и ревущую во весь голос девочку, испарapanно-го и припёртого копьём к стене соотечественника да выставленные вперёд пять мальчишеских копий. Дети были готовы к отражению атаки взрослых. С более короткими и лёгкими, чем у взрослых, копьями мальчишкам было бы сложно отражать штыковую атаку, но разве думали они об этом в тот напряжённый момент? Они не наступали, но и отступать им было некуда.

— Останови их, Куро! Дети не виноваты, они защищают подружку от нашего блудливого самца Слоса, — кричала возбуждённая происходящими событиями бабушка Хлут.

Вождь выставленной вбок рукой остановил воинственных соплеменников. Он первым опустил копьё. Выкриков пожилой женщины было достаточно, чтобы оценить ситуацию. К тому же своё возмущение происходящим выпалил Зоуло:

— Слос хотел сделать Сонх женщиной, но это ей ещё слишком рано! У нас так не принято! Потому-то мы защищаем свою соплеменницу. Видишь, как страшно и обидно ей?! Она до сих пор ревет без передыха.

— У нас тоже такое не принято. Вставай, выро-док вонючей гиены! Отпусти его, мальчик.

Обратившись к мальчишкам, вождь сказал:

— Воины, поднявшие оружие на кого-то из нас, подлежат уничтожению. Но вы ещё не воины. И этот вонючий выродок гиены — не один из нас. Верно, люди?!

В пещере эхо повторило сказанное каждым её жителем:

— Верно!

— Уйди, презренный. Тебе не место среди людей.

— Но она же пришлая, не наша, — оправдывался изгоняемый из племени.

— Она ребёнок! И этим всё сказано, — прервал оправдания Куро.

При этом он приложился своим копьём к спине уходящего ещё ошутимее, чем Тавк. Мальчишки успокаивали Сонх:

— Вот видишь? Всё хорошо. Блудливого самца нет в пещере — вождь вступился за тебя. И мы не дали «гиене» обидеть тебя больше, чем он успел...

Девочка улыбнулась сквозь слёзы и тихо сказала:

— Что бы я без вас делала, мои мальчишки? Вы все огромные молодцы!

— Гости, вы свободны, можете уходить, но можете лечь и досыпать. Больше вас не тронут.

И вы тоже идите спать, — обратился вождь к соплеменникам. — Утром уходим на летние уголья, надо выспаться. Жалеть изгнанника не надо и не будем.

Перед сном рядовые мужчины-охотники в чём-то убеждали вождя. Говорили они как-то заговорщицки. И это не только потому, что не хотели будить женщин. А большинство местных детей ото всех криков и плача даже не проснулось.

Ранним утром, когда племя ещё спало, пожилая женщина попрощалась с детьми-путешественниками. Хлут сообщила, что они могут не корить себя за то, что изгнанник сгинет из-за них:

— Мужчины сослались на то, что Слос не сделал то, что хотел. Напугав девочку, он не причинил вреда её здоровью. Пусть этому помешали мальчишки, то есть вы, но беды-то не случилось.

Мужчины убедили вождя принять провинившегося собрата обратно в племя. Куро решил, что так и будет, но лето тот пусть помытарится один. Зимой он в одиночку бы точно не выжил. Кочей не ему чета — и то сгинул во вторую зиму.

— Не сгинул он. Прибился к племени снипс, с ними и живёт, — внёс ясность Булут.

Зоуло рассудил по-взрослому:

— Наверное, так будет лучше. Руки на охоте не бывают лишними. Слос хоть и неказистый, но мужик, добытчик.

— А я не прощаю его. Не стал бы сожалеть, если бы довелось узнать, что его порвал зверь, — сообщил Тавк.

Сонх поддержала друга:

— И я не прощаю его.

ДуН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Владимир Луговской

Краски

У каждого есть заповедный дом,
Для памяти милый и важный,
А я обхожу с огромным трудом
Магазин писчебумажный.

Совсем незаметный и скучный такой,
Он рай пресс-папье и открыток.
Пройду — и нальётся забавной тоской
Душа, на минуту открытая.

А если останусь глазеть у стекла
В какой-то забытой обиде я, —
Вдруг вспомню безмерное море тепла:
Гимназию. Двойки. Овидия.

Всё детство с его золотой кутерьмой,
И мир, побеждённый Жюль Верном,
И этот кумир зачарованный мой —
Набор акварели скверной.

И смелую честность — глаза в глаза,
И первых сомнений даты,
И тёмную жажду в рисунке сказать
О птицах, деревьях, солдатах.

Солдаты? Да. Ветер. Варшава. Стоход.
Октябрь и балтийские воды,
И до сих пор длящийся трудный поход
Сквозь наши суровые годы.

Я честность и смелость по капле коплю,
Чтоб сделаться глубже и строже.
И я не рисую. Но краски куплю.
Куплю. Может быть... поможет.

Татьяна Селезнёва

День Победы

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Татьяна Селезнёва
День Победы

Голубика

Медовая осень, холодная смерть,
Оплавленный вспышками воздух.
Растёт голубика, и чудится мне,
Что в ягодах прячутся звёзды.

Сорвёшь голубику, вдохнёшь темноту,
И кровь напитается ядом.
Как будто я снова в крошечном аду —
С врагами погибшими рядом.

Как будто открою глаза — и туман
Застелет луга покрывалом.
А перед глазами — разрушенный храм,
И ветер в нём служит устало.

Моя голубика, мои блиндажи,
Огни на моём небосклоне...
Медовая осень. Холодная жизнь.
И звёзды горят на погонах.

День Победы

Когда закончится война, нахлынет боль,
И Бог зажжёт каштановые свечи
За павших воинов, за мир, за нас с тобой,
За каждый пережитый горький вечер,

А мы вернёмся в уцелевший храм
И вспомним всех погибших поимённо.
Прикрыв глаза, Господь ответит нам
Разлитым в небе колокольным звоном.

У алтаря расплачется солдат,
Укрыв молитвой душу, словно пледом.
И в скорбной череде печальных дат
Мы встретим долгожданный День Победы.

Всю нашу боль не выразить в словах,
Через года она не станет тише.
Но кисть и краски вновь возьмёт монах —
И лик святого с воина напишет.

Снег

Казалось сегодня, что я разбудила снег
Отчаянным вскриком в безвременном разговоре...
Он падал и падал,
А маленький человек
Толкался под сердцем — и слёзы стояли в горле.

Растает февраль — и, даст Боже, родится сын.
В военное время почти не бывает дочек.
И ангел-хранитель придёт сквозь снарядный дым —
Метелью непрошеной сына окрестит ночью

И тихо вернётся в холодные небеса,
Оставив на мокрой подушке нательный крестик.
...А снег всё летит.

Но в последние полчаса
Я стала вдовой, не успев побывать невестой.

Возвращайся скорей!

Говорят, на фронте сейчас дожди
И опять размыло дорогу к миру.
«Я вернусь, любимая, только жди», —
Мне письмо доставили из горнила.

Говорят, там смерть, как земля, близка.
Ты же — пишешь: «Всё хорошо, Маруся,
Как придёт весна — мы дожмём врага,
И зажжётся свет над единой Русью!»

Говорят: «Всё плохо», —
а я молчу,
Вместо ёлки — ставлю икону Спаса
И всю ночь молюсь и держу свечу,
Чтоб скорей с победой ты
возвращался.

Верная доля

Пока хвалу на небесах
Возносит ангельское войско,
Я не боюсь, и ты не бойся.
Молитва побеждает страх.

Под тихий звон колоколов
Надёжней защищать Россию,
Когда молчать невыносимо,
Обычно не хватает слов,

И ты бросаешься вперёд —
В *окоп*, в *атаку*, на молебен...
Как много веры в русском небе!..
Как много тех, кто с ней живёт

И с благодарностью стране
За Родину выходит биться.
...А мне — за Родину молиться —
Вернее доли в жизни нет.

И если слабнут дух и плоть,
Я вспоминаю со слезами,
Что ангелы всегда над нами
Поют о том, как свят Господь.

ДуН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Игорь Северянин

Моя Россия

*И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колёс...*
Александр Блок

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Её равнины снеговые,
Её цыгане кочевые, —
Ах, им ли радость не дана?
Её порывы огневые,
Её мечты передовые,
Её писатели живые,
Постигшие её до дна!
Её разбойники святые,
Её полёты голубые
И наше солнце и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи её ночные,

И ночи пламенно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено степные,
И эти спицы расписные,
И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные,
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

Анна Мамаенко

Волчьи ямы весны

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Волчьи ямы весны
Анна Мамаенко

Волчьи ямы весны

1.
Запах сирени
спеленает дождливый день,
невыхсохшую росу
отряхнёт на твои колени,
когда из цветущих ветвей
проступят рога оленьи.
Сколько их, краснокнижных,
заблудилось в твоём лесу...
Вознеслось пчелою по солнечному лучу,
прильнуло к глазку
одионой камеры,
притаилось на острие иголки.
За ними идёт гроза
или грохочут волки
лестницей Иакова, приставленной к чердаку.
Рельсами, что никогда не кончатся тупиком.
Разве только неслышным взрывом
кистей сирени.
Аметистовым льдом
или тропой оленьей.
Разбрызганным над влажными крышами молоком.

2.
Навстречу — то ли весна, то ли станция Волчьи Ямы.
Параллельное солнце плавит рельсы
и растекается колеёй.
Деревья, все как одно, стать мечтают проводниками,
разносить чай в подстаканниках и раздавать бельё.

Не имея ни корня, ни якоря, плыть
по мерцающим рельсам.
Не зная, где сухое отечество семенем проросло.
Вглядываться в туман. Ждать окончания рейса,
зелёные влажные нюхалки распластывая о стекло.

На станции Волчьи Ямы к поезду выйдет старуха.
Понесёт в плетёной корзине продавать
нерождённых волчат.
Сирень запахнет озоном. И только зелёное ухо
имеющий да услышит, о чём волчата молчат.

Что благоую весть чернозёма так легко пропускать
сквозь пальцы,
на станции Волчьи Ямы ложась в направление весны.
Серым семенем восходить. Бежать от станции к станции.
И верить, что все добежавшие
заранее прощены.

Замира торгует книгами

На запотевшие окна книжной лавки дышит родной
кишлак.
Отара овец неспешно втекает через
стеллажи, где у водопоя бродят Достоевский и Керуак,
и стихи, шевеля губами, междуречьем идут на нерест.
Возбуждённое солнце на её запястье целует пульс.
Пыль минаретом входит в дрожащий воздух.
Аллах велик, — шепчет Замира, — и я вернусь
из Бирюлёва в Выхино, путь найдя по кремлёвским
звёздам...
Где трава ломает чёрный сырой асфальт
и фонари, как костяки овечьи,
лизет холодный ветер — поёт дутар
тоской проводов на ферганском сухом наречье.

Книжная лавка плывёт посреди людей,
в смерть и беспамятство погрузившихся на две трети,
восточным ковром-самолетом. Замира в ней
ничего не читает, лишь пальцами ловит ветер,
подбирая слова, как мелочь, ускользающую из рук.
Слетая с полок, все чудовища мира маршируют перед
её хиджабом,
за которым пусто. Только гудящий звук
струны опыляет цветок грядущего урожая.
Стеллажи заливают околуплодными водами Сырдарьи,
и слов костяки обрастают смуглым и цепким смыслом.
Замира уходит в землю. Над нею звезда горит.
И путь в Бирюлёво из Выхина
велик и шелками выстлан.

Яна Цыганкова

И Слово было: вспомни!

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Родившись из листвы,
Что знает он? Пока —
Лишь голоса травы,
Лишь клёкот канюка.
Ещё — игру теней
На высохшей коре
Да шум ночных зверей,
Укрывшихся в норе.
И невдомёк ему,
Покуда он — росток,
В какую глубину
Земли уходит сок,
Когда ложится снег,
Как кошка у двери,
Как дорожает хлеб
И гаснут фонари.
И это нам из тьмы
Учиться у него:
Он знает мало. Мы
Не знаем ничего.

...Ведь взрослых нет. Так дерево корой
Наращивает панцирь кольцевой
Над девственной и нежной сердцевиной.
Так от деревьев тянутся ростки,
И пчёлы дней щекочут лепестки,
И ветви вырастают вопреки,
И жизнь бушует в них не вполовину.
А Бог живёт в воде и под землёй,
И шелестит, мальчишка травяной,
Его язык — весны беззубый лепет,
Да не осталось прежних толмачей.
А Бог всё говорит, совсем ничей.
Прижми ладонь к земле. Почувствуй трепет.
И смерти нет. Есть только тишина
Воды, когда, нырнув, коснёшься дна,
Ракушку сжав, как талисман, в ладони...
И здесь, как в материнском животе,
Услышишь, что в земельной темноте
Сказал Господь.
И Слово было:
Вспомни...

Он вырос здесь. Был край его немил:
Могил советских ржавое наследие,
Забывтая фуражка дяди Пети,
Который долго жил и много пил.

Во дворике меж крепких тополей
Бельё цвело любых цветов белей,
Валялся в луже полусдутый мяч.
Из окон — хохот, стоны, детский плач...
И надпись материлась на стене.

Он засыпал. Он видел лес во сне.

Он видел лисий мех, и ржавый мох,
И близ ручья следы оленьих ног,
Он ведал травы, ветры различал,
Искал дорогу к лесу. Лес молчал.

Всё повторялось. Вырастали дети,
Двором похоронили дядю Петю,
На мяч фуражку кто-то нахлобучил,
Убрав из лужи тот на всякий случай.

Он засыпал и видел тот же сон:
Звенел ручей, и зелень бушевала,
И небо не свинцово нависало,
Не сдавливало грудь со всех сторон.

Но лес не звал. Двор кутала зима,
А из подвалов напознала тьма,
И простыни молочные к утру
До немоты пугали детвору.
А он смотрел и ничего не мог.
Тоска его, как псина, истрепала,
Снов стало мало, мало, слишком мало,
Он накренился... а потом засох.

В тот час, когда пилили старый ствол
И дети на шалаш ломали крону,
Он шёл на зов лесной: грибной, зелёный.

И лес сказал:
— Ты наконец нашёл.

Кристина Андрианова

Семь снов

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Кристина Андрианова
Семь снов

Забывтая жизнь

...И память сорока веков!

В. Брюсов

Отчего ты так мучаешь в полночь,
Рвёшь когтями усталые струны?
Почему ты уверен, что помню,
Как плясали свирепые гунны
Подле трона вчерашней гордыни,
У своей захмелевшей царицы?..
Что я помню? — нерусское имя
Да вестгота, что смог поклониться.
Что я знаю о том, как любила?
Не расскажут сзэсны и скальды.
Диким пламенем нового мира
Был сожжён нерастраченный Бальдр.
Только древняя ночь-повитуха
Будет правдой коварной давиться,
Где в тебя бы хотела я рухнуть,
Как в ущелье — подбитою птицей.

Видение

С. Янаки

Ещё горит, ещё горит лампада.
Ещё крадётся берегом туман.
И где-то меж ветвей седого сада
Глядит златым Тельцом Альдебаран.
И всё едино — хаос и законы,
Алхимия нехоженных путей,
Элизиумы и армагеддоны,
Две силы в предрассветной высоте;
И непонятно, рая или ада
В единстве этом больше до зари...
Но ты скажи мне, стойкая лампада:
Почто вестготы вновь идут на Рим?

Семь снов

I.
Вселенные похожи на зрачки.
Они — надежды нашей светлячки.
Посмотришь — растворишься, улетишь
Туда, где только истина и тишь,
Где вечность отражает чудеса...
Вселенский взгляд любви — Всевышний сам.

II.
Орбита твоя ментальна, незрима в быту усталом.
И пусть для иных ты — тайна, магический
блеск кристалла,
Я знаю: ты — звон межзвёздный отеческих
колоколен,
Который Началом создан и этим навеки волен;
Планета святая сердца, вселенского Древа голос,
В тебя мне не наглядеться, огонь мой, вода
и Хронос;

И, даже теряя почву, ломая, что копыя, свечи,
Я помню, что мир бессрочен, пусть чопорен
и беспечен,
Твоей безотчётной верой спасая мечту и душу...
Ты — Слово, что было первым, — нет проще
его и лучше.
Сама ты — и до, и после, и вечности голограмма...
Вдыхаю открытый космос —
И вижу, и слышу: Мама.

III.
Был зелен Марс. И не было Луны
На небосводе неземного сада.
И были мы. Другими были мы —
Инопланетно-юные монады.
Цвела мечта. И не душила злость,
Не была на ветру несправедливость...
Нам свой Эдем увидеть довелось,
А им — лишь снилось.

IV.

Памяти поэтов В. и М., ушедших в один день

Андромеды зовут — и персеи уходят.
Звездолёты Харон понесёт по волнам:
Полуостров Уфа далеко от прародин —
Ближе к Марсу тайга да словесности храм.
Всё песок. Да лесок. С верой дышится легче,
Льётся новая жизнь через устье зари...
Так по ягоды выйдешь — и небо прошепчет:
«Ты смотри только — космос подошвой
не мни».

V.

Расскажи мне, высокий месяц,
О далёком и неземном,
А потом синеглазой песней
Обернись в полусне моём.
И не будет печали прежней,
И останется только миф
О неистовых и безгрешных —
Тех, что в кратерах спят твоих.

VI.

Холодный космос — космос равнодушных.
Бесстрастная, бесчувственная бездна.
Для равнодушных — баксы, яхты, пунши.
Не звёзды — куш пиратский. Бесполезно
О доме говорить, о колыбели...

Не Циолковский с Фёдоровым, что ты! —

Метафоры не те и параллели;

Пиратам — боевые звездолёты...

Скажи, что он живой. Скажи — волшебный,

Красивый. Даже, может быть, сакральный, —

Они такого не увидят неба,

Им не нужна возвышенная тайна, —

Их космос хищен, ибо непонятен,

Ужасен в необъятности и силе —

Как страшен им космической России

Мир православных гимнов и распятий.

VII.

Светлояр, Байкал и Ладога...

Тайны тайн, свет святых.

Здесь надежда сердце радует,

В облаках цветут мечты.

Глянь: под вечер солнце плещется;

Где Ольхон да Валаам,

Над водой шары мерещатся,

Под водой — колокола.

Нет ни времени, ни имени.

Бесконечность синевы,

Сны незримые-былинные,

Да шаманы, да волхвы...

Во Вселенной растворённая,

Слышу пение комет —

И плыву я, трехозёрная,

Мимо млечных андромед.

ДиН РЕВЮ

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Красноярск: «Литера-принт», 2024. — 352 стр.

Героиня повести-сказки Марины Саввиных, наша современница девочка Вера, оказывается на острове Крит, в древнем царстве Миноса, как раз накануне катастрофы, погубившей минойскую цивилизацию. Однако автор сказки преследует цель не только и не столько просветить юных читателей относительно древнегреческой мифологии. Вера вынуждена искать ответы на вечные вопросы

бытия — о границах познания, об иллюзорном и действительном, о смысле жизни и критериях истины. Спасти царство Миноса ей не удаётся, но она выходит из всех испытаний повзрослевшей и готовой к новым поискам. Сказка о «Минотавре» написана для читателей среднего и старшего школьного возраста, но она будет интересна и взрослым, особенно учителям и родителям.

Андрей Козырев

Бетонная роза

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Бетонная роза
Андрей Козырев

Воробьиная ода

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей —
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг потех и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты:
Сверху — небо, внизу — пыль земная,
Между ними — лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног —
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своём воробейском,
Недоступном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живее,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьишка Вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

Бетонная роза

Пространство раскрывается цветком,
И город мой цветёт бетонной розой —
Огромной, круглой, твёрдой и тяжёлой,
Во сне прикрывшей сотни серых век.

По царственным бетонным лепесткам
Всползают металлические черви
И прогрызают время и пространство,
Даря Вселенной сотни чёрных дыр.

Над цветником клубятся небеса,
Как чёрное неистовое пламя,
И над листьями из стекла и стали
Бескрылые летают мотыльки.

Кто тот Садовник, что тебя растил,
Хранил бутон от стужи и от зноя?
В бетонной вечности укоренился
Твой эластичный серый аромат.

Нас всех рассудит звёздное Ничто,
Вписав в цифирь дома, стихи и судьбы, —
И над расчерченной на клеточки планетой
Поднимется чудовищный цветок.

Глеб Белов

Солнечные блики на воде

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Застыли дни, как мухи в янтаре,
И матово блестят под серым небом.
И я застыл в холодном январе,
Где было бы прекрасно, чтобы не был.

И кажется, всё это не со мной —
Замёрзший город, лёд и снег на крышах.
Стою вконец продрогший, но живой,
В протяжном вое вьюги лето слышу.

Всё, чего мне хочется, — молчать,
слово затаилось за губами.
Нам порой бессмысленно звучать —
это понимается с годами.

Камень безголосицы моей
тянет вниз (быть может, с непривычки).
Вставлю аккуратные кавычки:
«Сам с собой» не значит, что «ничей».

Между мной и тобой — расстояние руки,
Но нельзя мне к тебе прикоснуться.
Не чужие совсем, но уже не близки,
Как две части разбитого блюда.

Оттолкнуться бы прочь от взаимных обид
И ожить, словно Лазарь, в надежде,
Но потухла свеча, и очаг не горит,
И не будет для нас так, как прежде.

Ты уйдёшь в тишине, забирая с собой
Всё, чего мы так смело хотели.
Будем дальше мечтать, но теперь вразной,
Без надежд провести параллели.

Не ведёт нас, как прежде, любовная нить,
И рассеялись тени былого.
Ты когда-нибудь снова захочешь светить,
Но уже для кого-то другого.

Солнечные блики на воде,
Мокрая рубашка липнет к телу.
Лето ураганом налетело —
Грейся в нём, как чайник на плите.

Чиркнули по воздуху стрижи,
Щёлкнула в траве сухая ветка.
Лето к сердцу бережно и крепко,
Словно подорожник, приложи.

Летом исцелись и будь здоров,
Для простуды есть зима и осень.
Пусть сейчас тебя волной уносит
Жарких дней и тёплых вечеров.

Радуйся по-детски и живи,
Кожей жадно впитывая счастье,
Стань его естественной частью.
Лето — это точно по любви.

Раненный острым осколком отвергнутых
чувств,
Скрылся в глубинах себя безголосую птицей.
Но бесконечной не будет сердечная грусть.
Вспыхнет душа, чтобы вновь беззащитно
раскрыться.

Руки не дрогнут, с сердца срывая покров.
Вот оно, дерзкое, всё ещё бьётся и ноет.
Вновь полюбить? Да, Господь, я готов.
Тот, кто любил, никогда не приемлет иное.

Наталья Красюкова

Свобода выбирать дорогу

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Кроссовки зачерпнули воду,
но не промокли до носков.
Нам предрекало непогоду
руно нависших облаков.

А мотылёк новорождённый,
ещё не знающий дождя,
не пряча крылышек лимонных,
присел на краешек тебя.

Мысок кроссовка трогал лапкой
и тыкал тонким хоботком.
Дрожал от ветра бок палатки,
ворочал валунами гром.

И вдруг подумалось: как много
роднит и нас, и мотылька —
свобода выбирать дорогу,
не избегая сквозняка.

Шнурок петляет по кроссовку,
нас мотыляет по судьбе.
Я мокну, мёрзну, греюсь, сохну
и помню, помню о тебе.

Льнянка в цветник отправляет Павлиний глаз:
«Милый Лилейничек, как ты живёшь, мой свет?
Есть ли ещё у августа дни для нас,
или пора клониться к сухой траве?»

Жёлтый Лилейник Лимонницу шлёт в ответ:
«Милая Льняночка, нам ли бояться сна?
Я становлюсь прозрачнее на просвет,
я обращаюсь к тучам по именам.

Всё водянистей день и смелее мрак.
Вот он, мизинчик лета, его предел.
Тонкая нота последнего комара
в воздухе держит нашу земную Л».

Листья большого дуба укроют лес.
Всё, что пришло к молчанью, хранится здесь.

И плотва приплывала, касаясь июльских
кувшинок,
и подолгу стояла в дремучей вечерней реке.
Мы мечтали, что станем однажды
большими-большими
и уедем отсюда. Но вот мы — живём на Оке.

Нам казалось, из Репинки детства мы вышли
на берег
и вернули песку все ракушки из тёплой руки.
И нахлынул камыш, и вода заросла и не верит,
что ушли навсегда загорелые люди-мальки.

Известняк и ветла, вы стоите у самого края,
вы молчите так долго, что знаете нас наизусть.
И когда чешую по живому с кого-то сдирают,
он приходит к реке, и она отдаёт бирюзу.

За какие слова, за какие дела и делишки
ты прощаешь всех нас, как больших сухопутных
детей?

И река замерла и как будто вопроса не слышит.
И круги от июльских кувшинок идут по воде...

Август августейший, солнце на меду.
Я пойду до речки, замуж не пойду.
По еловой хвое, пижме и ольхе,
Только бы не думать мне о женихе.
Где бежала речка, там земля суха.
Нету, нету, нету рядом жениха.

Шкурка блещет лунно, хвостик не юлит.
Ветер запускает листья-корабли
По реке дождливой до реки большой.
Хорошо мне было, было хорошо.
Осень у дубравы выжелтит живот.
Ящерка от ящерки далеко живёт.

Юлия Скрылёва

Вы превратились в Солнце

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Гастелло

Облака над Самарой легки, как газ. Тело
Вот-вот расплавится, растечётся маслом на
солнце летнем.
Ужом ползёт ленивый трамвай по Гастелло —
И временно забываю, кто я такой и сколько
лет мне.

В ушах, как студень, трясётся небо.

Вой.

Нить

Золотая соединяет меня с моим прошлым.

Год — сорок первый.

Пятые сутки войны.

Вчера мне приснился дом, в котором я рос,

Шлем

Старый отцовский,

Прогнившие доски, ремни,

Гришка-сосед,

Тот, с которым играли в Гастелло.

Чижевский

А закат сегодня — как плюш, как плющ.

Вьётся локоном, с небом шепчется —

Такой... верблюжий, знаете, бежевый.

С нежным шелестом

Едва уловимого ветра.

Отзовитесь!

Да где же вы?

Верным

Было всё, о чём люди думали, постигая
космос.

Александр Леонидович, вы нас слышите?

У нас осталось так много вопросов,

А вы превратились в Солнце

И мирно дышите,

Пока отрицательные ионы стекают с тонких
иглол.

Гагарин

Нам высь небесная помеха ли?

И пусть враги не смотрят косо.

Махнул рукой, сказал: «Поехали!» —

И, улыбаясь, вышел в космос.

Ходить опасными тропинками —

В безвестном космосе крутиться.

«Восток» работал без запинки, но

Непросто было возвратиться.

Корабль вертелся как ужаленный

И кувылкался диким волком.

«Земля, не отпускай же!» — Сжалилась...

Рискуя приземлиться в Волгу,

Но ловко управляя стропами,

Удачно совершил посадку.

Ещё бродить родными тропами,

Гулять по городу и саду.

Такой прорыв для человечества,

Такой открытый светлый парень.

Такой штришок на теле вечности.

Такая солнечная память.

Дитя мечтой о небе тешится,

Грядущее не ляжет грузом.

Я так горжусь страной и тем, что я

Как ты — смоленский, честный, русский.

Алёна Хрычёва

Течёт река, как голубая сталь

Финалисты
Всероссийского
литературного конкурса
имени А.Л. Чижевского

Весна в Вологде

Щебечут птицы, сер небесный свет,
И резок запах тополиных почек.
Здесь есть весна и счастье тоже есть,
Здесь мир и хрупок, и глубинно-прочен.
Скупое солнце. Древняя земля
Рождает мать-и-мачехи, как чудо,
И снег летит, как в дебрях февраля,
На Первомай. Но лето всё же будет,
И в переулке, скрючен и устал,
Рассыплет тополь хлопья снега-пуха.
Течёт река, как голубая сталь.
Звенит весна, едва касаясь слуха.

Черёмухи столпились у пруда,
Закат ложится в их пустые руки.
А дома — свет и тёплая вода,
Салат из огурцов с зелёным луком.
И веник выметает из углов
И сор, и все бессмысленные ссоры.
И пахнет чесноком горячий плов,
И пахнут небом выцветшие шторы.
Вот — стены, стол и чай. Вот — мы с тобой.
Герань — как дополнение к уюту.
Не важно, что вокруг: война войной,
А мы всё так же живы почему-то.

Тяжела зима. Долгий волчий вой
Далеко летит, низко стелется.
«Я хочу домой! Я хочу домо-о-о-ой!»
Только дома нет. Есть метелица,
Да полна река ледяной воды,
Да следы, почти заметённые.
У реки родник пробивает льды,
Да дубы стоят рядом с клёнами.

Мантурово — Вологда

Из поезда смотрю привычно в лес:
Там нежные и ломкие берёзки,
Еловых лап узорчатый навес,
Тайги проснувшейся наряд неброский.
В болота протянулись ржавых рек
Земли моей расширенные вены.
Их кружева ни Бог, ни человек
Не вычеркнут из мира, не отменят.
Они текут в кисельных берегах
Весеннего живого бездорожья.
Некрайний север держит на руках
Мою любовь, огромную до дрожи.

Моему героически погибшему брату

Сон оборвётся. Мы снова проснёмся детьми.
Сколько мне будет — не знаю; не больше восьми.
Мир будет прост, и беспечен, и полон любви.
Солнце на небе — как мячик: бросай да лови.
В речке — воды по колено, ракушки на дне.
Мы будем рыбок руками ловить у камней.
А впереди будет долгая-долгая жизнь.
Семьи и дети — мы семьями будем дружить.
Тёплая радость рутинных, но значимых дел.

Впрочем, а я и не знаю, чего ты хотел.
Может, ты с детства мечтал о военной судьбе.
Я б поболтала — с тобой. Не могу — о тебе.

Артавазд Сарецян

Неизбывно...

Неизбывно...

Ах, нене...
 Это нежное имя грустит
 И в мечтаньях моих, и в тоске,
 Неизбывно живёт на губах...

Без дыхания уже твоего
 Тяжелеет во мне день за днём
 И густеет в артериях кровь...

Притяженье могучей тоски
 Шар земной поднимает легко —
 Он уже ровень с сердцем моим.

Так хочу, чтоб пришла ты сейчас...

В то мгновенье, когда ты придёшь
 (А придёшь обязательно ты),
 Расскажу без утайки тебе
 Я о том, что во мне каждый день
 Оживает сказанье в крови —
 В нём премудрый орешник стоит,
 В нём Агрида привольный родник, —
 И становится былью тот сказ.

Любое из слов моих — это исход,
 Что снова и снова влечёт повторенье:
 Оно — для тоски приземлённый оплот,
 Оно — для мечтаний моих вознесенье.

Любое из слов моих — крепкий капкан,
 Оно самородное, нерукотворно:
 Влачу за собою, страдая от ран,
 Ногою в него угодив неспорно.

И с каждым мгновением я умираю,
 Мгновенье спустя воскресаю я вновь,
 Капкан за капканом — себя убавляю,
 Стираюсь, с землею смешав свою кровь.

Моя старшая мама — нене...

Ах, нене дорогая, поверь,
 Не воскреснет сказанье твоё,
 Потому как вовек не умрёт.

Разговор с бабушкой

Памяти моих бабушек Сатеник и Элмас

Когда над высокой горою напротив
 Гремела гроза, сотрясая наш дом,
 Все шалости тут же свои забывая,
 Я к бабушке в страхе большом прибежал,
 Чтоб старшая мама мне стала защитой
 И вынула страх из пугливой души.

— Иди же ко мне, мой сынок оробелый,
 Сниму я твой страх с воробьиной души
 И в небе сожгу,
     чтоб пред бедами жизни
 Был смелым и стойким теперь ты всегда.
 И бережно так указательным пальцем
 Три раза неспешно и нежно она
 Легко подбородок мой вверх поднимала
 С улыбкой: — Ты чувствуешь, как из души
 Я вынула страх и закинула в небо?..
 И если сверкала вдруг молния вновь,
 Кивала: — Смотри, это страх твой сгорает.

...Моей старшей мамы давно уже нет.

Но даже сегодня,
     когда в бренной жизни
 Препятствия снова встают на пути
 И так тяжело, беспросветно бывает,
 С надеждою бодрой твержу я себе:
 «Ну, ну, брось уныние, бабушкин внук,
 Держи и осанку, и голову выше
 И смело к поставленной цели иди».

И вслед добавляю с серьёзной шуткой:
 «Ведь бабушка вынула каждый твой страх
 И в небе — ты сам это видел — сожгла».

Поверьте, что так в каждом тягостном дне
 Жить сразу же легче становится мне.

Абхазия: 1992 год¹

В невесомо скользящем тумане
Нашу лодку качает волной,
Я измотан, страдаю, как в драме,
От жестокой болезни морской.

И душа на волнах спозаранку —
Точно парусник в качке шальной:
Это сердце моё наизнанку?
Или рушится свод надо мной?

Я как лист, что дрожаньем охвачен,
Постепенно желтею, как он, —
Где же берег, что нам предназначен?
Или море возьмёт нас в полон?

И моё изболевшее тело
Предадут разъярённым волнам...
Кто-то скажет: «Как жаль, не сумел он...»
А другой: «Повезло... Так бы нам...»

В невесомо скользящем тумане
По-над парусом чайка парит.
Что ж кричит она с болью над нами?
Что же душу её бережит?

В чём же смысл и разгадка совета?
Но в молочной бушующей мгле
Остаётся вопрос без ответа.
Без вопроса утерян ответ.

Пробуждение

Дочери Сусан

Как безудержно, радостно жизнь утверждая,
По весенним лесам расплывается зов,
Так и семья, водой дождевой набухая,
Пробуждается в почве от зимних оков,

Чтобы снова замкнуть круг святого творенья —
Судьбоносную цепь (в том числе для меня)
Величайшего самого в мире мгновенья,
Вековечности нашего здесь бытия.

И всё больше и больше страдает от зуда
И рыхлеет земли неподатливый слой,
Точно так же, как время приходит для зуба
У малютки прорезаться вверх под десной.

На закате дня

Как гадюка, что бьётся в беспомощном страхе
О ежиный клубок — что ни шип, то копьё, —
Так и солнечный ветер на каменной плахе
Разбивает текучее тело своё.

По-змеиному в скалах себя извивая,
Он себя не щадил, на куски разрывал,
Окровавленной душу свою оставляя
На зазубренных рёбрах базальтовых скал.

Мои слова беззвучны и чисты,
Белы, как снег Масиса вековой,
И падают, как глыбы, на листья,
Будя в душе и сердце непокой.

Потеряны и блеск былой, и лоск,
Отточенность утрачена навек,
Местами щедро мох на них нарос,
Чтоб на пути не сбилась человек.

Когда слова теряют звук и лик свой,
Тогда слова становятся молитвой.

Продолжающаяся тревога

Мы сейчас не имеем ни ночи, ни дня,
Нет ни полога тьмы, ни сиянья огня,
От тоски наша стонет душа и от боли,
Столь далёкой и близкой в тревожной юдоли.

Вдруг обрушится Космос от взрыва ракет
И сведёт всё живое Вселенной на нет?
...Кто спасёт наши души от страшной години
Или снова, как Бог, сотворит нас из глины?..

Перевёл с армянского Павел Черкашин

.....
¹ 14 августа 1992 года началась грузино-абхазская война.

Ольга Никитична

Катились тёмные воды

*Бывают минуты, когда кажется,
что живёшь ты здесь
веки вечные и впереди у тебя ещё больше времени,
и вовсе не нужно жадно пускаться в изучение,
а, может быть, самое важное сейчас —
просто посидеть и посмотреть...*

Юрий Казаков

Светало неохотно, часам к десяти серый, пасмурный день оживал еле-еле, а темень начинала густеть сразу после обеда. За короткое время дня я совсем ничего не успевала, а пребывала в дремотном, сонно-застывшем состоянии, и жизнь во мне скрылась вглубь, спряталась.

Я поздно вставала, но всё же чуть раньше, чем несветлый, мутно-густой день. Потом бродила бесцельно по сумрачному пустому дому, просто переходя из комнаты в комнату, присаживаясь на кровати и диваны и сменяя накидки из жёстких кружев, которыми моя бабушка Нина Никитична нарядно укрывала линиялые наволочки на огромных, тяжёлых подушках из гусиного пера. Я разглядывала старые портреты незнакомой родни, неровными островками развешанные по зелёным, в мелкий цветок, обоям. И в этом общем январском забытьи, в этой дремоте мне чудилось, будто лица на иных портретах поворачиваются друг к другу и разговаривают — привычно, негромко, деловито обсуждают что-то своё. Это не было жутко, но как-то незнакомо, и, цепеная в прохладной, уже выстывшей с утра комнате, я следила за ними, лениво и сонно удивляясь, отчего же это не все портреты разговаривают, а только некоторые, редкие и, как нарочно, совершенно мне незнакомые.

...Так покатились тёмные воды неспешного здешнего времени, потянулись одинаковые, пустые от внешних событий дни моего отпуска. Я отвыкала от счёта часов, всё меньше томила тишиной, огромной здесь и даже почти безграничной, всевластной; и только изредка её, тишину, как застывшее коровье масло, взрезали тугие постуки маленьких ходиков за тесовой перегородкой. Я слезала на чердак, стащила оттуда старую брезентовую раскладушку и часами валялась на ней, ногами к остывающей печи. Листала трёпаные «Крокодилы», искаляканные детской рукой

охотничьи альманахи с выдранными картинками, чьи-то старые книги про тропические путешествия. Ела квашенные сморщенные огурцы, натасканные в корявую миску из круглобокой бочки в сених, и всё молчала, поглядывая изредка в малое оконце, до половины уже замётённое снегом, фиолетово-бледное в слабом, жалком свете единственного дворового фонаря. Всё было неподвижно в этом зимнем северном мире, всё оцепенело, застыло, уснуло; изо всего до далёкой весны ушла, отхлынула жизнь.

В окне близко виднелся домик — приземистый, утлый, окнами почти завалившийся прямо к тёмному каналу, да так, что конёк косой крыши уже нависал чуть не над самой водой.

Дом стоял заколоченным много лет. Я каждый август бывала в этой деревне у берегов кипящего бурунами, вечно холодного моря и, кажется, ни разу не видела ни души возле этого домика. Но иногда, сквозь сон, мне смутно припоминалась чёрная старуха с неразличимым из-под мохнатого платка лицом: она копалась в огороде на задах того дома. А то мне виделась там громадная лохматая псина на крыльце, она глядела, не мигая, прямо мне в глаза. И я никак не могла разобраться: всплывает ли всё это в моей памяти из какого-то далёкого времени или просто снится? Бывало, возле лохматой собаки чудилась мне ещё высокая незнакомая женщина в лёгком платье — не длинном, по тутошней общей привычке, а таком, что голились колени её, круглые и крепкие.

Как будто припоминалась, лезла в голову чья-то прошедшая в этом вот доме жизнь, не нарочно, несправедливо забытая, — не сегодняшняя, а бывшая, но всё-таки настоящая, живая жизнь, когда окна в нём ещё не были заколочены чёрными досками, и сам дом не заваливался передом к тёмным водам, что тяжело, медленно катились к холодному морю, а стоял прямо, хоть и бедновато, и низко.

Сразу после завтрака, чтобы успеть дотемна, бабушка Нина, по единственной узкой тропке за огородами, ушла в посёлок: за чёрными буханками — впрок. Жили в окрестных деревнях своими припасами. Летом, хаживая каждодневно в лес, тормоша и ребятяню свою, хозяйки, бодрясь,

плескали руками: у нас ведь што потопаетшь, то и полопаетшь! И не прекращались до поздней осени привычные, никак тут неизбежные засолки, закваски, рыбалки, а охотились и вовсе жадно, аж до морозов, покуда уж самые последние серые гуси — отъевшиеся в северном заповеднике, тяжёлые, жирные — не пролетали к югу в затучившемся до весны здешнем небе. В подполе береглись припасы на долгую, нудную здешнюю зиму. В сенях из круглых бочек пускала пузыри ядрёная капуста с налитыми клюквинами, в тяжёлых баках солились здоровые, трудно выращенные тепличные огурцы.

Зимой в поселковом магазине, кроме хлеба и сахара, почти никаких продуктов было не купить, разве ещё спичек и водки. А в город не намотаешься: один автобус в день, и то спасибо, если пришёл. Старухам до самого апреля нечего было и думать поехать повидать детей ли, сестру ли, такую же старую, высохшую и жившую-то обычно поблизости, в какой-нибудь из деревушек вдоль моря. Скорую в случае чего тоже не вызовешь: кто тут поедет? На аварийных, неисправных машинах по разбитым дорогам с яминами, кое-как заваленными кусками кирпича! Но и не было, впрочем, привычки у здешних старух звать когда-нибудь эту скорую, так и помирали местные бабки — одиноко, тихо, в своих огромных чёрных избах, смиренно приготовив «гробовое» в тумбочке. У всех тут «зараньше» было наказано соседям, родне ли какой, где *оно* лежит, а ключ совали под приёмник, накрытый салфеткой с мохнатыми краями. И никому неведомо, в смятении ли, страхе уходили из этого скудного северного мира старухи или покидали его легко, благостно — и неспешно, торжественно поднимались по золотым лестницам тяжко заслуженного загробного блаженства...

Я ждала Нину Никитичну к обеду. Луковый суп томился в ещё тёплой печи. День тянулся долго, читать наскучило, на двор не высунешься — пурга! Я пошуршала страницами, как веером, и, уже забыв скучную повесть, пошаркала к окошку. Солнце только зашло, и короткий призрачный день покатился к ночи. Уже повылезали из-за кривых заборов сумерки, и мир законный сделался весь фиолетово-серым и плоским, как декорация, и снег, густо улёгшийся на подоконниках, тоже.

Прижавшись носом к холодному тонкому стеклу, я смотрела на синие сугробы во дворе — они были уже чудовищно высоки. Тропка к мостику на канале, калитка, много лет уже ненужная будочка из тёса — всё было замечено тяжко, надёжно и, похоже, очень надолго.

Бабушка Нина до сих пор не вернулась, делать было, как обещал перед моим отъездом не сумевший отговорить, отец, и вправду совершенно нечего, но — вот удивительно! — это вовсе не злило,

не тревожило, просто думалось вскользь, и то мимоходом, нетвёрдо. Я словно бы вся размякла внутри, поддалась этому здешнему странному настроению, полужизненности, всеобщей разобщённости и покорности тяжкой январской дрёме, обыкновенной для этих мест, забытых всеми — и даже Тем, Кто мог бы смотреть на них свысока, со своего Неба, но, по всему видно, давно уже не смотрит.

Я подошла к печи, подвинула чуток заслонку и вдохнула запах наваристого лукового супа с бараньей печёной. После, решив всё же дожидаться бабу Нину — одной разве повадно обедать? — сунулась было от безделья в душную темень над печью, но сразу получила оттуда мягкую, сонную, но ловкую оплеуху от старого кота. Отошла, поглядела обиженно в угол, на бабушкины часики со сломанной кукушкой, и, отметив шёпотом время: «Три...» — черпанула железным ковшиком ледяной чёрной воды из бадейки, глотнула раз, остальное вылила в чахлый фикус — кривой, нелепый цветок, ненужный для этих мест. Ополоснула под ржавым умывальником руки и брызнула тяжёлыми, крупными каплями в кота, невидимого на печи, но без досады за оплеуху, а так. Потом вышла в прохладный сумрак сеней. Пугаясь свисавших с потолка сухих берёзовых веничков и длиннющих каких-то стебельков, травок, достала на ощупь, вместе с приставшим смородинным листом, огурец из кривой бочки, хрустнула и пошла сидеть у кухонного окна на скамье, сколоченной ещё прадедом. И пока бабушка Нина где-то плутала, я не то скучала, не то дремала возле оконца, глядя, как распускаются отовсюду густые, переходящие в долгую ночь сумерки.

Вовсю уже разливалась темень, и выюга смешивалась с пространствами, земным и небесным, теряя в моём зрении краски и густоту, казалась рыхлым, трёпанным пуховым платом, наброшенным на стекло, а я привычно сидела у того оконца в холодной, быстро выстывающей кухне. И вдруг в метели, у самой стены заколоченного соседского дома, мелькнул и исчез за углом тёмный маленький силуэт. Тут же скинулась с плеч одолевающая, тяжёлая дрёма: привиделось или приснилось? А может, правда, пробежал за угол кто-то? Но кто? В такой-то невероятной метели, у мёртвого домика, для чего?..

В висках слабо застучала, ожила кровь. Я сунулась было в сени, да валенки в избе забыла, пришлось возвращаться, крутиться по кухне, искать их, и, пока обувалась да отыскивала тулуп, выскочила на крыльцо уж кое-как, без шапки, распахнутая.

Уже совсем стемнело. Косо сыпал под низким фонарём снег. Заколоченный дом сонно глядел на меня зашитыми в чёрный тёс окошками. Никого! И снова та же бесконечная, бескрайняя тишина,

беспросветная, ватная, без единой малой надежды: будто на эту северную окраинную землю накинул кто просторное покрывало — закрыл метелями, чтоб не увидеть сверху бедности, крайней скудости, нищеты здешней жизни, закрыл и отворотился.

И жители здешние догадывались, что отвернулся, и уже давно... Бывало, повторяли это при случае, при крупной хозяйственной неудаче, и даже радостно, злорадно как-то, будто и с вызовом: ну, чего же, отвернулся — и ладно! Вона, сельдь-от уходит, надо скорей моторки брать да на острова идти за ей, может, там чего ещё и застанем! Или, вон, клюква от сухоты-то не уродилась нынче совсем, одни лысые кочки, поди побери на зиму! Да и вообще, сей год выпал нам тут какой-то дурацкий, гадостный.

...Я долго-долго зачем-то стояла, распахнутая, в метели, ловила языком обманчивые холодные хлопья, слушала тревожные завывания. Буран не унимался, всё мёл, мёл уже много часов подряд. И вдруг сделалось жутко, что Нина Никитична уже не вернётся, я навсегда останусь одна в этом тёмном громадном доме, где полно низких комнат с перегородками и печами, а в комнатах — чёрных углов, где на чердаке каждую ночь тяжело топает, скрипит половицами кто-то несчастный, невидимый, пугает вздохами. А что, если и бабушки-то никакой здесь вовсе не было, и не уходила она никуда, а страшная выюга эта мела здесь вечно — и не было ей начала, как не будет конца?... И белый день не наступит больше, и никого нет в пустом, бессмысленном мире.

Ужас заброшенности, нахлынувшей одинокой вечности бросился тут мне в голову, я кинулась в дом, стараясь шуметь, создавать какие-нибудь звуки — хлопнула дверьми, нарочно закашляла, сбросила под скамейку валенки, забыв отряхнуть снег. Я зажгла везде свет, и так мучительно захотелось позвонить домой, поговорить с кем-то, просто послушать человеческий голос, живой, и чтобы он сказал о чём-то совсем простом, и что-нибудь тоже простое говорить в ответ... Но позвонить нельзя: связи тут нет и вряд ли когда будет. Больно жалось от такой муки сердце, и хотелось уверить-ся, что я всё ещё есть на свете, что это пока ещё не неизбежная страшная вечность, не наказание, а просто жизнь, просто метель, вечер.

Полазала в дорожной сумке — бабушка Нина аккуратно пристроила её под ненужную с недавнего времени прялку (после её матери, Клавдеи, прясть больше никто не умел) — и, торопясь, готовая уже вот-вот заплакать, отыскала в боковом кармашке обратный билет. Стала читать его вслух — как подтверждение собственного существования, доказательство, хоть и невесомое, своего бытия: место, вагон, прибытие... Но голос мой в этом огромном старом доме звучал ненастояще, слабо,

и я всхлипывала, как совсем маленькая, словно в ту ночь, когда привезли меня в этот дом впервые: в далёком, почти ушедшем из памяти детстве, а я не хотела здесь оставаться, не желала ни к бабушке на руки, ни пробовать сладкую кашу из печки, ни играть с папой...

Страх со всех сторон обступил меня; и было так горько, так безнадежно жаль чего-то давнего, невыразимого, потому что накрепко уже забытого. Но почему-то то самое, забытое, изжитое из памяти, и казалось теперь единственно важным, и плакалось над ним так горестно, жарко! И я пошла, как слепая, по дому, стала задёргивать занавески — чтобы не видеть вечной метели, чтобы снег, заваливший окошки, не влез в комнаты. Но тонкие белёсые занавески из многожды стиранного, линялого ситца казались для этого хилыми, недостаточными.

И тут вдруг я вспомнила про кота. Плача, пошла в кухню, надеясь, что Тима ещё не ушёл никуда по своим неизвестным кошачьим делам, что всё ещё спит он на печи. Встала на лавочку, приставленную тут же, и, не боясь его когтей, доверчиво протянула вперёд, прямо в темень, в невидимость, обе руки, на шаривая его и тихо, отчаянно шепча туда:

— Тимоша... ну Тима, пожалуйста!..

И тут мне в руки вкатилось его крупное мохнатое тело — хоть был кот полудиким, сторонился людей, однако тут что-то и он, видать, почуял, вот и сунулся заспанно, покорно прямо в руки.

Я, благодарная, ещё не веря, что вот она, живая, настоящая душа, и боясь, что кот передумает, ляпнет когтём и спрячется в глубину печной темноты, радостно зашептала:

— Тимоша мой, Тима...

Взяла его и осторожно слезла вниз, стараясь не шатнуть скамью, а Тима болтался в руках у меня грузно, прикрыв веки и свесив лапы вниз, и только чуть-чуть посматривал на меня в щёлочки глаз.

Я аккуратно снесла кота в комнату, там легла на высокую бабы-Нинину кровать, прямо на кружевные накидушки, и уложила Тиму себе на живот. И было спасение, счастье — видеть так близко живую, хоть и маленькую, душу, пускай и поворачивал кот рыбинами и ещё чем-то противным.

Но Тима не привык так, не знал, не любил близости и съехал с меня, протянув передние лапы, на покрывало, привалился сбоку. Застыл, и я тоже вся замерла, испугавшись, что вот теперь он всё-таки уйдёт, оставит меня одну, и тогда... Но кот не ушёл, снисходительно фукнул малиновой пуговкой носа, полизал для порядка крепкие, широкие лапы и, зевнув, улёгся клубком прямо под боком, так что я ощущала всё его сильное, живое тепло. Я была благодарна, но не решилась даже разок протянуть руку и погладить его, а

только дышала тихо, боясь спугнуть кота, и слёзы высыхали на щеках.

За окошками всё завывало, свистело, а Тима уже спал — не помурчав и минуты, но разливая вокруг себя покой. И в голове у меня пропадала тяжесть, с сердца медленно уходила тоска, и потянуло уснуть. Перед глазами покатались скоро какие-то сны, и снова падал фиолетовый снег, виднелась брошенная будка под фонарём, а мимо стены заколоченного дома пробежал мальчик.

Проснувшись я от чьего-то явного присутствия в доме. Тимы рядом уже не было, а в кухне топилась печь и глухо позвякивали чугуны. Я догадалась, что вернулась бабушка, но некоторое время ещё тихо лежала, счастливая и спокойная. Из кухни густо пахло луковым супом, свежими чёрными горбушками, и слышно было, как стучала о миску ложка. Я подождала, пока Нина Никитична поест, и, когда уж закапала из умывальника вода, негромко позвала:

— Бабушка...

И тут же она вошла ко мне, с кружкой в руках, а кружка была полна тёплым молоком с корицевой пенкой — из печки! Ничего не говоря и словно бы зная уже обо всём, глядела она на меня с жалостливой, лёгкой улыбкой и, как когда-то маленькой, приподнимала мне голову и поила жирным, густым молоком, отодвигая ложкой жареную пенку — помнила, что я люблю выскрести её уж в конце, из пустой кружки.

Я захотела рассказать, и посмотрела уж на неё: бабушка, мне так страшно было здесь сегодня! Но она кивнула понимающе, показывая, что не надо рассказывать, что она уже и так знает всё это — и страх, и буря, и вечность, и что даже к вечности можно привыкнуть. Я допила молоко, съела жирную сладкую пенку, а бабушка всё не уходила, сидела возле постели, жалея меня, гладила по волосам сухой широкой ладонью и вздыхала: ну ничего, будет ведь завтра и новый, однако, день...

Потом, видя, что я уже задрёмаю, она встала, укрыла меня двумя ватными одеялами, так что стало тяжело ногам, удобно подоткнула подушку. Себе постелила рядом, на диване, хоть до того мы ни разу не ложились в одной комнате. Уже в темноте, засыпая, слушая ровное, шумное бабушкино дыхание, я спохватилась, затревожилась:

— Баба, а Тима где?

— Там Тима, там... — сонно, еле слышно ответила она.

И я совсем утешилась и засыпала, и это «там Тима, там...» ещё какое-то время ватно, глухо каталось в голове почему-то маминым ласковым голосом, пока не слилось в одно бессмысленное, круглое «там-ти-ма-там», «там-ти-ма-там»... И снова маленький мальчик посмотрел на меня из метели, потом зажёгся слабый желтоватый

огонёк на чердаке заколоченного дома, и я захотела идти туда, искать тулуп, валенки, но тут же огонёчек пропал, разъехался радужными пятнами, и всё, всё закрыла покойная, непроглядная чернота.

С утра проснулась рано — раньше бабушки, раньше бледного ленивого дня. Бабушка ещё спала, отвернувшись к перегородке, бок её мерно вздымался, но дыхания не было слышно. Тима не спал, нахально влез в бабушкино кресло, куда никогда ему не позволяли, и тщательно, преувеличенно старательно нализывал круглые бока, натирал серыми в неровную полоску лапами непомерно широкую морду, громко чмокая малиновым языком — знал, что сон у старой хозяйки ещё крепкий, а когда уж закричит, заворочается, просыпаясь, можно будет и на печь перейти, ладно...

Я шёпотом позвала Тиму:

— Кис-кис...

Он без интереса повернул морду на звук, поглядел в мою сторону пьяно, невидяще, мутно, но тут же опять зачмокал старательно.

Мне захотелось подняться, попить, но вдруг неприятно качнулась перед глазами комната, и я снова откинулась на подушку. В горле пересохло, глазам было горячо, жарко, но тело даже под двумя одеялами отчего-то знобило. По рукам, ногам, разливалась противная слабость, спускалась ниже, ломила колени... Я поглядела в боковое оконце над комодом — его я вчера не занавесила. День ещё не настал, светлоты не было, но и ночь порассеялась уже, разредилась. Метель ушла, снегом до середины завалив окошко. В оставшуюся, верхнюю, половину его виднелось не то небо, не то весь мир — сероватый и тягостный, что сохранился после долгой ночной бури.

Мерно тукали за тонкой перегородкой ходики: давно сломанные, они отсчитывали какое-то собственное, непонятное время, и кукушка с резным хвостом когда-то выскочила из домика, да так и не сумела почему-то вернуться — застыла на своей пружине, вытаращив глаза и разинув крашеный клюв. Но, хоть и сломанные, часики не выбрасывали: бабушке Нине они от матери, Клавдии Михайловны, достались, а та ещё после войны их, как невидаль, в подарок от мужа получила. Правда, деревянная кукушечка быстро сломалась, ход времени тоже сохранялся недолго — запутался, сбился. Но всё же постукивали ходики маятником-шишкой, и до того спокойно, приятно, что их и не думали снимать, а после смерти старой Клавдии выбрасывать уж вовсе не собирались: чего же, пусть будет память, ведь покуда ещё стучают — всё-таки живы часики!

Когда я проснулась совсем, в окошке уже висело солнце, хоть и низкое, бледное по-зимнему, а всё же свет. А в кухне снова топилась печь: что это бабушка Нина расточительна?... И слышно было,

как тихо разговаривают двое, отхлёбывают из чашек. Кто мог прийти по сугробам в такую рань? Я неожиданно заволновалась от нового человека, привыкнув за прошлые дни к почти совершенно-му одиночеству, к тихой, неслышной бабе Нине и невидимому Тимоше.

Я слезла с кровати, сунула ноги в припасённые бабушкой валенки, опять удивилась: отчего это так кружится голова, ломит всё тело? Пошла в кухню. Там, за длинным сосновым столом, друг против друга сидели бабушка Нина Никитична, в новом светлом переднике — «для гостей», и высокая, прямая старуха с очень строгими, почти злыми глазами: из-за этого взгляда те, кто не знал бабу Васю, поначалу пугались её, сторонились.

Василиса, сколько лет я её помнила, жила всегда одна, до сих пор вела широкое хозяйство — овечки, поросята. Как в одиночку справлялась — непостижимо, но всё у неё было всегда в идеальном порядке и чистоте. Однажды, в далёкую пору моего детства, почти в младенчестве, говорят, привёл меня папа к Васе в гости. Тогда мне не было, выходит, и трёх, и все старухи в деревне, помня и самого-то папу ещё ребёнком, поражались: как это вышло, что он вдруг уже дочку привёз? Хотели поглядеть, какого «медвежоночка-то Мишка на югах своих завёл». «Югами» они считали нашу среднюю Россию, удивлялись: ну а как же не юга, раз у вас там яблоки растут? И нас с папой наперебой звали в гости, каждый день ходили мы вдвоём по разным домам, гоняли везде чай. Меня обязательно тискали, неприятно, одинаково щипали за пухлые щёки. Смутно помнится мне, что везде, прощаясь, совали мне бабки в руки горсти хороших, дорогих шоколадных конфет, а я их отчего-то не ела тогда, не любила ещё, и по дороге домой они слипались у меня в ладонях в ком, а папа радостно все их разворачивал и съедал тут же с моего равнодушного разрешения.

Так ходили мы с ним по гостям, чтоб никого не обидеть, и везде хозяйки торжественно, радостно сообщали папе, свойски пощипывая меня за розовую щёчку: вашенская порода-то, Мишка, вашенская, сразу видать! И весёлый молодой папа, радуясь всему этому, подбрасывал меня на сильных руках, тормошил за живот до щекотки. А мне, умотанной в колючие овечьи кофты, было скучно, жарко, хотелось поскорее домой, к бабушке Нине, где можно будет съесть пеночку и потискать ко-та — который, увы, быстро раскусил мою к нему любовь и уже на второй день приловчился взлетать на шкаф, едва я вкатывалась в избу.

Сходили мы в гости и к бабе Васе. Уже тогда она жила одна — муж Никанор, портной, умер ещё молодым. Запомнилось, что было уж слишком у неё в доме нарядно, чистенько, ни соринки — всё-то

кругом бело, всё устлано крахмальными вышитыми салфеточками.

Баба Вася приходилась папе какой-то дальней родней, а значит, и мне, и очень уж ей хотелось, чтоб у неё-то в гостях нам понравилось особенно! Помнится, на стол, к чаю, она достала из шкафчика коробку зефира в шоколаде — диковина, редкость! Вася надеялась сразить меня этим зефиром, влюбить в себя. Но ел его только папа — что называется, за двоих, а я взяла от неловкости только одну зефиринку, которую чёрными длинными пальцами протянула мне баба Вася. Но и ту зефирку я не стала есть — измяла, истискала, раставившим шоколадом извазюкала нарядную Васину скатёрку... Потом хозяйка осердилась, снесла коробочку назад, так же накрыв картонной крышкой. А я, не допив даже чай, вдруг встала из-за стола, подошла к папе и, всегда такая молчаливая, тихая, объявила ему, ошарашив: мне здесь не понравилось, пошли домой!

С тех пор баба Вася нас в гости ни разу больше не позвала. Тогда ещё папа, от молодой своей глупости, взял да пересказал историю со смехом кому-то: что вот, мол, велик ли ребёнок-то, да чего учудил! А история возьми да расползись по всей деревне — старухи посмеивались в уголки своих платков: вон, поглядите-ка, до чего наша Васька довела всех своим порядком, только с дивана у ней подымешься, бывает, а она уж за тобой накидку оправлять бежит!

Одинокая, строгая глазами Вася сделала вид, будто не слышит ничего, однако на папу она тогда сильно разобиделась — народ тут крепкий, памятный, и обида по многу лет, бывает, держится...

Вася сухо кивнула мне. Я улыбнулась: молодец, что зашла, бабушка Вася. Она что-то заворчала в ответ, для суровости ещё и нахмурившись, склонив голову, и глубоко, сильно замакала в чашку с нагретым в печи молоком хлеб. Бабушка Нина спохватилась, вынула из печки и для меня припасённое молоко: да гляди, не спружь на себя, горячее шибко!

Я села за стол, лизнула чёрную пеночку в кружке. В тишине мы отхлёбывали из кружек, слушая, как за окном свистит ветер, похлопывает незапертой калиткой. Потом уже, наливая в блёклые чашечки жидкий чай, бабушка вздохнула:

— А вот что у нас тут случилось-то: Санечка опять из интерната сбёг, говорят!

Я сразу вспомнила маленький силуэт в метели.

— Бабушка, это какой Санечка?

— Да Файкин, младший, вон в том доме оне все жили... — и, нагнувшись к низенькому окну, показала мне на заколоченный соседский дом.

...Муж у Фаины рыбачил в артели, а как-то ушёл в море совсем один и попал в шторм. Три

дня искали, нашли перевёрнутую пустую лодку, пришли к обезумевшей Фаине, сообщили: утонул твой Фёдор. А трое сыновей росло в семье — как кормить? Младшему в ту весну ещё и года не было, молоко мамкино сосал. Как и оставила его в тот бедовый день Файка, непонятно! Обезумела она тогда, одурела, что без хозяина они вчетвером с детьми останутся. Она не выдюжила бы здесь: из дальнего какого-то города её Фёдор взял. Вот и помутнела, видать, тогда голова у Фаины, оставила она младшего, Саню: уговорила соседскую девчонку понанчиться, баранок ей надавала, а девчонке самой-то вроде лет семь было — ну что за нянька? Ей Саня что куколка живая — потискать, поиграться. Фаина, видно, до ночи обернуться думала, хотя посчитать если, то даже при штилевой погоде никак было это невозможно!

Она сразу не на тот остров даже отправилась — заблудилась, а весной ведь темнеется быстро, да и отлив, море всюду уходило уже! Фаина, видать, заторопилась с испугу, лодку у берега бросила, сама по няше до островов успела дойти — минут сорок быстрого ходу. А потом замешкалась там чего-то, мало ли, а большая вода быстро прибывает, да лодку её и отнесло — не доплыть.

...Искать её почему-то тогда не сразу кинулись... Вечером нянька-девчонка, изредевшись, маленького Саню домой к себе, в пустую нетопленную избу, приволокла, а мамка у них пила запойно, дрягалась не по одному дню где-то. Так девочка, молодец, молоко сама грела в бутылочке, с грехом пополам кормила парня, хорошо, соску был уж приучен брать! Старшие-то братовья Санечкины вот где тогда были? Так и неясно: может, болтались в посёлке, а может, из-за бати пили где, по дурной своей юности... Много ли им ещё самим-то было? Старший восьмилетку в посёлке тогда кончал, другой на пару годов помладше.

Хватились они матери через неделю, а искали наши дураки ещё месяц, поди что... Два раза мужики не туда плавали — лодка Файкина в тину прибилась, а саму её не нашли. Только уж на третий раз туда, на Тумище, с собакой догадались поехать: Фёдорыч своего Полкаха дурного взял, тот и учуял, привёл к Фаине. Её ведь только по сапогам и признали: месяц на чёрных камнях вниз лицом баба пролежала, да под дождями, — как только приливом не смыло. Сама вся чёрная сделалась, лица не разглядишь, всё слилось, обесформело. Снизу уж и черви, и зверюхи какие-то мелкие пообъели...

Так ведь и схоронили кое-как. В закрытом гробу по задам деревни пронесли да и закопали. На могиле только двое сыновей и поплакали. А кому ещё? Нездешняя она была. Где-то в большом городе за Уралом мать старая у неё осталась, да разве приедешь теперь на похороны? На один билет сколько надо, а обратно на что? Подали ей телеграмму, и всё.

Вася горько качала головой: видно было, как привычно ей жалеть людей — сама намоталась в жизни, уж такого разного нагляделась...

— Да... А и семья была, однако! Файка-то больно хорошая баба была, на ей ведь всё только и держалось! — посетовала бабушка Нина.

— А с младшим-то что стало? — напомнила я. Вася махнула рукой:

— А что с младшим? Саню в интернат забрали, а как подрос он, так каждую весну оттуда сбегает. И ведь никто не ищет: кому надо? Так, пропал и пропал, поди, спишут где-нибудь в своих бумажках человека, мудрёно ли? А как нашьётся за лето парень по лесам, наночуется в брошенных избах, наголодается, отощает на ягодах-то, дак что ему делать? Назад к ним и идёт... Учиться уже не заставишь — маета одна. Лет десять ему сейчас вроде, а зубов уж во рту нету. Пальчики, хоть и детские, тощенькие, наколками изуродованы. Прошлым летом у кого-то из наших мужиков двустолку спёр — дичью, видать, кормился. Да много ли такой малой-то дупелишек и гусей настреляет?

Мне всё трудней становилось слушать, почему-то нарастала слабость, в голове кружилось. Бабушка Нина тронула мой лоб: девонька, да ты это чего, не заболела ли, однако, может, поди повались? И увела меня в комнату...

...К вечеру загорелся, запылал в голове жар. Комната перед глазами противно покачивалась, вертелась. Хотелось как-нибудь позвать маму, и всё вспоминалась её прохладная мягкая ладонь — родная, лёгкая... Но мамы не было, и позвать было невозможно, немисливо...

И всю неделю, да ещё с лишком, я провалилась, как у всех в нашем роду, с температурой под сорок, от которой непременно рождается в уме всякий бред.

А виделась мне в бреду Фаина — красивая, полненькая, как будто та женщина с круглыми коленками, что снилась мне раньше. Да и стояла так же — с улыбкой, весёлая, только не на крыльце соседского домика, а на острове, белыми босыми ногами прямо на холодных, скользких камнях. И держала она на руках будто бы младенца в свёртке из клетчатого блёклого одеяльца. А вода прибывала, прибывала, начинался прилив, шла с моря большая вода, но Фаина словно не замечала, и мне всё хотелось крикнуть ей, что в кульке-то у неё пусто, нет никого, и что надо бы скорее домой спешить, ведь Саня-то у неё в избе лежит, изревелся весь! Но я что-то медлила, не могла сказать ни слова, ни рта раскрыть, ни двинуться — как обычно бывает в бреду и кошмарах, — и только смотрели мы друг на друга молча, и она всё улыбалась мне... И тут вода стала бешено прибывать,

бурлить под ногами, и лодыжки мои заledenели, вода поднялась уже до колен, холодя их...

Я открыла глаза. Видение отступило, смешались остров и небо, всё в вечной хмари, и комната вместо них проступила, сгустилась. Вася сидела со мной, обкладывала мне ноги до самых колен тряпками, намоченными в холодной воде с уксусом, — сбивала высокую температуру. На лбу и руках у меня тоже мокли компрессы.

Так и шли дни, слившись для меня с ночами, слипшись в тяжёлый ком. Но всё-таки болезнь с каждым новым утром отступала, бред больше не возвращался, и Фаина уже не являлась мне, с пустым страшным свёртком в руках стоящая на чёрных камнях в своём коротеньком нездешнем платьице, босая, счастливая...

Сон мой ночами делался яснее, крепче. Как оказалось, когда я слегла, Вася почти забросила всё своё идеальное хозяйство, разрывалась между своим домом и нашим. Едва успевала кое-как накормить овец и поросят и уже спешила к нам — словно бы навёрстывала, торопясь, всю свою непрожитую бездетную жизнь, обращая всю нерастратченную любовь к маленькой «Мишкиной дочке, колобочку»... Она пользовалась болезнью, нелепо, странно со мной случившейся, и спешно проживала, тратила себя, как мать, которой, по равнодушию ли, недоразумению, забыли дать детей. Почти не позволяя бабушке Нине ухаживать за мной, старая Вася сама меняла мне наволочки, мокрые от пота, сама давила бруснику, поила меня горячим морсом, запаривала в печи какие-то травы, и подносила дышать, и придерживала голову... Водила меня, обняв, крепко поддерживая, умыться и осторожно расчёсывала мои спутавшиеся волосы, боясь случайно, грубой рукой, сделать больно; ставила компрессы с уксусом и сидела у постели на табурете, держала меня за руку, пока я мучилась тревожными видениями в бреду.

Утром мы пили чай. Бабушка Нина по случаю моей поправки взгромодила на сосновый стол самовар, натёрла его до зеркала — сами-то они давненько привыкли чай кипятить на плите, а самовары тут у старух уж просто так, хламом, стоят по углам кухонь. Чай пили с «дунькиной радостью» — жёсткими карамельками, слегка обваленными в сахаре. Старухи запивали их чаем и подолгу катали во рту, чтобы размякли, а я раскусывала сразу, радуясь после долгой слабости своему здоровью.

Вася после чая стала прощаться, но всё мешкала чего-то, копошилась у двери. Бабушка Нина кивнула мне: вон, скажи-ка спасибо-то Васеньке, это ведь она тебя выходила!

Вася смутилась, засуетилась пуще, запоправляла длинными пальцами платочек. Я встала

из-за стола, подошла к ней и, не зная, что бы сказать ей такое доброе, правильное, молча обняла. И такой вдруг хрупкой показалась мне наша сильная, жилистая бабушка Вася, так впервые сделалось жаль её, одинокую, бездетную, старую, что я, сама от себя не ожидая, ласково погладила её по прямой сухонькой спине и от нахлынувшей внезапно слабости, нежности, стесняясь заплакать, крепко уткнулась ей лицом в плечо.

— Ну, ну? — взяв ладонями мою голову и видя, что я всё-таки не удержалась и глаза уж на мокром месте, Вася погладила меня быстро, неловко по волосам и скоро проговорила, видно, и сама испугавшись слезы: — Ты ко мне-то приходила б, чего же, приходи уж в гости-то к Васе... — и тут же юркнула в сени, только накиннув на плечи тулупчик.

Мы с бабушкой видели в окно, как она, не поднимая головы, спеша, скрылась за угол.

Через пару дней, когда совсем прошла у меня слабость, бабушка Нина проводила меня к Васининому дому — сама я совершенно не помнила дороги, да и по сугробам бы не знала, где и пробраться.

Поднявшись на высокое крыльцо, я стукнула в дверь — и вдруг оробела, почувствовав себя снова совсем маленькой, и почти пожалела, что нет сейчас со мной папы, что не стоит он, молодой, весёлый и сильный, за моей спиной, придерживая за капюшончик. Вася открыла сразу же, словно уже сидела за дверьми, прямо в сенях — в накрахмаленном фартучке, причёсанная, такая вся прибранная, будто так и ждала меня каждый час с того утра, как от нас ушла.

Мне было как-то неловко, и Васе это, видно, передавалось. От волнения она забыла позвать меня к чаю, а сразу же провела в комнату, хотя я увидела на кухонном, широком, крытом нарядной скатёркой столе готовые чашки и даже самоварчик, тоже натёртый до блеска.

В комнате я вдруг узнала диван, этажерку с семейством слоников и салфетку с вышитыми снежинками, наброшенную на старый приёчник, — и сделалось неожиданно беспокойно, жутко: неужели прошло почти тридцать лет? Вот мелькнули они и пропали, делись куда-то, а слоники, и салфетка, и диван всё тут, как и были.

Вася не знала, что теперь делать, когда я, наконец, пришла к ней, и то кидалась оправлять крахмальные занавески, то столкнула с кресла крошечного пушистого котёнка, и он растерянно уселся, сонно мигая глазами, внизу на половиках. То смахнула кончиком фартука с угла зеркала несуществующую пыль. Всё у бабы Васи было по-прежнему прибрано, чисто, будто и не старела она вовсе, и силы её не убывали, а были ровно всё те же, что целую треть века назад.

Я, тоже не зная, что делать, о чём говорить, попросила показать фотографии. Она радостно, спасённая мной от неловкости тягостной, душевной, посеменила за перегородочку, где-то долго там рылась, хлопая ящиками и шумно сдувая с чего-то будто бы пыль. Потом вынесла большой альбом в бордовом плюше, уронила мне в руки с улыбкой: вот, здесь ведь и ты маленькая есть!

Я взвесила альбом на ладонях:

— Тяжёлый какой, баб Вась!

Она качнула гордо головой: так ведь и жись-то вроде была не ахти какой лёгкой!

Долго, дотемна глядели мы фотографии. На каждой была история — то радостная, то горькая... Вася напоминала мне соседей, называя имена, тыча в маленькие чёрно-белые лица длинным тёмным пальцем — здешнюю родню мою. Многие умерли, когда я была ещё совсем мала, и запомнить, полюбить их не успела.

Обрывался плюшевый альбом на снимках десятилетней примерно давности — как раз тогда умер от нередкого в этих местах рака младший брат Васи. Это он и фотографировал старенькой трофейной «Лейкой» всю их простую, такую же трудную, как у всех, жизнь.

Потом Вася сообразила, наконец, про чай и убежала в кухню, зажечь плиту — уж не до самовара.

— Бабушка Вася, да ладно вам! — еле отговорила я её.

Оставшись в комнате одна, я уже бегло перелистывала альбом назад. Снимки в начале были куда старше, чем в конце, а люди, наоборот, моложе и радостнее. И, почти уже машинально перевёртывая картонные жёсткие листы, наткнулась вдруг на маленький помятый снимок, который

мы как-то пропустили. Его не вклеили, он просто лежал свободно между случайными листами, явно не относясь к тому времени.

И пока бабушка Вася хлопотала в кухне, звенела чашечками и что-то радостно там приговаривала, то и дело весело шикая на и без того смиренных, беззвучных котёнка и кошку, я долго-долго смотрела на тот снимок.

На фоне домика стояла семья: высокий строгий отец, в болотных длинных сапогах, развёрнутых по самый пах, в телогрейке, длинные большие руки нелепо висели вдоль крупного тела; рядышком, склонив голову к мужнину плечу, — Фаина, в лёгком платье до колен, босая. Она улыбается — совсем как в моём сне, а в руках держит грудного Саню, невидимого в кулке из одеяльца. Сбоку, чуть в стороне, — старшие пацаны, оба, важничая, сунули руки в карманы, жмурятся от солнца. Под окном, в маленьком палисаднике, цветут какие-то хилые цветики, тянутся вверх, к далёкому небу, на тонких, совсем невидимых стебельках. В углу снимка сидит здоровенная лохматая псина с высунутым языком — это их Шарок, он с Фаиной тогда на лодочке поплыл, не мог бросить хозяйку. Потом от него даже и шкуру не нашли — пропал весь Шарок там, да немудрено: может, зверь задрал, а может, так, сам утонул.

Дом стоял прямо, не валился коньком к близкому берегу, не клонился к каналу, где катились к морю тёмные воды. А в раскрытых настежь из-за редкой здесь жары окнах отцветали красные кривые герани — обыкновенные, не слишком красивые, зато неприхотливые деревенские цветы, привыкшие жить в условиях простых и скудных и не ждать от суровой жизни совершенно ничего — совсем как здешние люди.

Наталья Черных

Посмертная уборка

Нынче Дева вышла к Страсти
Сына Своего.
Люди просят: Божья Матерь,
Обуздай врагов.
Господи, когда идёшь Ты
на великий бой,
то прими и эту крошку,
дар прощальный мой,
птицу малую — синицу,
золотой носок,
пусть в трубе печной гнездится,
где у стен песок,
там, где боль и лихорадка
косточек святых.
Матерь Дева нынче сладко
молится о них.
Скаты Крестной расположи
двое сторожат:
крылоруки, многооки,
как огонь дрожат.
Два архангела при Деве:
алый Михаил,
ветку пальмы держит слева
синий Гавриил.
Солнце жарко обнимает:
отдыха не жди.
Матерь-Дева понимает:
Страсти впереди.
Что же, Сыне Мой, синица
при Тебе, жива?
Есть вода ли, где столица,
серая трава?
Мати, пьёт синица воду,
хоть зола на дне.
Вышел к солнцеву заходу
Лазарь по стене.
Мати, Я иду не в бездну,
Я на штурме рая.
.....
Рядом с Девой шёл болезный.
Лик его я знаю.

И.
Сын вернулся на пару недель.
Хромой отчим котлет наготовил,
стариковскую выдал постель,
вылил перепись в лужицу крови.
Отчим слушает рок до утра.
Лишь в пятёрку дойти успевают.
В новостях он как возле костра.
И в казаков старинных играет.
Сын приехал. А бабушка — швах,
через три дня похоронили.
Он печенье поел земелях,
что на кладбище — кто — приносили.
Он послушал айтишника-брата
с сокровенным его Селигером.
И посетовал: нет автомата.
Надышался словами как серой.
Он приехал, а некий Махмуд
с кучкой аликов спит под насваем.
И какой на них надобен суд?
Рог мигрантов пока несгибаем.
И, Махмуда перешагнув,
проводивши насупленно брата,
он по новой папаше вздохнул:
Батя, нету у нас автомата.
Я же там. Да ты что уж. Да там.
И рукою махнул узловатой.
Был он худ не по юным годам,
с головою, пушистой, как вата.
Батя, выпей. А мне уж пора.
Ты пиши-присылай, это надо.
А у вас здесь такая жара,
что не снилась и Дантову аду.
Я — сюда, где мои тополя,
где мы с Зойкой в подвале курили.
Оказалось: чужая земля.
Оказалось: весь мусор свозили
в мой единственный маленький двор.
Так что, батя, вернусь с автоматом.
Враг умён и коварно хитёр.
Но я атом победы, я Атом.

● ● ●
 Вот и поспела уборка посмертная.
 Руки как серп наточи.
 Тлеющим бытом для дня милосердного
 клацают в дверках ключи.
 Суд совершается безостановочно,
 как и уборка идёт.
 Смотришь: вся жизнь моя на сортировочной
 дышит, в жару и на лёд.
 Спишь ли, полоска овсами волнуется,
 лишь успевай загружать.
 Что там покойная? рада ли, дуется?
 Вспомнишь и тайную мать.
 Собрано что, выносить тяжёлёхонько,
 дворников нужно искать.
 Что ни возьмёшь, то старо или плохонько.
 И таракан — под кровать.
 Что ты, покойная, что ты, учителька?
 Где же твои сорванцы?
 Сын твой, стыдливый и пьяненький Митенька,
 выпил — и в воду концы.
 Что я тебе с чернотой хрящеватою?
 Суд тебе будет не мой.
 Август снопами шагает богатыми:
 мол, собирай, а не вой.
 Не без напутствия, но без причастия.
 Разве что сорокоуст.
 Где твои школьники, дети злосчастия?
 Дом твой облупленный пуст
 звонкой своей пустотой сокрушительной.
 Да судия — босиком.
 Труд поначалу весь неутешительный:
 мол, не смотри на потом.
 Десять мешков на жилище неброское.
 Бездны седой водоём.
 Старчество разве что слышит московское,
 да панихиды по нём.

● ● ●
 Где старым золотом под веком фонаря
 рассеян взгляд широкой полосой,
 там кроны купно, вплоть до ноября,
 волнуются растрёпанной косою.
 Но нет смятения и грёз в нависших космах
 когда-то здесь благоухавших лип.
 Здесь только темнота, и тишь, и космос,
 и к влажному асфальту лист прилип.
 Дуб снисходителен к галактике ближайшей
 с её одной блуждающей звездой.
 Полунагой берёзой величайшей
 здесь солнечный пришёл в ночи прибой.
 И всё творение таинственно и лепо,
 и ход судеб земли проявлен в нём.
 Ни шага и ни звука человека
 Вселенной здесь не слышит водоём.
 Все люди в клетках, в запотевших окнах,
 то ярких, то бледнее в веках штор.
 И холод истончения голодный
 спешит к домам, на волчьи лапы скор.

● ● ●
 Никто не отменял груз двести.
 Я старая. Мне было десять лет,
 мы во дворе истошно пели вместе.
 Той песни нет, и дома тоже нет.
 Афганистан. Он вам не Казахстан.
 Название Герат равнялось аду.
 Сын в Фергане. Скорей давай стакан.
 А нынче те, кому всё это надо,
 превозмогая собственную хворь,
 приказывая роте из суставов,
 ползут к победе, словно дикий хорь,
 и окружают слева ад и справа.
 Они несут всю землю от Курил
 до Байконура и Герата разом.
 Господь даёт им, что пока хранил
 от «Телеграма», видео и сглаза.
 Смотрите их, откуда есть они.
 Не старики — элита старших магов.
 И слушайте, как говорят огни
 на ширину космического шага.
 Где стая юных чистых журавлей,
 груз двести в кузовах тревожно дремлет.
 Есть в небесах и посреди полей
 оплот, в огне насквозь прошедший землю.

● ● ●
 Есть страх домашних дел, но не мытья посуды,
 не тряпки и ведра, а времени и пыли.
 Он великан, и у него простуда,
 и голова его в тенётах, а не в мыле.
 Так бедный дом, в котором кто-то проживал,
 а нынче нет, но всё живущий,
 баранками столетними лежит, благоухал,
 и старых книг то там, то здесь восходят кущи.
 Здесь будто нет воды, здесь дремлют оба крана.
 Здесь газа нет, и регулятор смотрит книзу.
 Воздушный вор, в окне его спина незванно,
 вползает тенью птичьей по карнизу.
 То смерть воочию. То прежние кошмары,
 где зданье-город пузырится в новых сотах.
 То злое сердце старенькой застенчивой гитары
 запуталось в трёх гармоничных новых нотах.
 То близко у лица небытие, покрыто скорбной пылью.
 Не ты в жилье, а дом в тебя прицельно смотрит.
 И сколько бы ни вкладывать желаний и усилий,
 всё дом печален, всё он словно мёртвый,
 хотя хозяйка не любила этот дом.
 Лишь Персефона с манией и тёплой, и жестокой
 проходит тщательно от двери и до окон.
 И запускает старческий тревожный мелкий сон.

Дмитрий Филиппенко

Снебапад

Подземный ветер. Новый горизонт.
Седая пыль ложится по забою.
И загремел по лаве чёрный фронт.
И мужики всегда готовы к бою.

Подземный холод. Жаркие сердца.
Уходит уголь в точку невозврата.
Шахтёр всегда воюет до конца
За Родину, за маму и за брата.

Мой город

*В этой реке есть рыба-шахтёр —
В других местах её нет...*

Дмитрий Мурзин

Мой город охраняет чёрный снег,
Так и стоят на страже друг у друга.
Скрипит ногами пепельная вьюга,
Разбрасывая уголь по стране.

Мой город — переполненный забой.
Откашливает пыль и месит сажу.
Но жители про боль свою не скажут.
Привычно всё, и всё само собой.

Мой город — словно магистральный штрек,
Где вдоль домов лежат сугробы штыба.
И по течению шахтёр, как рыба,
Плывёт в воде, где тает чёрный снег.

Уходит автобус в детство,
В великую нашу страну,
Где бьётся советское сердце
И мы удобряем Луну,

Где кушаем курник на полдник
И любим физру и изо,
Где тень исчезает в полдень
И слышится вечный зов.

Умеем пломбиром согреться
И с мамой ходим в балет...
Автобус уходит в детство.
Где мой проездной билет?

Синица

По шахтному полю гулял ветерок
И пахло зерном черноплодным.
Его комбайнёр заготавливал в срок
Под кровельным небом холодным.

Звенела пшеница в густой пустоте,
И почва от страха дрожала.
И только синица в седой темноте
Зерно на-гора провожала.

Но птица не знала, что всё решено,
Над золотом смело летая.
Синица своё охраняет зерно
До Мурманска и до Китая.

Снебапад

За окном снебапад.
То ли снег, то ли дождь.
Я опять виноват,
Что меня ты не ждёшь.

Говорил невпопад
И не слушал тебя.
За окном снебапад
На листву октября.

Воеет вьюга тоски,
Плачет ливень утрат.
Я пройду вопреки
Сквозь густой снебапад.

В дверь твою постучу.
И простишь у огня.
Снебапад по плечу,
Если любишь меня.

Мне кажется, мы с Вами не знакомы.
Но кажется, я в Вас уже влюблён.
Давайте Вас я провожу до дома.
Простите, что застенчив и смущён.

Я буду Вам шептать стихи на ушко.
В реке качнётся рыжая луна.
Я молод и талантлив, словно Пушкин.
А Вы умна, красива и юна.

Мне кажется, что Вас уже люблю я.
Краснею я — краснеете и Вы.
И разрешите, Вас я поцелую.
И посидим у краешка Невы.

Советский человек

С батей убираю снег,
Липкий и колючий.
Я советский человек —
Значит, самый лучший!

У отца болит спина,
У меня — ручонки.
Мимо ходят дотемна
Яркие девчонки.

Покажу им, что силач,
Укротитель снега.
И помянут на дискач
Танцевать и бегать.

Но пока копаю снег,
Липкий и колючий.
Я советский человек —
Значит, самый лучший!

Предновогодняя Москва.
Моя гудела голова.
Я заблудился, я устал —
Лет сорока провинциал.

А где-то в тёплом далеке
Шли люди по Москве-реке.
За ними я не успевал —
Лет сорока провинциал.

А с неба падал серый снег.
Провинциальный человек
Во мне крутил простой сюжет
В мои седые сорок лет.

И в этом сереньком снегу
Угнаться больше не могу
За миром, за родной Москвой
С моей гудящей головой.

Время цвета мокрого асфальта
Прячется в малиновой пурге.
Смотрит на меня зрачками смальты
Светофор на тоненькой ноге.

Я тащу поломанные санки.
И боюсь отцовского ремня.
Изо льда морозец гнёт баранки
И морозит бедного меня.

Впереди барак мой симпатичный,
Однокомнатный, такой родной.
Человеком вырасту отличным
Со своей могучею страной.

Футбольный матч «Заря» — «Динамо».
Шахтёрский ветер в тополях.
На голове моей панاما,
И мне четырнадцать. В полях

Уже бушует посевная,
Но на трибунах мужики.
«Заря» футбольная, родная
Порвёт «Динамо» на куски.

Визжат Наташи, Оли, Тани.
И Смертин бьёт, кипит трава.
Но стряхивает мяч Сметанин,
Соринку словно с рукава.

Соперник наш козырной масти.
Стоят защитники стеной.
И Кобелев, как злобный мастер,
Второй уже кладёт штрафной.

Футбольный матч «Заря» — «Динамо».
Не в нашу пользу счёт — ноль-два.
И улетела вдаль панاما.
И детства кончилась глава.

Чудесное время — когда босиком
Гулял я по рыжему полю,
С вареньем блины запивал молоком
И ждал я девчоночку Олю.

Её осторожно за руки держал
И пальцами гладил ладони.
Стеснялся её и тихонько дрожал,
Как солнечный зайчик спросонья.

Закончилось лето, разъехались мы
По разные стихотворенья.
Но вспомнил среди сорок первой зимы
Блины с земляничным вареньем.

Чёрный лёд

Трещит подземный чёрный лёд
Под натиском железной силы.
Конвейеров река ревёт.
И лишь бы времени хватило
Попить воды, поесть прогресс,
Ведь впереди звенят рекорды.
Всем уголь нужен позарез.
И секций вдумчивые морды
Глядят на ледяной забой
И позвонками держат звёзды.
А людям хочется домой.
И на-гора — на свежий воздух.

Поля

На шахтных полях не бывает заметок,
Но очень заметные эти поля,
И запах грибов из бревенчатых клеток,
И зреет вокруг ежевика угля.

В воздушном пространстве, седом и колючем,
Гремит под землёю кольчугинский век.
И в этой вселенной, крутой и могучей,
Умеет работать и жить человек.

Три упряжки

Каждый вздох шахтёра — это жизнь.
Каждый смех шахтёра — это счастье.
Выработки, словно этажи,
Горизонты делят на две части.

Каждый свет шахтёра — это луч,
Убирает угольные пятна.
Каждый шаг шахтёра — это ключ
На поверхность, на-гора, обратно.

Каждый век шахтёра — это миг,
Что проходит, словно три упряжки.
Закурил шахтёр, шахтёр поник —
Ведь осталось жить на три затяжки.

Квартира

Не хватает мне ласковых дней.
Холод времени. И не согреться.
Раньше был я гораздо сильнеей.
Жил в квартире я с видом на детство.

Не боялся колючих снегов.
Вообще ничего не боялся.
Я на ринге был драться готов
И на лыжах в сосёнках катался.

Но теперь я, похоже, остыл.
И перчатки, и лыжи не в радость.
И разрушены в детство мосты.
И в квартире я с видом на старость.

Дмитрию Коржову

Мы расстались с тобою в Белово.
Мы расстались с тобой навсегда.
Но осталось креплёное слово.
И осталась во фляжке вода.

Спят в Териберке полюшко-поле,
Разноцветное море небес.
Без тебя одиноко до боли.
Нужен Мурманску ты позарез.

Между нами креплёное слово.
Не остыла во фляжке вода.
Если звёзды погаснут в Белово —
Над Свердловском не гаснет звезда.

Не вышедшим из шахты

По почве красная вода
Бежит в глубокий водосборник.
И воспалённая среда
Не встретит воспалённый вторник.

Скулят шахтёрские деньки
От боли, крови и от пота.
Сжимает крепко кулаки
Сверхвоспалённая суббота.

Шахтёр мечтает о любви,
О тёплой, ласковой постели.
Но снова шахта на крови
И воспалённые недели.

Малиновые дети

Я возвращаюсь в точку невозврата —
В малиновое детство и во двор,
Где до луны футболили ребята,
А после шли гулять в сосновый бор.

На лавочках с девчонками дружили,
Болтали до малиновой росы.
Мы в самом настоящем детстве жили
В посёлке, что у лесополосы.

Запутали нас городские сети.
Но снится детство, катится слеза.
Разъехались малиновые дети.
И вырублена лесополоса.

Светлана Войтко

Исчезающие следы

На грани весны

Необъятные сумерки кутают город,
Обещая приход скорой тёплой весны
Мир, как лёд на реке, ненадёжно расколот,
В нём смешались с мечтами реальность и сны.

Уловив догоревшие искры заката,
Зажигаются в сонной тиши фонари.
Дождь невидимый льёт, отбивая стаккато,
Отзывается вечною дрожью внутри.

На часах — неуёмная темень сомнений.
Только воздух хранит безграничный покой,
Чтоб ты, сумрак вдохнув, ощутил примиренье
С бесконечной весной и конечным собой.

Пусть будет лето

И будет новый день, и новый полдень.
Палящий зной и бездна синевы.
Стрелой сорвётся песня с тетивы —
О звёздном лете, о его свободе.

Разглядывая мир в цветные стёкла,
Лови улыбки солнечных лучей.
Бурлит кипучей свежестью ручей,
Сулит поток дорог, обаяний тёплых.

Волшебный миг гармонии с собой.
Понятно, для чего молчит прибой,
Зачем сошлись на перекрестьях волны.

Наполненный звенящей тишиной,
Поверишь: всё возможно под луной.
Звезда сгорит, желание исполнив.

Лилии

В дымке августа тлеет закат.
Ивы к ветру тянутся косами.
Просыпается в ночь звездопад —
Слёзы-искры в сумраке космоса.

Эхо гулкое колоколов —
Звона по живым и по умершим —
Стихнет в мареве снов-облаков.
Дышат скорой осенью сумерки.

У обочины длится пикник.
Тает иллюзорность идиллии.
Между гранями вечности — миг.
Пахнут флорентийские лилии¹.

В поисках волшебства

Вслед за луной восходят над дорогой
На небе тайны и загадки звёзд,
Храня следы твоих заветных грёз.
Обыденность стирая понемногу

И унося за грань судьбы привычной,
Ликуют тени в лунном серебре.
Не важно, что случится на заре, —
Твой мир не будет никогда обычным.

Срывая опостылевшие маски,
Ты ловишь в странном шёпоте подсказки,
Идешь, куда б ни вывели они.

Бредёшь в ночи вперёд по бездорожью.
Мерцают, разлетаясь зыбкой дрожью,
Как мотыльки, болотные огни.

.....
1 Отсылка к стихотворению «Закат во Фьезоле» Марии Конопницкой (в переводе Беллы Ахмадулиной).

Следы осени

Вновь осень расплескала по округе
Пронзительно-прекрасную печаль.
В круговороте красно-жёлтой выюги
Теряется безудержная даль,

Зовёт опять к непройденным дорогам,
Свои оставить метки и следы,
Дать волю еле проступившим строкам,
Отыскивая меж страниц цветы.

На крыльях ветра возвращаюсь в город,
Где сумерки сменяет ночи мрак.
Сковавший перекрёстки улиц холод
Пугает, что не выбраться никак.

И память рассекает, будто меч,
Всю тьму, что я отчаялся стеречь.

Снег над океаном

Над океаном падает снег.
Тает в чернеющей бездне.
На корабле молчит человек
В мыслях о снежной надежде.

Где-то сугробы — там, на земле.
В море они невозможны.
Снег исчезает в мерцающей тьме.
А человек осторожно

Ловит снежинки, тянет ладонь.
Будто становится легче.
Словно он здесь лишь для одного —
Снег чтоб ложился на плечи.

Следы зимы

Следы свои, пройдя, едва отыщешь,
Пути все лихо замечает снег.
Замёрзнув, время замедляет бег.

В слепящей белизне реальность чище.
Манит надежда нового листа,
Нетронутая слепит красота.

Лежишь в снегу — беспечный ангел
снежный,
Вот только отпечатка крыльев нет.
В звенящей беспредельной тишине
Услышишь: мир уже не станет прежним.

Закат перегорит над краем крыши.
Сплетутся строки кружком в сонет.
То be or not — едва найдёшь ответ,
Будь ты хоть триста раз отличный сыщик.

Нападение как защита

Лето плавит асфальт,
Умывает жарой.
Переменность констант
Удивляет порой.

Догорела сирень —
Знак весны похорон.
Все мозги набекрень
Каждый май у ворон:

Нападают семьёй
На людей². Мрак сгущён.
Погоди, вороньё!
Мы живые ещё.

Следы лета

Выхватывая жадными глотками
Остатки исчезающего лета,
Держу коктейль озябшими руками
Из летних запахов, тепла и света,

Из месяца дождей и радуг частых,
Потоков метеорных, звёздной пыли,
Из дней-ночей безумных и прекрасных,
Из лета, что прошло и где мы были.

В бутылъ законсервирую на после,
Чтобы зимой холодной в чай по капле
Иль залпом в мерзко-слякотную осень.
Здесь на двоих. Ты пьёшь со мной? Не так ли?

Летнее солнцестояние

Ливнями вымытый чисто
Воздух глотаешь душистый.
Лилии, липа, малина...
Лето... Почти середина.

Сердцу восторженно-тесно
Биться под звёздной бездной.
Тьма слепит светом глубинным.
Ночи вот-вот середина.

Утро затеяли птицы.
Пройденных дней вереница
Тает тропой полынной.
Жизни... давно середина?

.....
2 Агрессивное поведение ворон в конце мая — июне по отношению к людям связано с тем, что птицы защищают своих птенцов.

Евгения Симакова

Горы лечат

Горы лечат

Мне кажется, горы лечат лучше, чем доктора.
Когда рождественский вечер прячется во дворах,
Теряется в двух фонарных тускло горящих лампах,
Уносится прочь в коварных январских пушистых лапах,

Сменяется тёмной ночью, ветром стучит в заборы,
Я разрываюсь в клочья и улетаю в горы.
Птицей кружу над холмами, крылья расправив тугие,
И опадаю снегами на реки и мостовые.

Иду по вершинам снежным, забившись в чужую подошву,
Вышагиваю неспешно и вспоминаю о прошлом.
С ветром спешу на встречу с ночи и до утра.
Странно, но горы лечат лучше, чем доктора.

Здесь — обо мне, немного о тебе,
много про нас

Сегодня мы потерялись с тобой:
Ты сам в себе, я в других — так проще.
Пока я в омуте с головой,
Ты где-то мимо идёшь на ощупь.

Пока я пью молоко на ужин,
Стреляю в тире, смотрю на горы,
Ты помни: если почти разрушен,
Спасают люди и разговоры.

Спасает часть одного куплета,
Хороший фильм и сюжет без драмы,
Полчашки кофе и сигарета,
Один обычный звонок от мамы.

Спасают с кем-то родным рассветы,
Холодный душ и пробежки в парке,
Спасают купленные билеты...

Спасает мысль, что ты в порядке.

Енисей

Енисей вскрывается в мае,
И я тебя отпускаю.
Течение лечит душу.
Нужен ты мне, не нужен —
Уже не его забота,
Всё происходит в субботу:

Как принято поутру:
Мерзкий привкус во рту
Просроченной горькой конфеты,
Очередной сигареты,
Скуренной перед сном,
Но об этом потом.

Минуя пустые беседы,
Я быстро шнурую кеды
И медленно говорю:
«Я тебя не люблю».
Разборчиво, по слогам.
На улице ураган,
Дождь и большие лужи.
Ты больше мне не нужен,
Почти чужой человек.

Я бы узнала у рек,
Когда они замерзают,
Но
Я тебя отпускаю

Корабликом в крошку льда,
В никуда,
Хоть куда,
Навсегда.

Ведь так отпускают людей?

Льдом звенит Енисей.

Елена Галиаскарова

Песочный человек

Возвращение

Ты возвращаешься — ветрена и бледна,
 Взгляд хищно-цепкий и голос лукаво-звонкий,
 Гордая, дерзкая, пьяная без вина,
 И восклицаешь: «Пойдёмте гулять, девчонки!»
 Девушка-голем, с тесьмою на рукавах,
 Наспех пришитой, широкой, зелёно-красной,
 Зла и жестока, всегда и во всём права,
 Солнечный день превращаешь легко в ненастный.
 Создана тёмною силою побеждать,
 Ходишь тропинкою узкою, лесом, полем;
 Вьётся поклонников преданных рядом рать,
 Не понимая, что с ними бездушный голем —
 Глиняный, бронзовый, может быть, золотой,
 Бродит по свету, себе не находит места
 И, подойдя, за невидимою чертой
 Шепчет протяжно: «Привет, а у нас фиеста».
 Я улыбаюсь ей, смело гляжу в глаза,
 Но на душе одиноко и мрачно-пусто.
 Неба пленяет бескрайняя бирюза,
 Ветка сирени ломается с тихим хрустом...
 Девушка-голем в ладони берёт цветы,
 Ищет пятилепестковые для удачи,
 Но не находит. Крадётся из темноты
 Девы поклонник, печален и озадачен.
 Он виноват, что красавицу полюбил,
 Правду забыл, лжи служил много зим и вёсен.
 Лето ушло, растеряв жаркой страсти пыл,
 Рыжей лисицей гуляет по свету осень...

Песочный человек

Я верю в сказки и слушаю крики птиц —
 Весело крикают утки в густой траве.
 Ночь открывает глаза, и с её ресниц
 Падают звёзды меж кронами тополей.
 Лают собаки дворовые на мосту;
 Вдоволь побегав, расходятся по домам.
 Снов и томительных грёз перейдя черту,
 Прочь ускользает чарующая весна.
 Гофманский демон песочный, слетев с луны,
 Тёмною птицей средь туч грозowych парит.
 Людям практичным дела его не страшны,
 Их талисман недоверья от чар хранит.

Троя

Весна... Как пышно яблоня цветёт
 И землю осыпает лепестками.
 Черёмуха душиста, будто мёд,
 И аромат её волнует память.
 А множество веков тому назад
 На свете жили храбрые герои,
 И был богат, прекрасен, словно сад,
 На побережье моря город Троя.
 Ахейцы на троянцев шли войной,
 И десять лет прошло в жестоких битвах,
 Но города защитники стеной
 Против врага стояли, и молитвы
 Жрец Аполлона богу возносил —
 Тот помогал троянцам очень рьяно...
 Патрокла Гектор насмерть поразил,
 Ахиллу нанеся обиды рану.
 Но тщетно плакать — друга не вернуть,
 И, скорбно очи опуская долу,
 Проводит Ахиллес Патрокла в путь
 И на глаза положит два обола,
 Чтобы на лодке Стикс тот пересёк
 И плату дал угрюмому Харону...
 Ахилл усвоил вечности урок
 И ринулся в сражение мстить виновным.
 Неотвратимый, быстрый, как стрела,
 В бою разил врагов ударом метким;
 Ему копьё Афина подала,
 И смертью храбрых пал бесстрашный Гектор.
 Хоть помогал троянцам сам Арес
 И Артемида, многие герои,
 В бою ахейцы взяли перевес,
 И город был разрушен. Пала Троя.

Снегом укутанный сад

Вышит на шёлке
 Снегом укутанный сад...
 Старая скатерть.

Сноу

Декабрь был морозен и угрюм,
А ночи лик — загадочно эбенов.
Сноу шёл по мостовой — задумчив, юн —
И вглядывался в каменные стены
Столичной цитадели. Красота
Высоких сводов парня не прельщала;
В его душе заветная мечта
Жила и в лютый холод согревала.
Хотел Сноу победить в одной игре,
Помочь деньгами бабушке с сестрою...
Луна, скрываясь в облачной норе,
Манила серебристой белизною
И скалилась полярною лисой
С сомнительным подобием улыбки...
Утихли переливы голосов,
Забылись птицы в снах тревожно-зыбких.
Молчал в руках героя телефон,
Вдоль шеи шарф струился пёстрой лентой;
Сноу шёл по мостовой, в мечту влюблён;
Мелькали кадры титров киноленты.

Морозко

Летний ветер на юг гнал по небу тучи,
И луна освещала громадный камень.
Вспоминая легенду, в лесу дремучем
Шелестели деревья в ладу с цветами:
«Помним, холодно было, зима гуляла,
Льдом ковала на окнах домов узоры;
Люди кутались в пледы и одеяла,
Пили чай, закрывали плотнее шторы.
Ночью старую мачеху бес попутал,
И она муженьку в приказном порядке
Зашипела: „Не медли ты ни минуты,
Увези дочь любимую без оглядки
И оставь в одиночестве на опушке...“
Зло кружилась метель в бесконечном танце;
На несчастье старухи, в лесной избушке
Жил Морозко, и зиму он не боялся.
Возвратилась девица в родные стены,
Много разных с собой привезла сокровищ,
А старуха, не выдержав перемены,
Избегала отныне семейных сборищ».
Нынче зябко в лесу — непогода, слякоть,
Лунный свет пьют туманы, окутав землю;
Собирается утро подолгу плакать,
Заверениям лета, увы, не внемля.
Лёгкий шёпот дождя, в царство грёз зовущий,
Не пробудит от сна мхом поросший камень;
Ветер гонит неспешно по небу тучи
И колышет лениво траву с цветами...

Клеопатра

За скалами, призывно хохоча
И зазывая счастья сладким пленом,
Улыбкою, как лезвием меча,
Сердца пронзают злобные сирены.
А после губят глупых моряков,
Съедая их на ужин или завтрак.
Как век античный мрачен и суров...
Подобна им была и Клеопатра.
Носила изумруды, жемчуга,
Рубины, аметисты, бриллианты,
Умела усмирить она врага,
Владея обольщения талантом.
Пленяла дивной прелестью царей —
Ей покорился гордый Марк Антоний;
Владычица пустынь, долин, полей
Была почти богинею на троне.
Антоний Клеопатру так любил —
Ей в чувствах каждый вечер признавался;
На подданных срывал суровый пыл,
В слезах влюблённых римлянок купался.
Теперь молчат пески и дремлет Рим,
Октавиан — империи правитель.
Был гнев судьбы, увы, неотвратим...
Историю напишет победитель.

Кто дал эвенкам солнце

Гласит преданье: были времена,
Когда на свете солнца не бывало;
Одна лишь ночь — загадочна, темна —
Царила всюду, землю освещала
Холодная, печальная луна.
Как тяжело было жить в подобном мире...
Давным-давно эвенков племена
Пасли оленей в ветреной Сибири.
Придя домой с охоты как-то раз,
Сидели люди в чуме, ели мясо;
Внезапно свет костра во тьме угас,
И тишину прорезало от гласа.
Охотникам явился силуэт:
Кто это был — колдун, бесплотный призрак?..
Он излучал слепящий, яркий свет,
Такого никогда не встретишь в жизни.
Мэргэн — герой, великий богатырь —
Поведал тайну важную эвенкам,
Что солнце есть, и след его простыл.
О встрече той остались лишь легенды.
Через года родился Чакулай,
Принёс он свет, достал эвенкам солнце...
Пришло тепло в суровый дальний край,
Теперь народ ликует и смеётся.

Александр Ломтев

Простые люди

Хроники уходящих времён

Алёшенька

— Да-а-а, Москва — это вам не наша глушь, там культура, — после первой-второй рюмки разговор всегда заходил о столице. И начинал этот разговор старший брат. — Одна архитектура чего стоит! Я уж не говорю о театрах. Когда мы с Анастасией в прошлом году ездили в Сочи, на два дня специально задержались в Москве.

И старший брат долго и подробно рассказывал, какое незабываемое впечатление произвёл на них с женой поход в Большой. А Анастасия качала в согласии головой и поддакивала.

Выпивали за Москву, за культуру. Потом и средний брат делился впечатлениями от поездки в столицу. У его супруги в Москве жила родня, и он и сам себя считал едва ли не столичным жителем, хотя и жил в городке почти безвыездно, а курорты полагал баловством и пустой тратой денег. Однако и он много интересного мог рассказать о культурной жизни Первопрестольной. И рассказывал.

Ну вот просто как в сказке у них случилось: было у отца три сына — два брата умных, а третий — Алёшенька. Как-то не задалась судьба. У братьёв и образование, и жёны интеллигентные — библиотечарша и бухгалтерша, а у Алёшеньки — простая швея. Да ещё куча детей. Да четыре класса образования. Но что интересно, праздники справлять благополучные братья предпочитали у него, у Алёшеньки. И мать, когда слегла, к старшим братьям не поехала, стала доживать у меньшого.

Да и то сказать, хоть братья и куда как богаче жили, а на столе у Алёшеньки пусто никогда не бывало. Вроде и не было ничего такого, что выставляли братьёвы жёны, когда изредка праздновали у старших, — ни ветчины, ни вин дорогих; однако селедочка, тщательно чищенная, с луком, да картошечка разваристая, с маслом топлёным, толкушкой растоптанная, да огурчики-помидорчики, собственноручно женой заготовленные, да капуста, тушенная с мясом да квашеная, хрустящая, с яблочками мочёными, — всё не магазинное, всё со своего огорода. А грузди,

опять же собственноручно собранные в осенних пригородах, под рюмочку; а пироги под холодное молочко — горячие, пышные, невесомые во рту, да весомые в желудке... Братья ели да нахваливали: эх! как, бывалоча, в родной деревне у маменьки...

Алёшенька любил такие застолья — и разговоры, и дружные песни, и гостей, а больше всего — родню. Он с удовольствием смотрел на братьев и тайно гордился и ими, и их благополучием, и культурой, и умными разговорами про Москву.

Сам-то он в Москве бывал всего два раза. Последний — когда ему неожиданно выделили в профкоме путёвку в Судак. Не Сочи, конечно, да ещё и в марте, а всё ж таки. Тогда у него был почти полный день между поездками, и Москву он посмотрел хорошо. И в трамвае, и в метро покатался, и по улицам побродил, и на ВДНХ побывал, и на Красную площадь, естественно, съездил. Но чем тут похвастаешься? А первый раз и вовсе... Алёшенька вместе со всеми опрокинул рюмочку прозрачной и вдруг задумался. Да-а-а, тот раз не забудется Алёшеньке, наверное, никогда.

Когда в марте их в подмосковной казарме подняли «в ружьё», он и представить себе не мог, что произошло. Да что там, все сначала подумали — учебная тревога. И тут сообщили: Сталин умер! Всё завертелось, закрутилось, словно во сне. Красная площадь где-то у Василия Блаженного, траурные ленты на знамёнах, оцепление. Несколько суток без передышки, несколько суток волна за волной — серые человеческие толпы. Еду им тогда проносили в баках дворами — машине не проехать; спали по очереди в кузовах. Такого моря людей Алёшенька больше никогда в жизни не видел. Порой откуда-то из переулков просачивались небольшие человеческие массы, шли на прорыв оцепления — все хотели попрощаться с товарищем Сталиным. Иногда их разворачивали, иногда пропускали, рассеивая.

В день похорон на их участок вдруг вывалилась огромная толпа. Шла она так мощно и неотвратимо, что сразу стало ясно: не устоять. Как же он тогда испугался! Словно в ступор впал. Люди

с безумными глазами наплывали лавой, и Алёшенька понял, что его неминуемо затрёт в этом человеческом месиве, размажет по кузову грузовика; понимал, а не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Но за секунду до того, как лавы с мощным: «Э-эх-х-х!» — ударились о грузовики, он почувствовал, как кто-то подхватил его за ворот шинели и втянул в кузов. По гроб жизни с благодарностью будет вспоминать Алёшенька здоровяка-капитана, что спас деревенского ротозея от верной гибели. И тут началось — вопли, женские визги, скрюченные руки, тянущиеся к бортам качающихся машин. На карачках Алёшенька отполз к противоположному борту, перевесился, и его вырвало... Сколько же тогда народу покалечило. Да и погибших, говорят, было немало.

Вскоре после этого их сменили, но в казармы не повезли. Велели почиститься, оправиться, построили и повели в Колонный зал — прощаться с вождём. Сколько же там было народу, сколько венков и цветов! Алёшенька, кроме деревенской избы да двухэтажного военкомата в райцентре, и не видел ничего до Москвы, а тут такая красота: люстры, лепнина, украшения! Как он задрал голову на все эти красоты, так с задранной головой до выхода и дошёл. Батюшки, а Сталин-то! И снова пожалел бестолкового парня капитан, разрешил с другой ротой ещё раз пройти мимо гроба. Тут уж Алёшенька и самого Сталина разглядел, и плачущего старосту всероссийского — старичка Калинина, и хмурого Хрущёва, и Маленкова — ой, да кого там только не было... Люди мимо гроба шли, конечно, хмурые, многие плакали, даже фронтовики.

Потом привели их в какую-то гостиницу, и тут кто где, кто в холле, кому повезло — в комнатах, а кто и прямо на лестнице, — вповалку повалились и часа три отдыхали. А потом покормили их очень сытно и уж тогда — в казарму. Да уж, было дело...

— Алексей, а ты ведь тоже в Москве бывал, — сказала вдруг жена среднего брата. — Понравилась тебе столица?

Алёшенька, словно из пруда, вынырнул из своих воспоминаний, улыбнулся:

— Как же Москва может не понравиться? Понравилась. Я где только там не был... Там недалеко от Казанского, ну, если из главного входа налево и потом по переулку, отличная закусочная есть, — Алёшенька, уже начиная говорить, понял, что не то говорит, да остановиться уж не мог. — Сосиски там... дешёвые, а вкусные...

Гости стушевались, но заулыбались, старший брат загремел бутылкой, разливая по рюмкам. А братьёвы жёны переглянулись иронично: «Алёшенька», мол...

Пели песни, вспоминали родную деревню, ставили детишек по очереди на табурет — читать

стихи, Алёшенька играл на гармошке. Разошлись, как всегда, за полночь, когда соседи стали деликатно постукивать по батарее...

Ночью Алёшеньке приснился товарищ Сталин. Он поднялся из гроба, подошёл к оробевшему Алёшеньке, положил ему на плечо тяжёлую руку и, обращаясь к пришедшим проводить его в последний путь соратникам, сказал: «Вот на таких простых солдатах держалась и держаться будет наша советская Русь!»

И все бурно захлопали.

Алёшенька проснулся с совершенно пересохшим горлом. Он поднялся, на цыпочках прошёл на кухню и прямо из-под крана напился ледяной воды. На обратном пути заглянул в комнату к сыновьям. Ребятишки мирно спали, младший, растряхав губёнки, тихо посапывал и улыбался чему-то во сне. Сердце Алёшеньки наполнилось влажным теплом. Васенька, младшенький, любимый...

Коротко о любви

Вася и Тоня жили в общежитии. Жили не расписываясь. А зачем? Детей у них пока не было, да не очень и хотелось. Пока молодые, надо погулять. Ну и гуляли. То Вася самогонки из родной деревни привезёт, то Тоня водочки с пивком купит с аванса. Не сказать, чтобы уж очень пьянствовали, всё же работали оба. Он — дворником, она — продавцом в киоске. На жизнь хватало. Но выходные — святое. Как в выходные не гулять? Да что же ещё делать? Не книжки же читать, смешно, ей-богу.

Ну, иногда ссорились, дрались даже. Но потом мирились.

Однажды Вася застал Тоню в комнате с чужим мужчиной. Раньше времени с работы вернулся и застал. Мужчину он побил и выгнал, а Тоню стал душить. Очень уж разозлился: мало того, что чужого мужика в дом привела, так ещё и пила с ним водку, которую они на праздники припасли. Вот это коварство особенно разозлило Васю.

Когда Тоня перестала кричать и дрыгать ногами, Вася оставил её лежать на полу, а сам сел за стол допивать недопитую праздничную водку. А поскольку с горя он открыл и ещё одну бутылку, то, когда в комнату вошла милиция, он уже мирно спал.

Отелло из Васи не получился. Тоня оказалась живучей. В больнице ей слепили на шею гипсовый ошейник и сказали, что два пострадавших позвонка заживут через полтора месяца, а пока придётся походить так.

Васю продержали в милиции три дня, а потом отпустили под подписку о невыезде. Теперь он каждый день ходит к Тоне в больницу, приносит яблоки и безалкогольное пиво, чешет ей под

гипсом шею карандашом. Она его простила. И он её простил — всё-таки они любят друг друга.

Юра

Юра влюбился заочно. Влюбился в голос. Кто-то привёз из города кассету, Юра послушал, и сердце его сладко заныло. Чистый высокий девичий голос пел песенки на незнакомом языке, и Юре представлялись нездешние, обязательно южные, обязательно солнечные и морские края.

Юра носил кассетник с собой повсюду. Пойдёт на двор поросят кормить — кассетник на плечо, и неведомая девушка превращает свиных поросят в каких-нибудь капибар; идёт за дровами для печки, а вместо петуха попугай кричит с пальмы; печку растапливает, а в треске поленьев — голоса южных цикад...

Юра очень хорошо представлял себе неведомую певицу: худенькая, с копной смоляных волос, тонкие руки и ноги, улыбка белозубая на загорелом лице. Маленькая, но голосистая!

Витя мечтал накопить денег и съездить за границу. У них в Берёзовке ещё никто не был. Ну, из оставшихся; из тех-то, что уехали и только навещают иногда своих стариков, уже многие ездили. Рассказывают — заслушаешься. Теперь, говорят, за границу просто, не как при советской власти, были бы деньги. Если бы Юра уехал в своё время в город, может, и он давно бы уж съездил куда-нибудь в Грецию или в Турцию. Да не случилось уехать-то, школу не закончил, вот и приходится теперь скотником в соседнем селе. Там хоть телевизоры работают, а тут, в Берёзовке, ни одна антенна не ловит.

Да ничего, Юра ещё молодой, всего-то двадцать пять, может, ещё и школу закончить удастся, в райцентре раньше вечерняя школа была, может, работает ещё... Но сначала денег накопить и за границу съездить. Втайне Юра вдруг поверил, что может там встретить эту худенькую девушку с чистым высоким голосом. А там — вдруг... Юра даже мотал головой и кричал на грязного хряка:

— Чо вылупил? Я те поподслушиваю! Ишь какой...

Конечно, вряд ли, да и кто он такой?... А всё же так — отчего бы и не погрезить?

Но закончилось всё страшным разочарованием. Юра даже расхотел ехать за границу и поступать в вечернюю школу. Зачем?! Если всё так...

В общем, приехал погостить одноклассник, привёз, как положено, бутылочку, да не одну. Юра на стол сальца метнул, картошечки, грибков, собственноручно собранных и засоленных. Пили, вспоминали школьные проказы. Когда похорошело, Юра затянул:

— Джама-а-айка, Джамайка...

Приятель засмеялся:

— Надо же, чего вспомнил, ностальжи...

Юра не понял, но спросил:

— Как ты думаешь, сколько ей лет?

— Кому ей?

— Ну, ей, которая «Джамайку» поёт?

— Да эту песню пацан пел когда-то, мальчик —

Робертино Лоретти.

— Да нет, погоди! — Юра вскочил, снял с полки кассетник, включил. — Вот, послушай!

— Ну да, — засмеялся одноклассник, — это мальчишка. То есть это он тогда, лет тридцать назад, мальчишкой был, а сейчас уж мужик — старый и толстый, ресторан у него в Италии. А ты думал, баба поёт?

И тут Юра вдруг понял: голос действительно мальчишеский. Невыносимая печаль снизошла на его душу, и он налил себе полный стакан. И выпил. И ещё налил...

А утром, когда проснулся с гудящей головой и тоской в душе, вытащил из магнитофона кассету, вышел на крыльцо, размахнулся, зашвырнул кассету в бурьян за забором и пошёл кормить свиней.

Мыкола

Солнце зацепилось за корявые ветви дальних сосен и висело в них, наливаясь красным жаром. Но это был обман — оно совсем не грело. Мы брели по жёлтой песчаной дороге, которая превратилась в дно мелкой прозрачной речушки — апрельская талая вода сбегала в неё, и сквозь резину сапог и шерстяные носки мы чувствовали её ледяной холод. И всё же идти по залитой дороге было приятнее и легче, чем по ноздреватому серому снегу, который большими пятнами лежал среди густого кустарника. Лес потихоньку замолкал. И голос Мыколы резко раздавался среди замерших тёмных стволов:

— Тетерев — птица жутко осторожная. Подойти к ней трудно-трудно. А особенно глухарь... Ну, услышал ты глухаря — что делаешь? Пока он токует, ты махать, махать на звук, но как слышишь: «Чуфышшш-чуфышшшш», — сразу замри! Как прямо встал — так и замри. Так на выстрел и подойдёшь, если не дурак...

Мыкола шагает нешироко, но быстро, вдруг сворачивает с дороги, исчезает в кустах и через минуту появляется совсем не там, где ожидаешь его увидеть. Мальчишка, увязавшийся с нами на тягу, догоняет его, семенит сбоку, спрашивает:

— Дядь Мыкола, а кого труднее стрельнуть — глухаря или тетерю?

— Обоих трудно, вальдшнепа легче, красться не надо, встать только удачно — и жди себе.

Мы выбрали наконец на сухое место. Мыкола остановился, присел на корточки.

— Вот гляди: вишь, говна? Это глухаря говны. Тут вот сосна, значит, тут сухо, здесь костёр и разведём.

Мальчишка плюхнулся на покрытый сосновой иголкой пригорок:

— Ты, дядь Мыкола, прямо Дерсу Узала...

— Смеёшься? Смейся, смейся, вот щас по лбу дерсну, и будет тебе узала.

— Мыкола, да это человек такой таёжный был, — засмеялся мальчишка, — всё о природе знал... как ты...

— Индеец, что ли?

— А ты что — индеец?

— Шёл бы ты за дровами... Да с полу не бери — лежачее всё отсырело, ломай стоячее. Жалко, дуба тут нет — сыро. Сухой дуб — самое жаркое дерево...

Огонь разгонял тьму, плясал на задумчивых лицах, на рыжей коре сосны. Мы, сморённые усталостью и ужином, задрёмывали. Только Мыкола всё не мог успокоиться, вскакивал, убегал за чем-то во тьму или просто стоял, задрав голову к кронам, словно принюхивался и слушал что-то нами не слышимое. Потом подбрасывал сучьев в костёр и снова садился.

— Спать станете — руки из рукавов фуфак выньте и к телу прижмите, так теплее. Под утро холодно будет, гляньте, как вывездило...

Все задремали, а от меня сон что-то отлетел, да и Мыкола всё возился, бормотал что-то сам с собой.

— Мыкола, ты зачем живёшь?

Мыкола вопросу не удивился, помолчал, пово рошил веткой в огне.

— А х... его знат. Ну вот, к примеру, нападут на нас американцы — они всех сейчас что-то бомбят. Или те же китайцы... Кто на войну пойдёт? Меня забреют... А ты говоришь — зачем. За надом...

— А если войны не будет?

— Дак слава ж Богу! Хорошо же, если не будет!...

Уже сквозь сон я слышал, как Мыкола поднимался, бормотал что-то, подбрасывая в утасяющий костёр ветки, и чувствовал, как тепло волнами наступает на окружающий нас ледяной апрель...

Марякльна

Да не буду я, не просите. Уж сколько лет к рюмке не притрагивалась — стара уж для этого дела. Ну, разве что вот сэста — на доньшке. За кого бы уж? За Марякльну, пожалуй, царствие ей небесное...

Марякльна-то? Подруга моя. Работали мы с ней вместе в лечебнице — в психбольнице то есть, в Лихове. Уж давно...

Рассказать-то, бишь, и не знай чего... До войны-то я сиротой осталась, отца бревном в колхозе задавило, а мать-то ещё раньше померла. Не знай от чего. А в войну-то меня — я уж выросла стала — под Выксу послали, рвы копать. Немца, вишь, ждали, вот против танков ихних и копали. Зря,

правда, не дошёл немец-то... Ну вот, заболела я там, меня дядя мой, фершал, и устроил в Лихово-то, санитаркой.

Вот приехала я туда, да как посмотрела на них, на умалишённых, да и свету белого не взидела. Только и думала, как уйти. Да только куда мне идти? Некуда. Вот там-то я с Марякльной и познакомилась, а малость погода и подружилась. Да с ней и трудно не подружиться-то было. Она мне душу и успокоила. И как-то притерпелась я к этой работе...

Вообще-то звали её Марья Яковлевна — она намно-ого постарше меня была. Но как один больной позвал её: Марякльна-а-а! — так уж к ней это и привязалось. Даже доктор Пичугин её Марякльной звал...

Да-а... Вот недавно по радио я слыхала стих. Точно-то не помню, ну, как вроде есть женщины в русских деревнях, что и в огонь войдут, и с лошадьё с озорной справятся... Вот это про неё, про Марякльну...

Были у нас больные разные, с иными терпения — страсть! И так к нему, и эдак, а он ни в какую — буянит, озорничает, хоть ты что. Ну, санитары, бывало, без терпения и кулаком, и затрещиной. Доктор Пичугин-то, конечно, ругивал таких санитаров: нельзя, мол, драться-то, — да разве углядишь? Вот раз Васька-санитар прибил одного озорника, а Марякльна увидела. Уж как она его стыдила-позорила, вроде и не злыми словами ругала, а как-то так сказала, что поменьше кулаки-то стал Васька распускать. А уж при Марякльне — вообще ни-ни...

Да-а... И вот привезли нам как-то умалишённого. Трудна-ай — страх. Не ест, не пьёт, никого не подпускает. Доктор Пичугин рассказал: мол, всю семью свою зарубил. Как уж это... Шизофрения! Вот он и жену зарубил, и тестя, и двух деток... Порешиться хотел, резался, но как кровь-то свою увидел — не смог, сознание потерял...

Вот Марякльна посмотрела на него и вдруг говорит: вот, мол, она, моя судьба, вот моё Божье испытание. И правда, только она одна с ним и справлялась. Как минута свободная — она к нему. Сядет рядом и чего-то тихонько ему говорит, и говорит, и говорит, как бы сказки рассказывает.

Уж не знай, чего она ему говорила, как мне, наверное, — про Божье терпенье, да про испытанье, да про душу, но только он озорничать перестал. Доктор Пичугин даже удивлялся. Марякльна, говорил, одна трёх санитаров стоит, а то и целого доктора!

В общем, успокоился Витя — это больного так звали. Стала она доктора Пичугина просить, чтоб его из палаты в общую комнату выпускать стали. Ну, стали выпускать.

Порядки у нас в те года были простые; под вечер, бывало, больные в общей комнате в кружок

у печки соберутся, ну и санитары тут же — и разговоры до ночи, у кого не режим, конечно. Уж чего только не наслушаешься, таких страстей. Вот только Витя ничего не рассказывал, ни как заболел, ни как всё случилось, — ничего.

Ну а когда Марьякльна говорить станет — тут тишина, все слушают. Говорила она по тем временам разговоры странные. Всё про душу, про доброту, про Бога... Вот мне запало: говорит, все люди добрые, только одни не знают этого про себя — ну, что добрые-то. А другие нарочно недобрыми представляются, потому что думают, что по-другому на этом-то свете никак нельзя, ну, постепенно и привыкают недобрыми-то быть. А так-то по душе — все добрые. А если ты знаешь, что ты хороший, добрый, то и жить тогда гора-аздо легче. Ну, правда, терпение надо. Тебе кто-нибудь — зло, а ты вспомни, что ты добрый, и прости. И на душе сразу светло. Злой-то, Марьякльна говорила, это как бы больной, что ли... Только я думаю, тогда полсвета больные...

Ну ладно. Вот Витя повеселей стал, и Марьякльна упростила доктора Пичугина разрешить Вите гулять по двору. У нас некоторым больным даже в посёлок ходить разрешалось — лёгким. А Витя уж другой человек стал. Ну и всё возле Марьякльны. Она грязное бельё собирает — он ей из палаты в палату узел таскает, она повару картошку чистить помогает — и Витя здесь. Она тяжёлого больного работает — и Витя рядом...

А весной он её в дровяном сарае и зарубил. Где уж он топор нашёл — не знай. Пришёл в общую комнату с топором, а с лезвия кровь капает. Стоит, глаза ясные, как бы даже весёлые, вроде как доброе дело какое сделал...

Потом, правда, дошло, что ли, до него, буяннить начал, кричал жутко, плакал. Но недолго мучился. В одну ночь порвал на лоскуты простынь да и повесился...

Когда Марьякльну нашли, она ещё живая была. И вроде еле дышала уже, и голова в крови, а глаза ясные, и вроде как не больно ей совсем. Не судите, говорит, его, он хороший, больной только...

Ну вот, после похорон-то я из Лихова и рассчиталась. Сначала в колхоз пошла — хоть и на самые тяжёлые работы, а всё одно легче. А потом сюда, в город...

Ну, налей-ка ещё вот сэта. За упокой её души, земля ей пухом, голубке...

Коленька

Коленьке исполнилось пять лет, когда его папа умер. От папы остались оловянные солдатики и красная пожарная машина. И ещё запах одеколона, и ощущение щекотки от колючих усов. И голос, который Коленька слышал иногда среди ночи. Папа был большой и весёлый, и на руках у него

было высоко и уютно. Коленьке потом казалось, что они все трое — он, папа и мама — постоянно смеялись. И всегда было лето.

Потом папы не стало. А потом мама привела другого папу. Пойми сынок, говорила она ему вечером, укладывая спать, я не могу одна, понимаешь, совсем не могу...

Бабушка осуждала маму и рассказывала Коленьке про прежнего папу. Она говорила, что хоть папа и умер, но они всё равно увидятся, потом, когда Коленька вырастет, проживёт жизнь, состарится и тоже умрёт. Мама ругала бабушку за такие разговоры; что вы чушью голову ребёнку забиваете, кричала она. И вскоре бабушка пропала. Уехала — сказала мама.

Другой папа был совсем не такой, как прежний. Никогда не брал Коленьку на руки. Постоянно сердился, а на что — непонятно. Мама всё время смотрела на нового папу и улыбалась ему. Но не так, как улыбалась прежнему папе. А будто немного испуганно.

Скоро новый папа начал сердиться на Коленьку, а однажды выбросил красную пожарную машину в мусоропровод. Коленька заплакал, и новый папа взял Коленьку за руку, вывел его из квартиры на лестничную клетку в одних трусиках. И Коленька стоял перед дверью, пока кто-то из соседей не позвонил в квартиру и не сказал, что у вас тут ребёнок мёрзнет. Вышел без спросу, а дверь захлопнулась, сказал тогда новый папа.

Потом стало ещё хуже. От целого отряда солдатиков остался только один знаменосец, которого Коленька спрятал под шкафом, остальных новый папа переплавил на грузила; новый папа любил рыбалку.

Когда Коленька вырос из своей детской кроватки, кроватку выбросили, а новую покупать не стали. Новый папа очень хотел купить иномарку, а денег не хватало, и он всё время экономил. Спал Коленька на матрасике, который каждый вечер мама стелила на кухне. Потерпи, шептала ему мама, скоро всё наладится, а без папы нам, сам понимаешь, нельзя. Мама была уборщицей и очень боялась остаться одна «с ребёнком на руках».

Коленька никак не мог понять, что нужно сделать, чтобы новый папа полюбил его, как прежний. Когда он пошёл в школу, решил хорошо учиться, чтобы новый папа гордился им; и он учился очень хорошо, но папа всё равно сердился на него. Однажды он избил Коленьку ботинком, так что на лице появились синяки и ссадины. И мама пошла вместе с ним в школу и объяснила учительнице, что это Коленька упал с лестницы. А Коленька кивал головой, ему было жалко маму.

Ночью, перед тем как заснуть, Коленька под мерный стук капель в раковине разговаривал со знаменосцем, рассказывал ему про школу, про учительницу, про ребят, про общего котёнка

во дворе, которого подкармливали все ребята, кроме него, Коленьки. Коленке нечего было вынести котёнку, ведь кормили его только картофельным супом да макаронами, а макарон котята не едят.

Потом папа перестал обращать внимание на Коленьку, потому что мама стала ждать ребёнка. Но когда ребёнок — братик — родился, папа стал ещё злее. Когда маленький братик плакал, новый папа пинками загонял Коленьку в туалет и велел ему сидеть там тихо, как мышь.

Однажды новый папа, рассердившись на что-то, схватил Коленьку за шиворот, выволок на лестничную клетку и швырнул вниз по лестнице. Коленька потерял сознание и очнулся уже в больнице.

Мама принесла ему в больницу апельсины, бананы и яблоки и шёпотом просила, чтобы Коленька сказал, что сам виноват, что папа хороший. Мама рассказала, что какие-то нехорошие дяди потащат теперь нового папу в суд и у них не будет больше семьи. И плакала.

Потом к Коленьке стали приходить незнакомые дяди и тётки и расспрашивать про папу и маму, и про то, где он спит, и что ест, и где делает уроки, и отчего у него на голове шишки. Коленька что-то устал от всего этого. Однажды он сидел на подоконнике больничной палаты и смотрел вниз. Там, внизу, с высоты седьмого этажа машины скорой помощи виделись маленькими бело-красными коробочками, меньше его любимой пожарной машины, подаренной прежним папой, люди шли по тротуару тоже маленькие — с его знаменосца. Людей было много, а он, Коленька, был один. И он вдруг вспомнил слова бабушки, что обязательно встретится с прежним папой после смерти. А зачем ждать, вдруг подумал Коленька. Ему вдруг стало ужасно страшно и легко. Даже весело. Он встал на подоконник и шагнул вниз.

...Отчима Коленьки судили и посадили, и мать всё-таки осталась «одна с ребёнком на руках». Бабушка приезжала на похороны Коленьки. Она ехала, чтобы плюнуть снохе в лицо, но, когда увидела её на похоронах с младенцем в руках, передумала и забрала обоих с собой.

Знаменосца нашёл грузчик, выносивший из проданной квартиры мебель. Он подержал его в руках, хотел выбросить, но потом вспомнил, что приятель коллекционирует солдатиков, и сунул в карман комбинезона.

Кострыкин и поэзия

Воскресенье начиналось совсем обычно. За окном — утренний зимний сумрак, снег и царапанье голубиных когтей по карнизу. За стеной малолетний сосед по случаю выходного дня и отсутствия родителей врубил что-то рэповое. Кострыкин повалялся в постели, выкурил сигарету и поплёлся умываться и чистить зубы. Поедая яичницу,

Кострыкин привычно думал: «Зачем живём? К чему стремимся? В чём смысл жизни?» С чашкой чая он присел на подоконник, выглянул в окно своей замызанной хрущобы. В свете разгорающегося дня во дворе скучали заснеженные машины, качели с пушистой шапкой на сиденьях, ранние прохожие семенили по ещё не расчищенным дорожкам. Голуби, спугнутые с карниза, перелетели к другим окнам, с надеждой поглядывая на Кострыкина. «Всё то же, — думал Кострыкин, — зима, неуют, холод... Как же всё это надоело!» Вдруг чашка замерла в его руке, он застыл и закатил глаза. Потом поставил чашку на подоконник, вскочил, подбежал к телефонному столу и схватил блокнот. Снова на секунду замер и быстро принялся писать:

На улице — февраль,
И то же — на душе.
Несветлая пора
Накусила уже...

Кострыкин вдруг почувствовал необычайный прилив радости. «На улице — февраль, — шептал он медленно и выразительно, — и то же — на душе...» Ну ведь здорово же? Конечно, здорово. Радость ощущалась так явственно, что ему хотелось запеть, закружиться по комнате. Однако Кострыкин вовремя вспомнил, что ему не то чтобы уже почти сорок, а всё же далеко за тридцать, и скакать в трусах по комнате как-то несолидно.

В общем, совершенно обыденно начавшийся день заиграл новыми красками, пообещал что-то новое, что, может быть, круто изменит жизнь.

Не натягивая штанов, он принялся ходить по квартире, пытаясь войти в мелькнувшее состояние вдохновения, принялся бормотать строчку за строчкой, подыскивать рифмы, не выпуская из поля зрения блокнота с первыми строчками. Азарт и вдохновение постепенно таяли, но не таяло, а, пожалуй, и разгоралось жгучее желание написать шедевр.

Однако день перетёк за полдень, а дело дальше не сдвигалось, как Кострыкин ни тужился. Но он так сильно хотел вновь испытать это сладкое чувство озарения, вдохновения, что готов был мучиться ещё хоть целый час. Да что час — день! И муки творчества поначалу даже показались приятными, ведь муки эти обещали счастливый просверк в сознании, который позволит прибавить к первым четырём строчкам ещё четыре, ещё, ещё, а там, глядишь, и выльется дело в полную поэму! Загрезился Кострыкину лавровый венок, творческое выступление в городской библиотеке и даже где-то в самом мозжечке шевельнулся крохотный червячок и заскрипел: «Нобелевс-с-кая пр-р-емия...»

Конечно, работал-то Кострыкин рубщиком мяса, ножом и топориком орудовал мастерски,

можно сказать, виртуозно, что и позволило ему безбедно пережить страшные девяностые. Но мясо — мясом, а душа — душой! Недаром играл когда-то Кострыкин в школьном театре и лучше всех в классе декламировал стихи. Вот оно когда проявилось — неосознанное призвание души! Вот так живёшь, живёшь, а талант в тебе растёт, растёт, силу набирает, и вдруг — раз! Словно зелёный побег сквозь грубый асфальт — к солнцу: вот он я!

Кострыкину стало страшно: а вдруг росток этот так и не сможет пробить заскорузлый асфальт его мясницкой души? Он ещё быстрее забегал по квартире, бормоча совсем уж какую-то несусразицу.

«Нужно расслабиться, — решил он, — отвлечься, не заикливаться...» Кострыкин быстренько оделся и, стараясь не расплескать в себе ещё теплящееся утреннее состояние, отправился к школьному другу Володьке, благо жил тот в соседней хрущобе...

Володька прочитал строчки на вырванном из блокнота листочке и сразу всё понял, поставил диагноз и задумался всего на секунду.

— Нужно расслабиться, то есть выпить, — уверенно выдал решение Володька и достал из сливного бачка в туалете спрятанную от жены бутылку.

Выпили. Поговорили о юбилейном Гоголе. Выпили ещё. Поговорили о Пушкине. Бутылки, как всегда, не хватило, и Кострыкин сбежал. Обсудили проблему: писал Александр Сергеевич срамные стихи или не писал? Решили, что мог и написать. Но мог и не писать. Потом Володька, желая блеснуть познаниями, выудил из памяти интересный факт:

— Между прочим, песню, которую Никита Михалков поёт в фильме «Жестокий романс», написал индийский йог Рабиндранат Тагор. Представляешь, индийский йог для наших цыган песни писал!

— Он не йог, — возразил Кострыкин, покопавшись в памяти.

— Йог, — настаивал Володька, — это в книжке «Двенадцать стульев» написано! Сам читал.

— Да нет! — окончательно вспомнил Кострыкин. — Это был сын Рабиндраната Тагора! Сын. И не в «Двенадцати стульях», а в «Золотом телёнке».

— Ну, если сын йог, — логично предположил Володька, — то и отец йог, у них там по-другому никак нельзя, там же кастеты. То есть, тьфу — касты! Уж если ты слесарь, то и детям, и внукам, и правнукам только в слесаря!

Стихи прочитали несколько раз, Володька совершенно не сомневался: талант! Явно! Однозначно! На этот раз в магазин побежал Володька...

Бегали ли ещё, что обсуждали, когда и как Кострыкин возвратился домой, он не запомнил. Воскресенье закатилось стремительно.

В понедельник Кострыкин хмуро рубил мясо и мучительно вспоминал: что же это такое было

в воскресенье? Что это так обрадовало и взвинтило его? К Володьке идти не было никакой возможности, у того вернулась из поездки в родительскую деревню жена Люська. А она очень не одобряла, когда Володька с Кострыкиным выпивали больше одной бутылки...

На листочек с четырьмя строчками Кострыкин наткнулся в апреле, когда убирал в шкаф зимнюю куртку. Он прочитал написанное, помолчал, потом мелко-мелко порвал листочек и выбросил его в форточку. К обрывкам метнулись было обманутые голуби, но тут же опомнились. «Голубей баснями не кормят», — ухмыльнулся Кострыкин. В душе его сладко плавилась печаль. Он знал, что не напишет больше ни одной стихотворной строчки.

Друзья

Утром главный бухгалтер общества с ограниченной ответственностью Сидоров вскочил как оглашенный: проспал! Так не хотелось вставать, но бухгалтер по-быстренькому собрался, обжигаясь и даваясь, залил в себя стакан горячего чая под бутерброд с копчёной колбаской и совсем уж побежал на работу, но тут жена из спальни крикнула:

— У тебя халтура, что ли? Ты надолго?

— Какая халтура? — удивился Сидоров. — Планёрка через десять минут, опаздываю!

— У вас уже и по воскресеньям планёрки? Совсем уж с ума сошли.

— Как по воскресеньям? Сегодня разве не понедельник?

— Пить надо меньше! — буркнула из спальни жена, хотя прекрасно знала, что ни вчера, ни позавчера, да и уж недели полторы Сидоров не прикасался, поскольку писал квартальный.

В общем, бухгалтер разделся и снова спать завалился. И приснился ему странный сон. Словами описать трудно — одни чувства. В последнее время частенько стало ему сниться что-то непонятное. Иногда бывает: во сне прямо буря в душе, «Гамлет», а проснёшься — чего волновался-то? Непонятно. Вот и сегодня приснилась мысль (вот уже странно — мысль приснилась!): сколько хороших людей ушло и никогда не вернётся. Кто умер, кто уехал, с кем-то рассорился.

Уже проснувшись и лёжа с открытыми глазами, бухгалтер принялся вызывать в памяти одного за другим всех хороших людей, с которыми сталкивала его жизнь. Во-первых, конечно, родители. Ну, между собой ссорились они жутко. Особенно в последнее время, когда отец, уйдя на пенсию, запил. Но ведь его-то любили. Да к тому же — разве виноваты они в том, как сложилась их судьба? Из-за него же и не развелись. Человеком вырастили. С умилением бухгалтер вспоминал, как

отец для него, шестилетнего, из обычных досок смастерил настоящие лыжи. На покупные денег не было, так сам сделал и даже концы смог загнуть. И мать отца не бросила, когда тот тяжело заболел, тянула его, беспомощного, до последнего. Может, и умерла раньше времени из-за того... Бабушка с дедушкой... Дед — фронтовик... Учительница математики, прямо классическая, как из анекдота, — Мариванна. Он один из всего класса, наверное, понял тогда её слова о математике: это целая страна, а циферки — живые, и у каждой своя жизнь. Один плюс два равняется три. Ну, как семья: двое сошлись, и в результате — вот он, третий, будущий главный бухгалтер большого предприятия, хоть и 000. Потом — Миша. Вытащил его из полыньи. Мог и побояться, но не побоялся. И хоть был старше, а подружились. Очень. А вот судьба развела. Сел Миша за фарцовку, а отсидев, в город не вернулся и пропал из виду. А за что сидел человек? Купил подешевле, продал подороже — вся страна сейчас так живёт. А жизнь человеку поломали... Бухгалтер лежал в постели, слушал, как поднявшаяся жена гремит кастрюльками на кухне, и всё вспоминал, вспоминал, и печаль масляно плавала в душе, подступала к глазам солёным, щекотала в носу.

И вот что ещё грустно: с годами новые друзья появляются всё реже, всё реже с по-настоящему хорошими людьми сталкиваешься. Или сам хуже становишься? Или строже? Или видеть перестаёшь? Вот от этого так печально и стало во сне, так тоскливо — хоть плачь. А главное — что делать? Жизнь так устроена, и ничего ты с ней не поделаешь... Судьба людей сводит, и разводит, и делает с людьми всё, что хочет, как в греческих трагедиях.

После обеда Сидоров нашёл в недрах письменного стола коробку со старыми блокнотами и долго листал заскорузлые от долгого недвижимого лежания в темноте книжечки. По книжечкам, по записям выходило, что друзей у бухгалтера было немало. И на «А», и на «Б», и на «В» — почти на все буквы. И подходил Сидоров с этими книжечками к телефону, и маялся у телефона, и снова листал блокнотики...

Но так никому и не позвонил.

Шевелённый

«Случается на суше и на море, друг Гораций, — написал гений не то английской, не то шотландской драматургии Вильям Шекспир, — что и не снилось нашим мудрецам!»

И это чистая правда! Случается! Такое случается! И мне лично далеко за примером ходить не надо...

В самые рассветские времена довелось мне работать в самом что ни на есть обыкновенном городском фотоателье. Люди старшего поколения

могут представить его, вспомнив старинный фильм-комедию прошлого века «Зигзаг удачи». Приёмщица, три фотографа, пара лаборанток, бухгалтер и директор.

В этом фотоателье всё и произошло.

Трудился у нас фотографом степенный человек лет пятидесяти Иван Николаевич с совершенно обычной фамилией Иванов. Столь же обычной, как и фамилия, была и его трудовая, как тогда выражались, биография. После средней школы он окончил техникум бытового обслуживания населения и, получив специальность, принялся неустанно останавливать прекрасные мгновения по заказу советских трудящихся — на свадьбах, детских утренниках, ёлках, вручениях красных переходящих знамён и других знаменательных событиях. И добился на этом поприще значительных успехов — всевозможных премий, почётных грамот, уважения трудового коллектива и начальства. Был Иван Николаевич человеком вполне интеллигентным и, хотя писал в квитанциях «фотография на плазмасе», слыл человеком в высшей степени грамотным и авторитетным, тем более что ходил всегда в костюме-тройке и при бабочке. Делая, впрочем, исключения в самые жаркие июльские дни, когда невозможно было дойти от ателье до места съёмок, не завернув к квасной бочке или не притормозив у автомата с газированной водой. Нынче таких автоматов не найти уже, наверное, даже на самых забытых складах автоматной техники где-нибудь в Урюпинске или Задонск-Муханске.

С годами, став самым старшим по возрасту и опыту фотографом ателье, он некоторым образом даже вошёл в городскую элиту. Его приглашали снимать партконференции, делать портреты для городской Доски почёта, на которой, между прочим, со временем появился и его автопортрет, выполненный, как всегда, с большим мастерством; он стоял на майских и ноябрьских трибунах совсем недалеко от высшего городского начальства, а когда в город вдруг ни с того ни с сего нанёс визит космонавт не помню с какой фамилией, именно Ивану Николаевичу доверили провести ответственную фотосъёмку (тогда ещё модное ныне слово «фотосессия») у нас не бывало).

И вот у этого передового по всем показателям человека была своя страстишка. Очень любил Иван Николаевич фотографировать похороны. Я вот до сих пор не понимаю (а мне уж годков немало): на кой чёрт нужно снимать мёртвого человека в гробу?! А вот поди ж ты, влезь в любую старую коробку из-под ботинок, где пылятся полузабытые семейные фотографии пяти поколений — крестьянских ли, военных или даже номенклатурных, — обязательно наткнёшься на снимок: гроб, в гробу суровый человек с закрытыми глазами, а вокруг скорбные родственники.

Однако именно заказ на такую скорбную съёмку и был для Ивана Николаевича настоящей отдушиной. Признался он в этом сам на одной из, как бы сейчас сказали, «корпоративных вечеринок», а тогда это была вечерняя пьянка в ателье по случаю Международного женского, кажется, дня.

— И самое главное, — толковал он, объясняя своё пристрастие, — обстановка торжественная — раз! Человек лежит не шевелясь — два, и не надо ему сто раз говорить, чтоб не моргал и не задира л шею.

Да к тому же фотографа обязательно приглашали на поминки, а посидеть за столом, да ещё в компании степенных людей, да ещё бесплатно... Бывало, что Иван Николаевич даже говорил несколько прочувственных слов в адрес покойного, которого совершенно не знал, но пару раз сталкивался где-нибудь по производственным или иным делам.

И вот с этим обыкновенным человеком по фамилии Иванов приключилась совершенно необыкновенная история. Однажды пригласили Ивана Николаевича на проводы в последний путь первого секретаря горкома партии. Первые секретари горкомов в те времена жилали дольше, чем рядовые строители коммунизма, но всё ж таки и они порой уходили туда, где Вечный Коммунизм сиял светлой зарёй человечества.

Всё было как всегда; для такого опытного фотографа сделать всю положенную серию снимков не составило никакого труда, а уж поминки превзошли все его ожидания. Плёнки, отснятые на гражданской панихиде, мастер лаборантам ателье не доверил. Сам проявил, сам и заперся в «тёмной комнате» для печатанья фотографий. И вдруг все в ателье обратили внимание на то, что за чёрной занавесью, скрывающей дверь в лабораторию, — тишина. Это было очень удивительно, поскольку, возясь в лаборатории, Иван Николаевич всегда пел; а с особым воодушевлением — после как раз траурных съёмок.

Трудовой коллектив, переглядываясь, подобрался поближе к чёрной занавеске: а вдруг с человеком плохо? — но тут занавесь театрально откинулась, и в проёме в ореоле красного света показался сам мастер. В руках у него была мокрая фотография, а в глазах — ужас.

— Шевелённый, — деревянным языком возвестил он коллективу, протягивая снимок.

— Кто — шевелённый? — спросила приёмщица.

— Он, — протягивая снимок, ответил мастер, — покойный — шевелённый.

Снимок пошёл по рукам, и у каждого, кто видел изображение, что-то ёкало в груди. На фотографии всё было как надо, всё правильно: красивый гроб на постаменте, партийные товарищи, скорбящие о безвременно покинувшем их руководителе, сам

руководитель, солидно сложивший руки на номенклатурном брюшке, все чётко и безупречно резко.

Но. Голова покойного была смазана! Казалось, что он повернул лицо к фотографу, словно бы проверить, правильно ли тот выполняет порученную ему работу.

— Такого быть не может! — категорически заявил директор ателье. — Это ты, Николаевич, принял до поминок и напортачил!

— Ка-а-ак? — страдальчески воскликнул фотомастер. — Как такое можно сделать? Этого даже специально сделать невозможно!

Факт тем не менее был налицо — покойный пошевелился!

— А может быть, кто-то за верёвочку дёрнул? — предположила симпатичная, но глупенькая, это все знали, приёмщица.

— За какую верёвочку?! — схватился за голову директор. — Сколько ты таких кадров сделал?

— Три, — совсем безжизненным голосом ответил Иван Николаевич, — и на всех трёх он шевелённый...

— Надо эту плёнку на экспертизу, — влез самый молодой лаборант Вася, — учёным предъявить в Москву, чтоб объяснили феномен...

Уже и не помню сейчас, как тогда вышли из положения: ретушёр ли поправил дело, или смастерили коллаж, — но положенный комплект фото для горкома сделали, и нареканий не последовало. Плёнку списали как производственный брак, и директор самолично порезал её на мелкие кусочки, так же как и фотографии «шевелённого». Но одну фотографию лаборанту Васе, то есть мне, удалось сохранить. Я часто смотрел на неё, пытаюсь постичь феномен, даже увлёкся философией и был уверен, что наступят времена, когда о таких вещах станет можно говорить открыто.

Однако когда такие времена настали, оказалось, что это далеко не самое главное, что может занимать человеческую мысль. Сначала началось ускорение, которое привело к ускоренному исчезновению товаров народного потребления и в очереди за водкой можно было запросто погибнуть, потом перестали платить зарплату, а все проблемы решались заряженной Аланом Чумаком в трёхлитровой банке водой, потом... Эх, да мало ли...

Одним словом, когда настали более приемлемые для философии времена, фотографию «шевелённого» в многочисленных пакетах со старыми фотографиями я отыскать не смог. О чём сегодня очень и очень горюю. Ведь так обидно, соприкоснувшись с великой тайной природы, с загадочным феноменом, так и остаться в неведении.

Раньше великий русский, а ныне русско-украинский писатель Николай Васильевич Гоголь в одной из своих бессмертных повестей написал не хуже, а я полагаю, что и лучше, чем В. Шекспир: «А, однако же, при всём том, хотя, конечно, можно

допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да и где ж не бывает несообразностей?.. А всё, однако же, как поразмыслишь, во всём этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают».

Вот именно: редко, но бывают.

Но только гении, осенённые свыше, могут просто и откровенно рассказывать нам о таких вещах; человек простой от них теряется и впадает в душевное смятение...

Иван Макарыч и Анджела Дэвис

Давно это было. Когда ещё существовали тринадцатая зарплата, автоматы с газировкой, субботники, демонстрации и очереди за колбасой. В общем, в середине второй половины двадцатого века. Плыл к закату знойный август за распахнутым окном, но уже веяло терпкими нотами осеннего увядания; и загоревшие кто в Сочи, кто в Ялте служащие никак не могли настроиться на работу.

Знакомый мой экономист небольшого управления Иван Макарыч Семёнов работал над каким-то срочным отчётом. И, как человек обстоятельный, подробный и ответственный, ушёл в работу с головой. Когда он погружался в подобное состояние, коллеги старались лишний раз не трогать его, поскольку любая, даже самая мелкая, просьба в такие дни выводила тишайшего Ивана Макарыча из равновесия. Он мог просто не заметить обратившегося, только поднять голову и минуту посмотреть сквозь человека глазами, в которых быстро-быстро крутились циферки. Но мог и сильно рассердиться, и в раздражении, отодвинув большой калькулятор, сказать: «Отчёт, дорогая Мариванна, конечно же, может подождать! А уж начальник управления тем более подождёт. Что такое отчёт?! Тьфу!» И скажет он это так, не повышая, впрочем, голоса, что бедная тётка, которая и всего-то хотела предложить ему путёвку на выходные в дом отдыха, просто забывала, зачем подошла.

Именно в такой период и случилось чп мирового масштаба. Арестовали и посадили в тюрьму Анджелу Дэвис. Анджела Дэвис, если кто не помнит, — чернокожая деятельница коммунистического движения в США, молодая, с пышной негритянской шевелюрой; она в одночасье стала символом борьбы против капитализма, а также за свободу и равноправие, как сегодня принято политкорректно выражаться, афроамериканцев. Это была тёмная история: активисты негритянской организации «Чёрные пантеры», то ли боровшиеся с наркомафией, то ли пытавшиеся занять её место, в попытке освободить из зала суда троих чернокожих заключённых захватили в заложники обвинителя, нескольких судей и присяжных. Тогда были убиты и сами «пантеровцы», и судья, и заложник-обвинитель. Дэвис оказалась каким-то образом втянута в эту историю. Она бежала, скрывалась

от полиции, но её выследили и арестовали. Уже значительно позже выяснилось, что девушка была будто бы не так уж и невинна, что не чужды ей были и упражнения с наркотическими веществами, и с оружием, а недавно, уже в солидном возрасте, Анджела объявила, что она лесбиянка. Сегодня она вряд ли смогла бы претендовать на любовь тогдашнего советского лидера Леонида Ильича Брежнева, но тогда... Молодая, вызывающе-яркой внешности, типичная негритянка, она оказалась очень удобной фигурой в войне идеологий, её имя было поднято на флаг, и лозунг «Свободу Анджеле Дэвис!» по популярности уступал в тот год мало какому другому.

Коллективу, в котором трудился Иван Макарович, сообщила о беде профсоюзная деятельница на неосвобождённой основе Натали Укропова. На «неосвобождённой» — это только так говорилось. Чтобы Натали занималась своей основной работой, мало кто видел. Да и как она могла сосредоточиться на работе, когда в мире происходили такие разнообразные и великие события, касающиеся всех и каждого? А когда Укропова ввязывалась в очередную общественную кампанию, она становилась такой же полувменяемой, как Иван Макарович. Азартно шла напролом, словно русская борзая за зайцем, добиваясь немислимых результатов.

Не знаю, кто затеял инициативу по сбору подписей в защиту Анджелы Дэвис, но Натали включилась в эту инициативу со всей пылкостью. Она металась по этажам управления с подписными листами, вылавливая в кабинетах, цехах и подсобках каждого, ещё не поставившего своей закорючки, — будь то сам начальник управления или нетрезвый сантехник, синюшным вурдалаком скрывающийся от дневного света в канализационном люке. Ей казалось, что вот именно эта пачка листов в её серой папке с тесёмочными завязками и решит судьбу пышноволосой темнокожей девушки, олицетворявшей собой борьбу светлого с тёмным. Не знаю, действительно ли все собранные подписи отправили потом в США, или все эти папки тихо сожгли через год на задах ЦК КПСС. Не помню даже, подписал ли я сам такой листок. Наверное, подписал. Поскольку однажды оказалось, что подписи в управлении поставили все. За одним исключением. Забывшийся в угол дальнего своего кабинета Иван Макарович каким-то образом избежал внимания Укроповой. И она ринулась исправлять недочёт. Ей не советовали. Мягко намекали. Она не послушалась. Все, кто был в это время поблизости, отправились вслед за Натали, чтобы лично посмотреть, чем всё это кончится. Но кончилось не так, как надеялись добрые дамы из бухгалтерии. Когда Натали положила перед экономистом разлинованный подписной листок, тот долго вглядывался в строчки, но, так ничего

и не поняв, поднял глаза с бегающими в них циферками на Натали. Дамы из бухгалтерии затаили дыхание. Но ничего особенного не случилось. Иван Макарович тихо спросил:

- Что это?
- Сбор подписей в защиту Анджелы Дэвис.
- От чего защиты?
- От американского суда.
- А она не виновата?
- Нет!
- Точно?
- Да!
- А директор управления подписал?
- Да!

Иван Макарович взял, не глядя, первую попавшуюся под руку писчую принадлежность и размашисто что-то черкнул. Натали Укропова с несколько округлёнными глазами подошла к коллегам и молча показала им подписной лист. Внизу во всю ширину листа толстым красным карандашом было написано: «Освободить! Немедленно! Семёнов».

Что интересно, Анджелу Дэвис вскоре освободили. О чём Натали Укропова оповестила всех посредством управленческой стенгазеты. Пробедавший мимо Иван Макарович остановился, прочитал сообщение, задумался, видимо, о чём-то вспомнил и, удовлетворённо кивнув головой, пошёл дальше.

На Амуре

Шамана звали Борис, он был стар и нетороплив. Встав на колени у самой воды, из деревянной площадки, похожей на лодочку-уточку, шаман бросал в Амур табак, черемшу и соль, что-то едва слышно бормотал и кланялся. Делал он всё это, не обращая внимания ни на толпу туристов, щёлкавших фотоаппаратами, ни на матросов причалившего прямо к берегу теплохода, снующих по трапу, ни на местных подростков, посмеивающихся и цыкающих плевками в реку. Завершая обряд, Борис налил из заранее откупоренной чекушки водки в два гранёных зеленоватых стаканчика. Водку из одного стаканчика он с бормотанием выплеснул в Амур, второй стаканчик опрокинул в рот.

Гомонящих туристов повели в клуб, за ними потянулись и подростки, а Борис уселся на берегу и стал смотреть на бегущую воду Амура. Он знал, что туристам покажут национальные ульчские пляски, руководительница ансамбля будет сетовать на то, что молодые ульчи плохо знают свой язык, что проходят его факультативно, по желанию, а желают не все, больше английский хотят изучать... Многие принимают православие, и значит, надо или крестик, или бубен выбирать. Православному же нельзя шаманский бубен в руки брать... Амур течёт и течёт бесконечно, и жизнь течёт, и всё

становится не так, как было, и как было уже никогда не станет.

Вскоре туристы вернулись на теплоход, и тот, коротко взыв, отчалил, вспенив воду за кормой. Борис встал и вытащил из-под перевёрнутой лодки мешок. Достал котелок, треногу, завернутую в мокрую мешковину и лопухи рыбу и принялся ладить костерок...

...Солнце скрылось за грядой острых верхушек елей и пихт. Отец Василий запер церковку и пошёл к берегу. Быстро темнело, и костёр ярким цветком выделялся на серо-свинцовом фоне Амура. Из котелка над огнём уже вовсю валил пар, а шаман на куске брезента, брошенного на траву, раскладывал ломти чёрного хлеба. Увидев спускающегося к воде священника, Борис, натянув на ладонь рукав куртки, снял котелок с огня, поставил на брезент, достал из кармана деревянные ложки. Отец Василий перекрестился, быстро опрокинул гранёный стаканчик и зачерпнул ухи.

Ночь быстро опускалась на берег, звёзды высыпались на небосклон, выплыл из-за сопки месяц и повис прямо над крестом темневшей над рекой церквушки. Отец Василий отложил ложку и растянулся на принесённом с собой ватнике. Борис, сидя по-турецки, затянул потихоньку что-то по-ульчски, мерно покачиваясь, словно кланяясь воде. Отец Василий прикрыл глаза и принялся нащёптывать молитву. Из посёлка, из чьего-то открытого окна, доносились звуки телевизора. «Значит, на улице никого, — подумал отец Василий, — все сериал смотрят...»

Кто-нибудь непременно

Сколько. Очень сколько. Знал бы — сидел бы дома. Василий Егорович остановился у решётки кованого заборчика, ухватился за завиток и стоял, не решаясь шагнуть. Как ещё сюда-то добрёл? Не заметил спервоначалу, что асфальт покрылся прозрачным ледком. Не разглядел сослепу. Василий Егорович очень боялся сломать ногу. Особенно бедро. Шейку бедра. Поэтому гулял только с палочкой и очень медленно. Когда шейку бедра сломала его жена... Когда же это было? Год назад? Или пять лет? Что стало со временем? Совершенно невозможно понять, когда что было. Жена лежала несколько месяцев. Врачи говорили: какая операция в таком возрасте?! И тихонько, чтобы Люся не слышала: готовьтесь, шейка бедра в таком возрасте... И многозначительно закатывали глаза. А какой возраст? Она на пять лет младше Василия Егоровича. Люся всё понимала, но улыбалась Василию Егоровичу: ничего, ничего, срастётся. Василий Егорович запирался в ванной, включал воду и рыдал. Он привык к жене и не хотел без неё. Люся умерла месяца через четыре. Так что теперь Василий Егорович бережётся.

Хуже всего в ноябре. То асфальт, то снег, то лёд. А то ещё тонкий прозрачный ледок, вот как сейчас, почти незаметный. Идешь вроде по асфальту, а там лёд!

Детей у них с Люсей не было, вот что плохо; и родных не осталось никого на свете. Друзья или поумирали, или вот так же, как он, выбирались иногда в хорошую погоду во двор — прогуляться от перекрёстка до перекрёстка. Хорошо, что магазин был в соседнем доме. И ещё телефон. На телефоне, конечно, приходилось экономить — какая сейчас пенсия? А всё ж, когда прижмёт сердце, можно дозвониться до скорой, а если прижмёт душу — до знакомых...

Совсем плохо стало, когда перестали приглашать на завод на праздники и юбилеи. Раньше хоть два-три раза в год, а приглашали. Сажали в президиум, давали грамоту, а потом, как положено, за стол. Водочка, бутерброды хорошие, рыба... А теперь что-то совсем не то. Раз летом сам добрался до проходной — не пустили, спросил директора, а директор уж совсем другой; и завод-то, говорят, продали, московским кому-то. Вот времечко настало — целый завод продали: мыслимое ли дело?!

Что-то совсем перестал Василий Егорович понимать эту жизнь. Ну, как одеваются — это ерунда; молодёжь всегда так: чем чудней, тем модней. Сам он, что ли, не распоясывал брюки в немислимый клёш? А вот говорят всё больше непонятно; прислушаешься — вроде и по-русски, а ни черта не поймёшь. Да...

Ноги озябли. Ходил Василий Егорович в летних полуботинках, а как похолодает, поддевал толстые шерстяные носки. Но весной куда-то спрятал их, да так и не смог вспомнить — куда. Можно бы купить новые у бабушек возле магазина, у них не магазинные, сами вяжут, хорошие носки. Но тоже — то забудет, то пенсия кончится.

Вот перчатки попались добротные, подарок. Подарили на заводе, когда ещё приглашали, давно, а как новенькие.

Однако нужно было как-то идти, а Василий Егорович всё не решался, очень боялся сломать ногу. А если ещё и шейку бедра... У Люси был он. А у него никого.

Мимо шли люди — вечер, суббота — кто в магазин, кто в гости, кто так гуляет. Они с Люсей любили гулять; «для моциона», Люся говорила... Машины по улице одна за одной, и все какие-то незнакомые, иномарки. Как там его «москвичок» в гараже? С лета не ходил. Ноябрь — самый противный месяц: ни осень, ни зима, холодно и неудобно. Рука на чугунной завитушке решётки замёрзла, и, перехватив тросточку, Василий Егорович взялся за решётку другой, не озябшей, рукой.

Он вдруг с тоской почувствовал, что всё вокруг не касается его. Как будто его уже и нет. Жизнь

вокруг течёт сама по себе, а он стоит тут сам по себе, словно выпал из действительности. Вот пройди сейчас кто-нибудь прямо сквозь него, а он и не удивится. Он зябко передёрнул плечами. Надо идти, но он всё никак не мог оторваться от решётки.

— Вам нехорошо?

Василий Егорович вздрогнул. Повернул голову. Девушка. Смотрит, улыбается чуть озабоченно.

— Что-то случилось? Сердце?

— Да вот... — Василий Егорович запнулся. — Скользко.

— А-а. Давайте руку. Ничего, ничего, я не топлюсь. Вы ведь из тринадцатого? Я в соседнем подъезде живу. Вы не в магазин шли? Нет? Ну, давайте потихоньку...

Кружка с горячим чаем согревала ладони, телевизор бормотал что-то про погоду, гудели тихонько батареи, тикал будильник, у соседей плакал грудничок. Василий Егорович смотрел в окно. Из чёрного неба медленно падали снежинки, вокруг дворового фонаря они красиво вихрились в лёгком хороводе. Во дворе чёрным по белому бегала и гулко лаяла собачонка. С высоты четвёртого этажа она казалась таксой. Василий Егорович вспоминал свою прогулку и девушку и думал: «Да нет, всё те же люди... Вроде никому и дела до тебя нет... Но кто-нибудь обязательно поможет, если что. Обязательно». И от чая, и от урчащей батареи, и ещё от чего-то ему становилось тепло...

Дед

Дед постоянно кричал по ночам. И нельзя сказать, чтобы слишком громко или надрывно. Просто слабым, почти детским голосом затягивал: «А-а-а-а-а-а, а-а-а-а-а-а-а-а». И лишь временами вскрикивал чуть громче «Ой-ё-ёй-й-й». Но сон у больных был чуткий, и многие просыпались от этих криков и потом долго не могли заснуть.

Утром в столовой не обходилось без обсуждений. Где-то между результатами УЗИ, диетой от рака и тонкостями поведения на эндоскопии (дышать надо не носом, как советуют врачи, а ртом! И шёпотом: да что они понимают, врачи эти...) обязательно кто-нибудь говорил:

— Опять дед хулиганил!

Тут же кто-то откликнулся:

— Ой, всю ночь из-за него глаз не сомкнула. Когда же это кончится?

Особенно злился низенький лысоватый толстяк, которого все на этаже звали Палычем. Когда-то Палыч был большим начальником, а теперь стал заурядным пенсионером, к тому же обременённым язвой желудка.

— Это безобразие! — кипел Палыч. — Куда только медики смотрят? Весь этаж из-за этого дед не спит.

— Вы, Николай Палыч, в медицинском учреждении находитесь, — вежливо осаживала его медсестра, — и здесь свои порядки. Не кляп же ему вставлять?

— Да куда денешься, человек старый, может, и нам такая же участь суждена, — заискивающе резонировал молодой парень с гастритом. — Он за себя ответить не может.

— Зато ты отвечаешь, — огрызнулся бывший начальник, — пердишь по ночам. Вот наша бабушка, когда почуяла, что время её вышло, — ушла так тихо, что никто и не заметил, — Палыч вздохнул, погладил себя по лысеющей голове. — Вечером ещё кур кормила, а утром не проснулась — и всё. И умерла даже летом — никаких проблем с могилкой нам не доставила.

Днём дед спал. Просыпался только на еду да когда приходили навестить дети-внуки. А ночью из его палаты снова доносилось потустороннее: «А-а-а-а-а-а-а, а-а-а-а-а-а-а...»

— Не помогает, — жаловался утром хмурый Палыч, вынимая из ушей беруши, — всё равно слышно.

И вдруг дед затих. Поначалу палата даже подумала, что старик скончался. Но Палыч заглянул к деду и убедился, что тот спокойно ест овсянку.

— Батюшку к нему приводили, — разъяснила ситуацию нагрянувшая с уколами медсестра, — соборовали его, вот он и успокоился.

— Да он же коммунист заядлый, непримиримый атеист! — вскинулся Палыч, и сам не чуждый идеалов социальной справедливости. — Он же в горькоме работал, бабок в религиозные праздники с Серафимовских родников гонял! Да что бабки! Говорят, он купола в церкви в Васильковке сносил, чтоб под цех её приспособить.

— Вот именно, — многозначительно посмотрела на Палыча медсестра. — А то с чего бы это его так корёжило?

— Да ладно, — скептически махнул пухлой ладошкой отчего-то раздражённый Палыч, — ладно.

— Теперь ладно, — всё так же многозначительно улыбаясь, ответила медсестра. — Теперь он вам мешать не будет.

И правда — не мешал. Умер дня через три, тихо и незаметно.

Удочки

Почти каждое утро сразу после завтрака Сергей Иванович брал удочки, вынимал из-под кровати небольшую сумку с «припасами» и выходил из палаты. Во дворе он присаживался у деревянного стола, раскладывал на гладких некрашенных досках поплавки, грузила, крючки, потом складывал всё это обратно в сумку и выходил за ворота. По узкой тропке, извиляющейся среди чёрных стволов столетних лип, Сергей Иванович выходил на околицу,

садился на неведомо когда и для кого вкопанную скамейку и собирался с духом.

До речки было километра полтора. Это далеко. Если тебе под девяносто — очень далеко. Сергей Иванович сидел на скамейке, смотрел на дорогу и всё не решался отправиться в путь. Он представлял себе, как побредёт по зелёному пустырю, пройдёт мимо поля, где будет стоять звон от стрекота кузнечиков, шелестя высокой травой, минует заливной луг, усыпанный цветами, и выйдет на песчаный берег речки. Поплавки закачаются на мелкой волне, трясгузки будут суетливо бегать по жёлтой отмели, а над противоположным берегом пролетит пара седых луней. Солнце поднимется высоко, и рябь на воде станет слепить глаза, от песка пойдёт сухое тепло, но лёгкий ветерок освежит лицо. Сергей Иванович достанет из сумки тайком заготовленные ещё с вечера бутерброды и с удовольствием съест их без остатка, вытряхнув из пакета крошки для трясгузок. Впрочем, трясгузки, кажется, не клюют крошек...

Из задумчивости его каждый раз выводил звонок, созывающий обитателей дома на обед. Сергей Иванович поднимался со скамейки, бросал взгляд на напрасно ожидавшую его тропинку и брёл обедать. На крыльце он останавливался и выкладывал для дворовой собаки подсохшие не съеденные бутерброды.

После обеда он садился у окна и допоздна смотрел на чёрные стволы лип, на тень от сарая, потихоньку ползущую в сторону дома, на кошку, крадущуюся вдоль забора, и думал о том, что завтра обязательно дойдёт до реки...

«Пап, ты поживёшь здесь месяц, мы вернёмся из отпуска и заберём тебя домой, — Сергей Иванович не хочет вспоминать тот день, но каждый день голос сына звучит в голове сам собой, а вместе с голосом возвращается и воспоминание. И сердце начинает стучать. — Тут хорошо, тут твои сверстники, тебя облечат, кормить хорошо будут... На рыбалку ходить будешь...» Конечно, оставлять его одного на целый месяц в их большой квартире на Садовой было никак нельзя. Газ забудет выключить или утюг... Воду уж сколько раз в ванной забывал выключать, квартиру не запирал... Хорошо — внучата почти всегда дома. Утром только в школе... Удочки захватили по его настоянию. Уж если на месяц в санаторий — так уж порыбачить от души. Когда-то даже в отпуск, на море, Сергей Иванович брал с собой снасти и таких кефалей, бывало, вываживал из солёных волн на коктебельских пляжах, что местные от зависти только кричали. И сына научил рыболовству. С сыном они объездили полстраны, забирались с удочками в такую глухомань... А потом сын показывал в школе фотографии, а за сочинения

на тему «Как я провёл лето» получал исключительно пятёрки...

Это была долгая и счастливая жизнь. А потом... Умерла жена, две маленькие квартиры обменяли на одну большую, внуки как-то неожиданно подрастали, а он так же быстро старел. Что-то стало происходить с памятью. Невестка как-то странно смотрела на Сергея Ивановича и ночами о чём-то сердито разговаривала за стеной с сыном...

Увидев «санаторий», Сергей Иванович всё сразу понял. И сын понял, что он понял, но ничего не сказал. Прислонил удочки к прикроватной тумбочке, огляделся, промолвил: «А что — чисто, светло», — и стал помогать Сергею Ивановичу раскладывать вещи.

Сергей Иванович держался молодцом. Потом ему рассказали, что один старик, когда понял, где его оставляют, упал на пол и зарыдал, как ребёнок. А Сергей Иванович молчал, заставлял себя не говорить вслух того, что рвалось из груди. Но что толку не говорить вслух, если в голову пришло и не хотелось уходить единственное слово: «сдали»? Как сдали в ветлечебницу больного и старого Грэя. Только Грэю повезло: в лечебнице ему сделали укол, и он ушёл, даже не поняв, что произошло, до последнего преданно глядя вслед хозяевам.

В первую ночь в доме престарелых Сергей Иванович то и дело просыпался, не мог понять, отчего он не на своём привычном диване, мучительно вспоминал, где он, словно утопающий за соломинку, хватался за удочки в изголовье и снова проваливался в темноту.

Удочки особенно хорошо отвлекали его первые дни. Он перебирал их, вспоминал, где и когда купил удилища, как готовил снасти, что и когда поймал. Вот это удилище подарили ему на шестидесятилетие сослуживцы, вот это — на семидесятилетие сын. Вот это... Среди дорогих складных пластиковых и бамбуковых хлыстов была и особенно дорогая ему, довольно корявая на вид, самодельная ореховая удочка, которую он самолично вырезал и оснастил для сына, когда впервые взял его с собой на серьёзную рыбалку. И как она только смогла сохраниться столько лет во всех житейских перипетиях, переездах, квартирных обменах, ремонтах?..

Сын несколько раз звонил, рассказывал о внуках, расспрашивал о здоровье. Разговора о возвращении не заходило, и Сергей Иванович об этом не заговаривал.

Он похудел и перестал бриться. Время от времени взбадривал себя, пытался участвовать в жизни дома престарелых, даже, вспомнив былое, взял в руки гитару. Но вскоре снова впадал в хандру, отгораживался от всех и не разговаривал даже

с соседом, тоже, впрочем, человеком замкнутым и молчаливым.

Однако каждое утро неизменно выходил с удочками за ворота в надежде, что уж сегодня-то непременно дойдёт до реки, и поплавки будут качаться на серебряной ряби воды, и трясогузки будут бегать по отмели, и...

И каждый вечер с чувством несбывшейся надежды сидел у окна, смотрел на липы, но видел не липовую аллею. Словно слайды из заброшенной куда-то коробки (а зачем теперь слайды, когда есть видео?), проходили перед ним картины его длинной и в общем-то неплохой жизни. Жизнь неплохая, да конец странный, думалось ему. Как бы всё сложилось, доживи Зоя до сегодняшних дней? Сидел бы он сегодня вместе с ней за кухонным столом под любимым абажуром, а может, у телевизора. А по утрам она ворчала бы, глядя, как он собирается на рыбалку...

Лето тянулось нестерпимо долго, а пролетело в одно мгновение.

Однажды, когда в окно с размаху влетел жёлтый лист да так и приклеился к стеклу, Сергей Иванович вдруг понял: если он завтра же не пойдёт на реку, то уж не пойдёт никогда.

Станет холодно и сыро, он перестанет выходить на улицу, будет подолгу молча сидеть у окна и смотреть на один и тот же пейзаж за окном. На чёрные стволы лип, на угольный сарай в конце участка, на чугунную ограду вокруг дома, про которую говорят, что она сохранилась ещё с тех пор, когда в доме жило большое семейство князей Шаховских. Сергею Ивановичу нравилось иногда вечерами представлять себе, какое дружное и весёлое семейство обитало тут. Он придумывал их дни и вечера, представлял себе старого князя-ворчуна, сочиняя за него реплики и отвечая ему то за сына, то за многочисленных внуков. Ярko горели свечи, от печей щедро шло дровяное живое тепло, где-то в комнатах играл рояль. Обшарпанное пианино стоит в «клубной комнате» дома престарелых, и на нём даже иногда играет почти лысая бывшая учительница Вера Владимировна. Но тогда был рояль. И только рояль. И какой-то молодой голос влетал в полные волнения гульки звуки инструмента, и старинный романс грустно плыл из комнаты в комнату. И Сергей Иванович вдруг узнавал голос племянницы, а лица расшалившихся детишек были лицами его внуков, и сын вскидывал одного из них на широкие плечи (как сам он, бывало), а невестка несла ему на серебряном подносике рюмочку наливки... И Сергей Иванович тихо плакал светлыми слезами...

Но на этот раз не пришёл на помощь ни старый князь, ни воспоминания, ни глупая надежда, упрямо жившая где-то в уголке души. Этот жёлтый осенний лист словно пробил брешь в оконном

стекле и впустил в его мир холод и безнадежность. В голове была пугающая ясность: вот-вот придёт зима. И эта зима уже трогала его тоскующее сердце ледяными пальцами, и терпеть не было никакой возможности.

Сергей Иванович вытащил из-под кровати сумку и под удивлёнными взглядом соседа, привыкшего к тому, что ритуал всегда свершался только по утрам, начал перебирать снасти. Он проверил леску на каждой удочке, переставил пару крючков и заменил один из поплавков. Перед отбоем сходил в столовую и взял с подноса, который всегда подавали к вечернему кефиру, несколько кусков...

Задолго до завтрака Сергей Иванович вышел из палаты, миновал двор и вышел за ворота. По узкой тропке, извиляющейся среди чёрных стволов столетних лип, Сергей Иванович вышел на околицу. Ускамейки он остановился, но присаживаться не стал.

Он представлял себе, как побредёт сейчас по зелёному, но уже подвинувшему пустырю, пройдёт мимо рыжего осеннего поля, где уже не будут стрекотать кузнечики, минует отсыревший и пожухший от заморозков заливной луг и выйдет на песчаный берег остывшей, приготовившейся уснуть подо льдом речки. Ему вдруг стало так зябко и беспринутно, что палата показалась на мгновение желанным домом. Но ледяная рука вновь тронула медленно бьющееся сердце, и Сергей Иванович, подняв на плечо связку удочек, отправился в путь...

На Кавказ

Он отрешённо смотрел на воду расширенными глазами, и в глазах этих, как и в воде, плавился закат. За нашими спинами высилась стена красивого монастыря, и в изгибе купола тоже горело заходящее солнце. Я помнил этот монастырь ещё в те времена, когда во дворе его размещалась тракторная мастерская, а у могилы прославленного адмирала валялись гусеничные траки, и мне было странно слышать новое живое дыхание в старых монастырских стенах, перезвон колоколов, как странно было видеть и этого нестарого монаха, сидящего рядом со мной на берегу речки.

В чёрной рясе, в грубых чёрных ботинках, он сидел в позе врубелевского демона и вроде бы и для меня, а всё же, скорее, для самого себя рассказывал. Давно известно, что чужому, постороннему человеку всю подноготную свободно рассказать можно, вот он и рассказывал...

— Вдвоём они были. Обе в чём-то непонятном, словно в тогах каких. Вошли ко мне в келью, хотя келья была заперта на крюк. Как — не знаю. Говорят: пойдём с нами! Я говорю: как я пойду? Настоятель убьёт меня, если я без спросу уйду

за ворота обители. Говорят: не узнает, пойдём, мы быстренько — туда и обратно. Куда? — спрашиваю. Отвечают: на Кавказ сходить надо. Понимаешь? На Кавказ! Я думаю, крыша у тёток поехала. А может, у меня поехала. Одна была постарше, другая — помоложе. И, сам не знаю отчего, встал и пошёл за ними. Идём по двору, идём за ворота, никто меня не окликает. Иду и мучаюсь: через двадцать минут служба. Одна — постарше — вдруг оборачивается и говорит: да успокойся, успеешь ты на службу-то.

Вот вышли за ворота, один поворот, другой, и я места вдруг что-то узнавать перестал. Глазом моргнуть не успел — мать моя! Горы! Кавказ! Прямо как в кино. Ну, думаю, точно: от молитв да от поста крыша поехала. А старшая опять говорит: успокойся, всё у тебя с головой в порядке. Смотрю — палатки, танки, народ военный ходит, идём мимо часового, он на нас смотрит, но ничего не говорит, мы мимо, а он напрягся весь, покраснел, а застыл, как статуя, и молчит. Приводят они меня в госпиталь. Огромная палатка, там кровати, столы, занавеси марлевые, медсёстры бегают, врачи над столом операционным склонились. Ну вот, говорят женщины, пришли. И что теперь? — спрашиваю. Теперь, отвечают, будем за ранеными ухаживать, самым тяжёлым помогать.

И стал я вместе с женщинами за ранеными ходить. Тяжёлая была работа. И физически тяжело, но во много раз тяжелее душевно. Вот смотришь — молодой паренёк на столе, раз — и летит его отрезанная нога в мешок, а мешок в огонь. А когда он очнётся? Ужас просто.

Одному такому сразу обе ноги отняли. Вся его звали. Худенький, в веснушках весь. Лицо бледное-бледное, и веснушки на нём просто горят.

Вот смотрю на него и думаю: Господи, как же так могут люди друг друга ненавидеть, как помещается в их душах такое зло? Вот жил этот парнишечка — по рукам видно, что деревенский, — с девкой гулял, планы строил. Папка с мамкой его от армии откупить не сумели, а может, и сам напросился, в деревнях-то ещё таких немало осталось. А теперь лежит под простынёй, а ноги его отдельно лежат. И ради чего он стрелял, ради чего в него стреляли? И есть ли что-нибудь на свете такое важное, ради чего это стоило сделать?!

Что такое девятнадцать лет — и без ног? Это понять трудно. Невозможно. А как вынести?

Три раза он пытался с жизнью покончить. Три раза я его отговаривал. Бывало, всю ночь напролёт говорю, говорю, говорю... Сейчас уж не вспомню, что и говорил-то. Его ведь понять просто: причин не жить в его положении — тысяча, а чтоб жить?

И вот что интересно: я всё думал, как это никто не спросит, откуда я взялся. И правда, доктор или медсестра вдруг посмотрят на меня, словно что

вспомнить пытаются, постоят-постоят и отвернутся, вроде как некогда, дел много.

Я как-то даже про монастырь забыл, как время летело — не помню. День мы там пробыли, неделю или месяц — не знаю. Вымотался я — сил нет!

Выйдешь, бывало, на волю. Палатки, палатки, вагончики, фургоны какие-то, люди военные туда-сюда, а в воздухе — пыль. Пронесётся по страшной глинистой дороге танк, пролетит пузатый вертолёт над самой головой, где-то грохнет что-то — взрыв ли, гроза ли в горах... Как во сне...

Вот пришло время, Вася начал приходить в себя. Стали собирать его в другой госпиталь, на долечивание. Снял я крест свой нательный, подал ему и говорю: мол, пока ты жив, Бог тебя не оставит, Ему, говорю, всё равно — есть у тебя ноги или нет, главное, чтоб душа была. А он заплакал и говорит: мол, не забуду вас никогда...

И тут подходят опять ко мне мои спутницы, и старшая говорит: ну, поработал, теперь пойдём обратно. Ну, пошли... К монастырю подходить стали, чувствую, один иду, оглянулся — точно, женщины как в воду канули.

Вошёл я в келью — словно очнулся. Оглянулся — дверь закрыта, крючок накинута. Потрогал — крестика нательного нет. Бухнулся на колени, помолился — да и на службу. И ведь точно не спал, не бредил. Руки всю работу госпитальную помнили, да и тело болело, словно целые сутки вагоны с чугуном разгружал...

Понятное дело, никому я об этом не рассказывал. Да и как расскажешь, кто поверит? Решат, мухоморов мужик объелся или крыша съехала. Да я и сам уже забывать начал: было — не было?..

В общем, год, другой прошёл, заутрения, обедня, пост, разговенье, зима, лето, жизнь вперевалочку, ничего особенного...

А вчера иду по монастырскому двору и чую: кто-то смотрит на меня. И тут кидается ко мне молодой паренёк. Костыли, старая камуфляжка, сумка через плечо — в общем, калека-паломник. Одной ноги вовсе нету, вместо второй — явно протез.

— Помните меня?! — кричит. — Ханкала, госпиталь, ходили вы за мной, умереть мне не дали! Ну, помните?!

А я молчу — чего сказать-то? Я и в Ханкале-то никогда не был. А он своё: да как же, Вася я! — и крестик мой мне показывает.

И вот что было делать? В голове словно перемешалось всё, колоколом гудит: не может такого быть, ну не может! Ну и убежал я, не смог я всё это переварить. Не осилил. Да и сейчас не осиливаю...

Солнце окончательно провалилось в чёрный часток кол сгоревшего в закате леса, последний золотой блик стёк с купола и утонул в тёмной реке. Монах словно очнулся, посмотрел на меня,

будто впервые увидел, поднялся на ноги, буднично сказал:

— Холодает, утром туман будет большой. Пора...

Я поднялся следом за ним, и мы пошли узкой тропой, задевая отсыревшие лопухи, к калитке в стене монастыря. Во дворе он, не останавливаясь, обернулся:

— Ангела-хранителя вам в дорогу, — и свернул к кельям, а я пошёл к воротам.

На быстро густеющем небе проявлялись первые звёзды, козодой покрикивал на ближних лугах, дорога уходила от монастырских ворот через травянистую низину в колонны соснового бора, сворачивала и тянулась на юг. «На Кавказ», — отчего-то подумалось мне...

Северьян, Али, Гогия и другие...

Дом был одноэтажный, невысокий, но какой-то объёмный, кубастый. Перед домом развесил ветви старый корявый грецкий орех. Под орехом уютно примостился круглый стол с красивой мраморной столешницей, в центре которой в мраморном углублении цвели незабудки. Вкруг стола — столетние скамейки. Было Первое мая. Мы маршировали в потешной демонстрации перед трибуной — большим крыльцом-верандой, выкрикивали дурацкие лозунги и радовались жизни.

— Да здравствует Первое мая — самое первое мая в мире! — кричал с «трибуны» командир.

— Ура-а-а! — подхватывали мы нестройно, но громко.

— Ура-а-а, — вежливо, вполголоса, тянули из-под ореха хозяева дома — грузины.

«Гав-гав-гав!» — неодобрительно тьякала из-под крыльца собака.

— Да здравствует дружба русского и грузинского народов! — хитро поглядывая на хозяев, выкрикнул командир. — Ура!

— Ура-а-а! — дружно подхватили из-под ореха седые, но крепкие и широкоплечие виноградари.

— Ура-а-а! — до хрипа в горле орали мы.

«Гав-гав-гав!» — включалась под крыльцом собака.

Где-то сверху гроыхнуло, с гор полыхнуло ледяным ветром. Мгновенно потемнело, и на дом, на орех, на красивый стол под орехом полоснуло ливнем. Рыча и гикая, мы ринулись в дом, и хозяева-грузины, смеясь, как дети, затопали по крыльцу вслед за нами. В доме нас уже ждал накрытый невидимыми женщинами праздничный стол. И что за стол! Какая-то неведомая скатерть-самобранка развернула на потемневших от времени досках все свои яства: мясо, дразнящее аппетитной поджаристой корочкой, овощи, зелень, пахнущая утренней росой, лугом и какими-то неведомыми джунглями, сочные фрукты (откуда в мае?!). В изящных жёлто-коричневых кувшинах взбулькивало при

малейшем прикосновении знаменитое кахетинское вино...

Дождевые струи звенели оконными стёклами, гремел гром, шумела где-то рядом непоседливая Алазани, и уже не верилось, что всего полдня назад мы неслись по этой реке сквозь пороги и коряги и командир орал, срывая голос: «Табань!» Порог исхлестал нас водой, унёс весло и продырявил днище, залив одежду и палатки. Но ночевать на берегу этой ночью нам не придётся: к берегу подошли молчаливые люди с прибрежного виноградника и, молча взяв наши вещи, привели к этому дому.

Вино разогрело кровь, развеселило.

— Хочу лобио! — сказала Ирина.

Хозяева недоуменно переглянулись. Она хочет лобио?! Огромный Али, смущённо моргая редкими ресницами, принёс из кладовой фасоль в полиэтиленовом мешочке.

— Приготовить?

Ирина залиvisto рассмеялась:

— А я думала, что лобио — это такие длинные булки!

— Не-ет! Это лаваш. Хлеб! — восторженно завопил Али. Он смеялся и не мог остановиться. — Ошибка! Лаваш — хлеб! Лобио — фасоль!..

— А тосты? Как же тосты? — крикнул Игорь.

Игорь — знаток и любитель обстоятельных застолий.

— Нужен... это... главный за столом, — поднявшись, сказал высокий, худой и очень жилистый старик по имени Гогия.

— Тамада! — догадался Игорь.

Игорь — знаток застольных обычаев всех народов во все времена.

— Правильно, тамада! — рявкнул Али.

«Гав-гав-гав!» — отозвалась из-под крыльца собака.

«Гра-ах!» — трахнуло молнией за окном.

«Дзин-н-нь!» — отозвались на столе кувшины.

Пахло сухой овечьей шерстью, пахло столетним деревом, тянуло из дверей снеговым ветром с горной гряды и фиалками с ближних склонов. И всё это обволакивали и запах терпкого красного вина, и грустная, «на заказ», песня про мёртвую девочку Сулико.

А потом самый старый грузин за столом — Северьян — высоко поднял руку со стаканом, и все поняли: сейчас будет тост.

— ...И вот президент американской страны, — торжественным глухим голосом говорил Северьян, — и вот президент запретил своим ребятам-спортсменам ехать к нам в Москву на Олимпиаду. Эх, Картер, подумал я, это не поступок мужчины! Любой правитель, любой человек, стоящий у власти, должен быть мудрым! Куда девалась мудрость у правителя американской страны?

Северьян нахмурился и немного помолчал, сосредоточенно глядя в окно. Потом встрепенулся:

— Так вот, хочу выпить за то, чтобы в далёкой американской стране люди посмотрели на своего президента и поняли: не нужен им такой правитель!

Вот как говорил Северьян, а пожалуй, даже ещё лучше.

Он сделал бокалом замысловатое движение и поставил его на стол. Мы все поставили стаканы на стол. Игорь судорожно слотнул слюну. Встал Гогия — второй по возрасту старик — и поднял стакан. Он тоже ругал Картера, отчаянно размахивал руками и хмурил брови. В заключение он ещё более замысловато крутанул стаканом и поставил его на стол. Мы все поставили стаканы на стол. Игорь тоскливо вздохнул. Вино издевательски подмигивало ему розовыми бликами.

Потом говорил огромный Али. Он плохо говорил по-русски, и Гогия переводил нам то, что мы плохо поняли.

— Это называется «алаверды», — склонившись ко мне, прошептала мне многозначительно Ирина. — Обычай такой...

Даже Игорь, забыв о вине, произнёс длинную запутанную речь, которая начиналась: «Ещё вчера мы ничего друг о друге не знали...» — и заканчивалась словами: «За урожаем!»...

Речь Игоря хозяев потрясла, они подняли стаканы и... произнесли длиннейшие ответные тосты...

Мы ели мясо, пили вино и слушали грустные грузинские песни. Словно живой орган, словно рокот далёкой лавины, словно гул алазанских порогов. А потом Али танцевал лезгинку, а Игорьёк кричал ему:

— Нет, нет, не так, Али! Лезгинку танцуют не так! — кричал Игорь — знаток национальных танцев.

А в углу весело трещала красными углями печка-буржуйка, весело звенела гитара, и все были веселы и счастливы...

Накрапывал уставший дождик, пахло цветами. Мы лежали на душистых соломенных матрасах, укрывшись жёсткими чёрными бурками. За окном, сквозь темень ночи, посверкивали дальние зарницы, высвечивая на мгновение гребни гор. Не спалось, я встал и вышел на крыльцо. Али, завернувшись в бурку, сидел на ступеньках. Он печально глядел в темноту, вздыхал и беззвучно шевелил по-детски толстыми губами.

— Завтра вы уходите, — сказал он вдруг и укрыл меня полкой своей бурки.

«Может быть, мы не чужие? — помимо воли всплыло в моей голове — Может быть, в душах этих виноградарей навсегда останется память о нас, останутся кусочки наших душ. Но тогда и кусочки виноградарских душ должны пустить корни в наших сердцах, должны прорасти в нас ростками человеческой любви и братства».

— Это вино! — объяснил я себе внезапное философствование.

Али обнимал меня как брата и тихо пел мне грузинские песни, прихлопывая по коленке широкой ладонью. И узловатость пальцев его тёмной руки напоминала мне узловатость виноградной лозы. Али тихонько напевал мне по-грузински, а я вторил ему, как мог, по-русски, и в темноту Кахетии улетаала странная песня с хитросплетеньем русских и грузинских слов...

Пронзительно-свежим утром мы собирали рюкзаки, а старики-виноградари стояли у стола под орехом и молча смотрели. Гогия неторопливо расставлял на круглом столе тарелки. Нужно позавтракать на дорогу.

Я паковал рюкзак, поглядывал на стариков, и знал уже, что никогда больше не попаду сюда, не услышу голосов Али, Северьяна и Гогии, но и не забуду ни их, ни этого дома с угрюмой собакой под крыльцом, ни печки с красным пламенем внутри, ни запаха фиалок вперемежку с кахетинским красным вином...

Мы молча взялись за вёсла, скрипнула последний раз галька под сапогом, царапнуло днище о камень. Алазани подхватила плот и, шлёпая его по бокам, понесла...

— Смотрите! — крикнула вдруг Ирина.

Из-за поворота выплыл зелёный бок горы, и на фоне ровных строчек виноградника мы увидели знакомые фигуры. Медленно и неуверенно Ирина махнула им рукой. И старики-виноградари замали нам в ответ. И мы махали им на прощанье и кричали:

— Проща-а-айте!

Между нами и берегом тянулась и всё увеличивалась сверкающая солнечная дорожка, и там, где она упиралась в берег, на зелёном склоне стояли старики и всё махали и махали нам вслед. И мы махали до тех пор, пока река не сделала поворот. И только тогда в сердце мягкой шемящей нотой пропела струна расставания...

Бахтияр и Валера

Пути́на закончилась. И заканчивался мой отпуск на краю Каракумов, на берегу солёного, как море, озера Сарыкамыш; пора было уезжать. Утром мы с Валерой отправились к бригадиру рыбхоза Бахтияру. Бахтияр жил в невысоком глинобитном доме на краю посёлка. У неровного, сложенного из серых валунов забора мы остановились. Бахтияр ходил по крыше дома и кланялся. Мы с Валерой удивлённо переглянулись. Бахтияр делал шаг, наклонялся и, снова выпрямившись, делал следующий шаг. Увидев нас, он сверкнул сквозь чёрную бороду крепкими зубами и махнул рукой: забирайтесь сюда!

Только поднявшись на плоскую крышу, мы поняли, в чём дело. Вся кровля была покрыта двадцатипятирублёвыми бумажками.

Нужно жить в советские времена, чтобы понять, какое впечатление на меня произвела эта картина! Мне с моими ста двадцатью рублями месячного жалования для того, чтобы скопить столько денег, нужно было бы трудиться лет двести.

На Валеру, однако, всё это не произвело никакого впечатления.

— Чем это ты занимаешься? — смеясь, спросил он дружка. — Капиталы проветриваешь?

— Да вот, представляешь, — развёл руками Бахтияр, — деньги-то я в коробках из-под ботинок храню, в тайнике. А вчера вдруг прошёл дождь. Представляешь?! Десять лет не было здесь настоящего дождя, а тут — ливень! Представляешь? Всё промокло, все деньги. Вот пришлось сушить. Подождите, сейчас переверну остатки, и будем чай пить.

И он принялся переворачивать бумажки, придавливая каждую камешком, чтобы не сдуло слабым ветерком, подувавшим с Сарыкамыша.

Я, конечно, знал, что сарыкамышские рыбаки зарабатывают очень хорошо. Но чтобы так!..

— Да это же не за одну путину, — сказал Валера, увидев, как я поражён. — К тому же живёт он практически натуральным хозяйством: овощи, фрукты — всё своё. Муку только покупает да из одежды что-то. На что ему тратить? Не на что. Ну и накопилось. Вот сестёр будет замуж выдавать — потратит. И всё равно много останется...

— И у тебя столько же? — не удержался я от вопроса.

— Не-е, я трачу. Я поеду в Москву, в Питер, потом в Ялту, потом в Сочи... Девочки, карты... Мне иногда даже не хватает, — Валера ухмыльнулся. — Бахтияр на дорогу переводом присылает...

Я знал, что Валера отсидел несколько лет в каких-то северных лагерях. Не знал, правда, за что. Семья его обратно не приняла, вот он и осел здесь, на краю земли, вкалывая на путинах, а в перерывах прожигая жизнь...

Вечером мы сидели на деревянном настиле, застеленном коврами, и пили зелёный, с непривычным для меня вкусом, огненный чай. В зарослях душистого тамариска, что разросся вдоль южной стены дома, сновали вездесущие воробы и юркие зелёные ящерицы.

— Хочу машину купить, — сказал Бахтияр, — но не знаю какую. У нас тут никто в машинах не разбирается. В верблюдах, в ослах — да, а вот в машинах... Вы, русские, про машины всё знаете, вот и посоветуйте.

Мне кажется, Бахтияр подначивал нас, он ведь в армии служил в танковых войсках, но мы с Валерой вдруг действительно заспорили. Он стоял за практичные «Жигули», а я за комфортабельную «Волгу». Спор был, конечно, несерьёзным, но мы даже стали орать друг на друга и стучать по коврику ладонями:

— «Волга» — дерьмо! Она же ненадёжная, её криворукие собирают! На запчастях разоришься!

— «Жигули», что ли, надёжные? Тут у вас даже техстанций для них нету!

Но тут Бахтияр засмеялся, хлопнул нас по спине и заявил:

— Да чего вы спорите? Куплю и «Волгу», и «Жигули»!..

Ни с Валерой, ни с Бахтияром я потом уже больше не виделся ни разу. Правда, через год Бахтияр прислал мне письмо, в котором попросил прислать вилки и ложки. Нужно было для приданного сёстрам, а там у них это большой дефицит. Когда я покупал эти вилки-ложки, в магазине на меня смотрели с удивлением. Ещё бы, сестёр у Бахтияра было семь.

В ответ он прислал мне ящик вяленой сарыкамышской рыбы. Он звал меня в гости, и я собирался. Но потом страны с названием СССР не стало, я несколько раз переезжал и потерял адреса и Бахтияра, и Валеры. Но мне до сих пор иногда снится серебрино-голубой Сарыкамыш, смеющийся Валера с печальными глазами и Бахтияр. Иногда в моих снах он ходит по крыше и кланяется.

Паломница

Автобус притормозил на повороте; она, покашлявая от стреляющей боли в ногах, сошла на ледяную обочину и осмотрелась. Увидела указатель с надписью «Источник» и побрела туда, куда указывала стрелка.

Дорога оказалась ровной, укатанной, идти было довольно легко, и если бы не боль в отёкших ногах, ходьба эта доставила бы ей удовольствие. Остался позади посёлок, по бокам потянулся лесок, а мысли в голове приняли привычное направление. Ей немного за сорок, но любой встретивший её на этой дороге сказал бы о ней: старуха. И что самое невыносимое, старухой она чувствовала себя и в душе. Глухим рефреном звучала в мозгу строчка: «Я чужая на этом празднике жизни...» И когда мимо, взвивая снежную пыль, пронеслась, поблёскивая тёмными стёклами, машина, душа её наполнилась привычной злобой: вот они, короли жизни, — удачливые, жирненькие, наглые человечки! Сволочи! Никогда не остановятся, не подвезут, не помогут. Умирать будешь на дороге — не заметят...

Она почувствовала, как забилося сердце и кровь прилила к голове. Пришлось остановиться и перевести дух. Эти приступы тёмной злобы на людей, на жизнь, на постоянную несправедливость всё чаще накатывали на неё, и она понимала, что это плохо, но сил бороться не было. Да и была в этом какая-то непонятная сладость, утешение, оправдание... Даже когда, поддавшись уговорам подруги,

отправилась она к Серафиму, впервые за десять лет оставив Москву, злоба иногда подкатывала к сердцу. Куда ты поёрлась?! Ладно бы истинно верующая была, ладно бы самой захотелось. С больными ногами по поездкам да автостанциям. На сухомытке... Да ладно уж, заставишь тебя, если сама не захочешь... А стукнуло сердечко-то, когда к Серафимовым мощам приложилась. Стукнуло...

Дорога обогнула ещё один посёлок, от которого через редколесье тянуло печным дымком и навозцем, вывела из перелеска, и впереди показалось открытое пространство, а дальше берег реки и тёмная полоса леса над ним. Идти осталось всего ничего.

Она остановилась и долго смотрела на открытое пространство. Десять лет назад она захохотала бы, вздумай кто-нибудь в её родном проклятом нии предсказать ей, что она вот так, согбенной паломницей, пойдёт к мощам какого-то святого, а потом ещё и к источнику — купаться зимой! Ах, жизнь! Что ты делаешь?..

У берега реки дорога заканчивалась большой расчищенной автостоянкой. От неё змеилась тропинка. К деревянной сказочной избушке, к большой, в деревянном окладе, иконе Серафима, к игрушечной часовенке, к роднику в бревенчатом колодце и к купальням. Чёрная вода масляно поблёскивала в белых снежных берегах, и жутковато было думать, что сейчас придётся в неё окунуться...

У тропинки стояли двое коренастых круглолицых парней. В тёплых полушубках, в солдатских высоких ботинках, румяные, с реденькими русыми бородками и хитроватыми глазками. Они улыбались, притоптывали на морозце и, как только она подошла, затянули:

— Пода-а-ай Христа ради...

Чёрная волна нахлынула на сердце, и она закричала зубами, проходя мимо и сдерживаясь, чтобы злоба не выхлестнулась в ругательства. Лбы здоровые! Да на вас пахать можно, а вы у больной старухи милостыню выпрашиваете, сволочи! Вон рожи-то сытые как на морозе раздумялись блинами, шакалы!

Она, зажмурив глаза, миновала нищих, но что-то заставило её обернуться, и она едва не задохнулась от возмущения: парни достали из сумки большие румяные пироги с мясом и начали их аппетитно уплетать. Запах мяса и лука — вот что заставило её оглянуться. Парни, поймав её горящий взгляд, смутились, спрятали пироги за спину и отвернулись...

Оставшись в одной ночной рубашке и поджимая пальцы на враз озябших ногах, она вспоминала, что нужно сделать и как, и всё никак не решалась коснуться этой чёрной страшной воды.

В ту секунду, как вода сомкнулась над её головой, белая молния ударила где-то между веками

и глазным яблоком. Дыхание остановилось, и остановилось сердце, и она поняла, что значит «обожгло холодом». И ничего не осталось в этой изношенной, тяжёлой оболочке под названием «тело». Да и в голове ничего не осталось, кроме возгласа: «Ох!» И второй раз, и третий, и мокрые уже горячие ступеньки из купальни, и ледяная вода из ковшика через онемевшие зубы. И горячая дрожь сквозь махровое полотенце, и вдруг — зыбкое тепло волнами. И постепенно приходящее на своё место сознание, словно после обморока...

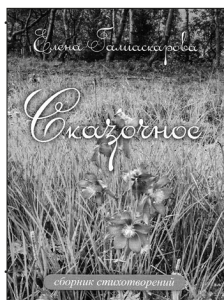
...Не торопясь, шла она по тропинке к дороге, ничего не понимая и ничего не чувствуя. Давешние нищие, увидев её, сдержанно посторонились, переставая жевать и пряча свои пироги.

И вдруг она поймала себя на мысли, что картина эта не вызвала у неё, как давеча, того удушающего раздражения, какое вызвала бы где-нибудь в мешанине московского столпотворения. И даже

подумалось как-то так, как раньше ей, городской учёной даме, и не думалось. То ли: «Вот охальники!» — то ли: «Ах вы, барбосы»...

Парни, словно почувствовав её настроение, уже не таясь, откровенно уплетали свои пироги, теряя на жидкие бородёнки белые крошки, посмеиваясь, толкаясь и притоптывая расхристанными башмаками. А она обернулась, перекрестилась ещё раз на часовенку, на крутой берег и тёмную воду, на икону Серафима и легко зашагала по гладкой похрустывающей дороге. Солнце клонилось за острые верхушки елей, тренькала где-то последняя синица, из недалёкой деревеньки доносились крик петуха и потягиванье собаки. Она на ходу закрывала глаза, и казалось, что тела нет, и нет боли, и нет груза прожитых лет, а есть одна только душа, лёгкая и омытая, которая светлым облачком плывёт себе над этим русским снегом, среди этой зимней красоты в звенящем морозном воздухе, и ничегошеньки ей не надо.

ДиН РЕВЮ

Елена Галиаскарова Сказочное

Е.Ф. Галиаскарова. — Красноярск: Город, 2023. — 128 стр.

Кружатся пчёлы, словно во хмелю,
Вдоль улиц городских цветут каштаны.
Весна, узнав, что я тебя люблю,
Закончится не поздно и не рано.
Наступит лето с синью васильков,
Малиновым раздольем иван-чая;
Букет ромашек — солнечных цветов —
Собрав, внезапно вспомню, как скучаю
Я по тебе, уютный, тихий Брянск,
Укрытый величавыми лесами;
Здесь птицы, оценив красу пространств,
Щебечут озорными голосами.
Пойду в мечтах я к берегу Десны
И на бульвар Гагарина за элфи,
Потом в Толстого парк, в мир старины —
Там домовые, совы, ведьмы, эльфы...

Видишь фото: клёны ярко-красны,
И берёзы в золото одеты;
Небо серо, значит, день ненастный,
И вода в реке стального цвета;

Брянский лес туманом зачарован,
Иней по земле крупной рассеян...
Помнишь, как на поле Куликовом
Пересвет сражался с Челубеем?

Храбрый богатырь, копьём пронзённый,
Одолел врага за Русь Святую.
Мерно бьют о берег мрачные волны,
Лютый ветер в ельнике тоскует.

Александр Рязанцев

Корона в огне

*Есть предсказание, что перед концом
мира Благодатный огонь не сойдёт.
Три приметы укажут на близость конца.
Одна из них — когда Благодатный
огонь не сойдёт на Гроб Господень.
Другая — когда Мамврийский дуб
засохнет, тот, под которым патриарх
Авраам принимал трёх Ангелов —
Святую Троицу. И третья — когда
Иверская икона Божией Матери,
сама пришедшая по морю на Афон, уйдёт.
Архимандрит Амвросий (Юрасов)*

В первый раз за последние семь лет смотрю церемонию сожжения Благодатного огня по телевизору.

Ничего не узнаю.

Раньше меня окутывал аромат ладана и людского пота. Сейчас — духота запертой квартиры.

Жена волнуется. Лежит рядом, слегка положив голову на плечо. Водит холодеющими пальцами по моей ладони. Будто проверяет: точно ли я тут, не уехал ли?

Нет, дорогая, никуда я не уехал.

Целую её руку. Должен радоваться — а мне грустно.

Ведь моё место — в Храме.

Смотрю на детей. Паша уставился в экран телевизора, то и дело поправляя сползающие на нос очки. Ксюша что-то усердно пишет в своём дневнике. В меня пошла. Я тоже пишу, всю жизнь посвятил словам.

Я рано обрёл в своей душе веру и старался наполнить ею каждую свою статью. Часто меня за это критиковали, сначала учителя, затем начальство, но я не отступал, ибо по-другому не мог. Писал о том, что знал, и вкладывал в свой труд то, во что верил. Терпел насмешки, забывал обиды и делал то, что должен. В итоге на меня обратили внимание и сделали предложение, которое я с благодарностью принял.

Каждый год, ровно семь лет подряд, я ездил в далёкую страну в составе церковной делегации, где вместе с сотнями паломников встречал рождение Благодатного огня. Я видел, как за секунды

живительное пламя охватывает тысячи свечей, наполняя Храм благостью и ликованием. Благодатный огонь пробуждал пламя в наших сердцах, наполнял душу светом и мягким чувством джаза. Его частичка хранится и в моём сердце. До сих пор меня греет.

Вновь смотрю на дочь. Вижу, как старательно она выводит ветвистые русские буквы. И чувствую прилив гордости за неё. Если собрать всё, что каждый из нас написал за всю жизнь, то получатся миллиарды томов, толстых или только начатых. Вот и Ксюша взялась за свою книгу. Я тихо радовался.

Вновь смотрю на экран. Вижу Храм, тёмный и непривычно пустой. Он, как и прежде, окружён местной строгой полицией. Я вижу служителей закона, несмотря на жару, одетых во всё чёрное. На лицах красуются дорогие медицинские маски. Вид у них серьёзный, как того и требует профессия.

В новостях говорили, что ночью полицейские расставили по всему городу ограждения — но от кого? Жители города сидят по домам, боясь лишний раз сходить в магазин и нарваться на штраф. Ведь по улице бродит ковид, опасная зараза, разогнавшая нас по домам. Теперь я убеждён, что разделённым обществом гораздо проще управлять, чем единым.

Вспышка этой хвори началась в Азии и за считанные недели охватила весь цивилизованный мир. Границы закрылись, экономика заглохла, а журналистика вновь обрела могущество. Нашу поездку в храм отменили, отправили только нескольких священников специальным рейсом в аэропорт — там они дожидаются, когда им принесут Благодатный огонь. С этим огнём они вернутся домой.

Слава Богу, что церемонию не отменили. Но на душе всё равно неспокойно. Решение было принято тринадцатого марта, в пятницу. Худший день для принятия каких бы то ни было решений.

У меня плохие предчувствия. Я боюсь конца света.

А ведь об этом много говорят. И есть основание: Храм пуст. Ещё в прошлом году там толпились сотни уставших паломников. Теперь же в Храме стоят только несколько представителей разных поместных Православных Церквей. Камера показывает их длинные бородастые лица, взгляды,

устремлённые ввысь, и губы, читающие молитвы. Кажется, что они на пределе; приход — поддержка любого священника, с верой прихожан молитвы батюшки обретают стократную силу. Без мирян Церкви сложно донести свои мольбы до Господа.

Услышит ли Он нас сегодня?

Я трясую головой. Это всё мои страхи, которые я приписываю незнакомым людям. Надо включить голову... но я представляю бледное лицо патриарха Нектария, покидающего Кувуклию с пустыми руками, и тревога больно кусает за сердце.

Пытаюсь себя успокоить, но не могу. Слишком много знаков. Слишком много слов и страхов, которые навязывает телевидение. Количество заражённых с каждым днём растёт. Слишком часто стали вспоминать «Откровение Иоанна Богослова», польнь и Чернобыль. Тридцатого марта подсчитали, что заражённых стало ровно шестьсот шестьдесят шесть тысяч человек. А ещё вспоминают падение Мамврийского дуба в феврале 2019 года. Про Иверскую икону Божией Матери вообще нет вестей, и это настораживает.

Когда ты читаешь об этом в газетах, с лёгкостью находишь все слабые места таких теорий и понимаешь, что они во многом от лукавого. Но когда в обществе копится паника, чьей кровью становятся страх и усталость... Когда тревога сжигает всё внутри... Тогда мы становимся пищей для сомнений и страхов.

— Всё хорошо? — спрашивает жена.

— Да, не волнуйся. Я слишком много думаю, а это вредно.

Я кротко улыбаюсь, подмигиваю детям и смотрю церемонию дальше. Ничего не меняется: горстка священников в огромном зале читает молитвы, свечи горят, а Храм молчит. Сразу вспоминаю, как я там стоял семь лет назад, вместе с другими верующими, и пытался удержаться на ногах после бессонной ночи и томительного ожидания. Я едва мог пошевелить пальцем, и требовалось много минут, сил и нервных извинений шёпотом, чтобы достать бутылку с водой и сделать глоток.

Я был зажат между армянином в красной рубашке и длиннородым греком, чувствовал кисловатый запах их пота. И радовался. Ведь я внутри Храма. Прошёл все испытания, которые выпали нашей делегации: переждал долгую ночь, чтобы с восходом солнца приблизиться ко входу, миновал служителей закона и попал внутрь, так ещё и стою рядом с Кувуклией — и буду одним из первых, кто примет Благодатный огонь. Но меня радовали не собственные успехи, а успехи всех верующих, что собрались в Храме и испытывали то же, что и я. Мы все вместе, люди из разных стран и разных обществ, но единые Святым Духом. Храм мне представлялся центром Вселенной, сосредоточием этого Духа. И порой мне казалось, что я сам проникаюсь общей верой и вижу то, чего

прежде не замечал: человеческие души. Я смотрел на стриженную под ёжик голову грека — и, казалось, видел его сущность, словно сквозь рентген: помыслы и сомнения, страхи и надежды, радости и ошибки. Он каялся за свои грехи и молил Бога о прощении. Хоть и в толпе, но он был с Богом один на один, и радовался этому, и обещал, что станет жить лучше. В его словах крылась сила, продиктованная волей случая.

Я слегка улыбаюсь, вспоминая тот день. В те недолгие часы я мог смотреть на окружающих меня незнакомцев и видеть их, а не замечать. Я сканировал людей и искал ответы на давно мучившие меня вопросы.

И нашёл один ответ.

Мне тогда было двадцать пять, я подумывал о женитьбе. Её звали Маша, мы познакомились в церкви и вскоре сблизились. Пожили вместе несколько месяцев и решили, что никак не можем друг без друга. Накопили денег, чтобы справить свадьбу и провести несколько месяцев без особых тревог. Выбрали церковь, назначили день, который вскоре настал. Наши семьи прибыли в золотой храм, пришёл батюшка, а вскоре появилась Маша.

Но до алтаря она не дошла. Увидев меня, Маша на миг остановилась, побледнела и, путаясь в свадебном платье, выбежала из церкви. Я помчался за ней, но меня остановил отец Маши и не позволил сделать ни шагу. Тут вмешался мой отец, мужчины вспылили и наговорили друг другу много злых слов. Вокруг нас висели иконы.

Я вернулся домой, в котором остались только мои вещи. На столе лежала записка. Я прочёл её и хотел сжечь в очаге. Но очага не было, и пришлось выбросить записку в мусоропровод.

Прошло десять лет, у меня супруга и дети, а я до сих пор не могу понять: почему Маша убежала? Что её заставило так резко разорвать со мной связь, которая казалась крепкой и искренней? Ведь она давно хотела, чтобы я сделал ей предложение, я это чувствовал. И когда, вернувшись вечером с работы, я повесил на крючок плащ, бухнулся посреди кухни на колени и протянул ей малиновый футляр с кошельком, то увидел на её лице благодарность. Не удовольствие, не признательность, не испуг — Маша благодарила меня за то, что я услышал её зов и ответил на него со всей искренностью, продиктованной чувством. Мы хотели создать семейный очаг, вырастить детей, сделать их сильными и хорошими людьми.

А потом Маша ушла.

Почему?

Когда я читал души верующих в огромном Храме, то нашёл ответ. Маша, вот-вот пойдя под венец, ощутила частичку Святого Духа и стала видеть как сквозь рентген-аппарат. На короткий

миг, но она увидела меня, себя и наши отношения. И что-то поняла. Поняла, что ей рано идти на такой шаг. Она не могла взять на себя ответственность за наш союз и быт, стать со мной единым целым, жить неразлучно — даже после смерти. Потому она и ушла. Поняла, что не может совершить ошибку, которую не в состоянии будет исправить.

Я её понял и, спустя годы терзаний, простил. А потом долго молился о её счастье и здоровье, прося прощения у Бога за то, что поддался скорби, замкнулся в себе и напрасно потерял много сил и возможностей.

Жена сжимает мою руку:

— Смотри, патриарх идёт!

Ксюша тут же отрывается от своей книжки и испуганно смотрит сначала на нас, потом на экран. Она волнуется, как и мы. Тревогой заразиться легче, чем любым вирусом.

Паша поправляет очки и устраивается поудобнее. Он младше и ко всему относится проще. Для него церемония — как кино, в конце которого обещается сюрприз. В его глазах азарт, и он терпеливо ждёт, когда же начнётся финал.

Появляется патриарх Нектарий. Степенно, даже торжественно подходит он к Кувуклии. Священнослужители начинают петь. Их звучные, крепкие голоса наполнены силой одиночек. Барабаны молчат.

Патриарх снимает длинные одежды, остаётся только в белой рубаше. Он берёт несколько свеч, читает молитву, несколько раз крестится и заходит в пустую Кувуклию, за несколько часов до этого тщательно проверенную служителями закона.

Священники продолжают молиться. По их лицам течёт пот. Они верят, что огонь зажжётся, но всё равно волнуются, ибо пока огонь не сошёл. Такое было и раньше, ведь очень волнительно ждать выхода патриарха. Но когда Храм пуст, искушение поддаться отчаянию слишком велико.

Видя, что их надо поддержать, я опускаюсь на колени и начинаю молиться. Жена и дети присоединяются ко мне. Мы молимся, каждый про себя, временами поглядывая на экран — не вышел ли Нектарий? Нет, не вышел. Дверь Кувуклии закрыта.

Проходят часы. Мы молимся по силам своим. Дети устают и уходят в свои комнаты, но лишь для того, чтобы вернуться и продолжить разговор с Богом. Мы с женой держимся за руки, повторяем давно заученные молитвы и придумываем свои собственные.

Мне доводилось много раз представлять, как выглядит схождение огня. Едва уловимые лучи соединяются в одной точке и порождают чудо. Свечи в руках патриарха зажигаются, он передаёт их настоятелю, а тот подносит огонь к остальным свечам. Потом уже своими глазами я видел, как Храм наполняется светом и ликованием. Сердце быстро бьётся, в глазах застыла влага, а уставшее

тело готово к новым испытаниям. Армянин в красной рубаше улыбается, словно дитя, чьи заветные мечты исполнились; не говоря ни слова, он оборачивается ко мне и подносит свои горящие свечи к конечникам моих свечек. Следует резкая вспышка огня, и капелька воска попадает мне в глаз. Я прикрываю лицо, но не чувствую боли; наоборот, странное тепло, греющее душу, словно расплавленное золото. Я провожу пальцем по глазу, стараясь нащупать воск, но не чувствую его. Он исчез.

С радостью смотрю на окружающих, обнимаюсь с незнакомцами, за долгие часы ставших близкими друзьями, и славлю Бога. Каждый из нас говорит на своём языке, но мы прекрасно друг друга понимаем. Как было тысячу и две тысячи лет назад.

Передо мной проносятся другие воспоминания. Я закрываю глаза, погружаюсь в прошлое и пытаюсь хоть как-то повлиять на будущее. Но в глубине души чувствую, что всё за нас уже решено.

Рука жены больно сжимает моё плечо. Длинные ногти чуть не пронзают плоть. Я вскакиваю, смотрю на её измождённое лицо. Сердце пронзает ледяная игла.

— Папа, смотри! — в ужасе кричит Ксюша.

Паша стоит рядом, и лицо его не по годам бледно.

Я смотрю на экран. Дверь Кувуклии открыта. У выхода стоит патриарх Нектарий с опущенными руками. Из его глаз льются слёзы.

Огонь не сошёл.

Эта мысль превращает мозг в кашу. Я обнимаю жену и детей, мы образуем круг. Головы опущены.

— Всё будет хорошо, — повторяю скороговоркой. — Всё образуется, всё...

Краем глаза по привычке смотрю на экран. Измученный патриарх собирается с силами и делает последний рывок. Он падает на колени, соединяет ладони и возносит мольбы Господу. Горстка священников следует его примеру. Помещение Храма наполняется звучными мужскими голосами.

Мы садимся на диван. Не отпускаем друг друга. Смотрим и смотрим на экран, на не зажёгшиеся свечи, на полутёмные образа. Ожидаем землетрясения или дыма из кладязя, но солнце за окном продолжает светить.

— Неужели... неужели конец света настал? — спрашивает жена, Вера.

— Боюсь, что так, — я крепче обнимаю родных.

Руки затекли, но я преодолеваю боль.

Экран телевизора погасает. Резко, безвозвратно. Потом выключается свет. Мы крепче сжимаем объятия. Я чувствую тепло родных, слышу их дыхание, чувствую биение трёх сердец. Закрываю глаза.

И ударюсь головой об пол. В страхе вскакиваю на ноги, пытаюсь открыть глаза. Но они остаются закрытыми. Вокруг меня тьма, и я не чувствую

тел жены и детей. Я пытаюсь кричать, но изо рта не вырывается ни стога. Бью кулаками по голове, но не чувствую боли; брожу во тьме, но не чувствую своих шагов.

Сердце истошно вопит.

Где Вера, где Паша и Ксюша? Почему Ты нас разлучил, Господи? Почему я остался один?

И тут же чувствую страшный ответ.

Каждый умирает в одиночку.

Неужели так Бог говорит? Или Антихрист? Всё перепуталось, смешалось в мерзкую кучу из пыли и грязи. Я падаю на колени и соединяю ладони вместе. Ни о чём не думаю. Отсекаю от себя всё, что приобрёл в ходе земной жизни. Оставляю только самое важное.

Вера. Ксюша. Паша.

Простите, что отпустил вас. Вы одни, и вам страшно. Но мы скоро встретимся вновь. И уже никогда не расстанемся.

Я слышу шелчок, и передо мной пролетает искра огня. Она растёт на ходу, превращаясь

в огненный шар на длинной свече. Появляется ещё свеча и ещё, и вот я вижу двенадцать свечей, образующих огромную корону. Я чувствую дыхание огня, его силу и волю. Корона смотрит на меня, и моё тело трясётся.

Под короной стоит стол. На столе — толстенная книга.

Суди человека не по словам его, а по делам его.

Книга открывается. Издали вижу все свои школьные сочинения, любовные письма, неуклюжие стихи и статьи, которые я написал. Вижу каждую строчку. А между ними — синие или красные чернила, написанные чьей-то чужой рукой.

Вера... Дети... Держитесь, мои родные.

Я собираюсь с силами и подхожу к столу.

Беру перо, рисую высокий дуб с только что распутившимися листьями и иконостас на Афоне, в центре которого сияет свежими цветами Иверская икона Божьей Матери.

Жаль, что я так и не научился рисовать.

ДиН СИММЕТРИЯ • 1924 г.

Анна Ахматова

Там стану я блаженною навеки...

Художнику

Мне всё твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.

Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведёт меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.

Войду ли я под свод преображённый,
Твоей рукою в небо превращённый,
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки
И, раскалённые смежая веки,
Там снова обрету я слёзный дар.

Муза

Когда я ночью жду её прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!»

Екатерина Дроздова

Защитницы искусства

Нина ехала в холодном двухэтажном троллейбусе по улице Горького. На первом этаже сидела она да трое школьников позади, без умолку обещавших, как подложат учительнице по немецкому крысу.

«Глупые», — подумала Нина, прислонив голову к окну. Очень сильно хотелось спать. Солнце ещё не встало, а серо-голубой рассвет только-только расстелился над городом.

Дожди сменились заморозками. Опавшие листья почернели и лежали неубранные. Оголённые липы клонили к земле скрюченные ветки-пальцы. Грустная осень. Грустная пустынная улица, по левой стороне которой в ожидании своей грустной миссии стояли полуторки, а по правой — покрытые инеем, лежали дрова.

Прифронтовая Москва готовилась к зиме.

Нина и сама, возвращаясь с лесозаготовки, везла связку дров. Сказал бы ей кто-то ещё полгода назад, что она, москвичка с Гоголевского бульвара, будет трудиться на лесозаготовке, никогда бы не поверила. Какой прок от её узких запястий и тонких музыкальных пальчиков на лесозаготовке? Потому-то она и просилась в огородный колхоз в Коломенское. С овощами в теплицах она бы как-нибудь управилась. Наверное, обрабатывать картофель не сложнее, чем многочисленные бабушкины клумбы на даче во Внукове. Но директор распорядился иначе. Что же, спорить Нина не стала, спасибо уже за то, что вообще не сократил, как многих.

На Моховой Нина вышла из троллейбуса и поплелась пешком, буквально на ощупь, ориентируясь на белые бордюры, заменявшие теперь фонари, впавшие в безвременный сон. Верёвка от вязанки больно впилась в озябшие на морозе пальцы, и ноша казалась от этого ещё тяжелее.

Уже на Волхонке Нина споткнулась и упала, ударившись коленями о разбитый асфальт. Связка поленьев отлетела в сторону и растворилась в темноте. Тут же топот чьих-то башмаков, удалявшихся всё дальше и дальше, дал понять, что её ограбили, подставив подножку.

Шпана! Нина бросилась вдогонку. То ли хулиганы ослабли от голода, то ли отличие в ГТО помогло, однако воришек она догнала и принялась отчаянно биться — так, как учил когда-то старший брат.

— Отдайте! Отдайте, паразиты! Я сейчас милицию позову!

— Уйди! Уйди, зашибём! — не испугались те.

Они держали вязанку крепко и вырывались. Тогда Нина уцепилась за связку руками. Так и тащилась, волочась по земле.

Если бы эти дрова она несла домой, ни за что не решилась бы на драку. Страшно: вдруг не справится, вдруг побьют? Но она несла их на работу, в замерзающий музей. Не скажешь же произведениям искусства: «Вы потерпите, пока баржу разгрузят». Они не потерпят, умрут. Века жили — и умрут от того, что нерадивый экскурсовод испугалась шпаны.

Однако как следует испугаться Нина не успела. Неподалёку упала бомба. Грохнуло так, что в ушах загудело, а саму её взрывной волной отшвырнуло, протаскивая по стене дома. Всё произошло так неожиданно и быстро, что она ничего не успела понять. Придя в себя, машинально, будто ведомая железным механизмом изнутри, на коленях, подползла к связке поленьев. Хулиганы лежали рядом, неестественно разбросав руки и ноги, с чёрными лицами. Контужены? Мертвы? Нине некогда было об этом думать. По страшной иронии, бомба сохранила ей здоровье или даже жизнь. Ведь зашибли бы, как и грозились. А Пушкинский был уже совсем близко.

Лавируя между противотанковыми ежами, она добралась наконец до заветных, заколоченных почерневшими досками колонн и вошла в вестибюль.

Никогда прежде она не приходила сюда в таком виде: грязном полушубке, ватных штанах, со стёсанной скулой и разбитой губой. Но ощутила она себя... Снежной королевой в ледяном дворце. Мрамор лестницы и пола сверкал розовыми блёстками, по углам белели сугробы, на стенах переливалась изморозь, а из Итальянского дворика летела пурга и доносились, не оставляя эха, женские голоса.

Нина вошла в зал и подняла голову. Через обрушившуюся крышу ей ехидно подмигивали косые лучи поднявшегося зимнего солнца и, вальсируя, спускались хрустальные снежинки.

— Нинка, принесла всё-таки, — подхватила поленья, словно младенца, искусствовед Анна Николаевна. — Надюшка тоже вчера немного раздобыла.

В повязанном крестом на груди, поверх тёплого пальто, мышинного цвета платке, Анна Николаевна показала Нине какой-то квадратной и похожей на теперешние московские окна.

Устало улыбнулась и реставратор Надюшка. Скулы её впали, а глаза навывкате казались теперь совсем лягушачьими. Всё-таки шестьсот грамм хлеба давали о себе знать. Хорошо ещё, что завесили нидерландские натюрморты с кроликами, куропатками, мидиями... А то как, взирая на всё это, не сойти с ума? Да Нина и сама стала слабоузнаваемой: тощая, остроносая, алый бутон губ выцвел, каштановые косы обрезаны. Мыло теперь достать трудно, а кормить вшей не хотелось.

— Когда это случилось? — всё ещё плохо слыша после взрыва даже саму себя, спросила с ужасом Нина.

— Четырнадцатого. Надеялись успеть починить до зимы. Кто же мог подумать, что зима в октябре придёт? Да нас четырежды бомбили, пока ты была на заготовке. И зажигалками засыпали. Одна вон прямоком к Надюшке упала, к счастью, не загорелась. Мы же теперь в мпво, вот и тушим, и осколки с кирпичами собираем...

Осторожно ступая по мраморному, хрустящему от наледи и стёкол полу, Нина подошла к «квартире» Давида.

— Уцелел? — забеспокоилась она.

— Уцелел, — с теплотой в голосе, будто говоря о родственнике, ответила Анна Николаевна.

Давида Нина любила сильнее остальных экспонатов. Ведь именно он стал свидетелем её счастья, зарождения её большой любви.

В тот жаркий июльский день сорокового года, она, выпускница искусствоведческого факультета, сдавала экзамен, чтобы поступить на должность экскурсовода. От волнения она запинаясь и путала слова. А ещё, как назло, привели группу курсантов Кремлёвского полка. Они улыбались, подмигивали ей, ещё сильнее сбивая с толку. И только Алёша утвердительно кивал, словно говоря: «Ты молодец! У тебя всё получается».

До конца лета, каждую увольнительную, он приходил к ней на свидание в залитый дружеским солнцем и благоуханием цветов парк культуры и отдыха, угощал мороженым, катал на лодке. Нина надевала любимое красное платье в белый горошек, с отложным воротничком, и туфли-лодочки. А на Первомай, после демонстрации, Алёша пригласил в столовую МХАТ. Улицы горели пламенем знамён, играли марши, набухшие почки деревьев явили миру сочно-зелёные листики.

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил вдруг он, не дожидаясь, когда она прожует свою «хлебную» котлету.

Нина неторопливо дожевала, наслаждаясь любимым вкусом, и зачем-то спросила:

— А собаку разрешишь завести?

Алёша рассмеялся и согласился.

Завести собаку они не успели. Началась война. И где теперь Алёша? Временами Нине казалось, что черты его лица — карие глаза, курносый нос, улыбка одним уголком рта — стали исчезать из памяти.

В столовой МХАТ Нина обедала в последний раз перед отправкой на лесозаготовку. Таким образом чиновники от культуры поддержали своих работников, взваливших на хрупкие плечи снабжение столицы дровами. Там всё напоминало об Алёше и было так же вкусно, как и прежде. Или Нине это только казалось. Теперь для неё всё было вкусным, даже чай на еловых серо-зелёных веточках в лесной землянке.

В носу невесть откуда послышался запах «хлебных» котлет, а в животе предательски заурчало. С началом войны и вводом карточек есть хотелось постоянно.

— Снег надо убрать, — безапелляционно сказала она, стряхнув с себя мысли о еде.

— Его теперь каждый день убирать надо, — тоскливо пробурчала Надюшка.

— Значит, будем убирать каждый день.

Принесли веники и вёдра. На всех сотрудников не хватило, и Нина взялась за скребок. Отскребать ледяные горки пришлось голыми руками. Рукавички она потеряла где-то на лесозаготовке.

Время от времени, грея дыханием онемевшие пальцы, она поглядывала на «квартиру» Давида. Ветер кружился, жужжа под полуразрушенной стеклянной крышей, и ей казалось, что это Давид тяжело дышит.

Эвакуировать его в Новосибирск со ста тысячами других экспонатов не удалось. Гипсовый монолит не разбирался, а везти целиком было слишком сложно и рискованно. Тогда его и других таких же «невъездных» решили спрятать в дощатые коробки.

Эти ящики напугали Нину. Будто живых людей уложили в гробы. Находчивые музейные работники окрестили их тогда однокомнатными квартирами. Но страшные ассоциации всё равно не оставляли Нину, и, помогая прятать любимый экспонат, она погнала их от себя словами:

— Это не гроб и не квартира. Это мой щит Алёше.

И загадала:

— Если сберегу Давида, Алёша выживет и вернётся ко мне. Вам это смешно? — опустив свои серые глаза, спросила она Анну Николаевну.

— Нет, — покачала головой та. — Нам всем сейчас нужно во что-то верить.

Верить. Прежде Нина не задумывалась над этим словом. Вера ассоциировалась в её комсомольском сознании с религиозным культом, а наличие Бога она отрицала, поэтому в церковь не ходила и молиться не умела. Впервые она сделала это

на второй месяц войны, когда с другими работниками прятала слепки греческих богов со святыми в музейный подвал. Боги и святые встретились друг с другом. Нине показалось, что это не случайно. Может быть, они и в самом деле встретились сейчас точно так же на небе, чтобы помочь людям одолеть это нацистское зло?

— Святые, защитите моего Алёшу, пожалуйста! Уберегите от смерти! — тихонько шептала она в холодном, сыром подzemелье, сложив ладони перед слепками, как делала Мадонна у Боттичелли.

От воспоминаний у Нины защипало в горле. Захотелось пить, а водопроводные трубы лопнули. Пришлось ставить ведро со снегом к буржуйке и ждать, пока растает.

— Для кого стараемся, себя не жалея? Для немцев? — возмущённо пробормотала Надюшка.

— Для тех, которые коммунисты, тоже, — уточнила Нина.

— Наивная ты.

— Я комсомолка и марксистка.

— Ага, вот придут немцы, посмотрю, как ты скажешь им об этом.

— Скажу, — выпрямилась Нина. — Когда они придут в этот музей после нашей победы!

Вдруг что-то со звоном грохнулось об пол, и тут же с испуганным криком взлетели к крыше чёрные вороны.

— «Зажигалка»! «Зажигалка»! — послышалось со всех сторон.

Плюясь и подпрыгивая, бомба закрутилась в сторону Давида. У Нины замерло сердце.

— Нет! — с воплем схватила она щипцы и, подцепив «убийцу», бросила его в ведро с прозрачной водой, которой теперь было точно не напиться.

Руки Нины тряслись от страха, но она радовалась. Радовалась не тому, что потушила свою первую «зажигалку», а тому, что спасла...

— Нина, бегом в кабинет директора, мама звонит! — позвала взволнованная Анна Николаевна.

— Мамочка, ты цела?! — вцепилась Нина в телефонную трубку.

— Доченька, не волнуйся, — послышался голос на другом конце провода. — Письмо тебе принесли, от Алёши!

— ...спасла Алёшу.

В этот день Нина уверилась, что настанет победа, в музей вернутся старые и придут новые сотрудники, вернутся эвакуированные экспонаты, стены «храма искусств» наполнятся привычной жизнью. В этот день Нина стала верить.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Сергей Есенин

Памяти Брюсова

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы —
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торговцев.
Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но всё же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но помрём и мы, —
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!
Мир праху твоему!

Марина Курноскина

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

Русский рецепт

Мама вернулась с работы весёлая и говорит: — Наконец-то меня отпустили в отпуск, давай купим путёвку и полетим на недельку к морю.

Мы решили ехать в Италию, есть такая страна на юге Европы. Я расстелил на полу большую географическую карту и стал её искать. Мы во втором классе ещё не проходили географию, но отец мне подсказал, что Италия похожа на сапог, и с трёх сторон вокруг этого сапога — море.

Так вышло, что все у нас этим летом разъезжались в разные стороны: мы с мамой — на море, бабушка — в дом отдыха, отец — в служебную командировку в какой-то маленький городок. Он у меня военный, капитан. Тот городок, куда его направляли, я на карте не нашёл.

Италия оказалась очень далеко от нашего дома. Сначала мы долго ехали на поезде, потом летели на самолёте, два часа плелись из аэропорта по узкой дороге мимо полей и садов, петляли среди пальм по извилистым улочкам и, наконец, остановились возле многоэтажного здания с большой стеклянной верандой. На здании гостиницы было написано: «Belvedere», — что означает «красивый вид». Это мне мама объяснила, она у меня переводчик.

В нашем отеле отдыхало много людей из разных стран, но из России были только мы. Все работники отеля называли маму «синьора» и удивлялись тому, что она русская, так хорошо она говорит по-итальянски. Я быстро познакомился с персоналом, они меня как увидят, так давай из стороны в сторону раскачиваться, а сами смеются. Я и в самом деле хожу вразвалку, а на моей футболке нарисован здоровенный медведь на фоне карты России. Так что я не обижался, наоборот, мне было приятно, что меня считали русским медведем.

Я сразу полюбил Италию. Во-первых, жители очень весёлые и вежливые, все улыбаются, при встрече говорят: «Чао!» Во-вторых, в ресторанах подают такие большие порции, что с трудом справляешься, а я люблю поесть. В-третьих, здесь всегда тепло, красивое море и много разных старинных зданий. Правда, люди разговаривают не по-нашему, это неудобно. Мама мне объяснила, что у нас с итальянцами есть много похожих слов, поэтому выучить их язык легко. Вот, к примеру,

наш помидор у них называется «помодоро», у нас «аэропорт» — у них «аэропорто». Похоже, правда? Я скоро начал кое-что понимать, если говорят медленно, не тараторят, как обычно.

В общем, первые пять дней всё было замечательно: утром и после обеда мы ходили на пляж, вечером гуляли по городу, заглянули в местный музей, посмотрели шоу воздушных змеев. Когда жара немного спадала, из кафе, расположенных вдоль улицы, выносили на воздух столики и кресла, чтобы можно было посидеть на ветерке, подышать свежим морским воздухом. Мы с мамой тоже в одном таком остановились, решили попробовать знаменитое итальянское мороженое. У нас ведь как: скажешь продавщице «три шарика», она возьмёт маленькую круглую ложку и положит тебе из контейнера в стаканчик три сладких комочка, белых или с шоколадом. А у них, оказывается, по-другому.

Официант выслушал наш заказ, посмотрел с уважением, достал из-под прилавка половник и давай им из ведра мороженое черпать. По три половника каждому положил да ещё сиропом полил, а по бокам воткнул печенье и вафельные палочки. Мы так наелись, что даже на ужин не пошли. Очень хорошо у них тут с питанием налажено, богато. Ну вот, опять я на еду отвлёкся. Как начну о чём рассказывать, обязательно сверну на эту тему. Бабушка говорит, это из-за возраста, просто я расту и поэтому всегда голодный.

На шестой день после обеда из-за моря приползла чёрная туча, над головой сильно гроыхнуло, и хлынул дождь. Все работники отеля побежали собирать пластиковые лежаки, расставленные на лужайке между пальмами, а гости собрались в холле, расселись на диванах и сидят, скучают. Ужин ещё не скоро, гулять нельзя, чем в таком случае людям заняться?

Я заметил, что туристы из разных стран собрались группами, чтобы удобно было общаться. Каждый диван говорит на своём языке, и все хорошо друг друга понимают. Французы своей компанией сидят, немцы — своей. Были ещё несколько англичан, поляки, итальянцы с острова Сицилия и мы с мамой. Одна женщина из Польши говорила по-русски и по-английски, мама знает итальянский, поэтому наш диван оказался интернациональным,

все шумно обсуждали разные обычаи, моду и климат. Незаметно разговор перешёл на кухню, стали рассказывать рецепты, некоторые даже записывали, уточняли друг у друга подробности. Другие диваны вначале к нам прислушивались, потом подхватили нашу тему. Это понятно: еда — дело важное, голодному желудку ни возраст, ни политика, ни география не указ.

Целый час рассуждали о национальных кухнях, о том, что в какой стране едят и где какое блюдо изобрели. Один говорит, другие кивают, цокают языками. Я вначале внимательно следил за маминым переводом, потом мне надоело, и я стал слушать вполуха. Вот скажите, для чего мне знать, как готовят фаршированную каракатицу? Я хоть сам не пробовал, но верю, что вкусно, только где у нас на Волге каракатицу найдёшь? Или вот есть такие крошечные рыбки, называются паганелли, здесь их жарят вместе с головой, хвостом и всеми внутренностями, высыпают в кулёк и едят на ходу, как семечки. Нормально, я пробовал, но у нас ведь такого нет, для чего же мне запоминать все эти тонкости?

Тут один пожилой итальянец с нашего дивана повернулся к моей маме и спрашивает:

— Есть ли, синьора, такое блюдо, которое можно было бы назвать русским, которое придумано в России? Мы с друзьями, — говорит, — очень увлекаемся кухней, собираем разные необычные рецепты. Интересно было бы что-нибудь новенькое попробовать.

— Конечно, — отвечает ему мама, — у нас замечательная кухня, вот я вам сейчас расскажу.

Только она начала ему перечислять разные названия, как на всех диванах зашумели, стали выкрикивать в нашу сторону:

— Но, но!

Нет, значит, не согласны они были с мамой, возражали ей хором. Я прислушался.

Оказывается, вот в чём было дело. Говорит она, к примеру, «блины». Ну, казалось бы, какие тут сомнения, разве это не наше блюдо? Представьте себе, нет. Одна француженка вскочила и кричит, что блины изобрели какие-то их монахи, а в Россию рецепт привезли гувернантки, которых наши богачи нанимали няньками для своих детей. Тогда была такая мода.

— Как интересно, — говорит мама, — я этого не знала. Между прочим, мадам, здесь в одном магазинчике продают наш любимый салат оливье. Так вот итальянцы его называют русским салатом, это написано на этикетке. Можем ли мы в таком случае это блюдо считать нашим?

— Ни в коем случае! — сердито говорит француженка. — Хоть месье Оливье изобрёл этот салат в России, но всё же он был французом, значит, и рецепт французский!

Все закивали, зацокали языками.

— Ладно, — пожала плечами мама. — Есть ещё много других блюд, мы в России любим вкусно поесть.

Но ей не дали рассказать про русскую кухню, не дошло дело до рецептов. Только скажет она название, как тут же кто-нибудь начинает кричать, что и это тоже не наше блюдо.

— Щи, — говорит она.

Женщина из Польши тут как тут:

— Неправда, это польское национальное блюдо, и название тоже наше.

— Пельмени, — продолжает мама.

— Равиоли, равиоли! — шумят итальянцы.

Ну и всё в том же духе. Гуляш, как выяснилось, придумали в Венгрии, капусту, тушенную со свиной, — в Германии, плов тоже не наш, пирожки вся Европа умеет готовить, они у них называются «булочки с начинкой». Про каши даже слушать не стали.

Мама задумалась. Англичанка, которая хвалилась каким-то пудингом, покачала головой и говорит сочувственно:

— Как видно, мэм, в России нет ни одного национального блюда. Ничего-то вы сами не придумали, только у разных народов позаимствовали.

Мама растерялась, стала другие названия перечислять, даже десерты с мёдом и вареньем, а они смеются, качают головами. Тут я вспомнил отца. Он в таких случаях всегда говорит: «Если в лоб не пройти, применяй манёвр».

Я стал быстро обдумывать, какой манёвр к нашему случаю можно применить. Нет, думаю, тут надо действовать по-другому, с неожиданной стороны. Я встал с дивана, вышел на середину и говорю:

— Сейчас вы, синьоры, узнаете русский рецепт, который редко печатают в кулинарных книгах. В ресторане вам такого тоже не подадут, потому что это старинное домашнее блюдо, только для своих. Называется оно «курица на бутылке».

Сказал и жду, пока мама и женщина из Польши остальным переведут. Все оживились, итальянец достал из кармана блокнот, рукой мне махнул и говорит:

— Вай, джованотто! (По-нашему: Давай, молодой человек!)

Возле диванов стояли низкие журнальные столики, на одном из них я увидел бутылку с минералкой. Показал на неё и говорю:

— Возьмите стеклянную бутылку и наполните её наполовину водой. Купите среднего размера курицу. Посадите эту курицу на бутылку так, чтобы её ноги немного не доставали до стола.

Смотрю — женщина из Польши больше не переводит, записывает рецепт на листочке бумаги. Одна мама осталась моим переводчиком, ну и я руками энергично показывал, как надо делать. Вижу — кивают. Значит, всё понятно, можно продолжать.

— Обмажьте, — говорю, — курицу снаружи и внутри раздавленным в прессе чесноком, посыпьте солью и перцем. Суньте ей под оба крыла по кружочку лимона и по веточке розмарина. Теперь ставьте её в духовку на сто восемьдесят градусов примерно на час. И ещё одно: не забудьте под бутылку подложить сковороду, а то придётся потом плитку драить.

Оглядел я диваны и отметил с удовольствием, что народ смотрит на меня с интересом, дружелюбно, и никто при этом не перебивает, не спорит.

— Всё, — говорю, — синьоры, спасибо за внимание!

Тут все зашумели, головами кивают, понравился им мой рецепт.

— Скажи, мальчик, — спрашивает итальянец, — а можно вместо воды налить в бутылку вина?

Я подумал.

— Можно, — говорю, — мясу от вина вреда не будет.

Это папа так говорит, когда к отбивным наливает себе рюмочку красного.

Он кивнул, сделал пометку в своём блокноте.

— Bravo! — сказал он мне. — Очень оригинальное блюдо. Какая фантазия, какой творческий подход! Но как подавать на стол готовую курицу — прямо на бутылке, или всё-таки лучше переложить её на тарелку?

— Конечно, переложить, — говорю. — Бутылка к концу готовки станет совсем грязная, в жирных пятнах, на стол такую поставить неудобно. Бабушка всегда берёт красивое керамическое блюдо и в нём подаёт готовую курочку на стол. Если всё сделано правильно, кожа получится румяной, хрустящей, а мясо — сочным и нежным.

Он похлопал меня по плечу и опять сказал:

— Bravo!

Я посмотрел в окно и вижу — дождь уже перестал, даже солнышко пытается пробиться сквозь тучи.

— Пойдём, — говорю, — мама, прогуляемся перед ужином.

Мы вышли из душного холла на улицу. На promenade, идущем вдоль моря, снова появились туристы, а работники кафе, посматривая на небо, стали выносить на тротуар плетёные столики и кресла. Из открытых дверей и окон слышалась музыка, громкие голоса, смех. Запахло кофе и горячими булочками. Продавец мороженого распахнул ставни своей витрины и вывесил табличку «Открыто».

Я шёл и думал о том, как много людей живёт на свете, как трудно им друг друга понимать, какие они разные. Но есть то, что одинаково важно и интересно для всех, — хорошая, вкусная еда. Нравится вам думать, что какое-то блюдо придумали в вашей стране, — что ж, пожалуйста, думайте на здоровье. Но лично я уверен в том, что

всё самое простое и сытное жители разных стран изобрели независимо друг от друга, самостоятельно до этого додумались. Ведь согласитесь, не надо много ума для того, чтобы понять: мясо, завернутое в тесто и отваренное в подсоленной воде, — это вещь! И лепёшки из муки, молока и яиц, обжаренные на сильном огне и посыпанные сахаром, для всех народов будут хороши с чаем, как бы вы эти лепёшки ни называли — блинами или как-то иначе. Названия мало что значат, не в них суть.

За ужином к нашему столику подошёл гостиничный повар, заглянул в мою тарелку и спросил:

— Как тебе маринованные артишоки? Не слишком ли много уксуса?

В ресторане отеля вдоль стены устроен шведский стол. Я увидел незнакомую закуску и взял попробовать. Мама сказала, что это артишок, он похож на еловую шишку, только мягкий. У нас на Волге такой не растёт.

— Ничего, — говорю, — вкусно, и уксуса в — самый раз.

Он кивнул, пожал мне руку и ушёл к своим сковородкам. Я его видел сегодня в холле, когда рассказывал про курицу на бутылке, он пил кофе за барной стойкой и прислушивался к нашему разговору. В гостинице был отличный ресторан, и все гости, встретив повара на территории, вежливо здоровались с ним, благодарили за хорошую работу.

Конечно, с поваром я по-другому говорил бы о русской кухне, рассказывал бы ему о любимых блюдах, о том, что у нас считается по-настоящему вкусным. К примеру, о бабушкином рыбном пироге, за который ей, по мнению отца, следует выдать Нобелевскую премию. Или об утке, тушённой с чесноком, травами и картошкой, которую мама готовит по праздникам в тяжёлом казане. А может, и о настоящей домашней лапше, которую женщины нашей семьи делают не хуже, чем итальянки свою пасту. Получился бы совсем другой разговор, деловой, по существу. Но этот усталый человек ни минуты не сидел без дела, ему было некогда болтать с гостями: то он принимал продукты, то обсуждал с хозяином меню, то мерял шагами кухню, наблюдая за работой помощников и заглядывая в стоящие на огне кастрюли.

Через день мы уехали из Италии, закончилось наше короткое путешествие. Автобус за нами пришёл рано утром, до завтрака. Прощаясь, хозяин отеля выдал нам в дорогу бумажные пакеты, в каждом из них лежали бутылочка минералки, яблоко и рогалик с шоколадным кремом, его здесь называют «бриошь».

Мы с мамой сказали «арриведёрчи» («до свидания») и по очереди пожали ему руку.

Побывав за границей, я понял, как полезно знать языки, как трудно общаться с тем, кто тебя не понимает. С этого года мы в школе начинаем изучать

английский, так я решил сразу же серьёзно за него взяться. Мало ли что может случиться с человеком в пути, когда вокруг будут чужие люди, когда придётся сказать своё слово в важном разговоре. Не будешь иметь нужных знаний — не услышат тебя, не узнают правду. Этого я допустить не могу, не такой я человек.

Рыбный день

В воскресенье к отцу приехал Миша, его старый товарищ по юридическому институту. Он ввалился в квартиру в длинном потёртом плаще, бросил на пол рюкзак, прислонил к стене брезентовый чехол с удочками и весело сказал:

— Здорово, старик!

Миша возвращался из отпуска с нижней Волги. Две недели он провёл, занимаясь любимым делом — рыбалкой. Под мышкой у него был свёрток, из которого выглядывали узкие рыбы морды.

— Вот, — Миша протянул отцу свёрток с мордами, — это вам.

Когда отец развернул плотную жёлтую бумагу, мы увидели пять больших длинных рыб. От них пахло водой и солью.

— Стерлядь, — с гордостью сказал Миша. — Я её на месте немного присолил, теперь хорошо бы ей недельку повисеть в прохладном месте, и будет вам первоклассная закуска — вяленая астраханская рыба!

Миша пробыл у нас до вечера. Он очень интересно рассказывал о себе, о своей работе в адвокатской конторе, о разных случаях, которые с ним случались в поездках и на рыбалке. За обедом они с отцом вспоминали студенческие времена, смотрели фотографии.

Мне нравился Миша. Большой, шумный, он громко смеялся и умел замечательно свистеть, очень похоже повторяя мелодии популярных песен. Разговаривая с отцом, он часто вскакивал со стула и принимался ходить по комнате. Широко разводя руками, он показывал размер тех рыб, которых ему удалось поймать в разных реках.

Вечером Миша уехал. Он подарил мне на прощание картонную коробочку с деревянной рыбкой-наживкой, и мы с отцом пошли во двор «пристраивать» нашу стерлядь. Балкона у нас не было, погреб же для этого дела не годился: он был слишком мал и заставлен банками. Повесить рыбу там было негде.

Взять к себе рыбины согласился Кузьма Петрович, дедушка маленького Кузи из второго подъезда. У Кузьмы Петровича был хороший сарай с глубоким погребом. В молодости он тоже рыбачил, поэтому по заслугам оценил добычу Миши, принял от отца в подарок одну из рыб и сказал:

— Устроим в лучшем виде. Будут дозревать со всеми удобствами, как в царских палатах.

Они с отцом забили в потолочные доски длинные гвозди, завернули у гвоздей концы и на эти крючья повесили рыбу. Деревянный люк, закрывающий погреб, решено было открыть настежь, и теперь рыбины висели над проёмом, над длинной лестницей,

ведущей вниз, к закромам с картошкой и бочке с солёной капустой.

У входа в погреб собрались соседи. Мужики, заглядывая внутрь, наблюдали за работой отца и Кузьмы Петровича, давали советы. Нас с Кузей тоже пустили внутрь, мы сидели на низкой скамеечке под полкой с инструментами.

Это был замечательный сарай. Снаружи он выглядел неказистым, старым, дужка для висащего замка была прибита криво, у входа валялись прошлогодние листья и мелкий мусор. Но внутри он оказался крепким, чистым. Всё здесь было сделано с умом, каждая вещь стояла на своём месте: и деревянный верстак с чугунными тисками, и стеллаж с закреплёнными на нём отвёртками и гаечными ключами, и широкий чурбак для рубки мяса, из которого торчал топор. Потолок недавно обшили новыми досками, все щели аккуратно заделали.

Закончив работу, мы вышли на улицу и ещё раз посмотрели на наших рыб. Они смиренно висели над открытым проёмом, стройные и красивые.

— Может, накрыть их марлей? — спросил отец.

— Нет, — ответил Кузьма Петрович, — марлей накрывают от мух, когда вялят на воздухе. В сарае никаких насекомых нет. Здесь у меня — порядок. Дней через пять можно будет пробовать, тогда и решим, снимать или пусть ещё повисят.

Весь вечер во дворе говорили о наших рыбах. Только старая дворничиха Егоровна, помахивая метлой, сказала отцу:

— Не увидишь больше своих красавиц, — она вздохнула и покачала головой, — съедят подчистую, помани моё слово.

— Как это — съедят? — испуганно спросил отец, — Кто же их съест под замком? Что ты говоришь, Егоровна?

— Известно кто, — она снисходительно пожала плечами, — крысы. Рыбу надо на верху вешать, на балкон или за окно на высокие этажи. Сарай — что, это для них работа нетрудная.

— Тьфу, — рассердился отец и достал из кармана сигареты. — Какие теперь в городе крысы? Что за средневековье! Сарай у Кузьмы — конфетка, а не сарай. Еды всякой заготовлено на полгода, никогда я от него не слышал, чтобы что-то пропало.

— Ну, дай Бог мне ошибиться, — примирительно сказала дворничиха.

Муж Егоровны работал сторожем на мукомольном заводе. Он рассказал, что начальство затеяло дезинфекцию всего предприятия и вызвало для этого специальную службу. Заводские крысы обнаглели настолько, что среди белого дня спокойно расхаживали по цехам и пугали рабочих.

— Вот я и думаю, — рассуждала она, — куда им деваться, крысам этим? Ясное дело, пойдут отсиживаться в подвалы, в старые дома да к нам, в ближние районы. Мукомольный-то — вон он, через дорогу,

прямо у реки. Как говорится, далеко ходить не надо. А кушать всем охота.

Весь вечер отец ходил тихий, задумчивый. На завтра, переодевшись после работы и наскоро поужинав, постучал к Кузьме Петровичу, и они торопливо пошли в конец двора к сараю. Рыбины были на месте, висели, тускло поблёскивая тёмной кожей. Хозяин включил свет, внимательно осмотрел помещение, спустился в погреб.

— Чисто, — успокоил он отца.

Они заперли дверь и сели покурить на высокий бордюр перед входом.

— Со временем запах соли уйдёт, выветрится. Будет наша рыба пахнуть вяленным мясом, живым, стерляжым, безо всяких примесей. Стерлядь — рыба серьёзная, благородная, вроде как их, рыбий, аристократ.

Он засмеялся, достал из кармана коробок спичек, дал прикурить отцу.

— Вот разделаешь её, нарежешь полосками — и с картошечкой с маслицем, да под рюмочку — эх!

Он снова засмеялся. Повеселел и отец. Когда мы шли домой, он шутил и насвистывал песенку про весёлого капитана, которую слышал по радио за ужином.

Рыбу съели в четверг. Мы с Кузей, привычно потянувшись за взрослыми, дождались, пока дед нашарит выключатель, и замерли в дверях.

Рыбин не было. На крючках висели рыбы скелеты, белые и блестящие. Когда отец достал из кармана фонарик и внимательно осмотрел потолочные доски, стали видны частые глубокие вмятины, оставшиеся от когтей на мягкой, податливой сосне.

Кузьма Петрович внимательно осмотрел погреб.

— Ничего! — сказал он, показавшись в проёме. — Ни следов, ни отходов.

Мы стояли и смотрели на скелеты наших рыбин. В открытую нараспашку дверь с улицы порывами залетал ветерок, и тогда скелеты тихонько раскачивались, задевая друг друга с лёгким, едва слышным стуком.

— Да-а-а, — задумчиво сказал отец, разглядывая то, что осталось от нашей стерляди.

— Да-а-а, — печально ответил ему Кузьма Петрович и глубоко вздохнул.

Они закрыли люк в погреб, сняли с крючьев рыбы скелеты и понесли их в соседний двор, где за гостиницей стояли мусорные баки.

Отец с Кузьмой Петровичем шли молча. Со всех сторон к ним подходили соседи, рассматривая на ходу остатки нашего недавнего богатства. Мы с Кузей дошли до ворот и остановились возле каморки Егоровны. Она взглянула на белые скелеты, которые мужики несли на вытянутых руках, и покачала головой:

— До чего беспокойное животное — крыса. Ни замочек ей не указ, ни самый страшный яд, ни лютая опасность. Только еда на уме — никаких иных интересов. Всё приметит, всё обдумает — и вот вам, пожалуйста, — она кивнула в сторону мужиков, которые, тихо переговариваясь, бродили по двору и обсуждали происшествие.

— Ведь ты подумай, как хитро всё провернули, — с уважением добавила она, собирая сложенные у стены метёлки и веники. — Не сразу взяли, а выждали, паразиты, пока эта рыба поспеет как надо, дойдёт до нужной зрелости. Тут и давай пировать! У них, значит, вроде как праздник, рыбный день, а у людей — одно расстройство.

Егоровна махнула рукой и ушла к себе в дворничью.

Перед сном мы ходили гулять в сквер. Отец не хотел идти, но мама его уговорила.

— Пойдём, — сказала она, — иначе так и будешь весь вечер думать об этих крысах, будь они неладны.

Мы медленно шли по пустым дорожкам, мимо лавочек с высокими спинками, мимо тусклых жёлтых фонарей. На одной из лавок, свернувшись калачиком, спал серый кот. Когда мы проходили мимо, его хвост приподнялся, вздрогнул и стал тихонько постукивать о зелёные крашенные доски. Я погладила кота по спине.

— Эта история будет мне наукой, — заявил отец. — Я недооценил противника и пренебрёг хорошим советом. А вообще-то, девоньки мои, скажу вам честно: раззадорил меня Мишка со своей рыбой так, что я в последние дни ни о чём другом и думать не могу. Завтра пойду на рынок и куплю пару хороших жирных чехоней.

Он засмеялся и вздохнул с облегчением.

С того дня отец стал здороваться с Егоровной. Раньше он не замечал её, проходил мимо, когда она в своей фуфайке и косынке на собранных в пучок седых волосах сновала с метлой по двору или, кряхтя и охая, собирала в мешок опавшие листья. Теперь же он всегда кивал ей, говорил:

— Здравствуй, Егоровна!

— Здравствуй, милый, — отвечала она ему ласково.

Подарок Миши — деревянную рыбку-наживку — я отдала маленькому Кузе. Он достал её из коробочки, погладил лакированную деревянную тушку, осторожно потрогал острый крючок.

— Дед обещал мне рыбью спинку, — пожаловался он. — Это самое вкусное место у рыбы.

— Что там спинка, Кузя! — махнула я рукой. — Подумаешь! Съел — и нет её, а настоящая наживка — это вещь. Ты на неё сто таких рыбин поймал.

Историю с крысами во дворе скоро забыли. Отец, как и обещал, принёс с рынка хорошую вяленую чехонь, душистую, поблёскивающую янтарным малосольным мясом. Мы с удовольствием её съели и успокоились. Мы вообще не очень любим рыбу, хотя и живём на берегу большой реки.

Татьяна Романенко

Камешек с Ольхона

Глава 1. Чужая вещь

— Тётя Оля, ну пожалуйста, пусть Рома отвезёт этот камешек на Ольхон! Я бы сама, но гипс с ноги только через два месяца снимут, — умоляла соседка.

— Люда, какой камень, ты о чём? — спросила Ольга Михайловна.

Ромка сидел рядом с бабой Олей на диване и внимательно слушал взрослых.

— Маленький такой камешек, кругленький. Он меньше спичечного коробка. Пожалуйста. Его нужно вернуть. Я его возле скалы Шаманка взяла...

— Людмила! — остановила соседку бабушка. — Давай я налью чай, и ты расскажешь всё по порядку, а то я ничего понять не могу.

Бабушка разлила по кружкам ароматный чай. Ромка достал из буфета печенье с конфетами, и соседка начала рассказ:

— Помните, я в прошлом году ездила в отпуск на Байкал? Турбаза у нас была на острове Ольхон. В один из походов мы пошли на мыс Бурхан к скале Шаманка. Да вы, скорее всего, видели эту скалу — её на всех картинках показывают, когда про Ольхон говорят. Гид рассказывал про шаманские обряды, про места силы, ведьмины круги и много всего интересного. Вот там-то, на этом утёсе, я и взяла камешек. А когда вернулась домой, со мной стали всякие нехорошие вещи случаться. Но когда я дома на кухне сломала ногу, подруга решила отвезти меня к знакомой бабушке-знахарке. Та сказала, что я взяла чужое и это нужно вернуть. А у меня, кроме камня, ничего чужого и нет. Тётя Оля, не важно, кто привезёт камешек обратно, главное — вернуть его нужно!

— Ну ты и придумала, Людмила, — произнесла баба Оля. — А ты уверена, что все твои неприятности только от камня?

— Ой, не знаю, тётя Оля. Но я уже во всё готова поверить, — и тут Людмила заплакала.

Бабушка накапала в стакан каких-то капель и дала соседке выпить.

— Тётя Люда, не переживайте так. Отвезу я ваш камень, — сказал Ромка и принял у женщины коробок.

Круглый белый камешек лежал на красной тряпочке. И как только свет от лампочки попал на камень, тот засиял, отражая искорки света.

— Как красиво, — прошептал Ромка.

— Вот поэтому я его и взяла, — всхлипнула тётя Люда, — он так светился!

Ромка закрыл коробок, положил его в боковой карман рюкзака и аккуратно застегнул молнию. Чтобы не потерять.

— Ох и не нравится мне всё это, — вздохнула бабушка, когда соседка ускакала домой на одной ноге.

— Да ладно, бабуля, что со мной случится? Отвезу камень, положу на берегу, и всё. Да и жалко мне тётю Люду.

— И мне Людмилу жалко. За последний год действительно столько всего на неё свалилось. Но всё равно душа не на месте. Ты уж, Рома, будь аккуратнее. Уважай традиции тех, у кого в гостях.

— Не переживай, — успокоил Ромка.

— Всё, давай спать, завтра ранний подъём, — сказала бабушка и поцеловала внука в макушку.

Дождавшись, когда в комнате бабушки погаснет свет и она уснёт, Ромка включил телефон и набрал в поисковой строке: «Скала Шаманка. Ольхон». Много интересного прочитал мальчик, но самое главное — он нашёл статью, в которой говорилось, что действительно нельзя увозить камешки с этого острова. Всю ночь Ромке снилось, как шаман пляшет вокруг костра, ударяя в большой круглый бубен. Утром мальчик проснулся раньше будильника. Весёлый и отдохнувший, он собирался в поездку. Ольхон звал его.

Глава 2. Встреча

В этом году областной слёт «Юный следопыт» проходил на острове Ольхон. Ребятам предстояло изучить столбы, оставшиеся от Курыканской стены. Ранее следопыты выезжали на реку Лену и знакомились с ленскими письменами. Теперь им предстояло сравнить эти рисунки.

Следопытов поселили на турбазе в посёлке Хужир, чему Ромка очень обрадовался. Мыс Бурхан был недалеко от посёлка, и Ромка решил после ужина сбежать туда и вернуть камешек на место.

День был насыщенным. Открытие слёта, знакомство с ребятами из других городов, заселение по комнатам... В общем, к ужину все так устали, что просто падали с ног.

— Ты точно хочешь именно сейчас пойти на мыс? — спросил Олег. — У меня так ноги гудят,

что если до мыса я с тобой дойду, то обратно ты меня на себе потащишь.

— Ладно, оставайся. Прикрой меня, если учитель будет искать. Я быстро сбегаю туда и обратно.

— Тогда держи, — и Олег достал из кармана сложенный цветной листок.

— Что это? — удивился Ромка.

— Карта острова Ольхон. Я её из атласа «География Иркутской области» вырвал.

— Да мы и так в кружке остров хорошо изучали!

— Ну, то изучали, а это своя, карманная карта!

— Спасибо, — сказал Ромка и убрал карту в карман шорт.

Ещё в автобусе Ромка рассказал другу про камешек и даже показал его. Тогда Олег сам предложил сходить вместе, а сейчас вот — не смог. Но Ромка не сильно расстроился. Ему хотелось как можно быстрее вернуть камешек. Что-то неведомое манило мальчика на мыс. «Наверное, я так за тётю Люду переживаю, — подумал Ромка, — а то, пока я тут отдыхаю, она там себе ещё что-нибудь сломает».

Ромка прибежал на мыс и обомлел. Весь берег был усыпан туристами. На Байкале сумерки длинные, и люди любовались красным диском заходящего солнца, фотографировались на фоне знаменитой скалы и просто гуляли по берегу. Ромка проходил мимо и думал, куда положить камень. Вокруг столько людей, а камешек такой красивый — его точно кто-нибудь подберёт. Мальчик вспомнил, что читал о небольших пещерах в скале.

Ромка перестегнул хлястик своих резиновых тапочек, заведя его за пятку, чтобы не свалились в воду, и шагнул в Байкал. Возле берега было мелко, и он спокойно шёл по воде вдоль скалы. Тёмное пятно пещеры мальчик приметил издали.

Низкий, но достаточно пологий вход позволил Ромке прямо из воды шагнуть внутрь. Пещера была неглубокая и очень уютная. Солнце отражалось от воды и освещало её. Ромка огляделся по сторонам и достал спичечный коробок из кармана. В тот же миг холодная вода намочила мальчику ноги, заставляя его отступить в глубь пещеры.

«Странно, — подумал Ромка, — на Байкале нет приливов. Может, катер проплыл? Но я не слышал его шума...»

Новая волна пригнала очередную порцию холодной воды, заполняя собой весь пол пещеры и заставляя мальчика отступить ещё дальше к стене.

Ромка сжал коробок в руке и прильнул спиной к камню. Очередная волна хлестнула по коленкам. Ромка ещё плотнее прижался к стене и вдруг почувствовал, что камень за спиной стал вязким, как песок. Он обтекал вокруг тела, втягивая мальчика внутрь.

— А-а-а, — закричал Ромка и шагнул назад, наступив на что-то мягкое.

— Ой, ты чего толкаешься? — пропищал кто-то под ним.

От страха мальчик резко отскочил в сторону, при этом больно стукнулся плечом о стену пещеры.

— Ты кто? — спросил Ромка, пытаясь в последних отблесках солнца, слабо освещавшего пещеру, разглядеть, на кого он наступил.

— Ты сам-то кто? — ответили ему.

— Меня Рома зовут, а тебя как?

— Тамир, — ответил незнакомый мальчик и встал рядом.

Ромка убрал коробок в карман шорт и протянул мальчишке руку.

— Ну, привет, Тамир, — улыбнулся Ромка. — А ты чего так разоделся? Из этнографического кружка, что ли?

Мальчик недоверчиво смотрел на протянутую руку, но всё-таки решился и тоже вытянул свою руку вперёд.

Ромка хмыкнул, схватил ладонь Тамира и пожал.

Мальчик отдёрнул руку и удивлённо посмотрел на Ромку.

— Ты чего делаешь? — спросил он.

— Поздоровался, — ответил Ромка.

Тамир отошёл к стене пещеры и сел, скрестив под собой ноги. На нём был серый кафтан или куртка (Ромка не мог вспомнить, как называется такая одежда) с косой застёжкой на одно плечо, по воротнику шли три полоски. Серые штаны были заправлены в странные сапожки — их носок был задран вверх.

Ромка внимательно осмотрел мальчика и уже открыл было рот, намереваясь сказать, как удивлён его поведением, но вдруг вспомнил слова бабушки о том, что нужно уважать традиции тех, у кого ты в гостях, поэтому молча подошёл и устроился рядом.

Тамир неподвижно сидел, прикрыв глаза. Ромка посидел чуть-чуть, посопел и, не выдержав затянувшейся паузы, произнёс:

— Тамир, там скоро солнце сядет. Пойдём, а то в темноте дорогу не видно будет...

Тамир открыл глаза и посмотрел на Ромку.

— Я не могу просто так уйти.

— Почему? Ты с кем-то поспорил?

— Нет. Это моё испытание.

— Расскажешь? — прошептал Ромка, придвигаясь ближе.

Тамир вздохнул и произнёс:

— Я не знаю, кто ты и почему духи позволили тебе быть рядом со мной. Но если ты здесь, значит, это правильно, — Тамир внимательно посмотрел на мальчика и продолжил: — Все наши ушли строить стену, а я опять заболел. Старейшина сказал, что это у меня шаманская болезнь, и отправил сюда.

— Зачем? — удивился Ромка.

— Чтобы я осознал. Чтобы во мне открылся дар шамана.

— Ну и как, осознал? — спросил Ромка.

— Нет, голова только сильно болит. Да вот ты на меня из стены свалился, — ответил Тамир.

— Подожди, из какой стены я свалился? — воскликнул Ромка. — Я зашёл в пещеру камешек положить, а тут вода поднялась. Я отступил к задней стене, а там ты сидишь.

— Какая вода? Мы в верхней пещере. Тут до воды два моих роста будет.

Ромка недоверчиво подошёл к краю пещеры и выглянул.

— Мамачки! — воскликнул он, отскакивая в глубь пещеры. — Да там два метра до воды! Такого быть не может. Я вброд по Байкалу в пещеру зашёл!

— Как ты море назвал? — переспросил Тамир.

— Байкал.

— Красиво. Бай-кал, — нараспев произнёс Тамир.

— Не пугай меня, — прошептал Ромка. — Что-то мне это всё не нравится. Мне в лагерь нужно вернуться, а то учитель всех на уши поставит. А потом мне ещё и попадёт за то, что без разрешения на берег убежал.

— А зачем он на уши поставит? Землю слушать?

— Кого слушать? — удивился Ромка. — А-а, это просто так говорится! Волноваться учитель будет, вот что это значит.

— А зачем ты в пещеру залез?

— Чтобы камешек оставить. — Ромка достал из кармана коробок и протянул Тамиру. — Вот, открой.

Мальчик взял в руки коробок, внимательно осмотрел его. Понюхал, потряс возле уха, повертел в руках.

— А как открыть? — спросил он.

Ромка фыркнул, взял дрожащими руками коробок, открыл и вытряхнул в руки Тамира содержимое. В пещере был сумрачно, но ещё можно было что-то разглядеть. Камешек на ладони засветился нежным золотым светом.

— Как это? — хрипло произнёс Ромка.

Это дома камешек от лампочки свет отражал, а здесь же тьма! Язык перестал слушаться, и говорить было очень тяжело.

Тамир поднял ладонь на уровень глаз и любовался переливами света, исходящими от камня.

— Ты знаешь, что это? — прошептал мальчик.

Ромка мотнул головой в знак отрицания. Язык вообще перестал двигаться.

— Это первый камень моего амулета. Камень признал меня! А знаешь, что это значит?

Ромка опять качнул головой.

— А это значит, — прошептал Тамир, — что я действительно шаман!

Ромка старался сосредоточить взгляд на камешке, но всё окружающее было как в тумане. На тело навалилась жуткая усталость, ноги ослабли, и мальчик, соскользнув вниз по стене, провалился в какой-то мутный, тяжёлый сон. Взрослые бы сказали: потерял сознание.

Глава 3. Дар

Ромка приоткрыл глаза. В пещере было светло. Тамир стоял возле костра и что-то шептал, протянув руки к огню. Возле ног лежал полуоткрытый мешок.

— Хр-р-р, — прорычал Ромка и попытался сесть.

— Подожди, не вставай. Я ещё не закончил, — сказал Тамир, потирая ладони друг о друга.

Затем он подошёл к Ромке и приложил руки к его груди. Приятное тепло разлилось по телу. Слабость ушла. Ромка почувствовал, как сила возвращается к нему. Горло больше не болело.

— Всё, теперь вставай.

Ромка сел и огляделся. Пещера была намного больше, чем ему показалось в темноте. При свете он ещё внимательнее рассмотрел Тамира. Чёрные волосы, чуть раскосые глаза — да у каждого бурятского мальчика такие волосы и глаза. Но одежда! Тамир был одет в такой странный костюм, как будто сошёл с картинки о древних жителях Байкала.

— Спасибо тебе, Рома, ты помог моему дару.

— Как?

— А ты знаешь, кто такие шаманы?

Ромка качнул головой в знак отрицания, и Тамир продолжил:

— Мы проводники между миром людей и миром духов. От мира духов мы получаем новые знания, чтобы помочь человеку. Когда ты потерял сознание, я просто не мог оставить тебя без помощи. Я обратился к духам, и они помогли мне вернуть тебя. Но мир духов даёт не только лечебные знания. Я узнал слишком много о твоём прошлом...

— Круто! — воскликнул Ромка. — Значит, ты настоящий шаман! Расскажу друзьям — никто не поверит.

— Не сможешь ты никому рассказать, — грустно произнёс Тамир.

— Почему?

— Хм, — прочистил горло Тамир. — Ты, это, не переживай. Мне духи рассказали, что тебя камешек к нам привёл. Понимаешь, камешек как бы открыл дверь, и ты шагнул в неё.

— Как портал? — удивился Ромка. Он моргнул несколько раз, переваривая услышанное. — А я тогда где живу?

— Ты живёшь далеко-далеко потом, после нас.

— Ну, типа, в твоём будущем? — уточнил Ромка.

— Наверное, да.

— Тебе духи не сказали, как мне домой вернуться?

— Нет. Эти не сказали.

— А есть другие? — спросил Ромка.

Он сам удивился своему спокойствию.

— Конечно, есть!

— Так давай быстрее найдём их и спросим, — воскликнул Ромка.

— Я думаю, нам нужно идти к горе, на другую сторону острова. Там живёт дух моря. Уж он-то точно знает, как вернуть тебя домой.

Ромка подошёл к краю пещеры, ещё раз оглядел берег и спросил:

— А как ты в пещеру попал?

— Меня на верёвке опустили.

— Хорошо, — сказал Ромка, — а как ты отсюда будешь выходить?

— Можно, конечно, подождать старейшину, но он только через две луны придёт. А можно спуститься через шахту в море и выплыть на берег.

— Ты откуда это знаешь? Духи рассказали? — спросил Ромка.

— Ага, — улыбнулся Тамир.

— Так мы под водой поплывём?

— Да, — опять улыбнулся Тамир.

— Что ты лыбишься? Тебе хорошо, ты дома. Ты дар обрёл. А я? Вдруг я вообще никогда не вернусь домой?

— Ты переживаешь, что тебе здесь не место? — тихо спросил Тамир.

— Я за родителей переживаю. За бабу Олю. У неё и так сердце большое. Что с ней будет? Нет, Тамир, я не могу остаться. Я должен обязательно вернуться.

Тамир подошёл к Ромке и, положив ему руку на плечо, произнёс как-то по-взрослому:

— Тебе обязательно духи помогут. Ведь ты переживаешь не за себя, а за других людей.

В полной темноте по отвесному склону шахты мальчишки спустились до маленького озера.

— Это была пещера, но вход обвалился, — сказал Тамир. — Нам нужно поднырнуть под камень — и мы на свободе. Давай руку, я покажу, куда плыть.

Глава 4. Курыкан

Мальчишки стояли на краю утёса и смотрели на небо. Оно было великолепно! Миллиарды звёзд рассыпались по небосводу. Тонкий серпик растущей луны светился над головой.

— Красота! В городе такого не увидишь. — Ромка вздохнул полной грудью.

— Да, очень красиво, — согласился Тамир. — А что такое город?

— Ну, город... как бы тебе объяснить, — Ромка задумался и почесал макушку. — Ну-у, это когда много-много людей в одном месте живут...

— Зачем все там живут? Им что, места не хватает?

— Э-э-э... Давай, Тамир, я подумаю и потом тебе объясню, что такое город.

— Хорошо, — согласился мальчик. — А ты любишь на небо смотреть?

— Спрашиваешь! Конечно, люблю! Ведь это звёзды! Посмотри, какая красота — прямо дух захватывает! Меня папа научил находить Полярную звезду. Подожди, сейчас найдём, — Ромка

размахивал руками, показывая созвездия. — Вот сюда смотри. Видишь, звёзды как ковшик, если их соединить. Это Большая Медведица. А теперь от неё вверх смотри. Этот ковш — Малая Медведица. А вон там, видишь, на краю ручки светится звезда — это и есть Полярная звезда!

— Одон, я тебя вижу! — обрадовался Тамир.

— Чего? — не понял Ромка.

— Одон. Ты показал на Одон.

— Э-э-э, ну да, наверное. По-нашему она называется Полярная звезда, а по-вашему — Одон.

Тамир улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Короче, ваш Одон, или Полярная звезда, она всегда на севере, а гора, где твои духи живут, на востоке находится. Так что найдём, не заблудимся!

— А ты откуда знаешь, что гора там? — спросил Тамир.

— Я в кружке «Юный следопыт» занимаюсь. Мы остров Ольхон очень хорошо изучали. И твоя гора у нас называется Жима. А вообще, мы на ваш остров приехали, чтобы столбы, оставшиеся от Курыканской стены, исследовать.

— У нас нет на острове стены.

Ромка посмотрел на нового приятеля. Какая-то мысль вертелась в голове, что-то шаман говорил ему про стену, но что?

В этот момент Тамир громко чихнул. Ромка вздрогнул от неожиданности и сразу вспомнил, о чём хотел спросить.

— Тамир, а помнишь, ты мне говорил, что все ваши ушли стену строить, а тебя в пещеру отравили?

— Помню.

— Тамир, мне даже страшно подумать, но, кажется, я приехал изучать именно ту стену, которую вы сейчас строите.

— Ух ты! — удивлённо воскликнул Тамир.

— А это значит, что ты и твой народ называетесь курыканами. Ну, это мы вас так называем.

Мальчишки стояли под звёздным небом, глядя друг другу в глаза. Пятнадцать веков и одна вытянутая рука разделяли их. Ромка протянул руку и дотронулся до плеча Тамира.

— Друг, — сказал он.

— Друг, — ответил Тамир и, протянув руку, положил её на Ромкино плечо.

Мальчишки уже достаточно далеко отошли от берега. Ромка ориентировался по Полярной звезде, держа путь на северо-восток. Тамира вёл внутренний маяк, он просто чувствовал, куда идти.

Ромка в очередной раз поднял взгляд на небо, чтобы сверить маршрут, и замер, увидев необычное свечение над головой.

— Тамир, смотри, — воскликнул он и схватил друга за руку.

Свечение опустилось на землю и растаяло. Рядом с Ромкой стояли мальчики и девочки, одетые так же, как Тамир, только все они светились.

— Кто это?

— Ты их видишь? — удивился Тамир.

— Да, — выдохнул Ромка.

— Айда с нами танцевать! — весело рассмеялась девочка и, взяв Ромку за руку, втянула их с Тамиром в круг танцующих детей.

Бурное веселье охватило мальчишек. Вместе с детьми они смеялись и кружились в бесконечном танце, передвигаясь по кругу.

Сколько продолжалась такая дискотека, Ромка, даже если бы захотел, не сказал бы. Время потекло счёт. Но вдруг всё стихло, и дети, как птицы, стали взмывать вверх.

Ромка и Тамир стояли, глядя в небо, и махали улетающим детям, пока общее свечение не слилось в одну точку, а затем и вовсе исчезло.

— Ты знаешь, кто это был? — спросил Тамир.

— Нет, — ответил Ромка, продолжая глядеть в небо.

— Это дети бога Тенгри. Каждое новолуние они спускаются на землю и танцуют.

— Зачем?

— Не знаю. Наверное, просто веселятся.

— Да, весело у них, — сказал Ромка, садясь на землю. — Давай чуточку отдохнём и дальше пойдём.

— Давай, — согласился Тамир и прилёг рядом с другом.

Солнечные лучики нежно гладили Ромку по щеке. Пытались заглянуть в закрытые глаза. Щекотали в носу. Мальчик улыбнулся и чихнул. Нежный ветерок доносил с лугов запах цветов.

«Уф, ну и сон мне приснился, — подумал Ромка. Но тут он увидел Тамира и загрустил. — Нет, это не сон. Я и правда провалился куда-то в шестой век, к древним курыканам».

Тамир подошёл, держа в руке мешок.

— Я воды в ключе набрал. На, выпей и лепёшку погрызи.

— Спасибо, — ответил Ромка и поднялся на ноги.

Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась степь. И только вдалеке виднелась опушка леса.

— Ты знаешь, в какую сторону идти? — спросил Ромка.

— Ага. Вон к той лесной опушке. Пошли, по дороге догрызёшь.

— Подожди, я носки надену, а то все ноги в этих тапках сотру.

Ромка достал из кармана носки и сел на землю. Взгляд зацепился за узкую полоску вытоптанной земли. Обувшись, мальчик встал и огляделся. Тропинка уходила от него по дуге вправо. Он обернулся и замер — полоска без травы возвращалась к нему. Круг? Тропинка замкнулась в круг? Ромка решил проверить догадку и побежал по вытоптанной дорожке.

Тамир молча наблюдал за другом.

— Ты чего, вчера не набегался? — спросил он, когда Ромка, сделав круг, вернулся.

— Так это мы вчера вытоптали? — удивился Ромка.

— Ага, а ты что подумал?

— У нас это называется ведьмины круги, — и Ромка ткнул пальцем в тропинку.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Тамир, — ведьмины круги, ну вы и придумали!

— Подожди. Так, получается, дети Тенгри и в нашем времени спускаются на землю и танцуют? — удивился Ромка.

— Ну конечно! Только их никто не видит, а вот ты почему-то увидел.

— Так и ты их видел, — возмутился Ромка.

— Я шаман, для меня нормально духов видеть!

— А я? Может, я тоже шаман? Ведь камешек меня к тебе перенёс, и детей бога я видел, и даже танцевал с ними в этом круге...

— Не знаю, Рома. Хотел бы тебе сказать, но не знаю, — ответил Тамир.

Он подхватил свой мешок и пошёл в сторону лесной опушки.

Глава 5. Тотем

— Стой, стой, Тамир! Я спросить хотел! А у тебя бубен есть?

— Какой бубен? — Тамир остановился и с удивлением посмотрел на друга.

— Ну как? У каждого шамана есть бубен. Я на картинках видел, — сказал Ромка.

— Так я ещё не стал настоящим шаманом. Знаешь, сколько мне ещё учиться?! Нужно уметь чувствовать и понимать духов. Потом вопросы правильные задавать. Да и много ещё чего.

— Ого, а я думал, что если камешек в твоей руке засветился, то всё, ты уже шаман!

— Нет. Там, в пещере, я и сам не знаю, как у меня всё так просто получилось. Да я ещё толком и силу свою не почувствовал...

Тамир не успел договорить фразу. Увидев что-то за спиной друга, он схватил его за руку и дернул на себя.

— Тихо, Рома, не шуми. Медленно повернись, чтобы он тебя видел, но в глаза ему не смотри.

Ромка медленно повернулся и чуть не вскрикнул от неожиданности — позади него стоял волк. Большой, могучий зверь был с Ромку ростом. Мальчик опустил взгляд и покосился на друга. Тамир протянул ладонь к волку и запел. Нет, наверное, правильнее сказать — завыл. Как-то странно, но очень красиво.

— Оуэ-э-э, оуэ-э-э, — пел Тамир.

Ромка стоял, опустив голову, и видел только лапы волка. Серебристая шерсть блестела на солнце. От волка шла волна силы и спокойствия. Ромка чувствовал эту силу.

Тамир закончил петь и опустился на одно колено, вытянув руку вперёд. Волк подошёл к нему и уткнулся носом в ладонь.

Какая-то неведомая сила заставила Ромку поднять голову и встретиться взглядом с волком. Глаза были обыкновенные, как у любой собаки, а вот сам взгляд... Казалось, он проник ему в душу. А может, это так и было.

Волк отошёл от мальчишек на шаг и медленно растворился в воздухе. Порыв ветра подхватил горсть песка и осыпал друзей.

Ромка вытер лицо и посмотрел на Тамира. Мальчик стоял на одном колене с вытянутой вперёд рукой и улыбался. Улыбка шла откуда-то изнутри. Он просто светился счастьем.

— Тамир, кто это был? — спросил Ромка.

Мальчик медленно опустил руку и посмотрел на друга.

— Тамир, не молчи. Скажи хоть что-нибудь.

— Я и не думал, что это будет вот так, — прошептал юный шаман. — Я мечтал и немного боялся этой встречи, а вышло всё просто замечательно!

Ромка внимательно слушал друга и чувствовал его волнение.

— Животное, покровитель нашего рода, это волк, — продолжал Тамир. — И сейчас я с ним встретился. Это мой дух-помощник, мой дух-хранитель.

— Круто, — прошептал Ромка. — У нас это называется тотем. Скажи, а у простых людей бывают духи-хранители?

— Конечно. Только не все люди могут их почувствовать.

— Тамир, я не хотел, но волк как-то заставил меня посмотреть ему в глаза.

— Я знаю, — усмехнулся шаман. — Это я через волка смотрел на тебя.

Глава 6. Вера

Мальчишки шли и разговаривали обо всём на свете. Тамир рассказывал о жизни его семьи. О том, что он уже давно общается с духами во сне, но старается скрывать это от окружающих, так как в соседнем поселении живёт злой шаман. Взрослые и дети очень боятся того шамана, но всё равно идут к нему за помощью. Все ждут появления нового шамана. И когда Тамир в один из дней проснулся в бреду, не узнавая близких, всем стало понятно, что у него «шаманская болезнь».

Ромка рассказывал о своей жизни, о занятиях в кружке. О том, как интересно изучать историю и разгадывать тайны прошлого.

— Значит, я для тебя — тайна прошлого? — спросил Тамир.

— Да, получается так. Я дома с друзьями изучаю твою сегодняшнюю жизнь.

— Смешно. Я здесь живу, а ты потом, через много-много лет, меня изучать будешь. А как вы

узнаете, хороший я был человек или плохой? Как я жил, что делал?

— Наверное, по твоим поступкам, а ещё по рисункам. Ты обязательно что-нибудь нарисуй на своей стене, — сказал Ромка. — А про поступки... Вот, например, был в истории один плохой правитель. Он войну всем соседям объявил. Даже нашу страну хотел завоевать. Но мы его победили. У нас даже праздник такой есть — День Победы. Много горя от такого правителя было. Так вот, скажи, как будут вспоминать о таком человеке — хорошо или плохо?

— Конечно, плохо.

— Правильно... — Ромка не успел договорить, как земля вздрогнула и закачалась.

Тамир упал на колени, упёрся ладонками в землю и начал что-то быстро-быстро говорить. Ромка стоял, широко расставив ноги, и смотрел на друга.

Следующий толчок был такой силы, что Ромка не удержался и упал на спину, больно стукнувшись головой. Видимо, от удара на несколько минут потерял сознание, а когда открыл глаза, всё вокруг было серое. На небе тёмные облака сверкали молниями. Воздух вокруг был какой-то вязкий, как туман, только серого цвета. Тамир по-прежнему сидел на коленях и что-то завывал.

Ромка огляделся, и от увиденной картины волосы встали дыбом. Вокруг них полукругом стояли большие, жуткие чудовища. Голова вроде волчья, но тело как у медведя. Животные скалились, показывая клыки, и страшно рычали. Из пасти капала слюна, от их дыхания шёл пар. Очередная молния сверкнула в небе, освещая монстров, и громкий раскат грома соединился с диким рёвом.

Тамир увидел, что Ромка очнулся и сейчас сидит рядом, оглядываясь на чудовищ. Однако отвлекаться на друга юный шаман не стал — он пытался войти в контакт с волкомедведями. Но с каждой попыткой ощущение, что он разговаривает с пустотой, только росло. Тамир очень расстроился и даже стал думать, что теряет дар шамана.

— Я не могу войти с ними в контакт. Как будто их нет. Я даже к своему покровителю обратился, но я и его не чувствую, — прошептал Тамир.

И хотя он говорил очень тихо, Ромка услышал каждое слово.

— А почему они не нападают? — спросил он.

— Не знаю, может, ждут чего-то. А может, это одно из моих испытаний, — произнёс Тамир, раскачиваясь влево и вправо.

— Но если это твоё испытание, так реши задачу, и всё, — посоветовал Ромка.

— Они не отвечают на мой зов. Я их совсем не чувствую.

— А как ты должен их почувствовать?

— Я должен ощущать силу, исходящую от них. Кто-то из духов открывал бы мне истину, а кто-то из них пытался бы запутать меня.

— И вот всё это ты не чувствуешь? — переспросил Ромка и покосился на друга.

— Не-е-ет, — пропел Тамир, продолжая раскачиваться.

— А если они и правда ненастоящие? — прошептал Ромка. — Вдруг это просто наша фантазия? Я про такое в книжках читал.

Тамир продолжал раскачиваться, что-то тихонько напевая. Связи с духами не было, и юный шаман находится практически на грани истерики. Своими холодными и липкими щупальцами паника тянулась к душе шамана. «Это всё, конец. Я даже не успел побыть шаманом. Сейчас они нас уничтожат», — медленно текли мысли в голове Тамира.

Ромка заметил, что друг перестал петь и стал как-то странно заваливаться на правый бок.

— Ах вы, гады! — закричал Ромка и, замахнувшись, ударил ближайшего монстра.

Но рука плавно прошла сквозь его тело, не встретив никакого сопротивления. Ромка посмотрел на ладонь и, перекрикивая жуткий рёв чудовищ, обратился к другу:

— Тамир, очнись! Они ненастоящие. У них тела нет!

— Конечно, нет, это же духи!

— Если бы они были духами, ты бы их чувствовал?

— Да, — голос шамана становился всё тише.

— Ну а если ты их не чувствуешь, значит, и нет никаких монстров! — воскликнул Ромка и присел рядом с другом. Юный шаман лежал на боку, глаза были прикрыты. — Тамир, пожалуйста, не умирай. Давай вместе попробуем с ними бороться.

— Как? — отрешённо спросил шаман.

— Не знаю. А давай постараемся поверить в то, что их нет?

— Как это — поверить? — прошептал Тамир.

Голос у него был совсем слабым.

— А вот так, — Ромка подскочил на ноги и потянул за собой друга. — Я же верю, что ты настоящий шаман! Я верю, что по воле не знаю кого попал в твоё время. А ещё я верю, что всё вокруг меня — это неправда. Это моя фантазия придумала. Я верю, что никого из этих чудищ нет! — Ромка уже кричал во всё горло, и это крик вернул чувства юному шаману.

— Я понял: это и есть моё испытание, — сказал Тамир и, повернувшись к страшным животным, произнёс: — Я верю в свои силы. Духи предков всегда со мной!

Мальчишки стояли, взявшись за руки, и кричали страху в лицо о своей вере.

Очередной толчок качнул остров, и рёв чудищ начал стихать. Контуров страшных животных стали расплываться. Туман таял, и сквозь его рваные края проступало голубое небо.

Все монстры исчезли, а мальчишки продолжали стоять, держась за руки, и смотрели в безоблачную

высь. Над ними парил белый орёл. Сделав круг, он улетел в сторону леса.

Друзья опустились на траву. Ноги тряслись, в ушах ещё слышался страшный рёв. Ромка упал на спину и раскинул в стороны руки. Тамир рядом тоже изображал морскую звезду. Лёгкий ветерок принёс приятные запахи трав. Тело успокаивалось, голова прояснялась.

— Спасибо тебе, Рома, — сказал Тамир.

— За что?

— За веру. Будь я один, не смог бы пройти такое испытание.

— Так и я бы один не смог, а вместе мы — сила!

Мальчишки рассмеялись и стали подниматься с земли. Ромка огляделся — на горизонте высилась гора.

— Мы дошли! Тамир, смотри, это гора Жима! Мы дошли! — закричал Ромка. — Сейчас, сейчас, подожди, — он достал из кармана карту и показал другу. — Смотри! Видишь? Мы были вот здесь, это мыс Бурхан, а вот здесь мыс Ижимей и гора Жима!

— Да знаю я, — улыбнулся Тамир, — я её чувствую. Побежали!

Мальчишки быстро домчались до леса, окружающего подход к горе, и Тамир, остановившись, придержал за руку друга.

— Рома, я думаю, тебе не нужно идти на гору.

— Почему?

— На горе живёт главный шаман, он дух моря. А ещё с ним живёт много других духов. Они охраняют наш мир. Простым людям ходить на гору нельзя.

— А как же я домой вернусь? — спросил Ромка.

— Ты меня внизу подожди, а я поднимусь и сам поговорю с духами, — ответил Тамир.

— Хорошо, — согласился Ромка.

Ребята вышли на небольшую поляну, и Тамир указал Ромке на упавшее дерево.

— Вот здесь меня жди.

— Так мы не дошли — вон ещё сколько до горы, — Ромка махнул рукой в сторону.

— Не спорь, я чувствую. Это граница горы.

— Ладно, не спорю. Только знаешь, Тамир, мне как-то жутко. Вроде лес как лес, только что-то в нём не так. Тихо как-то.

— Боишься? — спросил юный шаман.

— Нет, не боюсь. Я верю, что у тебя получится поговорить с духами и вы сможете вернуть меня домой. Но находиться здесь мне совсем не хочется, меня тоже тянет к горе.

— Ладно, пошли. Ты сам скажешь, когда тебе нужно будет остановиться. Если ты видел детей Тенгри, то, наверное, у тебя тоже есть способность общаться с духами.

Мальчишки шли молча, каждый думал о своём. Путь к горе не был лёгким. Упавшие деревья и густые заросли колючего кустарника преграждали дорогу. Но внутренний маячок звал их. Преодоле-

очередной завал из деревьев, ребята вышли к большому камню. Ромка сел на него и прикрыл глаза.

— Всё, Тамир, я больше не могу. У меня ноги словно ватные. Я тебя здесь подожду.

Юный шаман подошёл и положил руку Ромке на плечо. Мальчик открыл глаза, и взгляды их встретились. Мальчишки смотрели друг на друга, словно стараясь запомнить, как бы прощаясь...

Глава 7. Дух Байкала

Тамир давно ушёл, а Ромка сидел на камне, нежась под лучами солнца. На душе было спокойно. Он не чувствовал себя здесь чужим, он ощущал себя частью природы.

«Я как ящерка. Сiju на камешке и греюсь», — подумал Ромка и улыбнулся.

Тень заслонила солнце, и Ромка, открыв глаза, увидел парящего в небе белого орла.

«Какой он красивый! — восхитился мальчик. — Нет, не просто красивый, он величественный!»

Орёл улетел, а Ромка продолжал смотреть в небо. Лёгкий ветерок взъерошил мальчишке волосы.

— Сидишь? — услышал он за спиной и обернулся.

Перед ним стоял взрослый мужчина, даже скорее дедушка. Белые волосы развевались на ветру. Короткая седая борода и густые брови придавали ему грозный вид. Но Ромке почему-то было совсем не страшно.

— Здравствуйте, — мальчик поднялся с камня. — Сiju, друга жду.

— Друга? — удивился дедушка.

— Да, его Тамиром зовут. Когда он вырастет, станет шаманом. А пока он только учится. Сейчас вот на гору пошёл, спросить совета у духов, как мне домой вернуться, — Ромка так легко рассказывал всё это незнакомому человеку, как будто давно его знал, и даже удивился своим ощущениям.

— Конечно, ты меня очень хорошо знаешь, — сказал дедушка и улыбнулся. — Ты часто с родителями ко мне в гости приезжаешь.

— Куда? — удивился Ромка.

— На море.

— На Байкал?

— Да, в твоём мире меня именно так называют. А знаешь, мне нравится это имя — Бай-кал, — нараспев произнёс дедушка.

— Батюшка Байкал? — прошептал удивлённый Ромка.

— Да, — ответил дедушка, присаживаясь на камень. — А ты молодец, не испугался. Рассказывай, зачем пришёл, чего хочешь.

Ромка присел рядом. Эмоции захлёстывали. Его то в жар бросало, то ему становилось очень холодно.

«Это же надо — рядом сидит настоящий дух моего любимого Байкала! — с восторгом подумал мальчик. — Сколько раз я разговаривал с ним

и даже просил помощи, а сейчас он сидит рядом со мной и задаёт вопросы!»

В голове была просто каша из мыслей и чувств.

— Рома, посмотри на меня, — сказал дедушка, и мальчик поднял голову. — Скажи-ка, что помогло вам с Тамиром в последнем испытании?

— Вера, — прошептал он.

— Правильно, а теперь отпусти все свои тревоги и просто поверь в меня.

Мальчик прикрыл глаза, и вдруг на душе его стало очень спокойно. Он совсем по-другому посмотрел на духа Байкала. Ромка чувствовал силу и защиту, исходящие от него, как будто сидел рядом с родным дедушкой.

Ромка вздохнул и подробно рассказал о соседке, которая попросила вернуть камень. О том, как попал в пещеру к Тамиру. О приключениях и обо всех испытаниях, которые пережил вместе с юным шаманом.

— Дедушка, а зачем я попал к вам сюда?

— Чтобы помочь раскрыться дару Тамира. Ты помог ему сделать свой выбор.

— А он правда будет шаманом?

— Да, он будет самым сильным шаманом.

— Дедушка, а почему я видел детей бога Тенгри и тех монстров?

— Потому что ты можешь видеть духов. Ведь ты же сейчас разговариваешь со мной, — засмеялся дедушка.

— Вообще-то да, — улыбнулся мальчик и тут же, став серьёзным, спросил: — А вы не знаете, Тамир сможет поговорить с духами, живущими на горе?

— Да он и сейчас с ними общается. Тамир здесь надолго останется. Считай, он поступил в школу шаманов.

— Круто! Ой, извините, — смутился Ромка: всё-таки не с друзьями разговаривает, а с самим духом Байкала. — А можно я ещё один вопрос задам?

Он боялся задавать этот вопрос, вернее, боялся получить отрицательный ответ, но всё же собрался с духом и произнёс:

— Как мне домой вернуться?

— О, это несложно. Ты выполнил всё, зачем был послан сюда, и я с удовольствием верну тебя обратно, — улыбнулся дух Байкала.

Сказав это, он хлопнул в ладоши и превратился в большого белого орла. Орёл выпрямился, твёрдо встав на мощные лапы и подняв голову, и стал ростом с мальчика. Ромка с восторгом рассматривал грозную, но очень красивую птицу. Орёл раскрыл крылья и обнял ими мальчика. Тепло и спокойствие окутали его. Вдруг крылья сильно хлопнули мальчика по спине, раскинулись в стороны, и орёл взмыл в небо.

Ромка стоял, задрал голову, и провожал взглядом улетающего орла. Спина ещё чувствовала удар его крыльев. С неба падало белое пёрышко. Мальчик подставил руку, и оно мягко опустилось на ладонь.

Звонкий крик орла пронзил тишину, и Ромка вскрикнул от боли, как будто тело пронзили тысячи игл. Мальчик упал на траву и словно провалился в какой-то чёрный омут...

— Давай поднимайся, я покажу тебе дорогу.

Открыв глаза, Ромка увидел перед собой Тамира, который протягивал ему руку.

— Ты же в школе, — удивился Ромка.

— Я пришёл тебя проводить, — ответил юный шаман.

Мальчишки стояли в лодке, вокруг бушевал Байкал, захлёстывая волнами маленькое судёнышко. Небо было хмурым. Серые облака почти касались воды, и было непонятно, где заканчивается вода и начинается небо.

— Прощай, — сказал Тамир, — не бойся и верь мне.

Шаман с силой ударил Ромку в грудь ладонями. Раскинув руки, мальчишка упал за борт. Холодные воды Байкала сомкнулись над его головой. Всё вокруг стало чёрным.

Глава 8. Возвращение

— Мальчики, подъём! — крикнул учитель, заглядывая в приоткрытую дверь комнаты.

Ромка приподнялся на локте и осмотрелся. На соседней кровати посапывал Олег.

— Олег, — тихо позвал Ромка, но тот лишь промычал что-то непонятное. — Олег, мне такой сон приснился — закачаешься! Да хватит дрыхнуть, вставай! Я тебе сейчас такое расскажу!...

Ромка схватил подушку, намереваясь кинуть в приятеля, но замер. Под ней лежало белое орлиное перо. «Что за чертовщина?» — нервно слотнул мальчик. Он быстро оделся, взял перо и тихо вышел из комнаты.

— Ты тоже на зарядку? Побежали до воды и обратно!

Ромка оглянулся и увидел мальчишек, махавших ему руками.

Спортсмены бежали по двое, Ромка замыкал строй, так как пары у него не было. Каждый шаг приближал к морю, и эмоции всё сильнее бушевали в душе мальчика. Счастье и восторг переполняли его. Спортсмены добежали до кромки воды, развернулись и двинулись обратно, а Ромка остался стоять.

— Ну, здравствуй, батюшка Байкал, — прошептал мальчик и присел, подставляя ладонь набежавшей волне.

Вода лизнула пальцы и ушла, как бы играя с ним в догонялки. И тут же следующая волна омыла Ромкины кроссовки и убежала в глубь моря.

Знакомый свист заставил мальчика встать и поднять взгляд в небо. Над головой его пролетал орёл.

— Спасибо! — прокричал Ромка в небо, помахав пёрышком, и уже спокойнее добавил: — Я найду твой след в истории, Тамир, обязательно найду. Мой друг, мой курыканский шаман.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Илья Эренбург

Я так любил тебя...

Я так любил тебя — до грубых шуток
И до таких пронзительных немот,
Что даже дождь, стекло и ветки путал,
Не мог найти каких-то нужных нот.

Так только варвар, бросивший на форум
Косматый запах крови и седла,
Богинь обледенивший волчьим взором
Занеженные зябкие тела,

Так только варвар, конь чей, дико пенясь,
Ветрами заальпийскими гоним,
Копытом высекал из сердца пленниц
Источники чистительные нимф,

И после, приминая мех медвежий,
Гортанным храпом плача и шутя,
Так только варвар пестовал и нежил
Диковинное южное дитя.

Так я тебя, без музыки, без лавра,
Грошовую игрушку смастерил,
Нет, не на радость, как усталый варвар,
Ныряя в ночь, большую, без зари.

Марина Саввиных

Междумирье Эльнары

О книге Эльнары Браништи «На переходе из Нави в Явь»

Меня часто спрашивают, не мешает ли моему писательству тот факт, что по призванию и по судьбе я школьный учитель. Вопрос непростой, и ответ на него неочевиден, хотя после длительных размышлений я всё же отвечаю: «учитель» не мешает. Учитель — это жизнь. События, цветы, плоды и тернии каждодневного пути. Мешает «филолог». Перенасыщенность сознания чужим литературным опытом, который неизбежно как бы затеняет, тормозит творческую непосредственность, ставит под сомнение поэтическую «невинность». Филологическое око недреманно бдит над каждой написанной тобою буквой: не банально ли, не вторично ли, не возникнет ли у читателя ненужных ассоциаций и так далее, и тому подобное. Филолог-стихотворец виден за версту. Он остаётся филологом даже тогда, когда поэтическая природа в нём восстаёт и идёт войной на филологическую сущность. Очень редко даже такая «война» выглядит органично. Всё равно есть в этом какая-то предвзятость.

Каково же было моё удивление, когда я впервые обнаружила в интернете стихи Эльнары Браништи! Не знаю, насколько Эльнара ощущает себя филологом, но в том, что она пишет, — читатель чувствует это с первых же строк — словно бы сталкиваются в равной степени присущие автору и тем не менее непримиримые субъекты: начитанность и натура, «ангельское» и земное, женское, человеческое. Ангел Эльнары парит в многомерном культурном — прежде всего, конечно, литературном — пространстве. Его мир — книги, шедевры прошлого, великая музыка. Близкий автору по духу читатель получит «неизъяснимы наслажденья», погружаясь в этот мир, где все, всё и вся находятся в живой острой перекличке. И тонкими намёками — от античности до середины двадцатого века, и прямым включением имён: Веркор, Моэм, Камю, Булгаков, Маккалоу... Мой «внутренний филолог» трепетал от радости, пробегая по страницам рукописи Эльнары. Тем более что её «внутренний филолог» на редкость щедр и мастеровит. Эльнара легко играет ритмами, рифмами, черпает щедрой рукой из копилки, веками создаваемой

работниками поэтического цеха. Её метафоры органичны, точны и неожиданны. Тут и «город нуаровый», и время-Цербер, и осенние девушки, и родник, сквозящий в груди лирической героини над весенним Енисеем... Впрочем, к чему перечислять? Читатель этой книги имеет возможность и удовольствие в полной мере отдать должное метафорическому богатству художественной речи Эльнары.

Отболела душа, отболела о всех,
Кому другом быть не суждено.
И стерильной повязкой полуночный снег
На моё наложился окно.
В этом зеркале жизни разбитом, кривом
Свою участь возьми разгляди.
Но ты тоже останешься розовым швом,
Тонкой ящерицей на груди.

Ангелу приходится созерцать мир, далёкий от совершенства, и время от времени он, словно спасая автора от уныния, которое — грех, даёт себе волю в сильнейших духовных констатациях:

Чувство, что кровью несёт по венам,
Дождём сплошным,
Ты называешь второстепенным,
Я — основным.
Если его лишь имеешь целью
И им ведом,
Ты называешь это бездельем,
А я — трудом.
Если стенанья несчастных стёрты
В мозгу глухом,
Ты называешь это комфортом,
А я — грехом.
Если сжимается сердце часто
О прожитом,
Ты называешь это балластом,
А я — крестом.

Ангел Эльнары отнюдь не белоручка. Он ведёт героиню и к страшной реке Харона, и к семейным могилам. Его устами автор вызывает к любимым книгам:

Спасибо вам, книги, что были со мною
Все самые страшные дни,
На страже у сердца стояли стеною,
Служили мне вместо брони.

Он не позволяет автору впасть в чрезмерный пафос, в скверну высокомерия. В нём — море самоиронии, что само по себе говорит о поэтическом даре Эльнары, который постоянно шлифуется и гранится её рукой, рукой уже не подмастерья, но мастера. Слишком высоко забралась — надо снизить: пусть в рассуждения о грехах и прощении на кладбище вторгается ржавый велосипед. Или роскошное описание лесной прогулки заканчивается вскриком: «До чего неуклюжая халда!»

И всё же сама Эльнара, Эльнара-человек, похоже, считает свои метафизические видения — Навью, миром снов, наваждений, вымыслов, фантазий. И вожделений, наверное. Миром родным и желанным, но встающим на пути человеческой судьбы молодой женщины, возлюбленной, супруги, матери, труженицы земных обитателей и полей. Эльнара-женщина беспощадна к своему Ангелу, поминутно бросает ему вызов, смеётся над ним, заставляет его сознавать собственную беспомощность. И тогда в полной мере раскрывается её живописный талант. Яркие краски, запахи, звуки — всё это оживает в слове молодой художницы и воздействует на читателя самым видимым, слышимым, осязаемым и обоняемым образом:

Пахнет перцем и инжиром: я в Баку.
Глаз о балку приложила на скаку.
Дело в том, что на кровати было сорок тюфяков —
Кто б не стал одолевать их
В пять годков?

Эльнара-женщина предельна честна. Вместе с ней мы стоим на заводской проходной во время карантина, созерцаем индустриальный пейзаж,

прямо-таки физиологически переживаем муки творчества. Этот реализм, в самых острых моментах отдающий даже натурализмом, Эльнара, видимо, и называет Явью.

Леса стена и полей широта.
Глаз синева. Доброта. Нищета.
Канистры, бидоны, дрова, кирпичи.
Дороги, вагоны и запах мочи.
Семечки, сумочки,
Стёртые думочки,
Пёстрые коврики ручного шитья.
Всё это помню я.

Подборку, которую Эльнара Браништи предложила журналу «День и ночь», она так и назвала: «На переходе из Нави в Явь», — то есть своё существование в пограничье, в Междумирье как автор она вполне сознаёт. Тем более удивительны её рефлексии переживаний этого пограничья. Физиологические рефлексии собственной душевной борьбы. Читатель вовлекается в эту игру, борьбу, страсть, насмешку, болезнь и выздоровление с полным доверием к автору. Иначе бы он не был этим, её, Эльнары, эксклюзивным читателем. Эльнара оправдывает его надежды, не бросает на полдороге.

Ангел и Женщина в конце концов братски и сестрински обнимаются на страницах чудесной книги стихов.

Скажи, что пошлость нас не подомнёт,
Что нравы никогда не оскудеют,
Что чувства никогда не поредеют,
Что за паденьем вечно будет взлёт.

Остаётся пожелать Эльнаре Браништи достойного пути в литературе! Пусть только эта дорога не оскорбит Ангела и не обделит любовью и счастьем Женщину.

Александр Евсюков

Книга пробуждений

О книге Андрея Авраменкова «Город под прицелом»

Под обложкой новой книги *Андрея Авраменкова* «Город под прицелом» собраны десяток рассказов и две короткие повести, показывающие события с 2010 года до первых месяцев сво. Герой трети из них луганский журналист *Сергей Литвинов* вобрал немало автобиографических черт и событий из жизни автора. Например: «Он писал, и писал много, а в редких случаях и хорошо. Публицистикой своей Литвинов был крайне недоволен, но некоторые статьи ему всё-таки нравились». Или чуть дальше: «После таких встреч хочется нажраться так, чтобы забыть своё имя. Начать с чистого листа и сделать вид, что не было этого разговора. Будто не встречался с человеком и не пропустил его горе через себя» («Затянувшаяся война»). В этих признаниях явственно чувствуется откровенность, так пишут не о ком-то постороннем, а — о прежнем себе.

Исповедальная честность перед читателем, без позы, без самовосхваления или, наоборот, показного принижения самого себя, очень труднодостижима. Она требует от автора, как сырьё и необходимое почва, деятельного участия в жизни. И он в ней участвует, совершает поступки, мужские и человеческие. «Конфликтные ситуации — это не его стихия. Но пошёл на это ради брошенной женой женщины с маленьким ребёнком на руках. И оно того стоило. Потому что на свете есть вещи, за которые надо бороться. И не всегда кулаками, можно и словами. Но эти слова кто-то должен был произнести». Такой нравственный итог подводит alter ego автора — Литвинов — в, наверное, самом сокровенном рассказе сборника «Защитник» после того, как он сумел отвести скрытую для посторонних глаз, но гибельную опасность от женщины, с которой связывала только память об остывших плотских отношениях. Совершает герой и ошибки, осознав, признаёт их и, насколько возможно, всегда стремится исправить.

Но чтобы признать что-то важное, надо проснуться, перейти из сна разума в новое состояние. Целый ряд историй начинается с физического пробуждения героя. Такое внешнее однообразие можно было бы поставить автору в упрек, однако ему удалось не только найти различные нюансы

этих пробуждений, но и ярко вписать их в канву душевных переживаний. Восходящее Солнце, которое заставляет подниматься других, здесь ощущается не просто небесным телом, а — живым существом.

Война же, как неизбежное зло, выступает самым явным контрастом человеческой природе в самых разных её аспектах.

«— Долго воюешь?»

— Такое ощущение, что всю жизнь. Я уже и не помню, как это — не воевать».

Такой вот бытовой диалог на рутинную тему.

Или острейшее пограничное между жизнью и смертью чувство: «Страх появился, когда этот солдат направил автомат в их сторону и медленно водил стволом, словно выбирая жертву».

Или же неожиданное натурфилософское размышление старика-ветерана: «Куда девается это всё, когда начинается арналёт? — думал дед. — Как будто исчезает. Потом всё заканчивается, и снова появляются ласточки, на речке квакают жабы, мычат на выпасе коровы».

Все эти люди тоже пробуждаются: желая жить, пытаясь вспомнить или стремясь понять. Здесь слышатся переключки с классиками, как зарубежными, так и нашими: *Хемингуэем* и *Сент-Экзюпери*, *Ригони Стерном* и *Константином Воробьёвым*, *Юрием Бондаревым* и *Сергеем Говорухиным*. И, как правило, они, будучи уместными, дополнительно укрепляют позиции его героев, вписывают их в более широкий мировой контекст. Однако встречаются и обратные примеры. Вот эпиграф, предпосланный к рассказу «Чёрный день», первому в книге:

Смерть каждого Человека умяет и меня,
ибо я един со всем человечеством,
а потому не спрашивай никогда,
по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе.
Джон Донн

Напомню — перед нами дословно тот же самый эпиграф (только без вступления про Остров и часть Материка), который предшествует и знаменитому роману Хемингуэя «По ком звонит

колокол», роману, посвящённому событиям трёх дней и всей Гражданской войны в Испании, роману, при жизни автора так и не изданному в СССР. Таким образом, вольно или невольно (но скорее — всё же невольно) рассказ Авраменкова «Чёрный день», а вслед за ним и весь сборник начинают претендовать на прямое сравнение с *magnum opus* культового нобелиата, и пока — в силу разного охвата событий и уровня мастерства — подобное сравнение ему выдержать сложно. При этом, на мой взгляд, Сергея Литвинова Авраменкову удалось изобразить более жизненным и полнокровным, чем выписан у Хемингуэя его *Роберт Джордан*, особенно в первой трети романа.

По книге можно проследить этапы становления Авраменкова-прозаика: от писательской юности к зрелости мысли и стиля. Три рассказа из числа самых коротких: уже упомянутый «Чёрный день», «Прошу помнить вечно» и «Кто поведёт нас», — оставляют с ощущением недоделанности, технических недоработок, причём очевидно разной природы. Если первые два выглядят интересными в плане задумок черновиками, сырыми и местами ещё ученическими, то третий уже вполне зрел по мысли и образности, однако автор в какой-то момент перестаёт доверять себе-художнику и пускается в излишние публицистические пояснения.

Конечно, прямые высказывания также необходимы: «Киев якобы уже восемь лет воевал именно с Москвой, а не с Донбассом, не со своими бывшими гражданами. <...> Пятнадцать тысяч человек, по официальной статистике, было уже не вернуть». Но именно точные, как гвозди, вбитые в память, детали способны гораздо более ёмко и достоверно передать состояние и движение души. Детали, подчёркивающие, что перед нами люди, много лет прожившие на войне с короткими непрочными перемириями: «Стёкла, словно блестящая роса, усыпали молодую траву», «Стоял грохот, от которого болели уши», «Её губы были слишком близко к его лицу. Он ощутил прилив. Такое испытываешь, когда рядом стреляет артиллерия».

Вот уже выверенный и мастерский рассказ «Европейский шлях» — рассказ-случай, который выявляет характер и судьбу персонажа. Виктор Кузьмичёв — проводник, помогающий мирняку выбираться обезданными тропами из блокированного города под постоянным обстрелом. Однако бывшая совсем недавно свободной дорога теперь перегорожена украинскими армейцами, а те очень хотят отступных. И Виктору предоставляется возможность разрешить ситуацию иначе. «Но что ты тогда забыл здесь? Ты пришёл если и не убивать, то, по крайней мере, зарабатывать на людском горе. Ты стервятник, падальщик, а падальщиков не жалко. Кузьмичёв незаметно сжал кулак, готовясь нанести удар». Но этот рассказ не о каре

соучастнику народных бедствий, а об извлечении урока из собственного прошлого, о ситуации, где милосердие становится выше справедливости.

Рассказы «Дорога к границе», «Под чужим флагом», повесть «С автоматом наперевес» во многом посвящены анатомии предательства, анализу причин резкой или же постепенной, дрейфующей смены стороны конфликта. Здесь история-метафора, где таможенник с бейджем «Пётр» решает — пропустить ли грешника через границу; и строго реалистичный исповедальный рассказ-вспышка о предгрозовом прошлом; и повесть-допущение — антиутопия ближнего боя в прямом и переносном смыслах.

В гражданском конфликте всё тесно переплетено, и вот голодный мальчишка, попросивший угостить его пирожками, оказывается сыном противника, в чём сам на голубом глазу и сознаётся:

«— А отец твой где?

— Папа... Он ушёл воевать.

— В ополчении, стало быть.

— Нет, дядя. Он за Украину воюет».

А бывшие однокашники, чьи идейные пути после Майдана навсегда разошлись, вдруг случайно сталкиваются в Воронеже.

«Сергей, человек по натуре неконфликтный, всё же решился, осознавая, что разговор уже не получится, задать вопрос, который так корбит украинских патриотов, находящихся на заработках в России:

— Так, а что ж ты сюда приехал? Ты же верил во всю эту дурь про Бандеру и великую Украину.

— Я и сейчас верю, — сквозь зубы ответил Адик».

И читателя вместе с рассказчиком будто окутывает ледяным душем: человек, внешне едва ли отличимый от окружающих, ходит совсем рядом, маршируя под внутренним «чужим флагом» и до поры скрывая свою неугасимую ненависть.

Изучая автобиографию Махатмы Ганди, Сергей Литвинов примеряет его тактику мирного сопротивления к современности на родной земле: «Возможно ли было применить сатьяграху в Донбассе? А ведь если задуматься и вспомнить, то всё и начиналось с мирных демонстраций. Но что остаётся, когда по твоему городу начинает лупить артиллерия? Бежать или сражаться». Кто-то бежит, но самые стойкие и отчаянные — сражаются в этой «затянувшейся войне». Сражаются оружием и словом.

Книга названа «Город под прицелом», хотя такого рассказа в ней нет. Но это важнейший образ, объединивший все написанные истории. Каждый из героев здесь постоянно находится под прицелом: вооружения всех калибров, фотообъектива, истории и своей совести. Каждый делает выбор и — на один шаг или целую вечность — меняет жизнь, свою собственную и всех окружающих.

Дарья Рычкова

Случайный звонок, или Мечта девочки из «дождика»

Человечество изобрело множество новых технологий, которые продолжают совершенствоваться. Однако, увлечённые победным шествием технического прогресса, мы часто забываем о духовных, нравственных ценностях. Каждый постоянно куда-то спешит, увязает в паутине бессмысленных дней, пренебрегая собственной душой. Так возникает проблема духовной слепоты.

На мой взгляд, она нашла отражение в замечательном рассказе современной писательницы Юстасии Тарасовой «Какого цвета дождик», о котором сейчас пойдёт речь.

История создания произведения такова. Иногда случайный телефонный звонок может разбудить среди ночи, а порой благодаря ему на свет рождаются истинные шедевры. Именно последний случай произошёл с детской писательницей Юстасией Тарасовой. Однажды с незнакомого номера ей позвонил человек и рассказал о жизни незрячих людей. Разговор произвёл на писательницу неизгладимое впечатление. Она вдохновилась и за сравнительно короткий промежуток времени создала рассказ «Какого цвета дождик».

Это произведение не только о незрячих людях, но и о каждом из нас. Настоящая мечта является лейтмотивом всего сюжета. Юстасия Тарасава ярко и глубоко описывает внутренний мир главных героев, применяя разные приёмы. Обыкновенную школьницу она характеризует с помощью внутренних монологов. При разговоре с незрячей девочкой школьница испытывает много эмоций: от досады до восхищения. Её чувства внешне незаметны, и только благодаря тому, что автор облакает их в слова, мы можем буквально прочитать мысли героини. Незрячую девочку Юстасия описывает, используя видимые действия. Её глаза загораются, распахиваются, смотрят, она дёргает за рукав зрячую подругу.

Писательница старается как бы поменять героинь местами. Зрячую девочку Тарасава изображает слепой по жизни, а незрячую — наоборот, человеком, имеющим чёткую цель и смело идущим к ней. Автор говорит нам: в жизни нет ничего невозможного. Главное — мечтать и верить в успех, и тогда можно достичь любых вершин. Она показывает на примере героев рассказа: мы все отчасти слепые, и не важно,

есть ли у нас зрение или нет. Духовная слепота — вот причина всех неудач человечества. Мы разучились верить в чудеса и грёзы. Что тут ещё скажешь? Век незрячих людей, и всё. Нельзя забывать, что Юстасия Тарасава — в первую очередь сказочница. Хотя этот рассказ немного выбивается из общего полотна её творчества, она не потеряла направление веры в чудеса.

Ещё главных героев здорово характеризует речь. Зрячая школьница говорит сдержанно, боится показать подруге свои слёзы. Да и её восхищение проявляется лишь к концу рассказа. Сама незрячая девочка из «дождика» эмоциональна. Она умеет поддерживать и утешить. Особенно её характер проявляется в словах о том, что и у подруги будет мечта. Девочка упряма. Она просит рассказать о незрячих художниках, отказываясь послушать аудиокнигу. В этом эпизоде показано её желание общаться. Взаимодействие с окружающими людьми обогащает внутренний мир человека, расширяет его кругозор, даёт толчок к саморазвитию. Тяга к коммуникации является показателем духовности и активности личности.

В повествовании нет движения: герои либо беседуют, либо гуляют. На первый взгляд, отсутствие динамики может отбить интерес среднестатистического читателя, но мыслящий человек поймёт: глубина и авторский замысел скрываются в разговорах между персонажами. Такая задумка достаточно интересна: она позволяет увидеть героев изнутри и оценить идею Тарасовой.

В рассказе перечислены имена незрячих художников, музыкантов и спортсменов, что способствует распространению информации о них. Произведение имеет также социальную направленность. Прочитав его, люди смогут погрузиться в мир незрячих людей, который так чутко и тонко изобразила Юстасия Тарасава. Надеюсь, благодаря рассказу в нашем обществе увеличится инклюзия, люди станут более осведомлёнными и внимательными.

Я рекомендую прочитать рассказ Юстасии Тарасовой «Какого цвета дождик». Уверена, он никого не оставит равнодушным. Пусть девочка из «дождика» поможет вам поверить в свою мечту. Дерзайте, идите к цели до конца, преодолевайте духовную слепоту в себе и читайте!

Алексей Антонов

Время собирать смыслы

Заметки философа об антологии
трёх веков русской поэзии «Сады и бабочки»

Когда-нибудь Юрия Беликова ещё назовут первооткрывателем поэтики архетипов в русской литературе. По меньшей мере, составленная им антология помнящих об утраченном рае (так!) «Сады и бабочки» даёт для этого все основания. Это ж надо было решиться! Взять и прошерстить отечественную литературу с девятнадцатого по двадцать первый век в поисках того, кто и что из поэтов писал о «садах» и «бабочках». Почему именно о них? Так подсказало собирателю его поэтическое чутьё.

Никто толком не знает, что такое архетипы. Даже психолог Карл Густав Юнг, который предложил это понятие. Какие-то мощные первобытные праобразы. Когда они пробиваются через завалы слов, поэзия наполняется жизнью. Но так происходит лишь в том случае, когда язык, по выражению Мартина Хайдеггера, «проговаривается».

Тот, у кого слова только то и значат, что можно высмотреть в словаре, — ещё не поэт. Поэзия рождается между словами. Особенно — в те часы, когда поэт извергает их как сомнамбула:

Я хочу, чтобы память была, как касанье, — не сниться,
а как август, как в август — руками нашарить в листе.
Пропусти меня к ним шаг ступить и немислимо слиться,
как тогда, как тогда — в бесконечном и добром *родстве*¹.

Джамбаттиста Вико считал, что первые люди на земле рождались поэтами. Они изъяснялись метафорами. И так как сначала слов в языке не хватало, то все они имели массу значений. Похоже, что архетипы как раз и были глыбами смыслов, которые со временем стали дробиться. И нынче уже тяжело собрать прежние осколки, чтобы

соединить их в то, что когда-то древний человек мог выразить одним словом.

Ведь современный язык уже начисто лишён поэзии. Он лишь фиксирует факты. Мы говорим: «Человек убил кролика». И этого нам достаточно. А вот у индейцев понка, по наблюдению Люсьена Леви-Брюля, чтобы передать то же самое, сам грамматический строй языка обязывал выражаться таким образом: «Человек, он, один, живой, стоя (в именительном падеже), нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего (в винительном падеже) ...»² Как видим, здесь даже цели сообщения были иными. Не передать информацию о событии, а показать, как именно оно совершалось, во всех подробностях.

В наши дни цивилизация довольствуется абстракциями. И лишь поэтам дано обнаружить частички тех древних праобразов, которые открыл поэт Юрий Беликов. Да он и сам говорит об этом: «...сад есть то, что было изначально, что Человечество утратило и что воскрешают поэты, подключая свою ПРАПАМЯТЬ»³.

I. Архетип «сад»

Так что же для первобытных людей, а в глубине души и для нас, означает обыкновенный «сад»? Попробуем сложить древний пазл из отдельных чёрточек. Ведь если поэты через века, не сговариваясь, описывают одно и то же, значит этот Сверхобраз и в самом деле существует. Прежде всего, мы чувствуем, что:

1. Сад — это место, отгораживающее человека от противостоящего ему серого и недоброго мира. Здесь человек — у себя дома. Эта черта проявляется в стихах самых разных поэтов. И мы приводим их строчки просто в перечислении как глубоко тождественные:

2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 418 с. С. 115.

3. Беликов Юрий, Григорьева Лидия. За садом — сад... Диалог на пути в Эдем. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 10.

1 Власов Андрей. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 143.

Отсюда мир, весь мир, изъят
И, полный злобы и задора,
Не смея ринуться в мой сад,
Глядит в него *из-за забора*...⁴

Его простор, где много роз,
Глухой оградой я обнёс, —
Чтоб серый прах людских дорог
Проникнуть в храм его *не мог*!⁵

О, если б знать! Но знать не надо.
Не любопытствуй. Не дано.
Вот — сад. А за оградой сада
Чтоб ни случилось — всё *равно*.⁶

2. Сад — это место единения с природой:

Здесь привольнее думать уроду,
Здесь не видят, в мученьях, его.
Возвращается сердце в природу
И не хочет судить *никого*.⁷

Засыпаю в дожде, просыпаюсь во мгле,
На прохладе тетрадь раскрываю.
Влажный сад шелестит у меня на столе
И диктует всё то, что *скрываю*.⁸

Листьями высохшими шурша,
Бродим в аллеях плечо с плечом,
И успокоенная душа
Не беспокоится *ни о чём*.⁹

В саду, задумавшись бог весть о чём, о ком,
Под Млечным пологом, над кровлей
вставшей дыбом,
Быть остановленным душистым табаком,
Ребристой трубкой и звёздчатым *отгибом*.¹⁰

Потише, потише, потише
Расти, расцветай, шелести —
Мы, верно, из яблос и вишен,
С медовым нектаром *в горсти*.¹¹

3. Сад (то есть то, что посажено) — это место соревнования с природой:

И для чего? А просто для того,
Чтоб веселей лягушкам было квакать
И чтобы людям было слаще плакать,
Взглянув в слезах на это *баловство*.¹²

Без хозяина сад заглох,
кутал розу — стоит крапива,
в вику выродился горох,
и гуляет чертополох
там, где вишня росла и *слива*.¹³

Как быстро следы человека
Стирает природы *рука*.¹⁴

4. Наконец, сад — это место единения с Богом:

Ничего не ищи, всё отыщется в срок,
серебристый листок, позолоченный дрок,
кружева из лобелий, холстинка листа,
одинокый дурман, криптомерий с полста.
Что за вечная книга, цветной часослов,
только шорох и свет да молитва *без слов*.¹⁵

Сегодня ветки так висят,
Что просто нет беды,
И всюду Гефсиманский сад,
Где только есть *сады*.¹⁶

Вот и бродишь в нём почти умалишённый
С продолжением истории простой:
Сад больничный, сад осенний, сад вишнёвый —
Гефсиманский, год две тысячи *шестой*.¹⁷

4 Случевский Константин. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 54.

5 Балтрушайтис Юргис. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 61.

6 Злобин Владимир. Дверь. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 75.

7 Поплавский Борис. Белое сияние. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 88.

8 Мориц Юнна. Сентябрь. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 129.

9 Минаев Николай. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 105.

10 Кушнер Александр. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 158.

11 Панченко Николай. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 159.

12 Чепурных Евгений. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 304.

13 Чухонцев Олег. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 249.

14 Кедрин Дмитрий. Природа. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 96.

15 Галкина Наталья. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 305.

16 Соколов Владимир. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 209.

17 Прокошин Валерий. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 271.

II. Архетип «бабочка»

1. *Бабочка — это переживание мгновенности бытия:*

Тому назад минуту или две
Сидела бабочка на рукаве.
Она была хрупка, была бела,
А улетела — как и не была¹⁸.

И не надо. Пускай останется
Только крыльев красивый взмах,
Время жизни и время танца,
Измеряемое в часах¹⁹.

Летунья, бабочка, Психея,
вершишь полёт свой одноразовый,
ты, этот хрупкий вальс затеяв,
нам что-то главное подсказываешь²⁰.

2. *Бабочка — это тоска о вечности:*

О вечности я ничего не знаю,
но я её давно подозреваю
в озябшем мотыльке...²¹

Белая бабочка кружит над речкой,
пишет каракули левым крылом.
Не разобрать почерк — что-то о вечном:
Логос, София, зоны. *Потом*...²²

Бабочка белая, бабочка белая!
Кто бы родил нас *опять*?²³

3. *Бабочка — это мечта о свободе:*

Земля летела по законам тела,
а бабочка летела как *хотела*²⁴.

Дыхания и цвета взвесь,
Летишь, пространству параллельно
И времени *наперерез*²⁵.

Воздушные! Что им тоска людская!
Не устают они, круги смыкая,
Порханьями друг друга обнимать.
Вот врозь летят, вот встретились *опять*...²⁶

4. *Бабочка — это живая прелесть бытия:*

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я лёгкий опустилась
И вот — *дышу*²⁷.

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет.
Где родилась она такая,
Почти лишённая *примет*?²⁸

Над лугом, над сиренью, над плетнём
Она живым цветком затрепетала,
А день струился голубым огнём,
В котором жизнь ждала и *щебетала*²⁹.

Упейся же чистым эфиром,
Гуляй же в небесной дали,
Порхай оживлённым сапфиром,
Живи, не касаясь *земли*³⁰.

В век разъединения смыслов для кого-то бабочки — это просто «гусеницы с *крыльями*»³¹. Для наших же предков «бабочка» или «сад» — это одновременно и прелесть бытия, и остановленное мгновение, и множество других смыслов, которые смогли различить поэты.

Пришла пора собирать смыслы. Пришло время покрыть землю садами. И пригласить в них бабочек, как это удалось сделать поэту Беликову в его нерукотворном памятнике русской словесности — антологии «Сады и бабочки».

.....
18 *Щербаков Михаил*. Неразменная бабочка. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 409.

19 *Кузнецких Сергей*. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 451.

20 *Тарасова Марина*. Бабочка. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 457.

21 *Шкляревский Игорь*. Мотылёк. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 374.

22 *Суций Сергей*. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 461.

23 *Тряпкин Николай*. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 341.

24 *Кедров Константин*. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 404.

25 *Литвинова Татьяна*. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 414.

.....
26 *Кочетков Александр*. Из «Двенадцати элегий». // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 340.

27 *Фет Афанасий*. Бабочка. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 321.

28 *Тарковский Арсений*. Бабочка в госпитальном саду. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 338.

29 *Марьев Борис*. Бабочка. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 344.

30 *Павлова Каролина*. Мотылёк. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 320.

31 *Март Евгений*. // Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. Санкт-Петербург: Алетей, 2022. 512 с. С. 442.

Таланты без границ

Сочинения участников Красноярского детского краевого творческого фестиваля

Натаалья Адамович

Дзержинский район, 9 класс

Письмо Маленькому принцу, которому уже восемьдесят лет

Здравствуй, Маленький принц!

Меня зовут Наташа. Меня ты не знаешь, но ты так давно поселился в моей душе, что я не помню, когда это произошло. Может быть, в тот день, когда бабушка впервые прочитала про тебя? А может быть, когда я посмотрела спектакль о тебе? Или ещё позднее, когда я смогла сама прочитать книгу Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»? Наверное, не так важно, когда это случилось, главное, я смогла почувствовать ту счастливую магию, которой ты обладаешь. И теперь книжка о тебе — моя любимая! Часто в минуты грусти я беру её в руки, начинаю читать, и душа моя наполняется музыкой, что нащёптываешь ты.

Мне уже четырнадцать лет, и я понимаю, что появление твоё на нашей планете не прошло бесследно.

«Откуда я родом? Я родом из моего детства, словно из какой-нибудь страны». Страна детства! Мир детства! Маленькая страна! Страна счастья! Как красиво звучит! Этой страны нет на географической карте, но ведь она существует! Существует в душах людей, где поселился ты. И не только в детских душах — ты живёшь и в сердцах взрослых людей. Все, с кем ты рядом, — счастливые люди. Они тонко чувствуют музыку, обладают даром видеть прекрасное, они способны быть счастливыми и улыбаться миру, просто оглянувшись вокруг. И всё потому, что это ты их учишь радоваться жизни и просто жить. А ещё ты учишь творить добро, приносить пользу всему миру и отдавать тепло своего сердца.

На земле, где нет тебя, Маленький принц, там идут войны, там плачут и умирают дети, там погибают взрослые. Там есть беспризорники и сироты. Там много проблем. Там люди черствы и жестоки.

Да ты и сам всё знаешь. Ведь ты побывал на разных маленьких планетах, видел разных

людей. Помнишь Короля, для которого власть — главное в жизни? Он только и делал, что сидел на троне и ждал своих подданных, чтобы отдавать им бессмысленные распоряжения. И честолюбца, и делового человека, и пьяницу, и географа тоже помнишь? Думаю, что горько тебе было осознавать, что такие люди есть в этом мире. Из тех взрослых, кого встретил ты, мне больше всего понравился фонарщик. Он зажигает и гасит фонари, которые можно было и не зажигать. Но он ответственно относится к своему делу, оно ему нравится. Мне тоже, как и фонарщику, нравится, когда вечерами горят фонари, а вокруг них, как в танце, кружатся снежинки. Наши фонари тоже кто-то зажигает. Значит, это кому-то нужно! Значит, нет войны, значит, спокойно можно спать и не думать, что завтра будет нечего поесть.

Маленький принц, я рада, что ты познакомился с Лисом, который открыл тебе множество тайн жизни, который тебя, да и меня тоже, научил «приручать друзей» и быть «навсегда в ответе за всех, кого приручил», научил дружбе, любви. Лис подарил нам своё правило: «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок — сразу же приведи в порядок свою планету». Он помог окунуться в тот дивный и чудесный мир, который способны видеть дети, но забыт взрослыми.

Тебе, Маленький принц, повезло, что ты встретил взрослого человека, который не смеялся над твоими рассказами, а нарисовал тебе Барашка в ящике, нёс тебя на руках, когда ты устал.

Благодаря тебе он научился слушать звёзды по ночам, которые «словно пятьсот миллионов бубенцов» и умеют смеяться и плакать.

Мой маленький друг, восемьдесят лет назад ты мечтал, чтобы все взрослые сохранили всё то лучшее, что идёт из детства. Ты доказал всем, что всё же страна детства существует! Она в сердцах маленьких детей и сердцах взрослых с детскими душами, у всех, кто умеет видеть сердцем.

До свидания, Маленький принц! Я поздравляю тебя с днём рождения! Не скучай в своей сказочной стране. Продолжай жить в моей душе и в душах тех, у кого душа ребёнка, у кого «зорко лишь одно сердце».

Лидия Соловьёва

Туруханск, 3 класс

Зима в Туруханске

Пришла зима...

Как красиво стало кругом! Ты только оглянись: и дома, и улицы, и даже забытые санки в соседнем дворе примеряют белые одежды.

Я иду к бабушке в гости...

Далеко-далеко над узкой полосой укрытого серебристым покрывалом леса медленно поднимается яркое солнышко. Кажется, что застывшие на морозе деревья начинают незаметно оживать и лениво потягиваться своими пушистыми руками ему навстречу.

Заискрились белыми лентами реки, очнулась и гордо вскинула голову высокая старая ель на берегу, верхушка которой, словно кокошник Снегурочки, вспыхнула и засияла позолотою над спящим селом.

За школьной оградой звонко зачирикала стайка вездесущих воробьёв, которая шумно толпилась в маленькой кормушке, а пушистая белка, не обращая на них внимания, принялась усердно грызть большую шишку на ветке соседней берёзы.

«Сегодня какой-то удивительный день», — подумала я и зачем-то помахала белке рукой.

Под ногами весело скрипел снег. Пробегающие мимо собаки, оглядываясь по сторонам, приветливо замахали мне хвостами, предлагая свою дружбу.

Вдруг в морозном воздухе, откуда-то с берега укрытого льдом Турухана, послышался красивый перезвон, который неожиданно стих и на самой высокой ноте рассыпался в воздухе эхом, словно миллион серебряных колокольчиков, подвешенных на дуге упряжки лошадей лихо мчащихся саней самого Деда Мороза.

Так вот почему сегодня такой чудесный день! Ребята, скоро Новый год!

Дарья Точилкина

Енисейский район, 7 класс

Безымянное озеро

«Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное...» Так начинается свой знаменитый рассказ известный сибирский писатель Виктор Петрович Астафьев. Нет, я не Васютка, я не открыла озеро среди енисейской тайги, это сделали до меня простые люди, жившие в окрестностях Маклаково. А я лишь хочу передать необыкновенную красоту этого уникального уголка природы Енисейского района, который мне однажды удалось увидеть на фотографии

в мамином альбоме, обшитом пушистым синим бархатом. Деревья там большие-большие, в основном многовековые сосны, которые помнят то, что случилось тридцатого июня 1908 года. Их могучие кроны закрывают небо. Когда проходишь между стволами, собирая в корзинку грибы, кажется, что вот-вот появится избушка Бабы Яги, а корявые пни превратятся в сказочных лесовичков. А ещё становится немного жутковато оттого, когда кажется, что выхода отсюда нет, что кругом тянется бесконечная сибирская тайга, что где-то совсем рядом ходит в поисках пропитания её хозяин — медведь и вот-вот случится какая-нибудь неожиданная встреча. Но нет, ничего такого не происходит. Идешь, идешь, и вдруг красота необыкновенная — озеро посреди тайги! По размеру оно небольшое, примерно метров двести в длину, немного продолговатое. Его поверхность настолько ровная и спокойная, что оно видится каким-то безжизненным, словно застывшим во времени. На самом деле это не так. В нём много мелких и не совсем мелких рыбёшек, которых с удовольствием ловят на удочку рыбаки-любители. А по берегам такое разнотравье, и понимаешь, что это место должно быть излюбленным травниками, флористами и другими ценителями природы. Не случайно, подходя к озеру, вдыхаешь сладкий пряный аромат, исходящий от разных лесных и луговых цветов. А сколько здесь разных насекомых, которые так и кружатся над этими цветами в поисках вкусного нектара и неустанно поют свою нескончаемую жужжащую песню. А ещё взглянешь наверх и увидишь тот кусочек чистого голубого неба, которого нет возможности видеть, когда идешь по тайге.

Меня удивил цвет воды, который был не голубым, а насыщенным сине-зелёным. Вокруг ни души. Лишь брёвна, которые кто-то умело пристроил у берега, дали мне понять, что в этом озере можно купаться.

Оказывается, лет тридцать-сорок тому назад к этому озеру прибегали байкальские ребяташки, чтобы искупнуться. Они не боялись даже того, что озеро практически не имеет дна. Никто из местных жителей так и не сумел его обнаружить. Старожилы из посёлка Каменское говорили о том, что это озеро имеет метеоритное происхождение.

Русский человек, как никто другой, умеет ценить красоту природы, находить в ней что-то необычное, радующее душу и ласкающее взгляд. Разве могли люди не перебраться сюда, поближе к такой чарующей красоте? Нашлось несколько смельчаков, которые срубили посреди леса барак, распахали огороды, развели хозяйство на лоне природы. Ни глубокие снега, ни отсутствие дорог и электричества их не испугали. По словам старожилов посёлка Байкал, это были ссыльные немцы. Видимо, те брёвна, из которых позже была сделана нырялка, и есть следы той «цивилизации».

Преподаватель Лесосибирского педагогического института Владимир Иванович Хоревич в числе группы учёных, занимающихся изучением этой уникальной жемчужины Сибири, проводил исследования столь необычного природного объекта и подтвердил мысль о метеоритном происхождении озера. Ему удалось узнать, что тридцатого июня 1908 года сюда упал осколок Тунгусского метеорита, впадина, которая от него образовалась, была заполнена водой. А ещё он утверждает, что чаша озера имеет форму классической метеорной воронки, а пробы воды, взятой из него, зафиксировали характерный радиоактивный фон в восточной части озера. Именно здесь произошёл выброс большой массы земли от предполагаемого удара осколка метеорита, отчего земля как бы «запеклась». Кстати, во время раскопок были найдены почерневшие, как после крупного пожара, камушки продолговатой формы. Удивительно также, что озеро имеет двойное дно: первое находится на глубине около двух-трёх метров от водной поверхности, где плавают поваленные деревья, покрытые илом, а глубина второго дна — десять метров. Именно в день падения осколка жители села Каменское наблюдали огненный столб, пронёсшийся над ними в северо-восточном направлении, и огромные волны, поднявшиеся на Енисее от сотрясения почвы.

Так как неподалёку от озера был построен посёлок Байкал, то и озеро стали именовать Байкалом, хотя на карте его не сыщешь.

Чарующее своей красотой, уникальное, привлекательное для туристов, имеющее необычное происхождение и, конечно же, таящее много загадок, которые, возможно, когда-нибудь будут разгаданы, оно непременно должно стать памятником природы.

Если бы я была взрослой и стала бы архитектором, моя первая работа была бы посвящена дизайну этого удивительного уголка природы. Я проложила бы к озеру дорогу, вдоль которой бы поставила светодиодные фонари и лавочки для уставших путников. Вблизи озера построила бы домики для отдыхающих, напоминающие архитектуру Цветочного города, которую придумал детский писатель Н. Носов в своих знаменитых сказочных историях про Незнайку. Возле необычных домиков построила бы качели, поставила лежанки и повесила гамаки, где отдыхающие могли бы не просто наслаждаться чистым воздухом, но и почитать. А кухня бы там была из экологически чистых и полезных продуктов: грибов, ягод, козьего молока, овощей, мёда, фруктов. А ещё на территории озера я построила бы спортивный комплекс, где каждый желающий мог бы оздоравливаться. И чтобы всему этому удовольствию не мешали столь привычные сотовые телефоны, на время пребывания на озере я предлагала бы

менять их на очень интересную книгу. А ещё я хотела бы организовать живое общение с интересными людьми — писателями, охотниками, учёными; песни у костра, давно забытые игры, в которые играли наши прабабушки и прадедушки, когда были маленькими.

Окружающий мир нужно любить, ценить, беречь. Природа родного сердцу края является для нас, жителей Енисейского района, не только обликом места жительства, но и источником вдохновения, врачующим спасителем от душевных невзгод, неотъемлемой частью нашей жизни. Если пользоваться ею, то так, чтоб без ущерба, без увечий. Человек — существо разумное, и он рано или поздно придёт к пониманию, что хозяин на Земле не тот, кому всё позволено, а тот, кто способен навести порядок, облагородить, приукрасить. Природа Енисейского района щедро делится с человеком своими богатствами, и человек, если он — Человек, с благодарностью и отдачей ответит природе тем же. А озерцо наше, изначально безымянное, оставит в сознании и памяти жителей столько разных имён, что забыть их вряд ли получится. Роднучка, островок детства, тихая вода, и это ещё не все названия места на фотографии, которое станет с годами дороже и важнее любых записных книжек.

Мария Султанова

Саянский район, 9 класс

Село моё родное, Малиновка моя

У каждого человека есть родина, и каждому она дорога по-своему. Для кого-то это город, для кого-то деревня или село, где родился, где сделал свои первые шаги, сказал первое слово. А бывает и так, что человек родился в одном месте, а всю жизнь прожил в другом. И это тоже родина.

Лично я горжусь тем, что родилась и живу в прекрасном месте — селе Малиновка, которое располагается на территории Саянского района Красноярского края, в предгорьях Восточных Саян (Белогорье). Наше село было основано в 1905 году и первоначально имело другое название — Муранжа.

Малиновка — село небольшое. Есть фельдшерско-акушерский пункт, сельский совет, клуб, библиотека, школа, в которой учатся только ребята начальных классов. Остальные учащиеся ездят в школу в соседнее село.

На сегодняшний день в Малиновке проживает сто тридцать четыре человека, по большей части — белорусы. Среди жителей села очень много пожилых людей и не так много детей и молодёжи. Что очень сильно огорчает. Ведь пройдёт ещё несколько лет, и в Малиновке останутся

только люди преклонного возраста. Разъезжается молодёжь после окончания школы. А так хотелось бы, чтобы моя деревня жила вечно и так же весело и хорошо было в ней жить, как это было раньше по рассказам моей бабушки и мамы!

Среди всех жителей нашего села есть один уникальный человек, который вот уже больше двадцати лет живёт в селе Малиновка, в отцовском доме. В этом году ему исполнилось девяносто лет. И зовут этого человека Михаил Константинович Маркевич. Михаил Константинович — писатель. Он пишет книги краеведческого характера и для этого многие годы собирает по крупицам материалы о своих родных, родной деревне, о Саянском районе. В своих книгах он с большим интересом и любовью описывает знакомый ему с детства уклад предков, их отношение к земле, их умение трудиться и оставаться при любых обстоятельствах настоящими людьми.

Михаил Константинович — постоянный читатель и участник всех мероприятий Малиновской сельской библиотеки. Ежегодно принимает участие в межрегиональном литературном конкурсе на соискание премии имени И. Д. Рождественского.

Славится наше село не только людьми, но и великолепной природой. Уже на подъезде к селу очень хорошо видны заснеженные Саянские горы. Вокруг села лес. То лисичка пробежит, то дикая коза. Бывало, что и медведи в гости наведывались. А какой у нас чудесный чистый воздух, вы просто не представляете! Подует ветерок, и ощущаешь то аромат хвои и берёзового листа, то запах луговых цветов. Часто всей семьёй мы гуляем по лесу и любуемся красотой природы.

Недалеко от нашего села, примерно в двух километрах, есть известное жителям Саянского района (да и не только жителям) живописное место под названием Красная Горка. Имеется там и смотровая площадка, откуда открывается потрясающий вид на Саянские хребты.

Ах, моё любимое село Малиновка! Здесь мне знаком каждый уголок и всё по-своему дорого. Очень скоро я окончу школу, и мне придётся надолго уехать в город, чтобы продолжить обучение дальше. Учиться я планирую в Красноярске. Чем больше думаю об этом, тем сильнее хочется замедлить время, остановить его. Ведь городскую суету не сравнить с деревенской тишиной. От одной мысли о расставании с моим любимым селом я уже начинаю скучать и тосковать.

Я очень сильно люблю своё село! Пусть оно и невелико, но очень дорого мне, так как именно здесь я могу спокойно провести своё свободное время и не думать ни о чём. И даже если оно опустеет когда-то, я всё равно буду приезжать сюда, гулять по улицам и вспоминать, как было здесь хорошо.

Устина Михайлова

Хатанга, 9 класс

Праздник

Сегодня я проснулась от запаха. Это был запах праздника! На кухне что-то стучало, шипело, шкворчало, бренчало... Не открывая глаз, я представила, как ножи сами разделали солёную рыбу, а её кусочки улеглись ровными рядами на блюде. А рядом появилась связка юколы. Кровавая колбаса уже готова выпрыгнуть из духовки и лечь на свою тарелку. Шурпа в кастрюле совсем прозрачная, мясо разваливается. Вокруг этого богатства на столе стоят тарелки с булочками, пирожками, ягодой, грибами — всем, что принято ставить на стол во время праздника. А запах...

Накануне Дня Хатанги к нам всегда приезжает много гостей из посёлка. Все мамы родственники останавливаются у нас. Так заведено: если есть в Хатанге родственники, то, приезжая из посёлков, люди останавливаются у них. Ходят по магазинам, покупают нужные вещи, а потом долго разговаривают на кухне за чаем и обсуждают разные новости. А завтра опять возвращаются к себе в посёлок или на лодке, или вертолётном — в зависимости от времени года. Мы живём на Крайнем Севере, и у нас нет дорог. Только тундра кругом.

День Хатанги... Это особенный праздник. Наше поселение состоит из девяти посёлков, расположенных в основном на реке Хатанга. Один раз в году посередине центрального посёлка Хатанга на площади устанавливают восемь чумов. Каждый посёлок устанавливает свой чум. Они все разные, у каждого свой неповторимый орнамент. Внутри встречают гостей, выставляют угощения. А потом начинается концерт. И льются над тундрой удивительные звуки музыки, то задумчивые, то весёлые. И на сцене появляются девушки-птицы, которые движениями рук как будто взлетают в небо, но никак не могут улететь. И в этот момент я представляла себя в тундре: лёгкий ветерок мне пел свою песню, птицы вокруг ему вторили. И в каждой ноте певцов, и в каждом движении танцовщиц я видела необычайную красоту окружающей меня природы.

Вот и сегодня всё было как обычно. Наши родственники поставили чум ещё накануне праздника. Мама с женщинами всё утро готовили угощения для гостей праздника. Мне даже удалось с некоторых снять пробу. Это было необыкновенно вкусно. Мы быстро перенесли всё в чум, расставили на столе. В углу над огнём стоял большой котёл с чаем, в который были добавлены местные травы для аромата и, как говорил мой дедушка, для здоровой бодрости. Мои тётушки уже оделись в долганские парки, чтобы встречать гостей

во всей красе и по долганским обычаям. Мне кажется, что у нашего народа самые красивые парки. На чёрном поле бисером вышивается орнамент шести цветов, и каждый, даже самый маленький, элемент на парке несёт в себе информацию о роде. Чтобы создать такое чудо, нужно очень много времени. Это очень дорогая одежда. Я тоже учусь вышивать долганские узоры. Мама мне пообещала помочь сшить парку, она у меня знаменитая швея, а вышивать я буду сама.

На площади уже стал собираться народ. То тут, то там слышались радостные возгласы встретившихся людей из разных посёлков, но когда-то вместе учившихся или даже живших в одном посёлке, а потом переехавших в другой по семейным обстоятельствам. Вот-вот начнётся праздник.

Первыми в чум всегда приходят старейшины всех посёлков вместе с главой поселения. После комиссии в чум заходят все желающие — посидеть внутри чума, поговорить и, конечно, попробовать угощения. Чумы стоят на площади по кругу, комиссия уже начала обход чумов. Все стали ещё больше волноваться. Всем хочется произвести самое благоприятное впечатление на старейшин, чтобы потом весь год вспоминали чум именно их родного посёлка. Мне тоже досталась роль при встрече уважаемых гостей. Я должна подавать поднос с мелко нарезанным жиром, чтобы гости могли покормить огонь, прежде чем сядут за стол. Это нужно сделать обязательно, мы хоть и православные, но законы предков прежде всего!

Чтобы посмотреть, в какой чум уже зашла комиссия, я вышла вместе со своим подносом на улицу. И тут случилось ужасное! Пока я, вытягивая шею, рассматривала народ на площади, моя собака одним взмахом своего языка съела весь жир с подноса. Из моего горла вырвался даже не крик, а какой-то сип. Жира больше не было. Можно было сбежать домой и нарезать ещё кусочков, но мы жили далеко от площади, и до прихода уважаемых гостей было не успеть. Это был крах! Я подвела не только всех своих родственников, но весь посёлок, который они представляли. Мне больше никогда ничего не доверят. Всё это промелькнуло в моей голове в одно мгновение. Слёзы собрались в глазах и уже готовы политься обильным дождём. И тут меня взяли за локоть.

Я уже говорила, что чумы стояли вокруг площади и находились очень близко друг от друга. Рядом с нашим чумом находился чум нганасан. У них совершенно другая одежда и другие обычаи. Но наши народы так давно живут рядом, что мы знаем обычаи друг друга как свои. Вот и сейчас пожилая нганасанка, оглянувшись на мой сип, всё поняла без слов. Она взяла меня за локоть, положила на мой поднос целую горсть нарезанного жира и вытерла слёзы с моих глаз. Дождь отчаяния не пошёл. Потому что появилось дружеское солнце

и высушило моё горе своим горячим участием. И в этот момент в наш чум пришли уважаемые гости.

Праздник получился очень душевным. Старейшины покормили огонь жиром, попробовали наши угощения и остались очень довольны. А я познакомилась с ещё одной доброй и внимательной женщиной. Вечером мама мне сказала, что чем больше вокруг человека добрых людей, тем лучше становится он сам.

А нашей Хатанге исполнилось триста девяносто пять лет! Может, поэтому в нашем суровом крае так много хороших людей, потому что с тех давних времён все друг другу помогают и уважают традиции.

Полина Саматова

Большеулуйский район, 9 класс

Дом с двадцатью георгинами

Здравствуйте, мои далёкие, но близкие друзья!

Пишет вам ученица девятого класса Саматова Полина из татарской деревни Елга Большеулуйского района Красноярского края. Я вам уже рассказывала о том, как у нас проводят Сабантуй — праздник завершения весенне-полевых работ, а также об обряде имянаречения. А теперь хочу познакомить вас с нашим маленьким государством под названием «семья». Итак, начну всё по порядку.

Сначала нас было всего десять человек, а теперь уже двадцать (родители, дети, зять, невестки, внуки). «Столько вас!» — скажете вы. Да, у нас многодетная семья (трое родных и пятеро приёмных русских детей) — один из многих примеров слияния наций.

Вы, я думаю, со мной согласитесь, что просыпаться утром, зная, что рядом с тобой есть люди, которые помогут и поддержат в трудную минуту, разделить твою радость, — это большое счастье.

Нам очень повезло: мы растём среди людей, любящих друг друга и всех нас. Эти два человека — мои родители, Рамиль и Зинаида Саматовы. Мама — русская, отец — татарин. Они вместе уже тридцать три года.

Когда мама приехала в Елгу в первый раз, ей показалось, что она попала на другую планету. Жители, язык, обычаи — всё было чужим. А потом посидела, поразмыслила и сказала: «А что, и здесь люди живут». И окончательно на родину моего отца переехала.

Папа был сварщиком, мама стала дояркой, потом работала поваром в школе. Уже через год появился на свет сын Ринат, затем дочка Алёна. И жизнь в татарской деревне пошла своим чередом.

Но однажды случай полностью изменил жизнь моих родителей. В Ачинске, в больнице,

они увидели маленькую белобрысую девочку, которой было всего полтора года, а от неё уже отказались родители. Эти глаза, полные глубокой тоски, моя мама запомнила на всю жизнь. Так через месяц в нашем доме появилась Настенька, девочка с ограниченными возможностями.

Мама тогда поняла, что будет нелегко, но труда они не побоялись, ведь сами выросли в многодетных семьях. В отцовском доме было пятеро детей, а у родителей мамы — девять.

Однажды на пороге нашего дома появилась начальник опеки Крутицкая Альбина Александровна и сказала: «Тут есть двое мальчишек, хорошие, только избалованные. Их мать погибла при пожаре. Зина, может, возьмёшь, у тебя ведь все документы для этого есть?..» И родители забрали к себе Славу и Влада.

Позже мама с работы ушла: прибавилось много забот. Дом расстроили. И так детьми увлеклись, что ещё одного ребёнка родили. Это была я, Полина, которую родные окружили заботой и лаской. Потом появились ещё два Максима, им было девять и семь лет.

Мама много раз задавала себе вопрос: «Зачем мы столько детей себе взяли? Сможем ли всех полюбить и сделать счастливыми?». А папа говорил: «С детьми какой-то смысл в жизни появляется. Разве можно для себя только жить? Они ведь из детдомов выходят и теряются в этом огромном мире. Ничего не умеют, а я их хоть чему-то научу».

И научил. Они хорошо разбираются в технике, умеют водить трактор и машину, могут наклеить обои, присмотреть за скотиной. Одним словом, настоящие мужчины!

Прошли годы, выросли дети. Теперь Насте двенадцать лет, в её руках любая работа спорится. Она умеет готовить, убираться, ухаживать за животными. Ринат, Влад и Слава в армии отслужили, женились, работают, у двоих есть дети. Правда, сейчас все поразъехались по разным городам.

Моего приёмного брата Влада занесло далеко от дома, поэтому он может приехать только раз в год. Он живёт в Хакасии, в красивом городе Черногорске. Начиная с простого грузчика-мерчендайзера, он повысился до директора магазина. Растит двоих детей и продолжает показывать отличные успехи в работе.

Ринат с сентября 2022 года находится на с.во. Его жена Анастасия работает и растит маленькую дочь, которая учится во втором классе.

Сестра Алёна — многодетная мать, воспитывает одна троих очаровательных малышей — мальчишек, потому что её муж стал добровольцем и ушёл в 2023 году тоже на с.во.

Максим Хохлов учится в колледже, постигает первые высоты в дорожном деле.

Остальные живут пока с родителями, помогая им во всём. Кроме работы, мы успеваем побывать

и на природе: то берёзовом лесу, то в сосновом бору, наполненном земляникой и грибами. Любима нами и Масляхова падь, где токуют весной косачи. Зрелище необыкновенное! А на речке летом мои братья ловят гольянов и карасей.

Нравится нам и зима. В это время мы часто бываем в сосновом бору. Много интересных игр придумываем на нашей любимой глиняной горе: то катаемся на самодельных санках с высокой горы, то любуемся снежным одеялом земли, то прокладываем таинственные тропинки к удивительным местам. Смотрим на всю эту удивительную красоту и понимаем, что не надо далеко уезжать, чтобы увидеть красивые места. Они есть в нашей деревне.

Знали бы вы, как мы ждём наступления Нового года! В эти дни наш дом наполнялся небывалой атмосферой уюта и тепла. Встречаемся всегда в большом семейном кругу на юбилеи и татарские праздники. Готовим суп из баранины с лапшой, большим бэлишем (пирог с картошкой и мясом), чак-чак (мучное печенье из обжаренных кусочков теста, перемешанных с медовым сиропом).

У нас в доме все общаются на русском и татарском языках, хорошо знакомы с традициями этих двух наций. Но всё-таки чаще мы отмечаем мусульманские праздники, потому что живём в татарской деревне. Самые почитаемые из них — это Ураза-байрам (праздник разговенья после окончания поста), Корбан-байрам (праздник жертвоприношения), Сабантуй (праздник плуга). Много гостей собирается у нас в доме, чтобы соприкоснуться вновь с татарскими традициями.

А недавно у нас прошёл обрядовый мусульманский праздник наречения имени ребёнка — Исем кушу, потому что моей старшей сестре Алёне поспаслилось в третий раз стать мамой. Старики называют этот день «Бяби мае», или «Пир ребёнка». Вкратце опишу, как это было.

Мулла Рафик, стоя у изголовья с правой стороны, прочитал молитву «Азан». Потом трижды прошептал новое имя (Сагит) ребёнка в правое ушко, а затем в левое. Первым же одарил ребёнка, положив свой праздничный свёрток тут же на подушку, где лежал мальчик, получивший покровительство высших сил. Церемонию наречения имени завершало угощение — «аш». Первыми еду принимали мужчины, потом женщины, затем молодёжь и родственники. Третий сын моей сестры, гражданин России Яркин Павел (Сагит), стал уже двадцатым членом нашей семьи.

Наверное, вы согласитесь со мною, что путь к познанию языка своего народа начинается вот с таких добрых и искренних обрядов, которые мы проводим в своём доме.

А ещё мы храним семейные реликвии — фотографии наших родных: прадедушки, который пропал без вести под Москвой в сорок первом, бабушки — учителя с большой буквы, человека

с золотым сердцем, история которых — часть моей малой родины. Про них мною собран материал, написаны исследовательские работы, потому что нельзя быть Иванами, не помнящими родства.

В нашем доме проживают русские и татары. Но различия в быте и культуре никогда не являлись причиной наших ссор и непонимания, а, наоборот, только сплачивали всех. Мне даже кажется, что за эти годы мы стали похожи на два сообщающихся сосуда: родители отдают любовь нам, а мы свою любовь отдаём им, каждый день ощущая радость семейного счастья, и жизнь наша наполняется иным смыслом, становится ярче и богаче.

Мой отец в своих молитвах просит у Аллаха, чтобы был мир, чтобы родные и близкие были всегда здоровы, чтобы зять и сын вернулись живыми, чтобы долго-долго жила родная деревня Елга.

Да, и ещё хочу написать несколько строк об очень важном вопросе. В одном из выступлений В. В. Путин сказал, что семья — это основа основ, благополучная, крепкая семья — это и есть будущее России. И это правильно. Ведь счастье и благополучие нашей страны в целом состоит именно из таких вот семей. Счастливые люди стараются принести больше пользы обществу, работают с огромной отдачей и любят свою страну, которая создала благоприятные условия для них. И это отражено в Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 года,

где говорится об утверждении традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождении и сохранении духовно-нравственных традиций в семейном воспитании, создании условий для обеспечения семейного благополучия и так далее.

Мы, дети, тоже на себе ощущаем заботу государства. У нас есть возможность получать льготы, бесплатно питаться в школе, посещать кружки и отдыхать в детских лагерях. Например, в прошлом году я побывала в татарском лагере «Заречье». А недавно мой брат Слава получил сертификат на приобретение собственного жилья. Очень хорошо, что президент России Владимир Путин объявил 2024 год в стране Годом семьи. Теперь ещё больше будет сделано в стране, чтобы каждая семья была счастлива!

Ну и напоследок. Если я заинтересовала вас своим рассказом, если вы хотите ближе познакомиться с моей семьёй, то приезжайте к нам в гости. Нас найти легко. На въезде в Елгу вы увидите красивый двухэтажный дом, построенный нами. Зелёные стены, бордовая крыша, а в палисаднике двадцать ярко-красных георгинов, которые тянутся друг к другу своими головками. Дом с цветами, освещённый осенним солнцем, словно символ нашей крепкой и дружной семьи, всегда ждёт своих детей и рад всем гостям.

До свидания! С уважением, Саматова Полина.

стр.
41

Алешков Николай Петрович
Набережные Челны, 1945 г. р.

Родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Автор 14 книг стихотворений и поэм, член Союза писателей СССР с 1984 года, ныне председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны, лауреат нескольких литературных премий.

стр.
111

Андрианова Кристина Владимировна
Уфа, 1987 г. р.

Поэт, журналист, переводчик. Член Союза писателей и Союза журналистов Республики Башкортостан и России. Автор сборников «Интервью с мечтой» (2009), «Книга песен» (2017), «14: уфимский дневник» (2018), «Пятьдесят пять историй одного толмача» (переводы с 10-ти языков, 2021), «Триста сарматов» (2022), соавтор сорока семи литературных сборников. Лауреат и финалист всероссийских и республиканских конкурсов и фестивалей по литературе и журналистике (Государственная молодёжная премия Республики Башкортостан имени Ш. Бабича (2023), межрегиональная премия имени Н. Благова (2021), премия имени Д. Булякова, стипендия имени М. Карима, стипендия Президента (ныне Главы) Республики Башкортостан; гран-при межрегионального фестиваля поэзии «Родники вдохновения — 2013», золотая медаль и I место всероссийского конкурса СМИ «Патриот России», диплом победителя всероссийского конкурса «Ступени 11» в номинации «Лучший сборник стихов для подростков» (Москва), специальный диплом премии имени А. Куприна (Симферополь) и другие награды. Неоднократный победитель и финалист республиканского конкурса поэтических переводов. Переводы на русский язык с белорусского и тюркских языков представлены в массовой печати (Россия, Казахстан, Молдова, Эстония) и девяти книгах разных авторов (Уфа, Махачкала, Алматы, Кишинёв). Сотрудничает с композиторами, автор текстов песен, песни закрытия VI зимних международных детских игр. Эксперт литературных клубов и творческих вечеров с 2010 года, участница литературных и журналистских форумов, соавтор курса лекций, гранта в рамках ФЦП (2009–2013). Выступает на фестивалях, книжных ярмарках, в библиотеках, в Соборе русских Башкортостана, Школе-студии телерадиоискусства, литературной школе «КоРифеи» (Уфа), Школе политического лидерства. Ведёт в Уфимском университете

науки и технологий клуб литераторов-публицистов (КЛИП).

стр.
184

Антонов Алексей Васильевич
Пермь, 1952 г. р.

Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1977), Высшую партийную школу в Москве (1986), аспирантуру по культурологии при ППИ, докторантуру на кафедре философии ПГУ. Кандидат философских наук. Работал на кафедре философии ПГУ. В начале восьмидесятых годов прошлого века был и. о. командира агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол». Живёт в Перми.

стр.
114

Белов Глеб Сергеевич
Копейск, 1988 г. р.

Инженер-технолог полиграфического производства. Участник и член редколлегий молодёжного литобъединения «Диалект» (Копейск).

стр.
133

Войтко Светлана
Минск (Республика Беларусь)

Публиковалась в литературных журналах «Бийский вестник», «Аргамак. Татарстан», «Северомуйские огни», «Сибирский Парнас», «Невский альманах», «Unzensiert» («Без цензуры»), «Южная звезда», «Слово/Word», «Малодосць», «День литературы», «Метаморфозы», «Петровский мост», «Белая скала», «Литерра Nova», «Между строк», в поэтическом сборнике «Фонарь» («Перископ»).

стр.
136

Галиаскарова Елена Фёдоровна
Красноярск, 1986 г. р.

Окончила инженерно-строительный институт СФУ в 2008 году. По профессии — инженер-эколог. Лауреат и премьер-магистр, член жюри МФ ВСМ. Диплом лауреата (I место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Лучшее трёхстишие». Участник международного фестиваля «Всемирный день поэзии» 2019 года (4 место по городу Красноярску). Лауреат III степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба — 2019». Автор сборников стихотворений «Стучится дождь порывистый в окно...» и «Сказочное». Лауреат II степени VII Открытого литературного конкурса «Своя песня» имени Василия Ивановича Юровских. Лауреат конкурса «Хвала сонету!» (III место) VI Международного литературного конкурса «Верлибр-2020» в номинации «Поэзия». Финалист национальной литературной премии «Поэт года 2020». Финалист национальной литературной премии «Поэт года 2021» в номинации

«Лирика». Лауреат литературного конкурса журнала «Север» «Северная звезда — 2022». Финалист национальной литературной премии «Поэт года 2022». Лауреат Всероссийского поэтического конкурса экспериментальной (комбинаторной) поэзии «Стихостешивие». Финалист премии «Наследие-2023».

стр.
52

Герман Игорь Викторович

Минусинск, 1964 г. р.

Родился в городе Топки Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры в 1985 году. Служил в танковых войсках. Работал актёром в театрах Красноярского края, ныне — в Русском театре имени М. Ю. Лермонтова (Абакан). Публиковался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Современная драматургия» (Москва). Спектакли по его пьесам идут в театрах Уфы, Симферополя, Оренбурга.

стр.
162

Дроздова Екатерина Владимировна

Москва

Окончила Московский гуманитарный педагогический институт (2009), Литературную мастерскую Захара Прилепина (2022), Литературный институт имени А. М. Горького (2024). Участник многих конкурсов: «Электронная буква — 2020» и др. Автор романа «Богоявленское».

стр.
181

Евсюков Александр Владимирович

Москва, 1982 г. р.

Родился в городе Щёкино Тульской области. Окончил Литинститут в 2007 году. Работал охранником, грузчиком, археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором и т. д. Прозаик, критик. Публиковался также со стихами в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Октябрь», «День и ночь», «Номо Legens», «Вайнах» (Грозный), «Бельские просторы», «Звезда Востока» (Ташкент), «Роман-газета», «Нева» и др. В 2017 году вышла первая книга рассказов «Контур легенды». Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский и польский языки. Лауреат конкурсов малой прозы имени Андрея Платонова (2011), «Согласование времён» (2012). Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016) и российско-болгарского литературного конкурса (2017). Победитель (3 место) премии «В поисках правды и справедливости» (2017). Лауреат международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018), международных фестивалей-конкурсов «Русский Гофман», «Образ Крыма», премии журнала «Зинзивер» в области критики. Лауреат Фонда имени В. П. Астафьева (2020).

стр.
113

Козырев Андрей Вячеславович

Омск, 1988 г. р.

Руководитель онлайн-школы при журнале «Менестрель». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Кольцо „А“», «Плавучий мост», «Новый Гильгамеш», «Журнал Поэтов», «Литературный Омск», альманахах «Складчина», «Тарские ворота» и др. Главный редактор литературно-художественного журнала «Менестрель». Автор девяти сборников стихов и прозы.

стр.
115

Красюкова Наталья Николаевна

Коломна, 1987 г. р.

Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института. СММ-специалист. Работала библиотекарем, редактором, копирайтером. Публиковалась в журналах «Москва», «Нижний Новгород», «Наш современник», «Студенческий меридиан», «Земляки», в литературно-художественном издании «Ветер в ивах», в «Коломенском альманахе». Дипломант областной литературной премии имени Р. Рождественского в номинации «Зрелое перо» (2022). В 2017 году вышел первый сборник стихов «Высокая вода», в 2022 году — поэтическая книга «Касьянов день».

стр.
165

Курноскина Марина Германовна

Саратов

Окончила СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Работала учителем, журналистом, специалистом по рекламе и связям с общественностью, переводчиком, директором туристического агентства. Лауреат II международной литературной премии имени А. Серафимовича в номинации «Лучший детский писатель» (2023), 14-го конкурса начинающих переводчиков имени Э. Л. Линецкой в номинациях «Проза» и «Поэзия» (2023), литературного конкурса «Короткий детский рассказ» (2023). В 2005 году выпущена книга о туризме «Искусство путешествовать без проблем и лишних расходов». Печаталась в журналах «День и ночь» (№ 3/2023) и «Урал» (№ 12/2023).

стр.
36

Лаврентьев Максим Игоревич

Москва, 1975 г. р.

Поэт, прозаик, литературовед. Учился на дирижёрско-хоровом отделении в музыкальном училище. В 2001 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал редактором в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия», главным редактором журнала «Литературная учёба». Автор восьми книг. В 2015 году опубликовал стихотворное переложение псалмов Давида. Роман «Воспитание циника» получил премию петербургского журнала «Зинзивер» за 2015 год. В 2018 году увидела свет книга «Дизайн в пространстве культуры».

В 2023 году состоялась премьера поэтического переложения Книги Экклезиаста.

стр.
138

Ломтев Александр Алексеевич
Саров, 1956 г. р.

Родился в селе Пуза (ныне Суворово) Нижегородской области. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Работал инструктором служебного собаководства, кино-механиком, мастером по сложной бытовой технике, электромонтёром, корреспондентом газеты. Прозаик, публицист, путешественник. Основатель и издатель общественно-политической газеты «Саров» и культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь», а также приложения к первой «Знай наших». Являясь их учредителем и главным редактором, как журналист, специализирующийся на «горячих точках», неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии; во время кризиса был у стен Белого дома, позже освещал происшествие в «Норд-осте». Председатель общероссийской медийной организации «Клуб главных редакторов региональных СМИ России». Автор книг «Путешествие с ангелом» (премия СП России «Имперская культура» 2006 года, финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытие года»), «Ундервуд», «Пепел памяти», «Шёпот неба», «Лента Мёбиуса», «365», повестей «Финский дом», «Ичкерияда», «Не бойся» и др. Публиковался в журналах «Север», «Нева», «Сибирские огни», «Роман-журнал XXI век», «Волга», «Луч», «Южная звезда», «Дальний Восток», «День и ночь» и других литературных, научно-популярных и общественно-политических журналах в России и за рубежом. Автор четырёх персональных выставок графики. Лауреат премий «Патриот России», «Золотой гонг», «Серебряное перо» и т. д. Лауреат международного литературного конкурса имени А. Куприна. Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Заместитель председателя правления Нижегородской областной организации СП России.

стр.
69

Лучин (Лузин) Олег Алексеевич
Красноярск, 1972 г. р.

В студенческие годы был членом литературного круга «АЗ» города Кемерово. Имеет высшее гуманитарное образование. Работает в сфере образования Красноярского края. Финалист литературного конкурса «Мгинские мосты», лауреат международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2021», финалист Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Яблочный Спас», финалист и участник других конкурсов и премий. Печатался в изданиях «День и ночь», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Литтега нова», «Дальний Восток», в различных авторских сборниках.

стр.
5

Малашин Геннадий Викторович
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт, прозаик, публицист, режиссёр, педагог. Руководитель информационно-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии РПЦ, профессор кафедры гуманитарных и филологических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Родился в селе Ермаковском Красноярского края. По окончании в 1977 году Красноярского педагогического института преподавал в школах края. С августа 1981 года в течение 20 лет работал на Красноярской телестудии. В 1993 году с коллегами создал творческое объединение «Русские вечера», до сентября 2000 года еженедельно выходившее в краевой эфир. С 2011 года является секретарём Общественного совета Красноярской митрополии по науке, культуре и образованию, с 2014 года — ответственным секретарём Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-историческому наследию.

стр.
109

Мамаенко Анна Ивановна
Краснодар, 1982 г. р.

В 2005 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Стихотворения публиковались в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Знамя», «Юность», «Плавающий мост», «Урал», «Новая Юность», «Дагестан», «Алтай», «Кольцо „А“», «Литературная учёба», «Традиции и авангард», «Донъ», «Слово Забайкалья», «Симбирск», «Российский писатель», «Голос эпохи», «Звезда Черноморья», «День и ночь», «Чаша круговая», «Складчина»; в «Литературной газете», «Независимой газете — Ex Libris» и других печатных и интернет-изданиях.

стр.
120

Никонова Ольга Михайловна
Ярославль, 1975 г. р.

Родилась в Ярославле. Создатель и ведущая Мастерской рассказа «Этажерка», психолог, автор нескольких сборников рассказов, финалист международной литературной премии имени Фазиля Искандера, лауреат литературной премии имени Пассека, член ПЕН-центра. Входила в шорт-лист премии журнала «Урал» за лучший рассказ года, в лонг-лист премии имени Ф. Абрамова. Публиковалась в разных журналах и альманахах.

стр.
45

Орлов Александр Владимирович
Москва, 1975 г. р.

Поэт, прозаик, историк, критик. Родился в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, права, и литературы в ГБОУ «Школа № 1861 „Загорье“». Автор стихотворных

сборников «Московский кочевник» (2012), «Белоснежная пряжа» (2014), «Время вербы» (2015), «Разнозимье» (2017), сборника малой прозы «Кравотынь» (2015), книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси» (2015), книги стихов «Епифань» (2018). Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А. П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф. Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Обладатель золотого диплома VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016); лауреат VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017); обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» за стихотворную книгу «Разнозимье» и в благословение за труды, понесённые на ниве духовного просвещения и издательской деятельности; лауреат XIII Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2018) за книгу стихов «Епифань». Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия» «Литературная учёба», «Лучик», «Наш современник», «Подъём», «Православная Москва», «Сибирские огни», «Учительская газета», «Юность», антология стихотворений выпускников, преподавателей и студентов Литературного института имени А. М. Горького «Поклонимся великим тем годам», антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!».

стр.
170

Романенко Татьяна Борисовна
Ангарск, 1969 г. р.

Детский писатель. Родилась в Чите. С 1981 года проживает в Ангарске. Работала журналистом в городской газете «Защита» и журнале «Любимая», вела колонки для детей. В данный момент работает менеджером на мебельной фабрике. Публиковалась в пяти коллективных сборниках издательства «Кубик», в серии «Сказки на ночь», а также в детских журналах «ПростоКваша» (Волгоград), «Бералла» (Грозный), «Енисейка» (Красноярск), «Детское чтение для сердца и разума» (Москва), в журналах для семейного чтения «Признание» (Ангарск), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Рафинад» (Ангарск). Победитель международного конкурса «Напишем книгу» (2022, 2023). Автор книг «Приключения Пухлика и его друзей» (2017), «Сказочные приключения» (2021), «Байкальская Атлантида» (2023).

стр.
183

Рычкова Дарья Дмитриевна
Санкт-Петербург

Родилась в Астраханской области, в военном городке Ахтубинске. В 2024 году поступила в СПбГУ на факультет журналистики. Работает в разных литературных и журналистских жанрах.

стр.
39

Рябеченков Николай Минаевич
Дивногорск, 1941–1995

Поэт, журналист, строитель Красноярской ГЭС. Родился 29 ноября 1941 года в Смоленской области. Умер 14 июня 1995 года в Дивногорске. Окончил Ростовской кинотехникум, Литературный институт имени А. М. Горького (1973). По окончании техникума работал киномехаником, слесарем, электриком. В 1961 году 20-летний поэт приехал в Сибирь. Работал на стройке ГЭС и города Дивногорска, за что получил знак «Строитель Красноярской ГЭС» из рук начальника «Красноярскгэсстрой» А. Е. Бочкина. Когда в 1966 году строительство завершилось, остался жить в Дивногорске и Красноярске. Сотрудничал с газетой «Огни Енисея» и со многими краевыми изданиями, печатался в коллективных сборниках Красноярска и Москвы, в «Литературной России», в альманахе «Енисей», в антологии одного стихотворения «Час России». При жизни поэта была издана лишь одна его книга «Скит».

стр.
158

Рязанцев Александр
Москва, 1998 г. р.

Прозаик, журналист, литературный критик. Член Союза журналистов Москвы. Родился в 1998 году в Москве. Окончил Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики», в настоящее время учится в аспирантуре. Рассказы и литературно-критические материалы печатались в периодических изданиях: «Юность», «Традиции & Авангард», «Российский колокол», «Гостинный двор», «Урал», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета — Ex Libris», «Учительская газета», на интернет-портале «Год литературы». Участник арт-кластера «Таврида» (2018), участник и стипендиат 22-го Форума молодых писателей «Липки» (Фонд СЭИП, 2022), участник 23-го Форума молодых писателей «Липки» (Фонд СЭИП, 2023), участник Всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» в Оренбурге (2023).

стр.
179

Саввиных Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Родилась в Красноярске. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне — университет имени В. П. Астафьева). Стихи, проза, публицистика, начиная с 1973 года, печатались в краевой периодике, а позднее в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Москва», «Дети Ра», «Крещатик» и многих других российских и зарубежных изданиях. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Музыкальные произведения на стихи

М. Саввиных создали известные российские композиторы, в том числе О. Проститов, Э. Маркаич, В. Пономарёв и др. Издано более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного всеславянского литературного форума «Золотой Витязь» и других наград за литературную и общественную деятельность. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лица. Главный редактор журнала «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края.

стр.
118

Сарецян Артавад

1957 г. р.

Родился в селе Лечкоп Сухумского района. Выпускник историко-правового факультета Абхазского госуниверситета. Более 30 лет, с 15 октября 1991 года, выпускал газету «Амшен». С 2015 года — ответственный секретарь газеты «Республика Абхазия», с января 2022 года — исполняющий обязанности её главного редактора. Член Союзов писателей Абхазии и Армении. Заслуженный журналист Республики Абхазия. Автор более десяти книг на армянском и русском языках, в том числе двухтомника избранных произведений. Он перевёл на армянский язык абхазские народные пословицы, стихи Д. И. Гулиа, И. А. Когониа, К. К. Агумаа. Б. В. Шинкуба и др., которые вошли во второй том его «Избранного». Лучшие поэтические и прозаические произведения А. Сарецяна вошли в шеститомник «Армянская литература XXI века», изданный Союзом писателей Армении. Пишет на армянском и русском языках. Его личный вклад в дело духовного сближения армянского и абхазского народов отмечен высшей наградой Абхазии — орденом «Ахьдз-Апша» III степени, медалями Армении «Уильям Сароян» и «Посол родного языка». Лауреат Международной литературной премии «Армянские мотивы».

стр.
107

Селезнёва Татьяна Игоревна

Пушкино (Московская область), 1995 г. р.

По образованию — экономист, по трудовой книжке — инженер.

стр.
135

Симакова Евгения Петровна

Красноярск, 1997 г. р.

Родилась в городе Шарыпово. В настоящий момент живёт в Красноярске. Стихи начала писать в средней школе, прозу — в 2019 году. В 2018 году стала участницей международного литературного проекта «Среда разборов», по итогам которого был опубликован сборник произведений участников. Год спустя подборка стихотворений «Наотмашь» была опубликована в сборнике стихотворений

начинающих поэтов Красноярска и края «Столько разных нас». В том же году стихи и рассказы были опубликованы и в других сборниках. В 2020 году подборка стихотворений была опубликована в альманахе «Крымский сад метаморфоз» (Севастополь), изданном при поддержке Министерства культуры РФ, а несколько рассказов — в фантастическом сборнике «Некнига», куда вошли произведения авторов из России, Беларуси и Украины. На 2021 год пришлась публикация цикла стихотворений в сборнике «Зимние легенды» (Красноярск). В 2022 году опубликована первая книга «График смелости» при поддержке Министерства культуры РФ, через несколько недель после презентации стала лауреатом конкурса «Король поэтов» и получила возможность публикации второй своей книги «Когда умирают птицы». В ноябре была опубликована в сборнике лучших произведений Всероссийского литературного конкурса фантастики памяти М. Г. Успенского. В 2023 году стала руководителем писательского клуба в Красноярске на базе «Квартиры академика» и организовала Всероссийский писательский марафон «Сейчас напишем!».

стр.
116

Скрылёва Юлия

Москва, 1987 г. р.

Родилась в Истре (Московская область). Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Евгения Рейна). Автор сборников стихотворений: «Заповедная страна», «Весеннее сумасшествие», «Неуловимое счастье». Произведения публиковались в журналах «Юность», «Нижний Новгород», в «Литературной газете», в альманахах «День поэзии», «ЛитЭра», «Логорифм» и др. Полуфиналист конкурса «Золото русской литературы» в номинации «Поэзия» (2022), дипломант Всероссийского поэтического конкурса «Человеки и коты» (Тольятти, 2023).

стр.
93

Тимченко Николай Николаевич

п. Имбинский (Красноярский край), 1950 г. р.

Родился в предгорье Саян в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в альманахах «Истоки» (Москва, «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

стр.
130

Филиппенко Дмитрий

Ленинск-Кузнецкий, 1983 г. р.

Основатель и руководитель литературного цеха «Образ». С 2013 года — главный редактор литературных альманахов «Кольчугинская осень» и «Образ». Стихи пишет с 15 лет. Автор четырёх книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса», «Зайди за мною жить». Публиковался в журналах

«Огни Кузбасса», «Наш современник», «Берега» и др. Член Союза писателей России.

стр.
50

Харитонов Евгений Николаевич

Белгород, 1985 г. р.

Член Союза белгородских литераторов. Автор двух поэтических сборников: «Абрикосовая осень» (2022) и «Мотыльки» (2023). Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия — За Правду» (2022). Публиковался в периодических изданиях России и стран СНГ: «Литературная газета», «Подъём», «Берега», «Звезда Востока», «День и ночь», «Александръ», «Пересвет», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «Невский альманах», «Воин России», «Краснодар литературный», «Крым», «Северо-Муйские огни» и др.

стр.
117

Хрычёва Алёна Дмитриевна

Москва, 1984 г. р.

Преподаватель математики. Победитель фестиваля «Муза Новороссии» (Краснодон, 2023), призёр (2 место) конкурса «Литкон» (Королёв, 2023). Обладатель специального приза фестиваля современной фронтовой поэзии «Литературная переправа» (Москва, 2023). Финалист национальной литературной премии «Поэт года» за 2023 год, фестиваля «Покровский собор» (Москва, 2024), а также ряда других фестивалей и конкурсов. Автор поэтического сборника «Русский беспилотник над полями лжи». Соавтор нескольких коллективных поэтических сборников.

стр.
110

Цыганкова Яна Геннадьевна

Воронеж, 1994 г. р.

Работает в ГБУК ВО «Воронежский областной литературный музей имени И. С. Никитина». Участник Всероссийской мастерской для молодых авторов «Мир литературы. Новое поколение», Форума молодых литераторов, слёта молодых литераторов, «Поэтических штудий» в рамках проекта «Механика памяти», Зимней школы поэтов, а также всероссийских совещаний от Союза молодых литераторов при СПР. Финалист и призёр всероссийских литературных конкурсов «Зелёный листок» (2021), «Русский Гофман» (2021), «Хрустальный родник» (2022), «Остров надежды» (2023), «Северная звезда» (2023), «Великий праздник молодости чудной» (2024) и др. Публиковалась в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Веретено», в газете «Мысли (!)», а также в региональных и конкурсных альманахах. В 2023 году по стипендии СРП издала первую книгу стихов «По ту сторону».

стр.
47

Черкесов Валерий Николаевич

Белгород, 1947 г. р.

Родился в городе Благовещенске Амурской области. Более 45 лет проработал в газетах Приамурья

и Белгородчины, был собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Центральному федеральному округу. Первая большая поэтическая публикация состоялась в 1969 году в альманахе «Приамурье моё» (Амурское отделение Хабаровского книжного издательства). Автор 25 книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Стихи и проза печатались во многих столичных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах, в том числе в журналах «Наш современник», «Москва», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Аргатак», «Подъём», «Берега», «Дальний Восток», «День и ночь», «Север» и др. В Союз писателей СССР (России) был принят 30 марта 1991 года. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Международной литературной премии «Проходное поле», литературной премии имени Леонида Завальнюка, дипломант IV Международного литературного форума «Золотой Витязь». За литературную деятельность награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской» II и I степеней.

стр.
128

Черных Наталия Борисовна

Москва, 1969 г. р.

Родилась на Южном Урале, училась во Львове (1985–1986), с 1987 года живёт в Москве. Работала библиотекарем в Литературном институте имени А. М. Горького, техником на киностудии «Союзмультфильм», преподавателем в средней школе № 64 города Электросталь, где вела факультатив по поэзии Серебряного века, переводчиком в издательстве «Терра» («Соглашение кузницы» и «Письмена на ножнах меча» из серии «Копьё дракона»), рецензентом в издательстве АСТ и т. д. В 1990 году дебютировала в самиздате сборником стихотворений «Абсолютная жизнь». В 1993 году состоялась первая официальная публикация стихов — в парижской газете «Русская мысль». В середине 1990-х годов примыкала к Союзу молодых литераторов «Вавилон», публикуясь в одноимённом альманахе, и входила в литературную группу «Междуречье», участвуя в выпускаемых ею сборниках; занималась также бук-артом. В 1996 году в издательстве «АРГО-РИСК» вышла первая книга стихов «Приют», за которой последовал ряд других; сборники стихов Черных иллюстрирует собственными рисунками. В дальнейшем стихи публиковались также в журналах «Новый мир», «Воздух», «Волга», «Союз Писателей» и др. Весной 2001 года стала лауреатом II Свято-Филаретовского конкурса религиозной поэзии. С 1999 года выступает также как автор статей и эссе о русской классической и современной литературе.

.....

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Марина Наумова-Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Косяков

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Владимир Безбатченко

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Владислава Васильева

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

.....

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает
в переписку. Рукописи
не рецензируются и не воз-
вращаются. Ответственность
за достоверность фактов
несут авторы материалов.
Мнение редакции может
не совпадать с мнением
авторов. При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«День и ночь» обязательна.

.....

Учредитель:

Агентство печати
и массовых коммуникаций
Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск,
ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
п/и № ФС 77-42931 от 9 декабря
2010 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Издатель:

Краевое государственное автономное
учреждение «Организационно-
методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анастасия Астафьева

Костромская область

Александр Астраханцев

Красноярск

Наталья Ахпашева

Абакан

Юрий Беликов

Пермь

Александр Герасимов

Калининград

Лидия Довыденко

Калининград

Вера Зубарева

Филадельфия

Ирина Иваськова

Анапа

Александр Кердан

Екатеринбург

Станислав Колчин

Калуга

Сергей Кузнечихин

Красноярск

Андрей Лазарчук

Санкт-Петербург

Татьяна Масс

Париж

Евгений Минин

Иерусалим

Миясат Муслимова

Махачкала

Александр Орлов

Москва

Анна Сафонова

Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев

Москва

Нина Ягодинцева

Челябинск

В оформлении обложки
использованы фотографии
скульптур Г. Зодбоева

.....

Рукописи принимаются
по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, 57;
Медиацентр

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.10.2024
Дата выхода в свет: 30.10.2024
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +79048950340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

.....

16+

Гэсэр Зодбоев | Воин подземного мира. Бронза, литьё, дерево, патина. 32х36х26.

Гэсэр Зодбоев | Тигр. Бронза, литьё, дерево. 13х8х6,5.

Гэсэр Зодбоев

Степная Нефиртити. Бронза, литьё, патина. 46x18x20. 2006 г.

на обложке:

Гэсэр Зодбоев

Первый снежок. Бронза, литьё, дерево, патина. 21x19x19.